

БИДЖОЙ ГУПТО
СКАЗАНИЕ О ПАДМЕ

কবি বিজয়গুপ্তের
পদ্মা পুরাণ

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

С

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1965 ГОДУ

« НАУКА »
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИДЖОЙ ГУПТО
СКАЗАНИЕ О ПАДМЕ
(ПОДМАПУРАН)

ПЕРЕВОД С БЕНГАЛЬСКОГО,
ПРЕДИСЛОВИЕ, КОММЕНТАРИЙ
И ПРИЛОЖЕНИЯ И.А. ТОВСТЫХ

МОСКВА • 1992

ББК 84.5(Инд)
Б60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

О. Ф. Акимущкин (зам. председателя), *С. С. Аревшатян*, *А. Н. Болдырев*,
Г. М. Бонгард-Левин (зам. председателя), *Г. Ф. Гирс* (зам. председателя),
В. Н. Горегляд, *П. А. Грязневич*, *Д. В. Деоник*,
И. М. Дьяконов (председатель), *Г. А. Зограф*, *Дж. В. Каграманов*,
У. И. Каримов, *Е. И. Кычанов*, *Л. Н. Меньшиков*, *Е. П. Метрели*,
Э. Н. Темкин (отв. секретарь), *А. Б. Халидов*,
С. С. Цельникер, *К. Н. Юзбашян*

Ответственный редактор
И. Д. Серебряков

Редактор издательства
Н. Г. Михайлова

Биджой Гупто

Б60 Сказание о Падме (Подмапуран). Пер. с бенг., предисл., коммент. и прилож. И. А. Товстух.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992 (Памятники письменности Востока. С)— 255 с.
ISBN 5-02-017242-1

«Сказание о Падме» Биджой Гупто (конец XV в.) представляет собой эпическую поэму с религиозно-мифологическим содержанием. В ней мы находим переложение мифов, посвященных богине змей, культ которой очень древен и сохранился в Индии до наших дней. Произведение принадлежит к народной культуре бенгальского средневековья, в нем отражено народное сознание той эпохи. Перевод поэмы сделан в прозе.

Б $\frac{4703020200-004}{013(02)-92}$ 136-91

ББК 84.5(Инд)

ISBN 5-02-017242-1

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1992

Полный список книг серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» за 1959—1985 гг. опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий. 1959—1985». М., 1986. Ниже приводится список книг, вышедших в свет после публикации каталога и готовящихся к изданию.

- XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IV. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1986.
- XXXII, 5. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. V. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1987.
- XXXII, 6. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VI. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Т. I. Перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указатели, оглавление К. К. Курдоева и Ж. С. Мусаэлян. М., 1986.
- LXXIII, 2. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2. Изд. текстов, исслед., пер. с санскрита и коммент. Г. М. Бонгард-Левина и М. И. Воробьевой-Десятковской (Bibliotheca Buddhica, XXXIV). М., 1990.
- LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста притч). Пер. с китайского и коммент. И. С. Гуревич. Вступит. статья Л. Н. Меньшикова. М., 1986.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеармянского и примеч. М. О. Дарбилян-Меликян и Л. А. Ханларян. Вступит. статья С. С. Аверинцева. М., 1988.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, введ., коммент. и глоссарий О. М. Чунаковой. М., 1987.
- LXXIX. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с турецкого, коммент. и введ. И. Е. Петросян. М., 1987.
- LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1987.
- LXXXI, 1—4. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149—1169). Изд. текста, пер. с таггутского, исслед. и примеч. Е. И. Кычанова. В 4-х кн. Кн. 1. Исследование. М., 1987.
Кн. 2. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 1—7). М., 1987.
Кн. 3. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 8—12). М., 1989.
Кн. 4. Факсимиле, пер., примеч. и глоссарий (гл. 13—20). М., 1989.
- LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сань-цзан цюй цзи шихуа). Пер. с китайского, исслед. и примеч. Л. К. Павловской. М., 1987.
- LXXXIII. 'Аджа' иб ад-дунйа (Чудеса мира). Критич. текст, пер. с персидского, введ., коммент. и указатели Л. П. Смирновой. М. 1990.
- LXXXIV. Али ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ал-Фахри. Китаб талхис ал-байан фи зикр ахл ал-фирак ва-л-адйан (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер). Факсимиле ру-

- копсии. Изд. текста, вступит. статья, краткое изложение содержания, примеч. и указатели С. М. Прозорова. М., 1988.
- LXXХV. Аннамбхатта. Тарка-санграха («Свод умозрений») и Таркадипика («Разъяснение к своду умозрений»). Пер. с санскрита. Исслед. и примеч. Е. П. Островской. М., 1989.
- LXXХVI. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В. И. Рудого (Bibliotheca Buddhica. XXXV). М., 1990.
- LXXХVII. Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Изд. текста, вступит. статья, пер. с тангутского, коммент. и прилож. К. В. Кенниг. М., 1990.
- LXXХVIII. Вопросы Милинды (Милиндапаньха). Пер. с пали, исслед. и коммент. А. В. Парибка (Bibliotheca Buddhica. XXXVI). М., 1989.
- LXXХIX. Дзаами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн), или Предание о цветке (Кадэнсё). Пер. со старояпонского, вступит. статья и примеч. Н. Г. Анариной. М., 1989.
- XC. История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. с монгольского, исслед. и коммент. А. Г. Садыкина (Bibliotheca Buddhica. XXXVII). М., 1990.
- XCI. Махабхарата. Т. VIII. Карнапарва (Книга о Карне). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1990.
- XCII. Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та'рих и Ардалан). Пер. с персидского, примеч. и предисл. Е. И. Васильевой. М., 1990.
- XCIII. Великое зеркало (Окагами). Пер. со старояпонского, исслед. и коммент. Е. М. Дьяконовой.
- XCIV. Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские назидательные тексты. Введ., транскрипция, пер., коммент., глоссарий и указатели О. М. Чунаковой.
- XCv. Рабир. Грантхавали (Собрание). Пер. с браджа, вступит. статья и коммент. Н. Б. Гафуровой.
- XCVI. Ме'ор айин («Светоч глаза»). Караймская грамматика древнееврейского языка. По рукописи 1208 г. Изд. текста, пер., исслед. и коммент. М. Н. Зислина. М., 1990.
- XCvII. Норито, Сэммё. Пер. со старояпонского, коммент. и предисл. Л. М. Ермаковой.
- XCvIII. Та'рих-и Бадахшан (История Бадахшана). Факсимиле рукописи. Пер. с персидского А. Н. Болдырева. Предисл. и примеч. С. Е. Григорьева. М., 1990.
- XCIX. Хуэй цзяо. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэчжуань). Раздел 1. Переводчики. Пер. с китайского, исслед. и коммент. М. Е. Ермакова (Bibliotheca Buddhica. XXXVIII). М., 1990.
- CI. Васубандху. Абхидхармакоша-бхашья (Комментарий к энциклопедии Абхидхармы). Раздел III. Лока-пирдеша (Учение о мире). Пер. с санскрита В. И. Рудого, введн. статья и коммент. Е. П. Островской и В. И. Рудого (Bibliotheca Buddhica. XL).
- CIИ. Каталог ленинградского рукописного Ганджура. Сост., введ. транслитерация и указатели З. К. Касьяненко (Bibliotheca Buddhica. XXXIX).
- CIИИ. Ким Чегук. Новеллы. Факсимиле. Изд. текста, пер. с корейского, предисл. и примеч. Д. Д. Елсеева.
- CIIV. Мухаммад ибн ал-Харис ал-Хушани. Книга о судьбах. Пер. с арабского, предисл. примеч. и указ. К. А. Бойко.
- CIV. Угаритский эпос. Пер., коммент. и исслед. И. Ш. Шифмонта.
- CVI. Шамс ад-Дин Мухаммад б. Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (Ал-Муджам фи ма'айир аш'ар ал-'аджам). Пер. с персидского, введ. и коммент. Н. Ю. Чалисовой.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Сказание о Падме. Перевод	37
Комментарий	203
Приложения	
Словарь мифологических имен	239
Список сокращений	242
Указатель	243
Summary	254

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поэма Биджоя Гупто о богине змей Моноше «Подмапуран» (Padmāpurāna; далее — ПП) принадлежит к основному жанру бенгальской средневековой литературы — *монголкаббо* (далее — МК). В Восточной Бенгалии произведения этого жанра часто называли пуранами по аналогии со средневековыми эпическими поэмами о богах на санскрите — сказаниями, в хронологическом отношении очень разнослойными и создававшимися в течение VI—XV вв. МК — это большие эпические поэмы (в ПП более 11 тысяч строк), прославляющие деяния Чанди, Моноши и других богинь, богов Шивы и Дхормо. В XV—XVII вв. МК представляли собой эпические сказания с религиозно-мифологическим сюжетом, свойственны им и элементы драмы. В средние века они часто исполнялись в религиозно-обрядовых целях. Подобный синкретизм сближает МК с произведениями фольклора.

Как и другие МК, поэма Биджоя Гупто предназначалась не для индивидуального чтения, а для коллективного слушания. Как правило, МК пелась не одним певцом, ему подпевали другие певцы, и скорее всего она разыгрывалась как своего рода театральное действо¹. Свидетельства этому мы находим как в самом тексте поэмы, так и в тех пометках, которые имеются в ее списках. В них указывается, какие строки поются как припев (см. песни 12, 15, 18, 22, 24, 38, 58 и др.), отмечается название *раг* — мелодий, на которые поются те или иные фрагменты поэмы (см. песни 164, 174). В самом стихотворном тексте, обычно в конце песен, дается прямое указание певцу, как дальше петь, например: «Теперь, певец, сказывай печальным лачарп» (песня 70). Дошедшие до нас списки предназначались прежде всего для исполнителей МК — профессиональных, часто бродячих певцов.

Обычно МК полностью исполнялись (да и сейчас поются) во время ежегодного религиозного праздника, посвященного тому или иному божеству. Исполнялись они долго, не один день. Восемь дней пелись МК о Чанди и Моноше, а сказания о Дхормо —

¹ Описание исполнения МК о богине Чанди в первой половине XIX в. см.: ЧМ, ч. I, с. 20—21.

целых двенадцать дней. В рукописях МК часто делились на *палы* (pālā) — части, каждая из которых исполнялась за один день или ночь. Так, *Чондимонгол* Мукундорама делится на 16 пал, которые исполнялись восемь дней и ночей². Заключительная часть, исполнявшаяся ночью, называлась «бодрствование» (jāgrana), а в Восточной Бенгалии — иногда «ночная» (gāyāni ← ← rajanī)³. Причем божество призывалось спизойти в собрание и послушать сказание, сложенное в его честь; это говорит о том, что исполнение МК было частью ритуала. Об этом свидетельствует и то, что начинаются все МК молитвой — славословием, обращенным ко всем богам (см. песню 1). Слушание и исполнение МК почитались актом благочестия и одним из видов поклонения божеству, сулили его покровительство. «Тот кто с радостью в сердце будет слушать песнь обо мне, моей милостью обретет много разных сокровищ и счастья! Бездетный получит сына, бедняк — богатство. Больного отпустит недуг, узник обретет свободу», — говорит сама Моноша в III (песня 2). Таким образом, вокруг МК в средние века существовал ореол сакральности. Поэтому Биджой Гупто не по своему желанию начинает сочинять поэму: во сне он получает приказ божества. Моноша сама рассказывает ему о своих деяниях (песня 2). Этот мотив «ниспослания вдохновения свыше» был общим местом для всех бенгальских МК. В средние века МК были не просто разновидностью литературного творчества, а компонентом религиозно-ритуального обихода и, следовательно, имели прикладное, художественно-утилитарное значение.

* * *

По бенгальским МК можно проследить развитие и изменение индуизма в средние века, поглощение им культов, существовавших среди автохтонного населения до арианизации бенгальских территорий⁴. Возникновение и распространение культа бенгальской богини — повелительницы змей Моноши (Manasā) — одна из самых загадочных страниц средневекового индуизма, которая до конца еще не прочитана индийскими и западными исследователями. «Вызывает удивление, — пишет американский ученый Э. С. Даймокс, — что, хотя Моноша обладает властью над змеями и ее действия иногда змееподобны, она представляет собой богиню в человеческом облике»⁵.

Само возникновение культа богини змей на территории современных Ассама, Бихара и Бенгалии естественно. Ведь эту часть Индийского субконтинента отличает очень влажный тропический и субтропический климат, что делает ее благоприятным местом

² ЧМ, ч. I, с. 26; Smith, с. 28.

³ III. Шен, с. 186.

⁴ Об этом см., например: Clark, с. 503—508.

⁵ Dimock, с. 311.

для обитания всякого рода змей. И змеи с незапамятных времен не могли не вызывать у людей ужас и страх, стремление умиротворить их.

Отголоски поклонения змеям в Индии в далекой древности мы находим в *Атхарваведе*, сборнике заговоров и заклинаний, созданном в начале I тысячелетия до н. э. Около десяти заговоров *Атхарваведы* направлено на исцеление от различных ядов, главным образом змеиных⁶. В некоторых из этих заговоров звучит мотив почитания змей⁷. Весьма возможно, в них отразились верования племен, населявших Индию до пришествия индоариев. В *Ригведе* (приблизительная датировка — вторая половина II тысячелетия до н. э.) мы не находим следов поклонения змеям как животным, хотя демон Вритра, олицетворение космического хаоса, препятствовавший акту творения и убитый за то громовержцем Индрой, имеет змееподобный облик⁸.

Один из военачальников Александра Македонского, участвовавший в индийском походе (IV в. до н. э.), видел огромных змей, которые жили в горных пещерах и были объектом поклонения у индийцев⁹. Поклонение живым змеям сохранилось во многих местах Индии до наших дней. В *Ашвалаяна грихьясутре* (*Asvālayana grhyasūtra*), санскритском сборнике наставлений в домашних и семейных ритуалах (приблизительная датировка — вторая половина I тысячелетия до н. э.), впервые в индуистской ритуальной литературе зафиксировано поклонение «змеиным божествам» (*sarpadevatā*)¹⁰: их следует почитать возлиянием воды (змеи во всех древних мифологиях мира связаны с водной стихией) на чистую землю в восточной стороне, повторяя мантру (заклинание) «сваха» (*svaha*). Это говорит о том, что культ змей уже вошел в брахманическую традицию.

Определенный этап обожествления в Индии змей связан с возникновением культа пагов (*pāga*), полубожественных антропоморфных существ, живущих в подземном царстве — патале. В мифологии индуизма они изображаются с верхней частью туловища человеческой и нижней — змеиной. Нагами назывались монголоидные племена, обитавшие в лесах Северо-Западной Индии еще до прихода ариев и в I тысячелетии н. э. продолжавшие жить первобытнообщинным укладом. Кобра была их тотемом, объектом поклонения и устного мифотворчества. Со временем носители этого поклонения и сам предмет поклонения контаминировались в сознание пришлых индоариев, и родился культ на-

⁶ См.: Атхарваведа. Избранное. Пер., коммент. и вступ. ст. Т. Я. Елизаренковой. М., 1976, с. 89—95.

⁷ Там же, с. 89 (VI.56.1—3), 95 (X.4.23).

⁸ См.: Ригведа. Избранные гимны. Пер., коммент. и вступ. ст. Т. Я. Елизаренковой. М., 1972, с. 111—113 (I.32).

⁹ А. Бхоттачарджо, с. 166.

¹⁰ Там же, с. 169—170; Dimock, с. 312—313.

гов — полузмей, полулюдей¹¹. С нагами связан цикл легенд, которые мы находим в первой книге *Махабхараты*. Позднее часть этих мифов была переосмыслена и переадресована богине Моноше. Появление культа нагов в древнюю эпоху не вытеснило почитания змей, как таковых. В средневековых бенгальских произведениях, в первую очередь эпических поэмах о Моноше, слова *naḡa* и *saḡra* стали синонимами и означают «змея».

В древнеиндийских памятниках словесности на санскрите нет никаких упоминаний о какой-либо богине змей, тем более о Моноше. Впервые мы встречаем имя Моноши и краткий пересказ мифов о ней в упануранах (малых пуранах) — *Брахмавайварта пуране* (*Brahmavaivarta purāna*), *Пракритикханда* 46.11—24; *Девибхагавата пуране* (*Devībhāgavata purāna*) 9.48.10—13, а также в *Брихаддхарма пуране* (*Brhaddharma purāna*)¹². Данные произведения были созданы бенгальцами в период с XII по XVI в. От этого же периода сохранились скульптурные изображения Моноши. Все это говорит о том, что культ богини змей уже стал составной частью бенгальского средневекового индуизма.

В это же время складываются и эпические сказания о Моноше. Для того чтобы ввести Моношу в индуистский канон, упанураны переосмысливают мифы о святых подвижниках-молчальниках (*muni*) Кашьяпе (*Kaśyapa*, бенг. Кошшоп) и Джараткару (*Jaratkāra*, бенг. Джороткару), записанные в первой книге *Махабхараты*. Кашьяпа, отец нагов и их царя Васуки (*Vāsuki*, бенг. Башуки) становится отцом Моноши, Джараткару — ее супругом (в *Махабхарате* он женится на сестре Васуки). В поэме Биджой Гупто Васуки уже сын богини, а не брат (песня 39). Упанураны делают Моношу и матерью знаменитого Астики (*Āstika*, бенг. Астик), который спас змей от полного истребления их царем Джанамеджаей.

Упанураны пытаются объяснить и само имя богини, создавая на основе народной этимологии (санскр. *manas*, разум → *Manasā*) миф о ее рождении: «Однажды людьми на земле овладел страх перед змеями. Обратились они за защитой к Кашьяпе, достойнейшему из святых подвижников. И тогда он с помощью разума сотворил ее, владычицу заклинания [от змей]. Так как она была создана благодаря его подвижничеству и силе его ума, ее прозвали Манасой»¹³.

Споры по поводу происхождения имени богини ведутся до сих пор. Например, Кхитимохон Шен выводит его из дравидийского

¹¹ Подробно о почитании змей в Индии и о нагах см.: *Vogel J. Ph. Indian Serpent-lore or the Nāgas in Hindu Legend and Art. L., 1926; А. Бхотгачарджо, с. 170—171.*

¹² *Haḡra, с. 313, 315, 322, 333, 404, 425, 432.*

¹³ Цит. по: А. Бхотгачарджо, с. 193—194. Здесь дается санскритское произношение имени богини.

имени невидимой змеи, поклонение которой существовало в Керале: Маїсһапта или Манас-апта (мать Манача)¹⁴. А. Бхоттачарджо высказывает предположение, что культ богини змей был заимствован бенгальцами с дравидийского юга Индии¹⁵. В мифологии упануран Моноша предстает как богиня — повелительница змей, наделенная одной лишь функцией — быть охранительницей от змеиных укусов, и занимает она в индуистской божественной иерархии невысокое положение. В бенгальских же МК она претендует на высокое место среди богов. Здесь она не просто ученица Шивы, а его дочь. Ей приписываются даже функции богини счастья и богатства Лакшми (песни 1, 2 и др.). Обладает она и двумя на первый взгляд взаимоисключающими ипостасями: она и погубительница и исцелительница, она насылет смерть и воскрешает из мертвых. Она наделяет женщин способностью к деторождению. Эта ее функция связана, несомненно, с тем фактом, что змеи (это прослеживается во многих архаических культурах мира) являются символом плодородия, женской производящей силой, фаллическим символом¹⁶. Вероятно, поэтому в бенгальских МК ей прежде всего поклоняются женщины. Возможно, первоначально она была только женской богиней. Так рыбак Джалу подаренный Моношей золотой горшок, перед которым творят поклонение богине, передает своей матери (песня 74). Биджой Гупто неустанно подчеркивает, что Шонока и Беула поклоняются ей «с младенческих лет». Только благодаря почитанию Моноши Шонока родила семерых сыновей. До сих пор в Бенгалии существуют священные места, связанные с поклонением Моноше. Обычно там растет дерево, на которое бездетные женщины вешают лоскутки, привязывают камешки, испрашивая у богини потомство¹⁷. В этом обычае также отразилось некогда существовавшее архаическое верование в то, что дух дерева способен одарять потомством¹⁸. Моноша в бенгальских МК наделена чертами богини-Матери, символизирующей плодородие, женскую созидательную энергию (шакти), культ которой был распространен у местных неарийских племен. Слово «мать» (Mātā) в тексте «Сказания о Падме» воспринимается как собственное имя богини.

Некоторые скульпторы изображают Моношу держащей на руках младенца¹⁹. Как покровительница деторождения, она удивительно напоминает другую бенгальскую богиню — покровительни-

¹⁴ Подробно об этой и других гипотезах см.: Ш. Шен, предисловие, с. XXX—XXXI; А. Бхоттачарджо, с. 185—187; Х. Бхоттачарджо, т. 3, с. 139—140; Dimock, с. 315—316; Smith, с. 15.

¹⁵ А. Бхоттачарджо, с. 188.

¹⁶ См.: Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980, с. 468—471.

¹⁷ Mahapatra, с. 139.

¹⁸ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980, с. 129—141.

¹⁹ О скульптурных изображениях Моноши см.: А. Бхоттачарджо, с. 188—192; Х. Бхоттачарджо, т. 3, с. 127—128.

ду детей Шостхи (Sasthī), которой поклоняются на шестой и двадцать первый день после рождения ребенка²⁰. Так, в песне 131 говорится, что Шонока всю ночь поклонялась Шостхи на шестой день после рождения Локхиндора.

Часто Моношу почитают как исцелительницу тяжелых и неизлечимых недугов²¹. И некоторые бенгальские ученые сравнивают ее в этом плане с ведийской богиней реки Сарасвати, ставшей в послеведийское время богиней речи, красноречия и мудрости²².

Стремление повысить божественный статус Моноши, узаконить ее в рамках индуизма приводит к тому, что она объявляется иногда ипостасью богини Чанди, супруги Шивы. В конце III (песня 224) Чанди, дабы убедить купца Чандо совершить жертвоприношение Моноше «не левой рукой», говорит, что она и Моноша едины и являются воплощениями одного божества. Это утверждение вступает в противоречие с ярким описанием в сказании той вражды, которая существует между мачехой и падчерицей. Несомненно, эта идея привнесена в мифы о Моноше в более позднее время и принадлежит она жрецам-брахманам.

Хотя вслед за бенгальскими учеными мы все время называем бенгальскую богиню змей Моношей, но это не единственное ее имя и даже не самое распространенное. Например, в бихарских вариантах сказания это имя совсем не встречается. Да и часть современных поклонников знает ее под другими именами²³. В восточнобенгальских вариантах сказания, в частности в поэме Биджоя Гупто, она чаще всего выступает под именем Падмавати (Padmāvati, бенг. Подмоботи) или Падма (бенг. Подма). В песне 20 устами самой богини дается толкование этого имени как «рожденная в лотосовых зарослях». Но самым распространенным и, пожалуй, самым древним ее именем является Бишохори (Visahari) — «От-яда-исцелительница». Шукумар Шен считает, что первоначально оно звучало Бишодхари (Visadhari) — «Хранительница/Держательница яда»²⁴.

Часто в поэме купец Чандо, чтобы оскорбить богиню, называет ее Кривой (Одноглазой) — Kāni (см., например, песни 60, 120 и др.). В песне 46 Падма признается, что мачеха Чанди выбила ей глаз в драке. Скорее всего это имя первоначально не было бранным. Ведь и Кадру, супруга Кашьяпы и прародительница нагов, живущих в подземном мире, по мнению Кейпера,

²⁰ Подробно об этом см.: Dimock E. C. Manasā, Goddess of Snakes. The Sasthī Myth.— Myth and Symbols. Studies in Honor of Mircea Eliade. Chicago, 1969, с. 217—226.

²¹ Mahapatra, с. 139.

²² Подробно об этом см.: Ш. Шен, с. 188—190; Х. Бхоттачарджо, т. 3, с. 128—131.

²³ Smith, с. 15.

²⁴ Ш. Шен, предисловие с. XXXII.

была одноглазой (слепота — важный значимый признак обитателей подземного мира)²⁵. В одном из вариантов мифа о Моноше существует такой эпизод (его нет в поэме Биджоя Гупто): Чанди раскаленным угольком (или иголкой) лишила Моношу левого глаза. В левой глазнице богиня хранит запасы смертельного яда, оставшегося после того, как она раздала его змеям, скорпионам и другим ядовитым насекомым. Этим глазом Моноша способна убить²⁶. «Ядовитый» взгляд ее левого глаза заставляет небесную танцовщицу Ушу прервать танец (песня 80). Миф о левом ядовитом глазе Моноши, бесспорно, связан с древним и широко распространенным в Индии суеверием о левом, «дурном глазе». Это обычное проявление известной в архаических культурах оппозиции: правый — левый (хороший — плохой). Правый глаз богини исполнен благодати, нектара бессмертия (амриты). Им она может оживить тех, кого убил ее левый глаз. Взглядом правого глаза она облегчает родовые муки Шоноки (песня 128).

Нередко богиню называют Джагатгаури (Jagatgauri, бенг. Джоготгоури); это ее имя толкуется по-разному. По толкованию Х. Бондопадхая, оно означает «Дарующая миру добро»²⁷. Ш. Шен выводит его из Jāgratī — «Бодрствующая»²⁸. Скорее всего это имя заимствовано у Чанди. В поэме встречаются еще два эпитета, относящиеся к Моноше и явно позаимствованные у супруги Шивы: «Мать мира» (Jagater mātā, песня 22 и др.) и «Победоносная» (Jauā, песни 93, 218 и др.).

Богиня змей именуется в поэме и Брахмани (Brahmānī, бенг. Броммани), т. е. супругой (вдовой) брахмана. В облике старой брахманской вдовы Моноша является своим будущим адептам на земле и подвергает их испытаниям (песни 65, 93 и др.)²⁹.

В «Сказании о Падме» Биджоя Гупто отразились наиболее архаические религиозные представления о взаимоотношениях адепта с божеством, базисом которых является мифологическое сознание. Богиня зависит от своих адептов не меньше, чем они от нее. Моноше приходится искать поклонения у людей (пастухов, рыбаков, мусульман, у купца Чандо), доказывать им свое могущество. Она просит, умоляет о жертвоприношении ей и, лишь получив отказ, прибегает к насилию (песни 123, 125 и др.). В этом плане чрезвычайно интересна песня 76, где богиня и адепт равноправны в своих отношениях. Верная поклонница Моноши «с младенческих лет», Шонока торгуется с ней. Моноша согласна благословить ее рождением сына, но предупреждает, что на седь-

²⁵ Кейпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986, с. 165.

²⁶ Ditock, с. 318

²⁷ Х. Бондопадхей с. 916.

²⁸ Ш Шен, предисловие. с. XXXIV.

²⁹ О других именах Моноши, встречающихся в разных бенгальских МК, подробно см.: Ш. Шен, с. 227—229; Smith, с. 15—18.

мой день похитит его. На это Шнока отвечает: «О Мать, подобного благодеяния мне не надо, уволь меня от такой милости!»

В хранящихся в разных бенгальских музеях скульптурных изображениях Моноша предстает обычно, так же как богини Лакшми и Сарасвати, сидящей на лотосе. Над ее головой, образуя зонт, семь кобр, раздувших капюшоны. Иногда она изображается четырехрукой. В руках она держит змею, ветку с листьями, изредка четки или обнимает младенца. Существуют скульптуры Моноши, где она по аналогии с Шивой трехглазая³⁰.

Весьма вероятно, что первоначально доиндуистская богиня змей имела змеиное обличье. В тексте «Сказания о Падме» мы находим некоторый материал, свидетельствующий в пользу этой гипотезы. Так, купец Чандо говорит, что «вороны и цапли клюют Кривую» (песня 149), а Яма — что она «поедает лягушек» (песня 86). Для того чтобы ужалить Чанди, она превращается в исполинскую змею (песня 22). Устрашая кузнецов, она также оборачивается огромной змеей и своим ядовитым дыханием сжигает баньян (песня 151).

Под влиянием пуранической традиции Моноша в бенгальских МК, как и подобает богине, изображается красавицей с золотистой кожей, вьющимися волосами и богато наряженной. Именно такой она является поэту во сне (песня 2). В своем же каноническом облике (*piṅgāra*, букв. «собственный облик») она предстает украшенной только змеями, змей заменяют ей и одежды и косметику (песня 79). В поэме часто говорится, что она может принимать любой облик «по желанию» (*kāmagūre*). Так, чтобы погубить сыновей Чандо, она превращается в пастушку (песня 70); чтобы обмануть жену знахаря Шонку — в ее тетку (песня 65); чтобы похитить чудодейственное полотенце у Чандо — в танцовщицу (песня 60); чтобы узнать, в чем заключена смерть Шонку, — в белую муху (песня 65). Она может превращаться даже в неодушевленный предмет — золотой горшок (песни 71—72). Разъезжает Моноша на змеиной колеснице (*nāgaratha*). Но в некоторых текстах ее ваханой (*vaḥana*, букв. «ездовое животное») является серый гусь (*hāṁsa*), на котором в пуранах ездит богиня Сарасвати³¹.

Поклонение Моноше в наши дни распространено по всей Бенгалии, как Западной, так и Восточной (Бангладеш), а также в прилегающих к ней областях Бихара и Ориссы. Почитание Моноши индусами, которые могут служить классическим примером политеистов, носит факультативный, вспомогательный характер. Ей поклоняются все — и шиваиты и вишнуиты, ища у нее, как правило, защиты от змей. Ежегодно в сезон дождей, когда змеи выползают из нор и наиболее опасны, обряд поклонения им от-

³⁰ Х. Бхоттачарджо, т. 3, с. 127—128.

³¹ Smith, с. 48, 24.

правляют коллективно, а индивидуально — в любой день года. Существует ежегодный праздник в честь Моноши — нагпончони (nāgarāṣaṁī, букв. «пятый день змеи»). В разных районах он падает на разные числа: на пятый день темной³² или светлой половины³³ месяца срабон (июль — август). Часто ежегодное почитание Моноши происходит в последний день месяца бхадра (август — сентябрь) или срабона³⁴. Считается, что в эти дни богиня приходит к людям, чтобы получить от них приношения. Поэтому совсем не случайно в «Сказании о Падме» богиня является во сне поэту именно «в месяце срабон, в воскресенье, пятого дня темной половины» (песня 2).

Поклоняются Моноше в специально посвященном ей в деревне месте (Manasā tala/thān) или в храме — «доме Моноши» (Manasā bāri). Обычно это глинобитная хижина с соломенной крышей. Пастухи в поэме Биджоя Гупто возводят скорее всего такой храм, хотя он и назван «дивным» (песня 51). В тех случаях, когда нет постоянного места поклонения, сооружается временный алтарь пирамидальной формы, в центре которого сажается священное дерево богини — шидж (sija). Название «шидж» имеет целая группа растений в Индии³⁵. Но скорее всего это так называемое дерево Моноши — Euphorbia nerifolia. Это кустарник или небольшое дерево с колючками, цветущее гроздьями маленьких желтых цветов. Его млечный сок используется в индийской традиционной медицине, он считается противоядием от змеиного яда, чем, вероятно, и объясняется священный статус дерева³⁶.

Существенную роль в обряде поклонения Моноше, так же как и другим бенгальским богиням, играет горшок, чаще всего глиняный, наполненный водой. Во всех древних религиях мира горшок символизирует женское лоно, а вода — плодородие³⁷. В поэме Биджоя Гупто перед горшком творят поклонение Моноше пастухи, рыбаки, женские персонажи. Иногда слову «горшок» предшествует определение «разрисованный, расписной» (bicitra). Скорее всего это означает, что на горшке (в Восточной Бенгалии он цилиндрической формы) в средние века, как и теперь, рисовали лицо богини. Иногда горшок украшают лепные изображения змей. Подобные горшки находят при археологических раскопках на Среднем Востоке. Акт поклонения совершают и перед глиняной статуей богини, в Западной Бенгалии они достигают несколько футов в высоту.

Народная форма поклонения Моноше, сходная с описываемой в поэме Биджоя Гупто, в наши дни сохранилась среди неприка-

³² Mahapatra, с. 138; X. Бондопадххай, с. 1185.

³³ Smith, с. 23.

³⁴ Mahapatra, с. 138.

³⁵ Smith, с. 22.

³⁶ Benthall, с. 369—370.

³⁷ Smith, с. 22.

саемых каст дом, баури, багди и др. Они почитают богиню перед горшком или веткой дерева шидж, иногда перед камнем, воспринимаемым ими как изображение богини. Ей подносят сырое молоко, спелые бананы и другие съедобные плоды (ср. с песнями 49—51), приносят в жертву козлов, иногда голубей. В «Сказании о Падме» Моноше приносят в жертву козлов, овец и буйволов (см. песни 51, 75 и др.).

После того как культ богини змей был в средние века воспринят и освоен индуизмом, ей начали поклоняться и в среде высших каст. Отправлением обрядов стал заниматься жрец-брахман. Обряд сделался более формализованным и усложненным в соответствии с той ритуальной схемой, что была выработана индуизмом за долгое время его существования. Современный жрец-брахман, как свидетельствует У. Л. Смит, творит пуджу Моноше перед горшком с водой в соответствии с написанным руководством, в котором каждый его жест, движение строго регламентированы. При этом брахман читает санскритские мантры, фрагменты текста из *Девибхагавата пураны* и *Брахмавайварта пураны*³⁸.

* * *

Давно уже стало банальностью утверждение, что точная датировка произведений средневековой бенгальской словесности и выявление их подлинного автора весьма условны и всегда в большей или меньшей степени гипотетичны, а в некоторых случаях почти невозможны. Увы, поэма Биджоя Гупто не является исключением. Ни автографа поэмы, ни прижизненных копий не существует, а возможно, их не было. Средневековые бенгальские произведения на начальном этапе развития литературы создавались по законам устного, фольклорного творчества. Они передавались из поколения в поколение сказителями-певцами и, конечно, претерпевали различные изменения. Тем не менее (факт сам по себе примечательный и достойный восхищения) поэма не становилась анонимной, не утрачивала имени своего первоавтора, каким бы переделкам певцов и переписчиков его творение ни подвергалось.

Нерушимой традицией^{*} в бенгальской средневековой литературе стало неперменное сохранение имени первопоэта в самом тексте поэмы в сфарагидах, по-бенгальски в бхонитах (bhanitā, букв. «сказанное»). Обычно это двуступишия, носящие часто формульный характер и приобретающие характер общих мест в поэме. Это своеобразная пауза, перебив в повествовании, играющий определенную роль в композиции бенгальских средневековых поэм, как правило очень длинных. В них можно заявить или подтвердить

³⁸ Более подробно см: Mahapatra, с. 139—140; Smith, с. 23—24.

свое право на авторство (см. песни 8, 12, 23, 25, 35 и др.), прокомментировать какой-то эпизод, дать добрый совет персонажу (см. песни 17, 21, 27, 29, 31 и др.), сказать о своей преданности божеству, попросить его о благосклонности к себе, к своим слушателям (см. песни 5, 15, 16, 72 и др.), предупредить певца о смене стихотворного размера (песни 3, 7, 9, 14, 22, 26 и др.).

Из бхонит часто можно почерпнуть, хоть и скудные, биографические сведения о первоавторе. Так, из сфарагид «Сказания о Падме» мы узнаем, что автором ее был Биджой Гупто³⁹ из касты вайдьев (см. песни 6, 38, 86, 89 и др.). Вайдья являлись профессиональной кастой индусских врачей-лечебников, знахарей⁴⁰. В другом месте сообщается, что «дом Биджоя Гупто, лучшего из поэтов, в селении Пхуллосри» (песни 3 и 198). Его современное название — Гойла⁴¹ (Gailā), и находится оно на территории округа Барисал (Barisal, бенг. Борисал), в южной части области Кхулны (Бангладеш). На западе Пхуллосри протекала река Горгор, на востоке — Гхонтешпор (в тексте ПП Гхонтошпор — песня 3). По свидетельству историка бенгальской литературы Ошиткумара Бондопадхая, Горгор поглотило болото, а Гхонтешпор, правда обмелевшая, еще существует⁴². В Гойле имеется храм Моноши с бронзовой статуей богини, строительство которого местное предание связывает с именем Биджоя Гупто⁴³. Так ли это было, судить трудно. Но во всяком случае, поклоняются Моноше здесь издавна. До сих пор в Гойле живут потомки поэта, — правда, не прямые⁴⁴.

Бхониты поэмы дают нам возможность высказать одно предположение. Обычно автор поэмы в них указывал имя своего покровителя (конечно, если таковой существовал), при дворе которого сочинялась и исполнялась поэма. Например, в *Чондимонгол*, посвященной прославлению богини Чанди, Мукундорам Чокроборти сообщает имя своего покровителя — мелкого индусского правителя Башкура Рая⁴⁵. В произведении Биджоя Гупто ничего подобного нет. Но в песне 224 и других мы читаем: «О Падмавати, будь милостива к наёку!» Наёк (nāyeka, букв. «глава, правитель») — здесь хозяин дома; обычно это наиболее уважаемый и состоятельный человек в селении, в доме которого в течение вось-

³⁹ В некоторых списках наряду с именем Биджоя Гупто встречаются и другие имена (исследователи насчитали их двенадцать), которые принадлежали скорее всего исполнителям или переписчикам поэмы. См. ПП, предисловие, с. 13—15; О. Бондопадхай, с. 91.

⁴⁰ Когда лекари оформились в профессиональную касту вайдьев в Бенгалии, неизвестно. Во всяком случае, не раньше XII в. В средние века наряду с кастой каястхов, профессиональных писцов, вайдья пользовались высоким социальным статусом. НВ, т. 1, с. 589—591.

⁴¹ О. Бондопадхай, с. 91, 97

⁴² Там же, с. 97.

⁴³ Там же, с. 98.

⁴⁴ Там же, с. 389.

⁴⁵ ЧМ, ч. 1, с. 52, 56 и др.

ми дней исполнялась III⁴⁶. То есть наёк был временным покровителем, дававшим кров и еду бродячей труппе певцов, исполнявших эпическую песнь. Возможно, Биджой Гупто и был таким бродячим поэтом-певцом.

В бенгальской средневековой литературе существовала традиция, неписаное правило — в больших эпических поэмах обязательно указывать год, когда поэт приступил к созданию поэмы. Эта вполне реалистическая деталь в МК, что само по себе чрезвычайно любопытно, служила для подтверждения весьма сверхъестественного события — явления самого божества поэту во сне и его повеления создать поэму в его честь. Подобная контаминация реального и фантастического — характерная черта средневековой бенгальской словесности.

Обычно год обозначается словесной хронограммой, читаемой справа налево⁴⁷. В песне 2 III имеется такая хронограмма по летосчислению Шаки, начинающемуся с 78 г. н. э.: «Времена года» = 6 (rtu) — «луна» = 1 (śaśi) — «Веды» = 4 (Veda) — «луна» = 1 (śaśi). Получаем 1416 г. эры Шаки, или 1494 г. н. э. Здесь же говорится, что в это время правителем Бенгалии был «султан Хусейн». Хусейн, полное его имя Ала-уд-дин Хусейн-шах, стал правителем Бенгалии не позже 1493 г., о чем свидетельствует найденная золотая монета 1493 г., отчеканенная в его честь. Правил он по 1519 г. Это был самый могущественный и просвещенный мусульманский правитель средневековой Бенгалии. Благодаря походам в Северный Бихар, Камаруцу, Типперу, Чоттограм и другие области он территориально расширил бенгальское государство. Его отличала терпимость к индуизму, и его правление ознаменовалось расцветом бенгальской культуры и литературы. Имя Хусейн-шаха еще при жизни и вплоть до конца XIX в. пользовалось популярностью в народе⁴⁸. Поэтому естественно, что в списках III упоминается его имя, а не какого-либо мелкого местного феодала.

В подтверждение даты — 1494 год — были сделаны интересные астрономические расчеты. Веление сложить песнь во славу **Моноши**, говорится в поэме, поэт получил «в месяце срабон, в воскресенье, пятого дня темной половины, в третью стражу ночи». Согласно расчетам, это могло быть воскресенье 1494 г.⁴⁹.

В некоторых списках мы встречаем еще две словесные хронограммы, дающие более ранние даты — 1400 г. эры Шаки (1478 г. н. э.) и 1406 г. эры Шаки (1484 г. н. э.)⁵⁰, — противоре-

⁴⁶ Х. Бондопадхай, с. 1193.

⁴⁷ Словесные хронограммы восходят к древнеиндийской словесной системе нумерации. См.: *Болодарский А. И.* Древнеиндийские системы нумерации. — Индийская культура и буддизм. М., 1972, с. 85—87.

⁴⁸ НВ, т. 2, с. 142—152; О. Бондопадхай, с. 4—11.

⁴⁹ О. Бондопадхай, с. 97.

⁵⁰ Там же, с. 96—97.

чащие годам правления в Бенгалии Хусейн-шаха, что побудило Ш. Мукхопаддхая высказать весьма спорное утверждение. Он считает, что более ранняя дата написания поэмы предпочтительнее и что Биджой Гупто творил не в правление Хусейн-шаха, а во времена одного из независимых бенгальских султанов, Джалал-уд-дина Фоте-шаха, во владения которого входила «страна Фотоябад...» (песня 3)⁵¹. Хронограмма во втором случае отличается от разобранной выше одним элементом, стоящим на втором месте. Вместо «луна»=1 (śaśi) мы имеем «пустота»=0 (śūnya). Сравнение их написания в бенгальской графике дает возможность сделать предположение, что во втором случае могла иметь место описка переписчика. Наличие разночтений в датах, а также современный язык этого фрагмента, да и всей поэмы⁵², позволили видному исследователю средневековой бенгальской литературы Ш. Шену считать его интерполяцией⁵³.

Проблема языка произведений бенгальской средневековой словесности очень сложна. «Сказание о Падме» Биджоя Гупто, созданное в конце XV в., в течение более трехсот лет жило весьма интенсивной жизнью, исполнялось, записывалось и переписывалось бродячими певцами. Первый издатель текста поэмы Паримохон Дашгупто (1896 г.) в предисловии пишет о своих беседах с бродячими певцами, исполнявшими «Сказание о Падме» Биджоя Гупто в конце XIX в.⁵⁴. Конечно, поэма редактировалась, испытывала влияние меняющихся социально-общественных, культурных и языковых условий. В качестве примера такого редактирования можно привести появление в ткани поэмы вишнуйских мотивов, не связанных с содержанием поэмы и бросающихся в глаза даже при невнимательном чтении. Вишнуйские мотивы могли появиться в поэме только после религиозно-реформаторского движения «бхакти» Чойтонно (Чайтанья, 1486—1533), когда поклонение богу Вишну, особенно в ипостаси пастуха Кришны получило широкое распространение и в Восточной Бенгалии, где до того главным образом было известно тантрическое поклонение Шиве. Весьма любопытно, что это «вишнуйское редактирование» не затрагивает и не изменяет содержания и существа поэмы, а носит внешний, можно сказать, орнаментальный, украшательский характер. И проявилось оно в том, что в текст были внесены определенные формульные выражения. Например, обращение в бхонитах к певцу: «О певец, повторяй имя Хари!» (песни 22, 45 и др.). Или восклицание того или иного персонажа, когда он просыпается: «О Хари, Хари, о Рама,

⁵¹ Более подробно см.: Ш. Мукхопаддхай, с. 123—147.

⁵² О языке списка поэмы, положенного в основу издания ПП, с которого делался русский перевод, см.: ПП, предисловие, с. 40—46.

⁵³ Ш. Шен, с. 249—250.

⁵⁴ Сведения взяты из: О. Бондопаддхай, с. 96.

Рама, о Говинда!» (песни 2, 42 и др.) или когда он в горе (песни 122— припев, 217 и др.).

Что же касается языка ПП Биджоя Гупто, то в нем много слов и грамматических форм XIX в. Как справедливо заметил Опиткумар Бондопаддхай, ни одно средневековое бенгальское произведение, пожалуй за исключением *Шрикришнокиртон* («Песнь о достославном Кришне», XV в.) Чондидаша, не свободно от более поздних языковых слоев⁵⁵.

* * *

По содержанию и художественным особенностям МК о Моноше принадлежат к трем традициям, связанным с тремя географическими районами: северная (ассамская), западнобенгальская и восточнобенгальская. Подробное и очень серьезное сравнительное исследование всех опубликованных поэм о Моноше, принадлежащих к трем традициям, сделал У. Л. Смит⁵⁶. Произведение Биджоя Гупто относится к восточнобенгальской литературной традиции.

Все поэмы о Моноше представляют собой циклизацию мифов о богине, созданных в разное время и в разной этнической среде и переосмысленных в индуистском духе. Переделывались и мифы, не отосившиеся первоначально к ней. Об изменении легенд о святых подвижниках Кашьяпе и Джараткару говорилось выше. Приведем еще один пример, связанный с богом Шивой. В мифологии шиваизма хорошо известен эпизод из мифа о пахтании богами Молочного океана (Мхб., с. 80—81). Бог Шива, для того чтобы спасти Вселенную от гибели, выпивает смертельный яд, полученный при пахтании. В ПП этот миф претерпевает существенные изменения. Моноша, обиженная тем, что боги не пригласили ее пахать Молочный океан, появляется на берегу и бросает свой ядовитый взгляд на его воды. Так образуется яд, грозящий гибелью миру. Шива выпивает его и падает бездыханным на землю. Только после долгих уговоров богов Моноша воскришает его (песни 45—47).

Претерпевает изменения и образ самого Шивы, он далеко не всемогущий бог пуран, а сельский деревенский бог, созданный по подобию и образу простых бенгальских крестьян. Он простодушен и нерешителен. Бойся и сварливой жены Чанди, и своей дочери Моноши. Он жуликоват: переезжает реку и не платит за перевоз паромщице (песня 12). Он беден. Накануне свадьбы его дочери обнаруживается, что в доме нет ни украшений для невесты, ни угощения и подарков для гостей. И Шива решает, что он предстанет перед собравшимися обнаженным, и тогда «все в смущении разбегутся» и «некому будет жевать бетель с бетеле-

⁵⁵ Там же, с. 94.

⁵⁶ Smith, с. 32—184.

выми орешками, некому будет подносить кунжут и синдур» (песня 31). Нельзя не почувствовать в поэме ту иронию, с которой поэт относится к Шиве. Несомненно, злоключения божества вызвали добродушный смех слушателей.

Самостоятельны в сюжетном отношении легенды, рассказывающие об обращении Моношей «в свою веру» пастухов (песни 49—51), мусульман (песни 52—56). Отдельным сказанием воспринимается и повествование о том, как Моноша убила знахаря Шонку-гарори⁵⁷. В цикле о Моноше это одна из самых древних легенд, созданная первоначально вне индуизма. Сходные мифы находят в североиндийском фольклоре и среди сантальских преданий⁵⁸. Включение этой легенды в контекст индуизма сделано минимальными средствами. Шонку получил второе имя — Дханвантори (Dhanvantari, санскр. Дханвантари); так зовут божественного лекаря в мифологии индуизма.

Противоречив в «Сказании о Падме» образ Неты, что заставляет предположить, что мы имеем дело с героинями разных легенд (или вариантов сказания), соединенных в поэме довольно механически. В начале поэмы Нета — младшая сестра Моноши, заботам которой Шива поручил свою старшую дочь (песня 48). Она выполняет роль советчицы, наперсницы богини; тема советов-наставлений — одна из важнейших сюжетобразующих тем в бенгальских МК. Моноша любое действие совершает только по совету Неты. Так, она принимает облик вдовы и идет к пастухам за поклонением (песня 49); оборачивается сначала пастушкой (песни 61—62), а затем теткой жены Шонку (песни 65, 69), чтобы погубить его, и т. д. Нета всегда находится рядом с Моношей и по приказу Моноши осуществляет связь между богиней и ее адептами в мире смертных (песни 199—200, 204).

В конце же поэмы (песня 206) Нета живет с сыном отдельно от Моноши и основная ее обязанность стирать белье богов. Кстати, на протяжении всего сказания Нета именуется «дочерью прачки», что противоречит рассказу о ее рождении, приводимому в песне 48. Она обладает, как и Моноша, чудесной способностью воскрешать мертвых (это говорит о ее божественной сущности) и выступает уже наставницей не Моноши, а Беулы, которую именует своей племянницей. Нета хочет помочь Беуле, из-за чего вступает в конфронтацию с богиней. В одной из редакций поэмы, отличной от той, с которой делался перевод, знахарь Шонку говорит о том, что именно Нета наделила его магическим «великим знанием», и называет ее богиней⁵⁹.

⁵⁷ «Гарори» (gāgari) означает «владеющий [мантрой] Гаруды» (ср. Х. Бондопаддхай, с. 791). Гаруда — повелитель пернатых и заклятый враг змей; так же называется заклинание, заговор от змеиного яда и змеи.

⁵⁸ Smith, с. 136—139.

⁵⁹ Там же, с. 61.

В своей книге о Моноше У. Л. Смит убедительно показывает близость образа Неты к некогда популярной тантрической богине⁶⁰. По мнению Ш. Шена, имя этой богини было Нитья (Nityā)⁶¹.

Повествование о единоборстве купца Чандо с Моношей — явная переработка нескольких легенд, имевших разных героев. Следы этого видны в тексте ПП. В части о рубке роци арековых пальм и утрате «великого знания» (песни 57—60) Чандо просто ее владелец и возделыватель. Одновременно он чародей, владеющий магическим полотенцем и «великим знанием» (вероятно, заклинанием против змей и змеиного яда). В этой части поэмы он в какой-то степени замещает Шонку-Дхоннотори, дублируя его функции. Далее он богатый купец, приближенный правителя города Чомпока, торгующий с заморской южной страной. А затем в песнях, посвященных Беуле и Локхиндору и строительству железного дома, Чандо — уже правитель Чомпока. Напрашивается предположение, что владелец арековой роци, купец, занимающийся морской торговлей, и правитель, возводящий железный дом для Беулы и Локхиндора, — персонажи разных легенд.

Рассказ о плавании Чандо поражает сходством с описанием плавания на юг героя из МК о Чанди — купца Дхонопоти⁶². В пути обоих подстерегают одни и те же опасности — разные морские чудовища, оба терпят кораблекрушение по прихоти богинь, у обоих в их отсутствие рождается по сыну. Шукумар Шен, Ашутосх Бхоттачарджо и Т. У. Кларк считают, что эти эпизоды сначала появились в МК о Моноше, а потом уже в поэмах о Чанди⁶³. У. Л. Смит предполагает, что все было наоборот⁶⁴. Кто из ученых прав, сказать трудно. Во всяком случае, морское путешествие Дхонопоти более органично вписано в сюжетную структуру сказания о Чанди. Происками оскорбленной им богини он попадает в тюрьму царя Шинхола (Цейлона). Через двенадцать лет сын Дхонопоти с помощью Чанди освобождает его из темницы, и купец соглашается почитать до того ненавистную ему богиню. В ПП путешествие Чандо на юг логически не связано со следующим за ним главным для поэм о Моноше рассказом о Беуле и Локхиндоре, в котором именно Беула заставляет купца Чандо почитать богиню и таким образом помогает той обрести поклонение в мире смертных. Хочется сказать еще об одном: описание Виджоем Гупто плавания Чандо дает основание предположить, что поэт не представлял, что такое морское путешествие. Это скорее плавание по большой реке с омутами и во-

⁶⁰ Более подробно о генезисе этого персонажа см.: Smith, с 56—62.

⁶¹ *See* S. History of Bengali Literature. Delhi, 1960, с. 51.

⁶² Ср., например, песни 102, 121—123 с ЧМ, ч. II, с. 228—229 и 225—

227.

⁶³ См.: Ш. Шен, с. 507; А. Бхоттачарджо, с. 454; Clark, с. 510

⁶⁴ Smith, с. 143—145.

дворотами. Автор, сбиваясь, одно и то же место называет то «рекой Раковин», то «морем Раковин» (песня 102). Одновременно при всей сказочности описания путешествия купца Чандо поэт для большей убедительности, хотя и крайне произвольно, использует реальные географические названия. Так, фантастический Черный омут (в тексте *Kālidāya* ← *Kālidahā*) оказывается местным названием части Бенгальского залива на востоке⁶⁵. В ЧМ Мукундорама Чокроборти морское странствие Дхонопоти более привязано географически. Направляясь на остров Цейлон, он проплывает мимо островов Сетубандха, расположенных в проливе между южной оконечностью Индийского полуострова и Цейлоном⁶⁶.

Любопытны сюжетные мотивировки, присущие многим эпизодам в ПП. В широком мировоззренческом плане они связаны с основным постулатом индуизма — идеей кармы (*karma*, бенг. *кормо*, букв. «деяние»). Карма — воздаяние человеку за дурные и благие его поступки, карма определяет форму следующего его рождения. В поэме Биджоя Гупто она понимается упрощенно, на уровне народного сознания. Моноша не может просто взять души небожителей Уши и Анируддхи, с тем чтобы они родились на земле. Для этого нужен проступок. И богиня заставляет Ушю сбиться с ритма в ритуальном танце перед Шивой (песня 80). Не может Моноша просто так погубить Локхиндора в свадебную ночь. И вот в облике старой брахманки она появляется на берегу пруда, где купается Беула. И когда та случайно забрызгала ее грязью, Моноша проклинает ее: «Ты станешь юной вдовой в первую брачную ночь!» (песня 140). Змейка Кали никак не решается ужалить Локхаи, пока он во сне не задевает ее ногой и рукой (песни 189—190).

Большую роль в сюжетосложении отдельных эпизодов в ПП, как и во всех МК, играют фольклорные мотивы. В основе отношений Моноши и Чанди лежит сказочная модель о злой, ревнивой мачехе, падчерице и безвольном отце. По настоянию Чанди Шива уводит дочь в лес и бросает там. Мотив «испытание невесты» лежит в основе песен 142 и 144—147. В них Беула оживила мертвую рыбу, принесенную Чандо, и по его же просьбе сумела сварить железный горшок⁶⁷.

* * *

Поэтический язык «Сказания о Падме» Биджоя Гупто отличают простота и ограниченное использование разного рода стилистических средств. Многим фрагментам текста присущ так называемый автологический стиль, которому свойственно полное

⁶⁵ *Hunter W. W. Statistical Account of Bengal. Vol. 6. Delhi, 1973, с. 120.*

⁶⁶ См.: ЧМ, ч. II, с. 229.

⁶⁷ См. также: Dimock, с. 301—302.

отсутствие метафор. Это прежде всего песни-каталоги, в которых дается перечисление то названий растений, произрастающих в прекрасном цветнике Чанди (песня 4), то различных яств, приготовленных Шонокой (песня 127), то имен женщин, пришедших благословить жениха (песня 164). Эти каталоги в МК являются признаком одного из важнейших композиционно-стилистических приемов — ретардации, замедляющей действие перед наиболее важными событиями в сказании и тем самым их выделяющей.

Используемые поэтом тропы носят исключительно формульный или клишированный характер, в целом они составляют фонд, общий для всех произведений бенгальской средневековой словесности. Это говорит о стереотипности художественного мышления бенгальских средневековых авторов, творчество которых в основном осуществлялось по законам дописменной литературы. Подобные тропы рассчитаны на их «узнавание» слушателями, на пробуждение в их сознании привычных, стереотипных ассоциаций. Это прекрасно видно при анализе сравнений, имеющих в ПП. Их, кстати, на эту довольно большую поэму не больше семидесяти. По объекту сравнения их можно разделить на две группы: мифологические сравнения и сравнения, сопоставляющие субъект с природой Бенгалии. Как правило, по количеству и характеру употребляемых мифологических сравнений мы можем судить о степени начитанности бенгальского автора в санскритской литературе, о его образованности. Так вот мифологические сравнения у Биджоя Гупто весьма малочисленны и содержат в себе довольно расхожие мифологические имена и связанные с ними простейшие представления. Это бог смерти Яма (Кала), бог любви Мадана, прекрасные полубожественные женские существа видьядхари, божественный слон Айравата, центр мироздания в индуистской космогонии гора Сумеру, напиток бессмертия амрита и т. п. Подобные сравнения зиждутся на средневековом понимании всего божественного как эталонного и идеального. Так, для подчеркивания красоты своих персонажей поэт сравнивает Локхиндора с Маданой (песня 156), а Беулу с видьядхари (песни 142, 148). Страшные змеи во время битвы с ратью бога Ямы уподобляются ему самому и могучему слону Айравате (песня 93). Питательное, утоляющее жажду кокосовое молоко сравнивается с напитком бессмертия (песня 114), а исполинский баньян, испеленный Моношей, — с горой Сумеру (песня 151). У Биджоя Гупто мы не находим более сложных мифологических сравнений, в которых бы содержалась отсылка не к божеству, а к известному мифологическому эпизоду, эпическому событию и которые встречаются у других авторов МК, например у Мукундорама Кобиконкона Чокроборти⁶⁸.

⁶⁸ См.: Товстых И. А. Стилистические особенности бенгальских средневековых поэм — монголкаббо. Характеристика сравнений. — Литературы Индии. Статьи и сообщения. М., 1979, с. 58—64.

Ко второй группе относятся сравнения, в основе которых лежит чисто внешняя связь между субъектом и объектом сопоставления. Как уже говорилось, объектом сравнения здесь выступают явления природы, животные, деревья. Приверженность к таким сравнениям свидетельствует о наличии художественного мышления, присущего человеку, еще полностью не отделившему себя от природы и ощущающему себя частью ее. Это закономерно для бенгалского средневекового общества, большую часть которого составляли крестьяне, жившие натуральным хозяйством. Приведем несколько подобных сравнений, основанных на внешнем сходстве. Так, продолговатый кокосовый орех с несколько изогнутым концом сравнивается с клювом цапли (песня 108). Оживляя Локхиндора, Моноша наделяет его носом, «подобным цветку кунжута» (песня 214). Уподобление орлиного носа цветку кунжута очень древнее, оно встречается в *Рамаяне* Вальмики, в пуранах. «Словно стволы пальмиры» ноги Годы, страдающего элифантизмом (песня 202)⁶⁹. А у змея Матсьякалы лицо «словно спелый плод пальмиры», т. е. округлое (песня 92). Белье Моноши, выстиранное Беулой, становится белым, «словно крылья цапли» (песня 206). «Словно горы», вздымаются волны во время бури (песня 102) и «как горы» — чудовищные пивавки, преградившие путь кораблям Чандо (песня 102). Похваляясь перед купцом Хори, Чандо обзывает того «презренным шакалом», а себя называет «львом» (песня 160) — здесь усеченное сравнение, ставшее эпитетом.

К этой же группе относятся сравнения, в основе которых лежит сходство по действию. Шопока мечется в горе по умершему сыну, «будто тигрица, потерявшая детеныша» (песня 158). Змеи летают, «будто птицы» (песня 184). Моноша, обернувшись пастушкой, идет «походкой трясогузки», т. е. покачивая бедрами (песня 62); превратившись в танцовщицу, она поет, «словно кукушка весной» (песня 60). Войско купца Шахе шествует навстречу свите Чандо, «словно полчище муравьев»; встретившись, они смешиваются, «будто воды двух океанов» (песня 163). Во время битвы змеи шумят, «будто воды океана» (песня 93). Драгоценный камень во лбу змеи сверкает, «словно солнце» (песня 93). В поэме есть только одно более сложное, развернутое сравнение, но и в его основе лежит распространенное и очень древнее в индийской литературе сопоставление прекрасного лица с луной и лотосом: «Пристально глядел Локхаи на Беулу. Словно полная луна взшла на небе. Увидев лик Беулы, обрадовался Локхаи. Словно расцвел лотос на рассвете» (песня 173).

Несмотря на скудость стилистических средств, употребляемых Биджомом Гупто, при чтении «Сказания о Падме», особенно

⁶⁹ У пальмиры (tāla) — *Barassus flabelliformis* — ствол в диаметре достигает более 0,5 м (Benthall, с. 442—443).

в оригинале, не оставляет ощущение соприкосновения с удивительным поэтическим текстом. Чем же это достигается? При анализе художественной ткани поэмы напрашивается вывод, что использование всякого рода повторов создает определенный, завораживающий слушателей художественный ритм произведения. Повторы в бенгальских МК, играющие композиционно-конструктивную роль, что первоначально было обусловлено техникой устного сказа, приобретают художественный смысл, становятся основным стилистическим приемом. В более общем плане «поэтика повторяемости» (термин заимствован у Д. С. Лихачева⁷⁰) отражает мировоззренческие установки средневековых людей, живших в традиционном аграрном обществе. В подобных обществах, пишет А. Я. Гуревич, «не изменение, а повторяемость являлась определяющим моментом их сознания и поведения. Единичное, никогда прежде не случавшееся, не имело для них самостоятельной ценности — подлинную реальность могли получить лишь акты, освященные традицией, регулярно повторяющиеся»⁷¹. Повторяемость разлита во всей жизни средневекового бенгальца и наблюдаемой им окружающей природе: ежедневно ночь сменяется днем, происходит ежегодная смена сезонов, сельскохозяйственных работ, религиозных ритуалов. Принцип повторяемости присущ главному догмату исповедуемого им индуизма — учению о перерождении, когда все обречены повторять жизнь, но в новом «обличье, диктуемом их индивидуальной кармой. Этот принцип выражен не только в способе конструирования самих текстов МК. Его проявления выходят за пределы того или иного текста, он осуществляется в определенных связях между различными эпическими произведениями бенгальской словесности. Любой автор МК, посвящена ли она богиням Чанди, Моноше или божеству Дхормо, оперирует одними и теми же темами, играющими значительную роль в сюжетосложении поэмы. Такими каноническими темами являются сотворение мира (этой темы нет у Биджоя Гупто), божественное веление во сне поэту поведать о деяниях божества на земле (песня 2), рождение и свадьба божества (песни 4, 28—36), обряд сати — самосожжения вдовы, преданной мужу (вариант этой темы у Биджоя Гупто см. в песне 84), адживаса — комплекс различных предсвадебных обрядов (песни 152—157), строительство храма, или дворца, или города (у Биджоя Гупто возведение железных покоев для новобрачных — песня 149), путешествие в заморскую страну (песни 99—120), потоп или морская буря, насланные разгневанным божеством (песни 121—123), приготовление различных яств (песня 127) и т. д.⁷²

⁷⁰ См.: Лихачев Д. С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве». — Русская литература. Л., 1983, № 4.

⁷¹ Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М., 1984, с. 107.

⁷² См. также: ЧМ, ч. I, с. 26—29.

Повторы внутри самой поэмы существуют в сложных взаимосвязях и переплетениях. Здесь мы находим повторы и ситуационные, и смысловые, и звуковые, и синтаксические, стоящие рядом и отстоящие на большом расстоянии друг от друга, короткие и длинные. Повторяются почти дословно целые эпизоды и песни. Так, песня 100, описывающая флот Чандо из четырнадцати кораблей, отправляющихся в плавание к «морскому городу на юге», повторяет почти дословно песню 123, описывающую гибель этих четырнадцати кораблей во время бури, насланной Моношей. Здесь этот технический прием конструирования поэмы по законам устного сказа становится способом эмоционального воздействия на слушателей. Повторенное описание того, какие прекрасные и сказочно богатые были корабли, не может не вызвать жалость и сочувствие к Чандо, подчеркнуть размеры его потери.

Еще один вид любопытного повторения — песни или фрагменты текста, следующие один за другими и дающие два варианта одного и того же эпического эпизода. Так, в двух вариантах дан плач Локхай, смертельно ужаленного змеей и пытающегося разбудить свою жену (песни 191—192). Причем плачи написаны разными размерами (первый — лачари, второй — пояром). В пользу того, что в песне 192 дан вариант, а не продолжение плача, говорит тот факт, что песня 191 кончается строкой: «Потеряв сознание, упал [Локхай] на Беулу». Проще всего посчитать, что переписчик дал два варианта плача из разных списков. На этом и можно было успокоиться, если бы это было единичное явление в текстах МК. Оба упомянутых плача находятся в отношении эмоциональной градации. Первый плач — это упрек Беуле, что она легко переживет смерть мужа: «Когда ночь сменится рассветом, ступай в отцовский дом, а всю печаль оставь моим отцу и матери!» Второй плач представляет собой развертывание темы: горе родителей, потерявших единственного сына, безутешно. Подобные повторы скорее всего восходят к амебейной композиции, присущей фольклору, когда эпическая поэма исполнялась двумя сказителями попеременно и второй певец как бы развивал тему, заданную первым. То же самое мы наблюдаем в песне 175. Увидев над собой зонт из капюшонов змей, Локхиндор умирает. Этот эпизод дается сначала кратко, а потом повторяется более пространно.

Широко использует Биджой Гупто столь излюбленный фольклором вид повтора, как параллелизм во всех его разновидностях. В качестве яркого примера синтаксического изоморфизма с повторением определенных групп слов можно привести диалог Моноши и Шоноки (песня 76), в котором принцип амебейной композиции выступает очень четко.

Смысловые повторы, повторы строк столь многочисленны, что бросаются в глаза даже при чтении русского перевода поэмы. Понимая, что они являются важным конструктивно-стилистиче-

ским приемом, переводчик старался их сохранить. Приведем один из характерных повторов-параллелизмов из речи Беулы в дословном переводе:

Свекор ежели поклонится богине
От-яда-исцелительнице, [то]
С сокровищами, людьми и сыновьями вернется
в свой город!

Свекор ежели поклонится богине
От-яда-исцелительнице, [то]
С сокровищами и людьми пойдем домой!

Свекор ежели не поклонится богине
От-яда-исцелительнице, [то]
С сокровищами, людьми я отправлюсь в град богов!
(Песня 222)

Не редки тоекратные смысловые повторы. Приведем в качестве примера плач Чандо над умершим сыном в дословном переводе:

Услыдав, разрыдавшись, умрет твоя мать!
Разрыдавшись, умрет Шонай, разлучившись с тобой!
Жизни лишится Шонай, о тебе известие получи!
(Песня 176)

На синтаксическом параллелизме построены фрагменты текста, представляющие собой перечисления (см., например, песню 87, описывающую сборы войска Ямы на битву).

Полтора процента текста поэмы Биджоя Гупто составляют анафоры (единоначатие) — прием, характерный для фольклорной поэтики. Часто в начале стиха повторяется не одно слово, а целая группа слов. Приведем несколько примеров:

Рис полоть — в руки Чандо дал серп.
Рис полоть нравилось Чандо. (Песня 125)

На один пон я совершу обряд очищения.

На один пон я ъемся крветок.

На один пон я посмотрю на танцы танцовщиц.

На один пон я куплю подарок для Шоноки. (Песня 125)

Часто анафора сопровождается смысловым повтором:

Рыбье мясо бросьте в воду!

Рыбьего мяса запах учуяв, раковины уберутся восвося!

Рыбьего мяса запах учуяв, раковины уйдут подальше!

(Песня 102)

В следующем примере анафора сочетается в последних четырех строках с симплокой — также нередким явлением в бенгальских МК.

«Это змеи, змеи!» — восклицая, Локхай громко закричал.
«Это змеи, змеи!» — восклицая, Локхай потерял сознание.
«Это не змеи, о господин, а от месяца тень!
Это не змеи, о господин, а от раковины тень!
Это не змеи, о господин, а от полога тень!
Это не змеи, о господин, а от цветов тень!» (Песня 175)

Реже, чем анафора, примерно в пять раз встречается анадиплосис (подхват), тем не менее он играет существенную роль в стилистике бенгальских МК. Приведем примеры:

В мгновение ока оказался у Сараю на берегу.
На берегу стоял Шива, оглядывался по сторонам. (Песня 14)
Мошенников-индусов не встречал обрезанными!
Обрезанными [их] сделаю же нынче! (Песня 52)

Милостью Падмы получила [она] сыновой шестерых.
Шестерых сыновой получив, Шонока радовалась в душе.
(Песня 57)

Восьмерым змиям приказала: «Схватите [их], схватите!».
«Схватите [их], схватите!» — кричала Падма, пылая в гнев.
В гнев покраснели и дергались оба [ее] глаза. (Песня 84)

За куркуму отдал золото.
Золото взяв, купец радовался безмерно. (Песня 116)

В молельне Джалу меня [богиня] одарила милостью!
Милостью одарив, сказала потом Моноша. (Песня 149)

У восьмерых змиев Беула отрезала хвосты.
Хвосты отрезав, Беула отпустила восьмерых змиев.
(Песня 204)

Упал перед нею рубиновый перстень.
Перстень увидела Падма, и подозрение закралось
в ее душу. (Песня 206)

Словно кукушка, пела нежным голосом.
Нежным голосом пела песню... (Песня 206)

Биджой Гупто, как и все другие авторы МК, использует в своем сочинении довольно большую группу общих мест — устойчивых словесных сочетаний (клише) и формул — некий постоянный тип построения стиха, части его, строфы.

Формульное построение всегда имеют песни — моления богам, обладающие своим собственным жанром внутри эпической поэмы⁷³. Ключевым, стержневым словом здесь выступает *bandā* («славлю, восславлю»). Обычно оно занимает срединное положение в строке, по сторонам которого располагаются объекты поклонения:

Небесных богов славлю и семь риши! (Песня 1)

Построение фрагмента песни 165 также формульное; он представляет собой свадебное поношение своих мужей замужними женщинами (*pati pindā*, букв. «поношение мужей»)⁷⁴, которое, на наш взгляд, имеет обрядовый характер. Формульное построение носит первая строчка каждого куплета:

Еще одна жена явилась, имя ее — Руи.

Еще одна жена явилась, имя ее — Шору и т. д.

Подобным же образом построена песня 213, созданная в жанре барамаси⁷⁵, и песня 123 о кораблекрушении Чандо.

Во всех этих случаях формула, являясь композиционным средством, становится и художественным приемом. Формульное построение присутствует и там, где поэтам нужно поведать об одновременном происходящих действиях разных людей:

Кто-то смеется, кто-то поет, кто-то радуется.

(Песня 169)

Кто-то смеется, кто-то танцует, кто-то поет песни.

(Песня 149)

Огромны и фонд используемых поэтом повествовательных и речевых клише, они появляются в сходных сюжетных ситуациях и порождены одинаковыми ритмическими условиями. Таковы, например, клише, встречающиеся в песнях, написанных стихо-

⁷³ Подробно о песне как о самостоятельной композиционно-сюжетной единице в МК на примере поэмы Мукундорама Чокроборти см.: ЧМ. Ч. I, с. 26—28.

⁷⁴ О фольклорных истоках подобных песен см.: *Smith W. L. The Pati-pindā in Medieval Bengali Literature.*— *Journal of the American Oriental Society.* 1979, vol. 99, № 1, с. 105—107.

⁷⁵ О барамаси (песни двенадцати месяцев) см., ЧМ, ч. I, с. 21—22.

творным размером пояром и выражающие сверхбыстрое перемещение в пространстве: «Вот здесь — и вот нет» (песни 87, 100 и др.), «со скоростью ветра» (pavaner gati — песни 87, 100 и др.). Существуют хронометрические клише: «в мгновение ока» (ānkhir nimese — песни 14, 199 и др.), «день ото дня» (dine dine — песни 125, 131 и др.).

Для описания горя, отчаяния существуют следующие устойчивые сочетания слов: «катаясь по земле» (dhārāni lotaye, bhūme gari deye — песни 196, 197 и др.), «плачет горестно» (kānde bisād bhābiyā — песня 71 и др.), «бия в грудь» (buke hāne ghā — песни 123, 149 и др.). Клише «оторопь берет» (pāyeta tagāse) используется для обозначения страха и ужаса (песни 87, 100 и др.).

Для выражения чувства покорности, почтительности служит клише «припав к ногам» (pāye dhari — песня 86 и др.) и «сложив умоляюще ладони» (jora haste — песни 84, 85 и др.). Эти клише имеют этикетный характер и отражают нормы поведения и жесты тех времен и часто употребляются механически. Так, змеи, обращаясь к богине, «складывают молитвенно ладони», «хлопают в ладоши» (см., например, песню 174).

Этикетность присуща и клишированному обращению, которым, как правило, начинается прямая речь персонажа: «слушай мое слово» (mog śon kathā), «слушай внимательно» (śon mana diyā) или просто «слушай» (śon или śon, śon).

В старых бенгальских рукописях нет специальных знаков, выделяющих прямую речь, что создает определенные трудности при чтении и переводе их. Конец прямой речи обычно маркируется клише «так/подобное услыхав».

Механическое употребление клишированных выражений приводит иногда к логическим нелепицам и несуразностям в тексте. Конец того или иного эпизода часто обозначается клишированным предложением об уходе какого-то персонажа домой — «...ушел домой» (ghare cale/calilā). И иногда получается, что персонаж, находясь у себя дома, «уходит домой» (песня 27). Упоминанию о благодеянии божества всегда сопутствует определенное клишированное выражение, где ключевое слово — «милостью» (kṛpāye). Например: «Милостью Падмы [она] получила шестерых сыновей» (песня 57). Но в поэме можно встретить и такое парадоксальное утверждение: «Милостью Падмы лишилась жизни мать Кар்த்தикеи» (песня 22). Вообще вопрос о наличии логических несуразностей в эпических текстах не простой. Для создателей теории устного сказа Лорда и Пэрри они служат одним из признаков, что текст создавался устно ⁷⁶.

⁷⁶ См.: Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge, Mass., 1960, с. 11.

* * *

В поэме Биджоя Гупто использованы общепринятые в средневековой бенгальской поэзии два силлабических размера — пояр (pauāga) и триподи, точнее, его разновидность — длинный триподи (dīrgha tripadī). Более простым размером — пояром — написано около $\frac{2}{3}$ поэмы. Он представляет собой рифмованное двустопишие (схемы рифмы — *аабб*), полустопишие которого составляет двустопный 14-сложник (8 + 6) с цезурой после каждой стопы. Триподи отличает более сложная рифмовка — *аабввб*. Каждое его полустопишие — это трехстопный 20-сложник (6 + 6 + 8), в «длинном» варианте — 26-сложник (8 + 8 + 10) с цезурой после каждой стопы. В поэме приведенные модели размеров зачастую не выдерживаются: иногда не соблюдается нужное количество слогов⁷⁷, изредка нарушается и схема рифмовки. По мнению американского исследователя У. Л. Смита, это говорит в пользу аутентичности старых бенгальских текстов и того, что их пощадила исправляющая рука редактора⁷⁸. Эти стихотворные огрехи нивелировались при исполнении поэмы речитативом и пением.

В поэме указано, каким размером написан тот или иной фрагмент. Однако название размера «триподи» не встречается. Вместо него даются более древние названия: «лачари» (lācārī) и «диргхо чхондо» (dīrgha chanda, букв. «длинный стихотворный размер»). Однако перед некоторыми песнями стоит обозначение «лачари», а они написаны пояром (см. песни 33, 35, 38, 79, 90 и др.). Ряд ученых полагают, что первоначально слово «лачари» обозначало определенный характер мелодии, на которую целась песня, способ ее исполнения (lācārī возводится к pāsārī, букв. «танцевальный»), а сама песня могла быть сложена любым размером⁷⁹. В этом плане списки поэмы Биджоя Гупто носят переходный характер. Мы встречаем в них употребление слова «лачари» в обоих смыслах.

* * *

Первое издание ПП Биджоя Гупто было осуществлено в 1896 г. Паримохоном Дашгупто⁸⁰. Делалось оно на основе рукописей, найденных на родине автора — в деревне Гойла. Так как принципы подготовки издания в нем не сообщались, многие серьезные ученые, например Ш. Шен, впоследствии отнеслись к этому изданию с недоверием, подозревая, что составитель привнес

⁷⁷ См. об этом: ПП, предисловие, с. 47—48.

⁷⁸ Smith, с. 29.

⁷⁹ Х. Бондопаддхай, с. 1955.

⁸⁰ Биджой Гупто. Моношамонгол ба Подмапуран. Паримохов Дашгупто кортрик помнадито, Барисал, 1896.

к текст многое от себя⁸¹. Позднее О. Бондопаддхай взял на себя труд сверить второе издание этой книги с одним из списков «Сказания о Падме», хранившимся в Калькуттском университете. Он показал, что нет никаких оснований говорить о самовольном и искажающем редактировании дошедшего до нас текста поэмы Биджоя Гупто⁸². Издание П. Дашгупто привлекло к «Сказанию о Падме» внимание не только ученых, но и широкой читающей публики. С тех пор было много разных изданий, но одно лишь научно-критическое. Это издание 1962 г., подготовленное Джоётокумаром Дашгупто. В основу его положен список поэмы 1835—1837 гг., найденный в пригороде Барисала⁸³. Д. Дашгупто бережно отнесся к публикации этого списка. Он разделил его на стихотворные строки (переписчики писали сплошным текстом, иногда даже не разделяя слова в предложении); очень осторожно внес небольшие конъектуры (как правило, слоговые)⁸⁴ в попорченные временем места, предпочитая оставлять лакуны там (в переводе они обозначены отточием), где невозможно достоверно восстановить оригинал. В постраничных примечаниях П. Дашгупто привел разночтения из четырех списков, найденных в разных местах округа Барисал и являющихся списками одной редакции⁸⁵. В предисловии дан сравнительный анализ всех этих пяти списков⁸⁶.

Русский перевод «Сказания о Падме» Биджоя Гупто сделан с этого издания. Переводчик поэмы о богине Моноше стремился свой прозаический перевод максимально приблизить к оригиналу, сохраняя по возможности синтаксические особенности языка поэмы. В «Сказании о Падме» множество постоянных формульных выражений, повторов, которые старательно сохранены в русском переводе. Слова, отсутствующие в тексте и добавленные по смыслу, заключены в квадратные скобки. Мифологические имена, термины, местные реалии, названия растений, связанные с древнеиндийской традицией и уже вошедшие в русскую индологическую литературу, представлены в их санскритском звучании (например, Шива, а не бенг. Шиб, Падмавати, а не бенг. Подмаботи, Брахма, а не бенг. Бромма и т. п.), в примечаниях же даются их бенгальский звуковой вариант и латинская транслитерация.

В переводе сохранена структура подлинника. Оригина́л делится на части (pālā), имеющие каждая свой заголовок, отдельные из которых заключены бенгальским издателем в квадратные

⁸¹ Ш. Шеп, с. 248—250.

⁸² О Бондопаддхай, с. 94—95.

⁸³ ПП, предисловие, с. 9.

⁸⁴ См.: ПП, с. 1, 8, 11, 13, 15, 23, 54, 57, 60, 104, 141, 171, 206, 233, 236, 243, 311, 319—321, 357, 390, 445 и др.

⁸⁵ Там же, предисловие, с. 10—11.

⁸⁶ Там же, предисловие, с. 12—39.

скобки (они сохранены в русском тексте),— вероятно, они были заимствованы из других списков. Далее рукопись делится на фрагменты (песни), написанные одним размером. Там, где в оригинале переписчиком опущено название размера, он указывается в примечании к соответствующей песне. Нумерация песен введена переводчиком ради удобства комментирования текста столь большого объема. Цифры в конце каждой песни указывают на количество строк в ней.

Перевод снабжен комментарием, главным образом историко-культурного характера. Объяснения мифологических имен, встречающихся в тексте чаще одного раза, даны в словаре мифологических имен. При составлении примечаний мифологического характера переводчик использовал бенгальские толковые словари⁸⁷, специальные словари по индийской мифологии⁸⁸ и другие источники, указанные особо в примечаниях.

Книга снабжена общим указателем, в который включены собственные имена, географические и этнические названия, термины, оставленные без перевода названия литературных памятников, ритуалов и предметов. Указатель содержит отсылки не только к тексту перевода, но и к предисловию, комментарию и словарю мифологических имен.

Переводчик выражает искреннюю признательность профессору Шукумару Шену, Пуроби Рай, а также Ю. М. Алихановой, помогавшим своими ценными советами его работе.

⁸⁷ *Генедромогондаш*. Бангала бхашар обхидхан. 2-е изд. Калькутта, {б. г.}; *Хоричорон Бондопадхай*. Бонгий шобдокоп. Т. 1—2. Дели, 1966—1967.

⁸⁸ *Dowson T. A Classical Dictionary of Hindu Mythology and Religion*. L., 1953; *Walker B. Hindu World. An Encyclopedic Survey of Hinduism*. Vol. 1—2. L., 1968; *Шудхирчондро Шоркар*. Пуураник обхидхан. 2-е изд. Калькутта, 1963; *Сиддхешваришастри Читрао*. Бхаратваршии праичн чаритракош. Пуна, 1964.

СКАЗАНИЕ О ПАДМЕ
ПЕРЕВОД

СКАЗАНИЕ О ПАДМЕ
ПЕРЕВОД

[Восхваление]

1.

[Славию] Сарасвати, держащую в руках раковину, чакру и дубинку¹! Славию почтительно богов! Первым славию бога — Повелителя ганов²! Славию почтительно восемь Хранителей небосклона³! Славию, ударяя в ладоши, Брахму, Хари и Хару! Славию Кашьяпу и Кадру⁴ — прародителей змей! Славию святого подвижника Астику, святого подвижника Пурандару⁵! Славию Астику, собою прекрасного! Славию небесных богов и семерых риши⁶! Одного за другим восславил [я] множество небожителей! Славию царя небесного Индру, чья жена Шачи! Славию Веприцу⁷, Чамунду⁸, Богиню⁹, Махамайю! Славию наставников богов, дваждырожденных¹⁰, Ашвиникумаров. Стопам гуру¹¹ я кланяюсь бесчисленное множество раз! Славию Гангу, Бхагиратхи¹², восседающую на макаре¹³! Славию Богиню, Бхагавати, восседающую на льве¹⁴! Славию Брахму, лотосоокого, [восседающего] на колеснице, запряженной серым гусем¹⁵! Восславил [я] Говинду, восседающего на Гаруде! Славию самозабвенно Лакшми, Сарасвати! Восславил [я] богов без счета! Восславил почтительно Луну и Солнце, Гималаи на севере, Молочную реку¹⁶ на юге! Славию гору Восхода на востоке, гору Захода¹⁷ на западе! Самозабвенно восславил [я] небеса, мир смертных и подземный мир¹⁸! Боем барабана у чьих дверей молю, того богатством и потомками наградит Мать, Джагатгаури! Самозабвенно славию Мать, От-яда-исцелительницу! Пребывай в граде богов, коли [на то] милость Дхармы¹⁹! Туда, где внимают песне, сложенной Биджом, истину говорю, снизойдет [Моноша]! Первой прошу [Падму] с восьмью змиями²⁰. Послушайте [мою] песнь радостно и весело! Как рождается песнь, то воистину ведают боги! С малых лет Биджой Гупто — преданный почитатель Падмы! (1—34).

[Часть, повествующая о сновидении]

2.

В месяце срабон¹, в воскресенье, пятого дня темной половины, в третью стражу ночи², сон снизошел [на поэта]. О ниспосланши сновидения не знает никто. Увидел тогда во сне Биджой

Гупто желтотелую женщину из брахманского рода, украшенную драгоценными украшениями, одетую в дивное одеяние. Подобно раскаленному золоту, сияло [ее] тело. Вьющиеся волосы на [ее] голове затмевали опахало. Все тело богини [покрывали] змеи-удавы. Из змеиной колесницы вынула [она] золотой горшок. «Вставай, вставай, сынок!»— зовя, ударила [поэта] по спине. Сказала богиня: «Сколько еще будешь спать, сынок! У твоего изголовья Моноша, открывай же глаза! Не держи страха в душе при виде змей! Я дочь Шивы, богиня Падмавати! Ты же мой любимый почитатель, лучший из поклоняющихся мне! Дам [тебе] совет ро сне: ни о чем не тревожься! Все поют песня [мне], но не ведают [моего] величия. Первым сложил песнь [во славу мне] одноглазый Хори Дотто³. Нынче песнь Хори Дотто исчезла. [Одни], совсем не умеющие слагать стихи, болтают [обо мне] абы как. Другие же без души сочиняют, как взбредет им на ум. Видя это, сынок, я страдаю. К моему слову, о сынок, отнесись со вниманием! Разными стихами, на разные раги⁴ сложи песнь обо мне. Душой не тревожься, я благословила [тебя поэтически] даром! Не задумываясь поведай всю правду! Закуй [поэму] стихом цыра и лачари! В начале песни опиши двегник Божественного повелителя⁵. В цветнике и под землей я родилась. Спой об убийстве Чандики. Поведай песню о вразумлении Чанди, о моей разлуке с мужем после свадьбы. Не бойся рассказать о моем горе! По велению мачехи отец изгнал [меня] в лес. Разлука с отцом сграданием опалила мою душу. Расскажи, как на земле смертные поклоняются [мне]. Творя пуджу⁶ мне, люди обретают много богатств. [Поведай], как утихомирила я Хасона и Хусона. [Как], придя в дом к Шоноке, подверглась [я] опасности. Как купец Чандо разбил мой горшок. А [я], разгневавшись, вырубил его роццу арковых палм. Как убила [я] Шонку-Дхонпонтори. Лишила великого знания [Чандо], убила шестерых [его] сыновей. В доме Джалу тайно Шонока поклонилась [мне]. Наградила [я] ее сыном, отослала домой. Корабли Чандо с людьми и сокровищами в море утонула. Воспой рождение Локхай⁷ и Беулы⁸, их пребывание в железном доме! [Поведай], как змея Кали жизнь Локхай сгубила! А отважная Беула спасла всех. [Расскажи], как купец Чандо поднес [мне] цветы и воду. [Как] затем с небес была послана божественная колесница. На небо вместе со всей семьей отправился Чандо. Поведай [я] все сказание от начала до конца. Пой песнь, слагая стихи размером пояр. Истину говорю, туда, где услышу песнь, тобою сочиненную, явлюсь непременно! Тот, кто с радостью в сердце будет слушать песнь обо мне, моей милостью обретет много разных сокровищ и счастье. Бездетный получит сына, бедняк — богатство. Больного отпустит недуг, узник обретет свободу. Тот, у кого в доме нет жены, получит ее. Моей милостью исполняются самые сокровенные желания!» Подобный сон увидел,

сильно обрадовался поэт. Богиня взошла на змеиную колесницу и вернулась в свою страну. Сон досмотрев, Биджой Гупто проснулся. И воскликнул: «О Хари, Хари, о Рама, Рама, о Говинда!» Так в рассветный час проникся [он] страстной надеждой. Сотворив омовение⁹, Биджой Гупто поклонился Моноше. (1—70)

[Часть, повествующая о рождении Моноши]

3.

Душой обратившись к Хари, [Биджой] очистил [свои] помыслы и начал слагать песнь о Моноше. Было это по летосчислению Шаки [в год] «времена года, луна, Веды, луна». [Тогда] правителем был султан Хусейн, защитник земли. [Этот] царь, неодолимый в сражениях, стал Ямой для недругов. [То был] царь щедрый, как древо желаний, красотою равный Каме. Под сенью его власти счастливо жилось всем подданным. [Счастливы были и жители] страны Фотябад, округа Бангорора¹. На западе — река Горгор, на востоке — Гхонтошшор. Посредине — селение Пхуллосри, пристанище ученых мужей. Там обитали люди из касты вайдьев, что искусны в писании. В той деревне Пхуллосри и жил Биджой. Сложив молитвенно ладони, он умоляет знатоков: Не судите строго недостатки моей песни! В [песнях]-панчали много ошибок, однако ученые мужи часто их не замечают. С именем Рамы [на устах] ведите, о братья, приятные речи! Восславил [я] наставника богов², [перечислив] все [его] имена, что знаю. Знайте, название самого труднодостижимого места на земле — город Каши³! Там живет бог творения. Не только в том земном граде, [сей] бог обитает повсюду. Там Шива с богами неизменно обитает. Однажды Шива вместе с богами сидел в собрании. В это время явился туда Нарада, приют подвижничества. Увидев Шиву, святой отшельник восславил его стопы. Благословив [его], Шива молвил: «О Нарада, выслушай [меня] со вниманием! Что ты видел в наших бенаресских владениях?» С улыбкой отвечал святой отшельник: «Внемли, Владыка! На всей земле нет такого места, как Бенарес! Дивное место ты создал — Каши, Бенарес! У Каши столько достоинств, что и не перечислить! Из распустившихся разных цветов [пчелы] пьют нектар. Поют кукушки свои песни, и повсюду разгуливают опьяненные страстью [люди]. Дивное место ты создал — Каши, Бенарес! Здесь, умерев, человек становится небожителем». С улыбкой говорил святой мудрец: «Внемли, Владыка! Еще об одном тебе поведаю. На правом берегу Сараю⁴ есть чудное место. Чанди там посадила цветы. В ночную пору в этом месте резвятся могини⁵ и дакини⁶. Неизменно Чанди развлекается в том цвет-

нике. Но никто [этого] не видел — так [он] далек. Не лучше его твой град Каши!» Услыхав подобное, рассмеялся Шива, Держатель трезубца⁷: «Ничего я не знаю о цветнике Чанди!» Тихо шепнул Шива на ухо Нараде: «Завтра же отправляюсь туда, но Чанди не узнает [об этом]!» Выслушал подобное святой отшельник и восславил стопы [Шивы]. На небесной колеснице воспарил на небо [Нарада], приют благочестия. Три мира объехал святой подвижник в надежде посорить [кого-либо]. Помяная Шиву, предстал он перед Чандикой. Увидев Богиню, восславил ее стопы святой отшельник. Обратившись [к нему], молвила Богиня: «Присаживайся, приют воздержания!» Отвечал святой подвижник: «Садиться нет надобности! Одно лишь слово скажу тебе. На правом берегу Сараю у тебя цветник. Завтра туда придет Шива, бог Трехглазый⁸. Один явится Шива, никого с собой [не возьмет]. Уж и не знаю, что будет, когда туда явится Повелитель Каши⁹!» Так сказав, святой отшельник восславил стопы [Чанди]. На небесной колеснице к себе домой уехал приют благочестия. Три мира объехал святой подвижник в надежде посорить [кого-либо]. Быстро достиг [он] своих владений. [Так] Нарада, святой подвижник, наконец вернулся домой. Перед Чанди предстал Шива. Повели оба беседу, от души веселясь. За смехом и шутками прошла ночь. На рассвете закаркали вороны со всех сторон. Покинул ложе Шива, дабы пойти в цветник. Идти ли в цветник — Шива в душе колебался. Нерешительность Шивы заметив, вопрошала Парвати: «Почему-то нынче не пойму твою душу, Повелитель! Меня покинув, куда ты направляешься? Коли по велению долга вступаешь на божественный путь, то туда, куда пойдешь, и я иду с тобой!» Говорила [богиня] слова обманные, всячески лукавая. Удерживала Шиву, вцепившись рукой в его одеяние. Края [его и своего] одеяния связала узлом. На царском ложе спала Богиня, рядом слева [лежал] Шива. Телом вздрагивая, шумно дышала [Чанди]. Наслав сон на Чанди, Хара вышел из дома. Изъяснялся жестами, ни словечка не произнес. Повелел Нанди снарядить быка. Приказу Шивы повиновался Нанди с почтением. Вывел [он] быка наружу. Походил бык на слона Айравату. Украсил [Нанди] голову [быка] золотыми украшениями. Все [его] тело украсил драгоценными камнями и жемчугом. На^{шею} повесил колокольчик, [что] звонко звенел. Спину и грудь украсил красивыми бубенцами. К хвосту привязал белое длинное опахало¹⁰. Везде прикрепил золотые нупуры¹¹. Золотое сияние исходило от морды [быка]. Радостно оглядел Шива наряд быка. Бросил искоса пристальный взгляд Шива. И, подпрыгнув, сел Шива на спину быка. «Пошел, пошел!» — понукал Шива быка и бил его ногами. Дорогой ветров мчался бык по небу. Очень быстро, словно ветер, мчался бык. В мгновение ока достиг берега Сараю. Жена рыбака из касты дом по имени Гоури перевезла Владыку на лодке через реку. Ехал бог,

угадал бык желание бога. Угадав желание Шивы, домчал [его] бык до цветника [Чанди]. В цветник Шива пошел один. Цветы разглядывая, был доволен Махешвара. Цветник разглядывая, наслаждался Шива. Расцвели [там] все цветы [одновременно] — рвал их [Махешвара]. Биджой Гупто говорит: Было очень весело. Велено, певец, сказывать [стихом] лачари. (1—116)

4.

лачари

При виде цветника обрадовался Трехглазый — чудесно [его] благоухание! Цвели цветы и зимней и весенней поры, алкая меда, жужжали пчелы. [Здесь были] цветы чампы¹, нагесвары², гвоздичного дерева, малати³, джути⁴, кеоя-кетаки⁵, бока⁶, тогора⁷, лианы мадхоби⁸, ашоки⁹, опораджиты¹⁰, бандули¹¹, кунжута, дробона¹², бокула¹³. [Цвели] розы, жасмин, дхаи¹⁴, кутоджо¹⁵, канчон¹⁶, джай¹⁷, костури¹⁸, дурман, шотоборго¹⁹. [Цвело] такое множество тулси²⁰, что и не описать. [Цвели] китайские розы, что подносят в дар Солнцу. [Цвели] лианы шьямо²¹, припхала²², олеандры, апельсиновые деревья, бхумичампа²³, [гардении] гондхорадж²⁴, заросли куши²⁵, гулачи²⁶, отоши²⁷, ноготки, элачи²⁸, кришночура²⁹, лотосы, голраджд³⁰. Цвели заросли палаши³¹, шероти³², мадхоби и дулала³³, шурджомукхи³⁴ и шепхалики³⁵. [Цвели] бишнуподи³⁶, чондромони³⁷, нилоконтхо³⁸, шурджомони³⁹, джобенто⁴⁰, жасмин и чондромолика⁴¹, джхикота⁴², нондодулал⁴³, бхалли(?)⁴⁴, кадамба⁴⁵ — цвело множество цветов. Веял там малайский весенний ветерок⁴⁶, жужжали пчелы, пели всякие птицы. Распустились бутоны лотосов, от их вида пьянели пчелы, от их вида взволновался Бестелесый⁴⁷. Так весной цветы, которыми прежде совершалось поклонение [Шиве], стали враждебны ему. Кому дано постигнуть божеский замысел — Шиву, бога, Владыку созидания, охватила любовная истома! Мучимый вожделением, Шива занемог всем своим существом, возжелал он любовных наслаждений. Одурманенный страстью, обнял дерево шрипхалу — и вдруг исторг великую влагу. Пролилось сокровище Бестелесого, расстроился Трехглазый, собрал [его] левой рукой. Держа луну⁴⁸ в руке, подумал: «Нет со мною Богини, какому же человеку выдержать этот огонь!» С душой взволнованной оглядел [он] лотосовые заросли, задумался, встревоженный. [И тут] увидел Шива озеро, покинул [он] лотосовые заросли, ополоснул руку в озере. На лотосовом листе оставил Трехглазый великое сокровище — то издали приметил птица. Мучимая жаждой, не разумея, дурно то иль хорошо, как влагу [его] сглотнула. Как только [птица] испила [той] влаги, огнем опалило все ее тело. И [семя], пламени подобное, она тут же выплюнула, бросила в

заросли лотоса. Оказавшись пленником земли, по корням лотоса семья спустилось в подземный мир — паталу. Попало в подземный град, и родилась [там] женщина-нагини, божественная дева, собою прекрасная. Был извещен [о том] повелитель нагов⁴⁹, и загремели барабаны на небесах; почтил повелитель нагов [ее] с уважением. Поднес Васуки [деве] дары, подарил украшения с драгоценными камнями, заботясь о ней, поселил в цветнике. [Так] родилась От-яда-исцелительница, ликовал град богов, радовалась Васумати⁵⁰. Биджой Гупто говорит истину: Нет у меня иного пути, будь же милостива богиня Падмавати! (1—64)

5.

пояр

Родилась От-яда-исцелительница, Мать мира¹. Ликовали во всех сторонах света, веял прохладный ветерок. С небес боги осыпали [землю] цветами. Громко трубили раковины, гремели цимбалы, [барабаны] дундубхи². Дочь появилась у Великого бога³ — радовались боги. И вот исполнилось деве шестнадцать лет. Дочь Шивы одна жила в цветнике. Рожденная не женским лonom дева была дивной красоты. Сама [она] не ведала, что дочь бога. Знак нагини — змеинный капюшон — держала в волосах. Рожденная богом стала дочерью нагам. Благослави наёка, о богиня Махамайя! В цветнике родилась дева, отца не знала. Милостью Падмы да будут все счастливы! Биджой Гупто говорит: Слушай, певец, украшенный добродетелью! Коли споешь милостью Моноши, обретешь приют у [ее] ног! Смилуйся, Падмавати, исполни сокровенное желание! Радостными возгласами приветствовали жены рождение Моноши. Жила в лесу Падмавати одна. Однажды за цветами пришел туда Держатель трезубца. В одиночестве была дева в цветнике. При виде красоты девы пришел в изумление Шива. Во все глаза долго смотрел на нее Шива. «Откуда пришла в цветник божественная дева, совсем юная, мир чарующая дева? Это или Индрани, [супруга] Индры, или Рохини, [супруга] Чандры! В трех мирах нет подобной женщины! А может, собирать цветы пришла [ведунья]-видьядхари⁴? Увидел [я] девью красоту — и сердце охватило томление! Безупречный Нарада, святой подвижник, поведал тайное: повстречает Господь в цветнике подобную деву! Увидел [я] красоту девы и чувствую необычное влечение. Женюсь на ней по обычаю гандхарвов⁵ и увезу в Каши!» — так думал пораженный Трехглазый. Улыбаясь, спросил Шива: «Кто ты такая? Чья ты дочь, кто такая? Почему в одиночестве гуляешь по цветнику?» Увидел Шива Падму и взволновался. Милостью той Падмы да будет благословен наёк! Биджой Гупто говорит: Не горюй, певец, [стихом] лачари, как можешь, сказывай предание! (1—42)

6.

лачари

«Послушай, послушай, красавица, ты не узнаешь меня? О красавица, дивная, юная, почему ты одна в лесу? В этом лесу бродят асуры¹, а кроме тебя, нет других женщин! Разве найдется такой, кто не возжелает твоей красоты? Как бы не возжелали тебя! О красавица права независимого, что мне сказать тебе? Я повелитель богов, божество Малешвара, я предел созидания! Открой, какой бог приходится тебе отцом! По всему твоему телу украшения из змей, отчего так? При виде твоего облика любовная страсть охватила Малешвару, лихорадит тело, [пронзенное] стрелою Маданы и возрожденное к новой жизни. Ты, дева, станешь [моей] второй женой, непременно повидаяюсь с твоим отцом. Ты красавица, я исполнен достоинств, твое согласие получив...²». Понимая, что происходит, поклонилась Моноша и сказала: «Ты отец мне!» Надежда вайды Биджоя Гупто — [Падма]. (1—22)

7.

пояр

Волнуемый страстью, Великий бог говорил неподобающее. Сгорая от стыда, слушала Падма о его помыслах. Отвечала Падма: «Отец, ты первопричина [всего сущего], но не узнал меня и повел неправедные речи. Тебе, главному среди богов, поклоняются в трех мирах. Все земные миры ты знаешь прекрасно! Сам все ведаешь, зачем же я стану объяснять. Отец, а не признал собственной дочери! Падаю в ноги, низко кланяюсь: подобные неправедные речи впредь никогда не держи!» Биджой Гупто говорит: О певец, раб Моноши, [теперь] надлежит сказывать [стихом] лачари! (1—12)

8.

лачари

Припадая к стопам Шивы, воздала [ему] хвалу От-яда-исцелительница: «О отец, почему ты молвил подобную речь? Разве ты не знаешь, что я твоя дочь, ты же отец [мне]. бог Держащий трезубец? Боги, асуры, якши и множество иных существ порождены тобою в мире. Твое имя дарует мукти¹, а ты страдаешь от страсти — что же остается людям и зверям! Сказывают боги и другие [существа], что ты источник творения, боги поклоняются твоим стопам. Человек, что служит тебе, обретает мукти, стремящийся к тебе еще при жизни обретает высшее счастье. Погрузись душой в йогическое созерцание и припомни, что за сокровище обронил ты в цветнике. Спустилось [оно] в землю, в пагалу, из него родилась я — та, которую боги прозы-

вают Моношей. В поклоне склоняюсь перед тобой, множество цветов [ты] собрал, от солнца притомилось [твое] тело. Наполни корзину цветами, ступай сейчас домой, захочешь — придешь в другой день». Услышав речь Падмы, обрадовался Держатель трезубца. Но от стыда не могли вымолвить ответ [его] уста. Родилась в зарослях лотоса [дочь Шивы], потому имя [ее] — Падмавати. Моношей же прозвал царь нагов. [Так] познакомились отец и дочь, славили [их] в мире богов, с небес осыпали цветами. Держа Моношу под мышкой, плясал Шива над землей. Биджой Гупто сочинил [эти] стихи. (1—28)

9.

пояр

Посреди цветника весело танцевал Великий бог. Сколько цветов расцвело — все оборвал. У многих цветов сломал верхушки, оборвал бутоны. При виде [такой] напасти заплачет Чандика. Один оборвал все цветы, никому не оставил! Разными цветами Великий бог наполнил корзину. Множеством цветов наполнил корзину, множеством цветов украсил свое тело. В пустых покоях очнулась Чандика. Огляделась по сторонам — никого нет! «Меня обманув, ушел Великий бог в цветник! А [я] ведь связала края [наших] одежд, и заснули вместе! И все же не смогла удержать безумного Шиву! В саду цвели цветы, никто их не рвал! Их оборвав, обманул меня грешный курильщик гашиша! Хорошо же поступил Шива: обманув, ушел тайком! Коли на этот раз поймаю, посмотрим, что будет!» В гневе срывающимся голосом бранилась Чанди. Милостью этой богини да умножатся богатства всех! Биджой Гупто говорит: Продолжай, певец, оставив пояр, [переходи] к лачари. (1—20)

10.

лачари

«Хорошо схитрил Шива, схитрив, ушел далеко. На этот раз поймаю, собью спесь! Связала края [наших] одежд, дабы были вместе. Но не смогла удержать безумного Шиву. Не разгадала твоего лживого права — вот и весело [теперь]! Злая судьба наградила меня чудным муженьком! Балуется [он] гашишем, дурманом, носит тигровую шкуру¹! Околачивается с бхутами² там, где сжигают трупы, в голове одни женщины! Все говорят: «Безумец Шива!» — сколько еще смогу вытерпеть! Ушел, обманув спящую, и душу [мою] терзают подозрения. Уехал, оседлав подлого быка³ — чтоб [его] тигр задрал! Да спалит огонь суму [Шивы], висящую на плече, и сосуд из тыквы⁴! Пусть Раху проглотит месяц⁵, украшающий его лоб! Пусть разорвется его ожерелье из костей⁶, а трезубец украдут воры! Пусть Гаруда склюет змею⁷ на его шее — раз обманул меня! Много раз обма-

нывал и сам будет обманут нынче! Колдовством одолею; узнав, посмеются боги [над ним]». Долго думала Чанди и молвила, гневаясь в душе: «Одолею тебя колдовством, обернувшись домини⁸!» С медными кхару⁹ на руках, с серьгами в виде раковин в ушах, как ветер, мчалась Богиня на спине льва. Бранилась Богиня, все время восклицала: «О горе [мне], о горе! Куда податься с Шивой, курильщиком гашиша!» К речной переправе спешила Богиня. Быстро приехала на берег. Стоя на берегу, Богиня сбросила свои одежды. На речной переправе появилась Богиня — трубили на небесах рога. Биджой Гунто говорит: Чанди. Мать мира, дабы поймать Шиву, пришла к речной переправе. (1—30)

11.

пояр

Подружилась Чанди с домини, дабы исполнить задуманное. О Чанди, защити добрых людей! Стоя на берегу, смеялась Богиня в душе. Улыбаясь, подошла к домини. Хитря, говорила Богиня лживые слова. Богиня была колдуньей и ведала много разного колдовства. Наговорили обе [женщины] друг другу любезных слов. Обнялись обе на берегу Сараю. Смеялись, шутили и беседовали как равные. У домини спросила Богиня: «Подружка, скажи правду! Кто с твоего берега переправлялся сегодня? О моем горе рассказывать долго! На старости лет стал мой муж бегать за чужими женами. Бродит [повсюду], как безумный, не лежит [у него] душа к дому. Над бесчестной старостью смеются все люди. Семейный человек, а заигрывает с чужими женами! [Этого] не могла снести, в горе сильно отругала [его]. Но без мужа моя душа не знает покоя! Нынче в гневе давно покинул [он] дом. Умру я, коли не увижу мужа! Вот и пришла на берег Сараю, дабы переправиться через [нее]. Искала [мужа], но не нашла и сильно устала. Нигде не нашла супруга. О добрая подружка, душе любезная подруга. Не видела ли ты, подружка, повелителя [моей] души? Кто переправлялся через реку на твоём берегу? Скажи всю правду, куда [он] отправился, и [я] найду его». Так вопрошала Богиня, напуская чары. Милостью той богини да исполнятся чаяния наёка! Биджой Гунто говорит: Певец, будь прилежен! Оставь пояр, пой песнь лачари. (1—34)

12.

лачари

Припев:

Задуманная подружка, скорее открой мне правду!

«Душа моя страдает в разлуке с усладой сердца! Не видела ли ты супруга у главной переправы? Мой муж дурного поведе-

ния, всеми помыслами стремится к чужим женам, потому в гневе [я] отругала [его]. Не знаю, куда в ужасном смятении и ярости ушел, как ни искала, не нашла [его]». Отвечала домини: «Не видела [его], говорю [тебе], подружка, какой толк спрашивать! Бесчисленное множество людей проходит, разве о ком-нибудь что-либо узнаешь, среди шума разве кого-нибудь признаешь! Один старик переправлялся через реку. У него три глаза, пять его ликов¹ прекрасны! На лбу капля сандала, джата² касается небес, на левом плече железный трезубец. Ехал на быке, на теле [висели] рог и [барабан] дамару³, в ушах были цветы дурмана. Шею [украшало] ожерелье из костей, одеянием [служила] шкура тигра, все [его] тело было в петле⁴! На груди шила змея, на голове сверкал драгоценный камень⁵. От [его] вида душа [моя] тряслась в страхе. Проехал [он] в облике подвижника, глаза полыхали огнем, усы и борода обвисли. Сильно хмурил брови, на шее висел священный шнур, сплетенный из девяти нитей⁶, но за переправу не заплатил ни каури⁷!» Пока домини говорила, Чандика слушала со вниманием, думая про себя: «Это мой муж». Сказала [она]: «Подружка, ты ступай сейчас домой. Я вместо тебя займусь переправой». «Ступай, ступай!» — говорила Гаури. Рассмеялась домини, с любопытством глядя в лицо Богини. Оставив Чанди лодку, ушла к себе женщина [из касты] дом. Радостно поет Биджой Гупто. (1—16)

13.

пояр

О Падмавати, одари [своей] милостью наёка! Оставив лодку Чанди, домини ушла домой. Задумалась Богиня: «Что же делать?» Взяв в руки весло, села Богиня в лодку. Направляя лодку в водах Сараю, переправилась Богиня с левого берега на правый. На правый берег придет бог [Увенчаный]-короной-с-драгоценным-камнем¹. [Потому] к этому берегу подогнала лодку домини. Множество чар знала Богиня, Владычица мира². Обманно обернулась [она] небесной видьядхари. Приняла дивный, самый прекрасный в трех мирах облик, который может очаровать весь свет. Миг стоит Богиня на берегу, на миг уходит. Громко запела домини сладостную песнь. Миг — взглянет и засмеется, еще миг — руки возденет к небу. Заниматься человеческим делом было приятно божественной душе. А [теперь] послушайте о Великом боге, [пребывавшем] в цветнике. Радовался Шива, что собрал все цветы. Посреди зарослей Великий бог, обеспокоенный, задумался: «Какой облик с помощью колдовства приняла нынче Чанди? Вот вернусь домой — отругает [меня] немилосердно. Очень опасного права Чанди и бранится без удержу. Вернусь домой, Чанди непременно затеет ссору. Дурного от хорошего не отлича-

ет и сильна в брани! В гневе на меня Чандика изругает и Падму. Самозабвенно Чанди ищет повода для ссоры! Не поведу сегодня Падму к Чандике, [а то] наговорит Чанди ей все, что в голову взбредет. В яростк изругает всех без пощады. В гневе на меня наговорит лишнее Падме. А ежели повздорит с Падмой, то и не знаю, как все может обернуться. Спрячу Падму, дабы Чандика не увидела. Когда-нибудь потом познакомится мачеха с дочерью». Поразмыслив, Вечноблагодарный³ решился. Среди множества цветов спрятал Падмавати в корзине. Снизу и сверху, со всех сторон укрыл [ее] цветами. Спрятал Падму среди [цветов] Бхоланатха. Красиво выглядела корзина Шивы с цветами! Неся Падму, Великий бог шел быстро. Думал тогда Великий бог: среди цветов Падму [никому] не увидеть. Спрятал он [дочь] в корзине с цветами. Ехал Шива на спине быка, держа корзину в руках. (1—46)

[Встреча и перебранка Шивы с Чанди]

14.

Оседлав ветер, быстро мчался бык. В мгновение ока домчался до берега Сараю. Встал на берегу Шива, огляделся вокруг. Вдруг у переправы в лодке увидел прекрасную женщину. Внимательно и пристально смотрел Шива: «Такой необычной красоты никогда не видел!» Помахав рукой, Великий бог несколько раз позвал [ее]. «За каури, домини, переправь меня [на другой берег]. Подойди сюда, подойди сюда!»— громко кричал. Так на берегу стоял Шива. Воздев руки, громко кричал Шива. О Великий бог, прославь наёка! Биджой Гупто говорит: Певец, ни о чем не беспокойся! Оставив пояр, переходим к стихам лачари. (1—14)

15.

лачари¹

Припев:

Приди, приди, женщина [из касты] дом!

«Приста́нь к берегу, приста́нь к берегу!»— кричал Шива. Смеясь, отвечала домини: «Неведом тебе стыд! [Нынче] за переправу не заплатил ни одной каури! Нет у меня желанья торопиться ради тебя! Сначала отсчитай и отдай деньги за переправу! От своих денег зачем отказываться?!» Гневно говорила женщина из касты дом, а Великий бог смеялся: «Где это заведено, чтобы пе-

ревозили бесплатно? Какую цену запросишь, ту и заплачу, только перевези на другой берег! Никуда не уходи, приблизься [ко мне]!» При виде красоты домини совсем обезумел Трехглазый. Догадываясь о помыслах Шивы, домини причалила лодку [к берегу]. Биджой Гупто славит стопы Моноши. (1—14)

16.

пояр

Когда домини причалила к берегу лодку, [она] пристально взглянула на бога Трехглазого. Глядя на домини, Шива размышлял о том, как [овладеть ею]. Прыгнул Великий бог в лодку. Улыбаясь, молвила домини: «Тебя еще перевезу, Шива, но как переправить быка? Увидит [он] разбушевавшееся море, испугается. А ежели быка здесь оставить, то съест его тигр». Смеясь, отвечал Шива: «Послушай, о домини! Не возьмешь быка — в том не будет твоей вины! Мой бык и сам переправится вплавь. Скажу одно слово, прислушайся к нему! Пришла [ты] мне по душе, да [и я] приглянулся тебе, давай заживем вместе, позабыв все горести! Есть [у меня жена], мать Картикеи¹, благородная Махамаяя. Но тебя буду любить больше ее». Тут, заметив волнение [на реке], засмеялась про себя Богиня: «Погляжу, как сильно испугается Шива, коль лодка потонет!» Заваливаясь набок, черная воду, стала лодка тонуть. В страхе Великий бог вцепился в супругу. Схватил Шива домини за руку, заставляя грести. «Коли наша лодка потонет — сдохнет мой бык! Гребь же, гребь!» — умолял Шива в отчаянии. Наблюдая за ним, про себя потешалась Богиня. Отвечала домини: «Заплати мне деньги, Шива! Тогда поведу лодку, об этом уже говорила тебе!» Сказал Шива: «Слушай мое слово, домини! Оставлю тебе быка как плату! Ты еще непременно почитаешь меня! Отдам быка — не сомневайся!» Так Шива обманывал Бхагавати. Очень быстро лодка достигла берега. Дивной красоты была та дева в расцвете юности. Изнемогал от страсти бог Трехглазый. Сказал Шива: «О домини, выслушай [меня]! Почти меня, разве [я] не по душе тебе!» Сложив молитвенно ладони, спросила домини: «Почему отшибло у тебя* память, божество Трехглазое?» И принялась бранить Шиву богиня Махамаяя. Биджой Гупто славит стопы Моноши. (1—42)

17.

лачари

«Ты — Шива, Трехглазый, не понимаю твою душу, ведь в твоём доме живет божественная супруга! Я женщина из касты дом, ты — Шива, Владыка. И меня ты хочешь обнять? Какой же

ты праведник — носишь тигровую шкуру, вот и вся твоя чистота! Мой муж — человек презренный, вид его пугает меня, почитает [его] только бык!» Отвечал Великий бог: «Ты говоришь, я безумен, однако вся эта земля — мое творение! Ты не узнаешь меня, а я предел созидания! Разве и этот мой недостаток тебе не известен?» Биджой Гупто, дваждырожденный, говорит: Шива изнемогает от любви, даже в йогическом созерцании себя не помнит. (1—8)

18.

пояр

Припев:

Не говори ни слова, сердце млеет!

О богиня Падмавати, одари милостью наёка! Колдовством возвела Чанди дивные покои. Обманное слово шепнула на ухо [Великому богу]. И увела домини Шиву в то жилище. Будто покои небожителей, полон был тот дом вещами. Исходило сияние от покоев Чанди. Весело смеясь, отперла [она] двери. Вместе с Шивой вошла в покои женщина-домини. Радостно рассмеялся Шива, изнемогающий от страсти. Сгорая от желания обнять домини в безлюдных покоях, [он] сказал: «Печаль моей души [ты], несомненно, развеешь! Знаю, в конце концов поступишь, как того душа желает!» Отвечала домини: «Каким бы важным человеком [ты] ни был, не хочу [я] супружеской измены! Право, [ты] хочешь обмануть меня! Давай приготовлю еду, а ты поешь». Задумался Шива¹ над словами домини. [Решился]: «Ты стряпай, а я уж поем» Услыхав [подобное], в душе посмеялась Богиня, Махамая: «Недаром все люди смеются над безумным Шивой». Совершив омовение, Богиня поспешила приступить к делу. Колдуя, стряпала Чандика. Как хотела, стряпала Богиня, и мгновенно появилось пятьдесят блюд². На банановых листьях подала яства Супруга Бхавы³. Поесть присел Держатель трезубца. Не отличал дурного от хорошего — от страсти совсем поглупел. Все яства отведав, совершил [он] ачаману⁴. Возжелав любви, приблизился Шива к домини. Молвил: «Хочу обнять [тебя], но в душе страх!» Разгадав замысел Шивы, разгневалась Махамая. В ярости, словно солнце на заре, покраснели [ее] глаза. Сбросив обличье домини, обернулась она Богиней. В гневе молвила Чанди: «Разгадала твой замысел, повелитель! Ради этого, обманув меня, сбежал [ты] в цветник! Ведь ты повелитель богов, а твоим проделкам не видно конца! В погоне за чужими женами губишь, Хара, свою касту! Возжелав чужих жён, бродишь по всем странам! Во имя чего странствуешь, Ши-

ва, в облике отшельника?»—«В гневе Богиня не знает удержу! Рассерженная, все расскажет богам! Что же я натворил во власти любовной страсти! Сам себя опозорил!» (1—46)

19.

пояр

Испугался бог Творец, что погубил [свою] касту. Задумался всевышний и решил. Строго взглянул на быка Великий бог. Поставил на [него] корзину с цветами. Довольный собой, Шива задумался. Положил руку [на быка] Шива и приказал: «Пошел, пошел!» Душой радуясь, Увенчанный луной¹ громко крикнул: «Домини, домини!» Увидев Шиву, домини низко поклонилась. Перевезла Шиву в лодке на другой берег. Переезжая через реку, Шива про себя радовался. Вечером отправился к Чандике. Сидя в покоях у Чанди, размышлял Шива. А разгневанная Богиня заперлась на засов. Закрыв лицо руками, горевала Богиня. Бил в дверь Шива и звал: «Богиня, Богиня!» Опечаленный, Шива держал корзину с цветами. «Изругала меня сильно, а сама спать улеглась! Из-за какой [моей] провинности закрылась в комнате? Открой дверь, и [я] войду в покои!»— скорбно говорил Шива дрожащим голосом. Ничего не отвечала Богиня, хранила молчание. Не раз принимался Великий бог умолять [ее]. Но у жестокой Чанди безжалостное сердце. Долго дергал дверь Шива. В таком положении тогда оказался бог Увенчанный-короной-с-драгоценным-камнем. Рассвет возвестило пение кукушки. Встал с ложа и вышел из дома Бог-с-чакрой², Увенчанный луной. Вспомнил о Падме и телом почернел. В покоях оставил корзину с цветами, закрыл на ключ дверь. От голода и бодрствования [ночью] тело [его] ослабело. На заре [Шива] пошел на берег Ганги, чтобы совершить омовение. Совершал омовение Хара в водах Ганги. В это время подошла к [закрытой] комнате Чанди. «Часто уходит Шива куда ему вздумается, но никогда не видел, чтобы дверь заперла на ключ. Почему же нынче так старательно закрыл дверь?» Сломала Чанди дверь и вошла в покои. На потолочной балке увидела корзину с цветами. Увидела ее встревоженная Богиня и про себя рассмеялась: «Повадился [?] ты, Шива, рвать мои цветы! Вот почему закрыл дверь. Выброшу все цветы, а корзину сломаю!» (1—44)

[Как Чанди увидела Моношу и избила ее]

20.

В сильной ярости, не задумываясь. [Чандика] торопливо дернула крышку с корзины. Разбросала повсюду цветы. И вдруг среди цветов увидела деву. Деву дивной красоты, [подобную]

Рати, [супруге] Маданы. Изумилась Богиня, Бхагавати, увидев ее. Сухо рассмеялась Богиня, захлопав в ладоши: «Вот почему курильщик гашиша был так взволнован! Разлюбил хозяйку дома и возжелал чужую жену! Седина в бороде, и никакого стыда — вот горе-то! Дурное от хорошего не отличает господин! Потворствует своим желаниям — всему, что ни взбредет на ум!» Бранилась Богиня, как ее душе хотелось. Била Падму, позоря. Горестно причитала Падма, от боли изнемогала [ее] душа. Жестоко била Чанди — не выжить [ей]! «Отец, отец! — громко кричала Падма. — Куда ушел мой отец? Приди скорей, взгляни на мои страдания! В твоём доме кто-то чужой бьёт [меня]! От побоев Чандики лишусь я жизни в этих безлюдных покоях!» Эта драка случилась столь неожиданно, что боги не заметили [ее]. Прибежала Джая и Виджая — две наперсницы Чанди. Прибежала Джахнави¹, всегда занятая людскими делами. Стояли вокруг женщины и перешептывались: «Откуда появилась дева, почему Чанди избивает [ее]? Дивной красоты дева, совсем юная на вид!» От побоев тело Падмы умирало. В ярости была Чанди — невысказанно стерпеть ее побои! Припала Падма к стопам Чанди. Взмолилась Падма: «О Чанди, ты Мать мира! Не рассудив, бьешь, желаешь ты причинить боль! Выслушай со вниманием, Мать, что скажу! Я дочь Великого бога, не бездомная! Несправедливо и негоже обзывать меня грешницей! Я дочь Великого бога, но рождена не женским лоном. Родилась я в лотосовых зарослях, и имя [мое] — Падмавати. Говорю, в твой дом пришла с отцом. Ни матери, ни братьев — никого нет, и [моя] душа скорбит! Боясь твоего гнева, отец спрятал меня. Ослепленная яростью, ничего [ты] не видишь. Ведь ты моя родственница, маточкой [мне] доводишься! Сказала все, что на душе было. По неведению сердилась, а потом будешь горевать!» У ног [Чанди] каталась по земле Падма. Но и тогда жестокая Чанди не оставила Падму в покое. Громко и слесиво бранилась Махамая. [Сказала Ганга]: «Совершить омовение в Ганге ушел Шива. Вот когда, омывшись, вернется Шива, всё узнаем о Падме! Пока не вернется владыка Шива, не рассудив, дурно то или благо, зачем ее бить? А ежели [она] дочь Великому богу и тебе дочь? Не узнав всего этого, какая нужда избивать ее?! Ты женщина умная, в ругани не превзойденная, ты сама виновата в ссоре! Остановись же, мудрая женщина, зачем избиваешь собственное дитя?» (1—60)

21.

«Что у тебя на уме, ведь она призналась, что дочь тебе, зачем же бьешь ее, не подумав?! Ты хоть и великомудра, но сильно опозорилась; прознав [обо всем], засмеют [тебя] женщины!

Оставь [деву] хотя бы из страха за свою дхарму¹; пусть она не рождена твоим лоном, [но она] дочь другой знатной жены [Шивы]!» Отвечала Чанди: «Послушай, Ганга, зачем скверно говоришь о других, разве хорошо других осуждать! Коли поступаю дурно — меня накажет Браг-трех-градов², ты же и наказания недостойна! Расскажу немного о твоей добродетели, слушай внимательно, кое-что я прекрасно знаю. Чтобы привести [на землю], царь Бхагиратха проталкивал [тебя] через горы, а Айравата домогался твоей любви³. Слышала от людей, что повстречал [тебя] святой подвижник Джахну и прямо с ладони выпил тебя. Бхагиратха, лучший из царей, поклонился святому подвижнику, потому [тот] не оскорбил тебя. Подвижник, что города рушит, все нечистые твои воды выпустил в нарак⁴. Самые закоренелые грешники умирают в твоих водах, потому так незапятнано твое тело!» Сказала Ганга: «Остановись, Чанди, много спесивых слов наговорила, а правду сказать стыдишься! Ходишь в домах, где можешь отведать рыбы и мяса⁵! Ты что, не знаешь, люди чтят Шанкару, и вознаграждает их Владыка трезубца⁶! Всех, кто почитает Шиву хоть немного, он одаривает своей милостью, потому и я снизошла на землю! Разве я не знаю, из-за кого ты вечно бранишься с мужем, научилась ты заводить ссоры! Обрадуй свою душу, я уйду домой, перебранка из ревности не даст плодов!» Перехитрив Чанди, Ганга притворилась разгневанной и в окружении подружек удалилась домой. Биджой Гупто говорит: Не бей Падму, навлечешь неразумно на себя несчастье! (1—20)

22.

пояр

Припев:

Не бей, о Мать, брось дубинку!

«Вблизи меня люди отказываются от дурных помыслов!» От речей Ганги ярость Чанди лишь возросла. Пылая гневом, отвечала Богиня надменно: «Буду бить Падму, таская за волосы!» От побоев Чанди тело Падмы совсем обесилело. Говорить [она] не могла, лишь дрожала. Взмолилась Падма: «Страшусь молвить правду! Невинную бьешь жестокосердно! Нет вины на мне, пощади! Бью поклонны, умоляю, но нет [в тебе] милосердия! В сильном гневе непременно дело погубишь! Когда отлив долго длится, и Гангу затягивает илом. Когда наставник устрашает без меры [учеников], страх [перед ним] исчезает. Подумав, рассуди, хорошо ли прибегать к насилию!» Но и тогда Чанди не поняла, что за существо Падма. Надменно гневалась [Богиня], себя не помня. Вращались покрасневшие от ярости глаза. Снова

принялась [она] жестоко избивать Падму. Была в свое удовольствии, никого не замечая. Сложив умоляюще ладони, Моноша призвала в свидетели весь мир. Сказала Падма: «Вода, твердь, небо и воздух, взгляните на преступление Чандики! Бьет и хулит невинную — не выдержать [мне]! Зная, что нет [на мне] вины, призываю всех в свидетели! Несправедливо [меня] лишают жизни — какие муки [терплю]! Когда вернется домой отец, расскажите ему всю правду. Шучорита, Бешумоти, Джая и Виджая — все ступайте домой! Почему бьет [меня] Махамая? Все вы знаете, нет вины на мне. Напрасно Богиня слодит с ума! Жизни лишусь, а ведь ведаю много разных премудростей! По собственной вине умрет Чанди — не будет в том моего греха! — так заговорила Падма, отбросив почтение [к мачехе]. — Сейчас явлю свою доблесть! Падма, дочь Шивы, наивысшее божество среди богов! По силе, уму и отваге не уступит [своему] отцу! Не могу стерпеть побоев Чанди! Оставив божественный облик, обернусь [я] змеей». Превратившись в змею, раздула Моноша свой капюшон до небес. Обнажились огромные клыки — при взгляде на них становилось жутко. Надулось ее тело, напоенное ядом. Для укуса [она] набирала силу. Все жены, сколько их было, убежали при виде Падмы. Таково предопределение судьбы: суждено Падме изведать позор! В одиночестве осталась Падма, но была преисполнена отваги. Рассмеялась про себя Мать Такшаки¹: «По своей вине умрет Чанди — иначе и не скажешь!» Гнев привел Падмавати в сильное волнение. Нанесла [она] в сердце Чанди молниеносный укус. Пронзила все существо Чанди боль от укуса Падмы. Взвыла от боли Мать мира. Достигнув цели, с радостью наблюдала Падма [за ней]. Проник в рану исторгнутый клыком яд. Страшный яд Падмы кто сможет снести спокойно! Смешавшись с кровью, яд распространился по всему телу. Повергнув врага, Падма смеялась, кося глазами. Взвилась в небо, оседлав ветер. Поблизости оставалась в небе, [приняв] желанный облик. Сжигаемая смертельным ядом, металась от боли Богиня. Чья жизнь сможет снести укус Падмы! Ядовитым пламенем горело тело Чандики. Словно пылающий огонь, яд жег тело. Металась Богиня, жизнь [ее] была на исходе. Все время она повторяла: «Я умерла, умерла, жизнь кончилась! Смертоносный яд заполнил все тело! Я изнемогаю, нет сил говорить!» Поникла голова [Чанди], на губах выступила пена. Ни носом, ни ртом не дышала мать Одноклыкастого². Без сознания упала на землю [Богиня], Махамая. Раскинула руки и ноги. Милостью Падмы лишилась жизни мать Карртикеи. Без сознания упала Богиня, без чувств. И задрожал этот мир. Падма — дочь Шивы, Мать мира! От ее укуса испустила дух Чанди — что тут скажешь! Махамая — воплощение шакти³, пособница творения! И подобная богиня испустила дух от укуса Моноши. Биджой Гупто говорит: Повторяй, певец, имя Рамы! Отбивая такт ладо-

нями, поклонись Падме! Чанди умерла, все увидели в этом знамение. И со скоростью ветра прибежали туда горожанки. Кто отгонял злых дулов, кто мантры⁴ повторял, кто привязывал амулет. «О Богиня, Богиня!» — громко взывая, рыдали некоторые. По-разному славили женщины [Чанди]. Но тело Чанди не подавало никаких признаков жизни. В ужасе гонец помчался на берег Ганги. Поспешил вернуться домой Шанкара. Неожиданно умерла Чанди — то весть немаловажная! Услыхав об этом, явились все боги. Лежит на земле Богиня без сознания. Увидев подобное, удивились боги. При виде облика Чанди до глубины души расстроился Шива, споткнулся и рухнул на землю. Горестно рыдал Шива над Чандикой. Да славится наек милостью нашей богини! Биджой Гупто говорит: Певец, повторай имя Хари! Теперь читай [стихом] лачари, дай отдых пояру. (1—122)

Припев:

Плакал Шива, обняв Чанди!

23.

лачари

Как ни утешали боги [Шиву], ничего не хотел [он] слушать. «О Гаури, Гаури!» — громко звал. Жалобно плакал, свою карму проклинал. Печально внимали боги...¹. Без сознания Бхагавати! Рыдали Карртикея и Повелитель ганов. Радостно рассказывает Биджой Гупто. (1—7)

24.

пояр

Припев:

Горько рыдал Шива, катаясь по земле.

Бил себя в грудь [Шива], рвал волосы, катался по земле. «Гаури, Гаури!» — испускал горестные воли. Горько рыдал Шива, душевно страдая. Плачу Шивы вторили все боги. Сказал святой подвижник Нарада: «Шива, сделай же что-нибудь! Не стыдно ли горевать из-за женщины? Придет в себя Чанди, зачем ты плачешь?! Ты Повелитель мира, а люди смеются над тобой. Успокойся, оставь рыдания! Как спасти Чанди — об этом задумайся, Владыка, и что-нибудь придет на ум! Поразмыслил я и решил: без Падмавати не спасти [Чанди]». Речь Нареды прервала плач Владыки. Громко и беспрестанно начал [он] взывать: «Падма!» Говорил Великий бог: «Чем я провинился? Куда ушла Падма, бросив безвинного отца? Человек вкушает плоды той кармы, что творит! Мать сама виновата — нечего другого винить! Дочь, оставь гнев и тотчас же поспеши домой! Без тебя

сердце мое разрывается!» Говорил Великий бог: «Падма, ты дочь-мне! По своей вине умерла Чанди — нет в том твоего греха. Ни вперед, ни назад не смотрела [она], удержу в ссорах не знала. И вкусила от плодов своих деяний! В глазах людей ты опозорена, Падма! Верни к жизни Чанди — покажи свое мужество! Скажет тогда народ, что был оклеветан невинный человек. А то люди скажут, что ты убила свою мачеху. Воскресив Чанди, ублажишь богов. И люди убедятся в твоём мужестве. Отрекись от зла, вступи на путь дхармы! Ты послушай моего совета, не поступай иначе. Единойды вдохни жизнь в Чанди!» Печально прерывающимся от рыданий голосом так говорил Шива. Больше нечего было [ему] сказать, и [он] умолк. Опустила голову Моноша, ни на кого не глядела. Сказали боги: «Падма, так не подобает поступать! Убив мачеху, ты разве не боишься, что нарушила дхарму? Шива, [твой] отец, умоляет, ты же не отвечаешь!» Все, что говорили боги, выслушала Падмавати. Милостью Падмы да будет всем отдохновение! Биджой Гупто говорит: О певец, подумай хорошо — сказывать дальше лачари или пояром! (1—50)

25.

лачари

«Твоим ли устам хранить молчание? Самый тяжкий грех — убийство мачехи! Разве [это] не понимает богиня Падмавати? [Ты] ведь не низкого, а божественного происхождения, к тому же мудра и сама все прекрасно понимаешь. Отец славит тебя, [ты] же не отвечаешь ему, словно дитя неразумное. Восемьдесят лет ему — возраст преклонный, а [ты] сотворила такое, что в страхе [он] не говорит с тобой как следует, задрал голову, молит. Исполни же просьбу бога, а то услышишь из людских уст проклятья! И мы [не думаем] иначе, добрый совет даем. Задумайся над своим поступком, совершенным в гневе! Невинно оскорбленная, оживи Чандику, доставь радость богам!» На мольбу тридцати божеств не отвечала Моноша. [Тогда] сказал Брахма: «Падма, выслушай меня, я знаю о твоей способности: из века в век ты по желанию принимаешь любой облик! И тех людей, кого убиваешь, можешь вновь воскресить — единойды оживи Чанди!» На речь Брахмы рассмеялась Падма: «Тебе хочется, чтобы труп вновь ожил...! Твои слова так растрогали [меня], что сейчас же воскрешу Чанди!» Биджой Гупто дивно сложил [песнь]. (1—26)

26.

пояр

Милостью Падмы да будет благословен наёк! Речь богов устыдила душу Падмы. Сказала Падмавати: «Слушай внимательно, отец! Со вниманием выслушай, батюшка, о моем горе! Твоей

дочерью [я] представилась [Чанди]. Но [она] била меня как ей вздумается. Воскрещу Чанди, батюшка, только ради тебя!» Слова Падмы обрадовали Шиву до глубины души. «Слава, слава!» — воскликнули боги. Присела Падма, дабы воскресить Чанди. Много всяких средств знала Падма от гуру¹. Возложив руку на грудь Чанди, она прочитала главную мантру. Молвила Падма: «Чанди, тебе поклоняются все люди. А от укуса ребенка ты дух испустила — и потешается народ. В пылу ссоры ты безмерно смела! По своей вине умерла, меня опозорив. Большого не могу сказать, ведь ты мне мачеха! Отринув гнев и смущение, скорее поднимайся! Вставай, вставай, Чандика, не бойся моих упреков, хотя ты уснула из-за проклятья Падмы!» В ухо [Чандики] нашептывала [Моноша] мантры, била по спине. От заклинаний яд потек из тела. Читала Падмавати мантры, а боги ликовали. Покинул смертельный яд тело Чанди. Словно от сна очнулся спящий человек. Волею Падмы пришла в себя Чанди. Глаза [ее] прояснились, тело очистилось. Изогнувшись, встала Богиня, Махамая. Отряхнув с тела пыль, огляделась. Смутьившись, села на землю. Печальным взглядом посмотрела вокруг. Радостно все боги взирали на лик Чанди. Биджой Гупто говорит: Певец, поусердствуй! Сказывай прекрасным лачари, а Великий бог спляшет! (1—34)

27.

*лачари*¹

Весело все плясали, весело плясал Владыка. Вместе с Чарующим мир, Шивой, Махешой² плясали бхуты и пишачи³. Радуюсь, Великий владыка смотрел на Чанди и танцевал, ликуя в душе...⁴. Вместе со смеющимися и плянущим Харой плясал Держатель палицы⁵ и бил в мридангу⁶ на левом плече. Плясал счастливый Шива, Нанди играл на музыкальных орудиях. Отбивая такт ладонями, пели песни слуги. [Их] огромные зубы под стать нахмуренным бровям. Громко гремели дамару. Умерла Чанди и вновь воскресла! Дакини и йогини издавали славящие возгласы. Смотрел на Чанди Великий бог и смеялся. Говорили боги: «Радуйся, Хага! К твоему счастью, воскресла нынче Гаури!» Ликовали, глядя [на Шиву], все боги, славили, осыпали цветами. По правую руку — Падма, по левую — Бхагавати. Так, ликуя, отправился домой Повелитель скота⁷. Вайдья Биджой Гупто дивно поет. В доблести Моноши убедилась Чандика. (1—24)

Припев:

Волею Моноши воскресла Чанди.
Издавали дакини, йогини ликующие крики.
Смеясь, разошлись боги по своим домам.
Зажила Падма в граде Шивы, сердцем радуясь.

[Замужество Падмы]

28.

Был очень добр отец к Падмавати, лишенной матери. Познав [ее] доблесть, лелеяла [ее] и Богиня, Махамайя. День ото дня росла богиня, вкушая много удовольствий. Так жила какое-то время Моноша в разнообразных уладах. Однажды вместе с подружками резвилась Моноша в [реке] Сараю. Кто, плавая, был по воде ногами, кто вырял, кто дрался. С распущенными волосами, обнаженной грудью [резвилась Падма]. Неожиданно забрел в те места Владыка. «Нет предела красоте дочери в расцвете юности! Негоже иметь в доме десятилетнюю дочь¹, а у меня в доме дочь десяти лет!» — задумался [Шива] и вернулся домой. Долго думал Великий бог и послал Нанди за великим подвижником Нарадой. Сказал Великий бог: «Слушай внимательно, святой подвижник! Падму, отраду жизни, хочу отдать замуж. Хочу дочь, богиню Падмавати, выдать замуж. Поскорее займись этим делом! Что у меня на душе, открыл тебе. Найди зятя, которого все бы одобрили». Речь Шивы заставила святого подвижника призадуматься: «Куда же мне идти на поиски жениха?» Размышляя об этом, подвижник поспешил удалиться. В поисках жениха отправился на гору Сумеру². Увидев Нараду, все догадались о причине [его прихода]. Поднесли ему воду для омовения рук, ног, усадили³. Сели все вместе святые отшельники. Беседовали о том о сем и обо всем. [Сидели] Васусагра, Вишвамित्रа, Марича, Гаутама, Ришьяшринга, подвижник, чье имя Шатругхна, Сатьянанда, Парашара, Капила, Васиштха⁴. Сидел [там] святой отшельник Капила, известный своим подвижничеством: от долгого подвижничества стало прекрасным тело святого. Сидел среди них и красавец Джараткару: руки [его] достигали колен⁵, прекрасен был лоб. Блестело на груди золотистое шелковое одеяние. Медленно перебирал [он] хрустальные четки. Дав суровый обет, святой мудрец не женился. И никогда [с ним] не заводили речь о свадьбе. Стоило отшельнику от кого-нибудь услышать хоть слово о женитьбе, то проклинал того. Об этом вспомнил Нарада, достойнейший из святых подвижников. Вернулся Нарада к Великому богу и поведал [обо всем]. Держал совет Шива с Нарадой. Призвал к себе Каму, супруга Рати. Стоя в дверях, поклонился Пятистрелый⁶. Стоя перед Шивой, заговорил почтительно: «Зачем призвал меня, царь богов? Нынче этим снял мой позор⁷!» Услыхав речь Камадевы, обрадовался бог. Услыхав речь Камадевы, испытал блаженство Великий бог. Сказал Шива: «Камадева, выслушай мое слово! Соверши для меня необходимое благо. Хочу [я] выдать замуж дочь, богиню От-яда-исцелительницу. Поскорее исполни мое поручение!» Таково было веление, полученное Камадевой. Со стрелами и луком появился Кама там, [где находился Джараткару] Тело того,

в кого попадет стрела, спущенная с [его] натянутой тетивы, охватывает тотчас же вожделение. Стрелою Камы был околдован Джараткару. Раскрылись [его] глаза и увидели дивный лес [вокруг]. Пришел в ярость святой отшельник, отрекшийся от любовной страсти. Взгляд его упал на куст бинны⁸. Часть его корневой доходила до патылы. А на его ветвях висели предки подвижника. Ломая ветки, с воплями упали [они] на землю. Взывали [они] к подвижнику Джараткару: «Навлек ты зло на наш род! Теперь нет для нас пути на небо⁹! Ежели [ты] женишься и родится сын, мы попадем на небеса!» Услыхав подобное, отвечал отшельник Джараткару: «О женьтебе я никогда не думал!» — «Ступай и женись на деве по имени Джагатгаури! Задав плод, назад вернешься!» Услыхав это, согласился средоточие подвижничества. О том о сем долго беседовали вдвоем [Нарада и Джараткару]. «Я готов по велению предков жениться! Но где найти достойную деву?» Отвечал Нарада: «Слушай внимательно, Джараткару! Есть у Великого бога дочь по имени Падмавати. Многими достоинствами обладает Падма, велико добродетельная! Женись на ней, коли придется [она] по душе! Великий бог поручил мне [найти жениха]. И кажется мне, ты ему подойдешь». Услыхав подобное, возрадовался душой отшельник. Пустился в путь подвижник с Нарадой. Собрался и пустился в путь подвижник очень радостным. Велепо, певец, [теперь] сказывать лачари. (1—88)

29.

лачари

Нарядился сын отшельника, красотой и добродетелями не превзойденный, и небеса наполнились благоуханием. Сандалом умащено [его] тело, в руках цветы — нарядился, словно Кама, вооруженный луком, в месяце модху¹. Множество святых подвижников, восседая в палаанкинах, пустилось в путь, повсюду можно было видеть дваждырожденных. Дивно плясали, пели песни и играли на музыкальных орудиях божественные жены-красавицы. Сколько ехало святых отшельников с тыквенной чашей и посохом в руках — мне и не сосчитать! В обеих руках [они] держали кушу — таков обычай подвижников; чело [их украшал] длинный священный знак. Поэт Биджой Гунто, любимец пенителей [поэзии], говорит: Прибыл жених в град Шивы. Пораженные убранством отшельника, жены отбросили смущение и приблизились к нему. (1—16)

30.

пояр

[Все] знали, зачем явился Джараткару. [Потому] пришли туда жены богов. Восседал Держатель трезубца на троне, [украшенном] драгоценными камнями. Пришел туда и святой под-

вижник Джараткару. Возликовал душой Шива. Почтительно усадил [его]. Сказал Великий бог: «Выслушай божественное предопределение!» Отвечал Джараткару: «Владыка, ты повелитель мира! У кого достанет силы не повиноваться твоему велению!» Услыхав подобное, остался доволен Держатель трезубца. Призвал Карттикею, Повелителя ганов в Нанди. Повелел троиц: «Завтра свадьба Падмы, сегодня [обряд] адхиваса¹!» Оповестил Шива Чандику, веселясь в душе. Велено, певец, [теперь] скзывать лачари. (1—16)

31.

лачари

Держа Чанди за руку, молвил Шива, Бхоланатха: «О Чанди, сделай ради меня все приготовления к свадьбе! Явился жених, исполненный достоинств, отдам [ему] дочь! Ступай в дом, займись свадебными приготовлениями! Пришел сын святого отшельника, не превзойденный в красоте и добродетели, отдам ему дочь в жены!» Отвечала Гаури: «[Говоришь] „сделай“ — нет стыда у тебя, разве в твоём доме есть необходимое? Придут жены петь благословения, нужно [их] угостить бетелем¹, а где взять кунжут и синдур²?!» Смеясь, отвечал Держатель трезубца: «Знаю, как смутить женщин! Появлюсь голым среди них. При виде меня жены лишатся чувств и в смущении разбегутся. В смущении разбегутся — некому будет жевать бетель с бетелевыми орешками, станет некому подносить кунжут и синдур». Биджой Гупто рассказывает: Так положено, ступай в дом, займись приготовлениями к свадьбе! (1—18).

32.

пояр

Гаури сказала Шиве, в душе ликуя: «Рада [я] свадьбе Падмы! Но нет [в доме] ни серебра, ни золота, ни драгоценных камней! Из украшений есть только немного змей!» Призадумался Шива после слов Чанди. Призвал к себе Вишвакарму. Сказал Шива: «Вишвакарма, слушай мое веление! Построй дворец, украшенный драгоценными камнями!» Удалился Вишвакарма, выслушав наказ Шивы. С радостью построил золотой дворец. Начистил, красиво убрал покои. На крыше на золотом навершии¹ [поставил] шелковый стяг. Играя на музыкальных орудиях, пели песни гандхарвы. Дивно звучали музыкальные орудия: гонги, гхагхары². Внимая им, безмерно радовался Шива. Призвав Куберу, наполнил сокровищами кладовые. Безгранично богатство Шивы, Повелителя богов! Повсюду разложили разнообразные предметы, необходимые для свадьбы. Поспешили при-

ти божественные мудрецы и мудрецы-брахманы³. [Обряд] свадебного благодарующего омовения сотворил достойнейший из святых подвижников. (1—40)

33.

лачари¹

Громко и дивно звучали музыкальные орудия. [Обряд] свадебного благодарующего омовения творил достойнейший из святых отшельников. Одни жены держали в руках глиняные чаши, другие — светильники. Сотни женщин подошли поближе к подвижнику. Все жены богов, чьи мужья и сыновья здравствуют, взяли предметы для [обряд]а борон², встали в ряд. Кунжут, горчичным маслом, плодами амлоки³, куркумой, рисовой пастой радостно умастили тело подвижника, водой окропили. Умощенные восемь телесных членов⁴ снова омыли гангской водой. Омытаясь, увлажнил свои волосы подвижник. Сбросив мокрое одеяние, облачился отшельник в чистое дхоти. Благоухали безмерно агуру⁵ и сандал. Благовония, курясь, высушили [его] волосы. Любовались все женщины красотой отшельника. У стоп Моноши поет дваждырожденный Биджой Гупто. (1—16)

34.

пояр

Молвил Шива: «Гаури, ты не волнуйся! Владыка богатств Кубера мне друг. У него получу столько сокровищ, сколько захочу! И боги, несомненно, помогут. Пошли Нанди оповестить всех богов! Пусть Вишвакарма сделает украшения для Падмы. Пусть сделает украшение для носа, [гривну]-хашли¹ для шеи, [браслеты] кхару, мол², нуцур и для стоп пашоли³!» Сделал также Вишвакарма четыре очень красивых браслета для рук. Простившись, вернулся Вишвакарма к себе домой. Стали в сумерках с песнями обрядить [невесту]. Украсили Падму в доме отца всякими украшениями. Благословляли все жениха Падмы. Биджой Гупто говорит: Успокойте все свои сердца! [Шевец], благословенным лачар^ж поведай о свадьбе Моноши! (1—16)

35.

Звучала дивная музыка, завораживая сердце святого отшельника. Дабы увидеть свадьбу богини Моноши, явились все боги. Восседал жених на золотом троне, [сияя, как] немеркнущее солнце. Обратившись ликом на восток, бог Великий владыка, положил руку на колени жениха¹. Сотворил Шива над женихом разные благодарующие обряды по людскому обычаю. Поднес

[ему] цветочную гирлянду, украшения, благовония, поднес мадхупарку². Сотворил [он] благодарующие обряды и по обычаю богов. Сел Шива рядом с женихом. Подошла к ним Гаури со свитой горожанок. Святой отшельник, украшенный разными украшениями, восседал на золотом троне. Тут явилась Моноша для свершения обряда «первого взгляда»³, поглядела на жениха внимательно. Увидела супруга, и ликованием наполнилось ее сердце. Почтительно и смущенно семь раз обошла священным кругом⁴, осыпая [путь] цветами из сложенных ладоней⁵. Говорил народ: «Весьма достойного поведения Падма и мужа хорошего получила». Осыпая разными цветами⁶, под свадебным навесом⁷ сотворили над Падмой [обряд] «первого взгляда». Жрец и наставник богов Шива отдал свою дочь в жены Джараткару. Любуясь красотой [подвижника], радовался отец, что отдал дочь достойному жениху. После сотворения жертвоприношения и [обряд] арати⁸ удалились новобрачные домой. Подвижник, как положено зятю, отведал яств и был счастлив. Камфорой и листьями бетеля очистив рот, заснул [он] довольный. Славил и благословляли радостно родные [новобрачных]. Счастливым сном забылась Моноша с мужем, Радостно рассказывает Биджой Гупто. (1—22)

36.

пояр

Да обретут все освобождение милостью Падмы! Падма вышла замуж! — прищелкивая языком, издавали жены ликующие возгласы. Радостным сном забылся отшельник на брачном ложе. Хотел бодрствовать, но неожиданно заснул. Уснули оба, ничего не помня. Насладившись благословенной ночью¹, были оба счастливы. Кончилась ночь, и первым от сна очнулся сын святого отшельника. Милостью Падмы Биджой Гупто пишет книгу. Свершилась свадьба Моноши — доволел Великий владыка. (1—10)

[Часть, повествующая о разрыве]

37.

Когда подвижник Джараткару очнулся от сна, то повелел Моноше: «Слушай внимательно, подай мне кунжут, тулси и кушчу!» Рассердившись, богиня, не ответила. И сказал великий отшельник в гневе: «Быстрее подай все, уходит время!» Гнев подвижника не вызвал страха в душе Моноши. Тогда сказал в ярости лучший из подвижников: «Стала супругой брахмана, но нет [в тебе] знания дхармы! Дочь курильщика гашиша, ты кого оскорбляешь? Ты дивная красавица в расцвете юности. Я,

брахман, тебя недостойн!» Услыхав подобное, разгневалась Мать, Джагатгаури: «Милостью отца я наслаждаюсь царской роскошью! Никогда я не стану собирать лесные цветы и дурву³! Как ты смеешь бранить меня, несчастный брахман! Раскрой глаза и убедись в моей отваге!» Так говоря, От-яда-исцелительница взглянула на подвижника. И упал замертво отшельник. Когда люди увидели, как упал замертво подвижник перед Падмой, то [удивились]: «Отчего потерял сознание сын подвижника?» Молвила Падмавати: «Отец, слушай внимательно! И не пересказывай, как [супруг] бранил меня! Твоей милостью кого [мне] сойти-ся?» Выслушав подобное, Великий бог взял Падму за руку: «[Сейчас же] передо мной воскреси подвижника!» Речь Шивы очень обрадовала Падму. Теперь, певец, подсылай стихом зачари (1—30)

38.

зачари⁴

Припев:

Мужа-брахмана воскреси, о мать Моноша!

Молвил Шива: «Разгадал [я] твой замысел, Моноша! Непременно воскреси своего супруга!»—«Батюшка, я и сама испугалась. Вдруг подвижник потерял сознание». За руку Шива подвел [ее] к отшельнику. Глядела на подвижника Падма и в душе смеялась. Про себя произнесла Падма главную мантру. Навещала мантру в правое ухо отшельника. И воскликнул отшельник, придя в сознание: «О Рама, Рама! Не осталось у меня никакой любви к такой жене, как Падма!» Сказав так, подвижник удалился. У стоп Падмы поет вайдя Вайдхой Гупто. (1—12)

39.

паяр

Благодаря заклинанию Падмы пришел в сознание лучший из отшельников. Отринув гнев, великий подвижник спешит уйти. Увидев это, призадумалась Падмавати. Склонилась в поклоне, припав к стопам отшельника: «Прости вину, останься, приняв [мое] почитание! Надлежит прощать проступки женщины!» Услыхав мольбу [Падмы], сказал отшельник, средоточие подвижничества: «Ухожу, буду снова вести жизнь отшельника, ведь я аскет! [Но] я награжу [тебя], поэтому слушай прилежно! Из твоего лона от меня получит рождение сын. Станет [он] известен в мире под именем Астики¹. Из-за Тапмаки были прокляты восемь змиев². Они [вновь] родятся из твоего лона». И лучший из подвижников погладил рукой живот Падмы. Простился подвижник, сказав торопливо: «Будешь ты почитаема нагами

и змеями. Из-за меня же не скорби душой!» Так молвив, великий отшельник тут же удалился. Поклонившись Шиве, отправился совершать покаяние. Прошло сколько-то дней, и родился Астика. [Затем] появились на свет Ананта, Васуки и другие змии. Увидев [их], обрадовался Шива. Счастливо жила Падма в отчем доме. (1—24)

40.

пояр

Чанди сказала: «Падма меня перехитрила! Теперь моя жизнь полна страха. Родились нынче у Падмы восемь сыновей! При мысли [об этом] душа моя трепещет. Как мне погубить сыновей Падмы?» Так и сяк думала Супруга Бхавы. И призвала к себе страшных дакини. Повелела Чанди: «Дакини, притаитесь на небесах! Приняв желанный [вам] облик, проникните в покои Падмы. Изнурите богиню, совсем сил лишите! Исушите молоко у Падмы, чтобы не осталось ни капли!» И одна безобразная дакини исполнила веление Богини. Исчезло молоко в грудях Падмы. Без молока плакали [ее] сыновья. В сильном горе была мать, видя на личиках младенцев муку. Задумалась Падма, душа [ее] страдала. Слезами омочила всю грудь Падма. Рыдая шла Падма быстро. Предстала [она] перед Шивой с восемью сыновьями: «Ты мой отец и повелитель богов! Кроме тебя, батюшка, не к кому мне идти! Не могу постичь, что суждено мне! Нет молока в грудях, как накормить сыновей?! По приказу Чанди ее приспешницы разными хитростями лишили мою грудь молока. Что еще сказать, без конца можно рассказывать о [моем] несчастье! Ты [сам] знаешь, какой родней мне приходится Чанди. Никто не сможет напоить молоком змиев! Умрут все восемь без молока! Нет [у меня] ни брата, ни матери — только ты можешь помочь! Придумай, сделай же [что-нибудь], у ног твоих молю!» Отвечал Шива: «Не тревожься, Падма! Как достать молоко — сейчас придумаю». Задумался Шива и пришел к решению. «Есть река Дхобол¹, подобная Гомати². На десять йоджанов уходит [она] под землю. Поскорее нужно эту реку наполнить молоком! Вздыхаются ее светлые волны, как горные вершины. От верховья эта река тянется на сорок йоджанов³!» — так сказал себе Шива, ликуя в душе. Деревьями и камнями запрудил речное верховье и устье. Перегородив устье и верховье реки, рассмеялся Держатель трезубца. Призвал к себе Гаруду, великого героя. От приказа Великого бога умножились силы птицы. Взмахами крыльев отогнал [Гаруда] всю воду [из реки]. Глядя на резвость речных вод, очень радовался Шива. Живут в разных странах всякие птицы. Раздулись телом птицы и всех рыб, сколько было в реке, поймали и съели. Набив животы рыбой, стерли их в порошок. Когда гибнет царь, его земля терпит

бедствие. Птицы всю воду выпили и грязь осушили. Искося оглядывая содеянное, смеялся Шива. Повелел поскорее прийти корове. По зову Шивы быстро пришла только что отелившаяся корова [Камадхену]⁴. Поклонилась [она] Шиве, распростершись на земле. Вспомнила оставшегося дома теленка. Мычанием долго звала его. Склонившись, стояла [она] перед Шивой: «Приказывай, какое дело мне свершить!» Отвечал Шива: «Корова, ты благо мира! Поможешь мне, и все боги будут довольны. Ты знаешь, у меня есть дочь. Из ее лона родилось восемь змиев. Без молока плачут, не выжить им! Ради них наполни реку Дхобол молоком!» Рассмеялась Камадхену, выслушав речь Шивы: «О таком пустяке умоляешь, Повелитель! Ты создатель всего, и [потому] я получила облик коровы. Щиплю в лесу травку, приношу пользу богам». Ответив так Шиве, отправилась не спеша корова на берег реки Дхобол. Стала двумя ногами на левый берег, двумя ногами — на правый. Под ней оказалась великая река. Задумалась и сосредоточилась [корова]. И пустила в реку поток молока. Вздываясь, волны бились в перегороженном русле. Слово по широким трубам, с великим шумом низвергалось молоко. Наполнила [Камадхену] молоком до самых краев реку, стоя над ней. [Всего] за четыре данды⁵ наполнила молоком реку. Слушая шум молочной реки, смеялся Великий бог. При виде голубых волн пришли в ужас боги. К ужасу богов, поднималась пена над волнами. Казалось, по воде плывет хлопок. Все говорили: «Камадхену, божественное существо, наполнила молоком море. Ради Шивы пришлось волей-неволей пострадать Камадхену». При виде голубой пены призадумались боги. Сказали боги: «Не разумеем причины! Всем известно, что это признак яда! Знайте, если отведать его, придет смерть!» Созерцанием постиг Шива высший замысел. Понял, то знак яда. Потому-то и испугались боги. Принял Шива радостно йогическую асану. Зачерпнул пригоршней яд и выпил. Иссякли силы и разум, потерял он сознание, в состоянии самадхи⁶ упал [на землю] с печальными глазами. Упал Великий бог замертво. Зарыдали боги вокруг, [схватившись] руками за головы. Рыдали вокруг бхуты и पिшачи, поспешили к Чанди. Услыхав [о случившемся], лишилась чувств Богиня, Супруга Бхавы. Прибежала к Шиве. Смотрела скорбно Богиня на Шиву. Рухнула на землю, припала к [его] стопам, рыдая. Невыносимо страдает душа, когда видишь, как рыдает Богиня. А теперь, брат, сказывай печальным лачари.

(1—105)

41.

«О господин, Владыка мира¹, по чьему навету испил [ты] яду и, испив яду, упал замертво? Слушай, слушай мое слово, о господин, Держатель трезубца, по моей вине нынче подвергся

[ты] опасности! Приняла [я] сейчас решение, не стану бороться за жизнь, умру, испив яду! Пусть будет со мной, что будет, [но] чьим заботам поручу Карттикею и Повелителя ганов, сынов твоих! Ты плохо выглядишь, лицо покраснело, как помочь [тебе]? По своей глупости жизнь свою сгубила, не хочу больше жить!» Услыхав [о случившемся], поспешила прийти Падмавати — тому обрадовались боги. Сказал Брахма: «Слушай, Падма, воскреси отца Трехглазого, испив яду, скончался Владыка мира!» Сказали боги: «Слава [тебе], Моноша, единожды воскреси, исполни просьбу богов!» Сказала Чанди: «Раз пришла Падма, то жизнь господина в ее власти, воскреси же немедленно своего отца!» Отвечала Падма: «Не тревожьтесь, [боги], сейчас воскрешу отца, и ты, [Чанди], не волнуйся!» Подобную речь Падмы все приветствовали криками «Славься!», обрадовались все и заплясали. Приблизилась Падма к отцу, а боги, сложив молитвенно ладони, славили ее. Поэт Биджой Гушто рассказывает у стоп Моноши, милостью богини счастливы все. (1—28)

42.

пояр

Тогда богиня От-яда-исцелительница догрузилась в созерцание. Сказала Падма: «Батюшка, ты повелитель богов!» И, прошептав на ухо [Шиве] мантру, воскликнула: «Восстань, восстань!» Изливаясь из уст, запенился яд. Положив руку на грудь [Шивы], Падма произнесла великое заклинание. Тогда, изогнувшись телом, восстал Шива. Придя в сознание, повторял Шива: «О Рама, Рама! Пейте же молоко все восьмером, исполнил [я] ваше желание!» Боги радостно выслушали речь Великого бога и, ликуя, повсюду заплясали. Вместе с Махамайей вернулся Шива домой. Глядела [на сыновей] Падмавати и радовалась душой. А восемь змиев пили молоко, сколько душе хотелось. Наполнили [они] животы молоком из Молочного моря. Однажды Махамайя сказала Шиве: «Ни к чему здесь оставаться, ступай в другое место! Сначала Падма погубила меня и тем сильно возгордилась. Потом сгубила Падма твоего зятя. А затем и ты сам лишился жизни. Сейчас у Падмы восемь сыновей, не знаю, что Моноша еще натворит. Не ведаешь ли ты, бог Трехглазый?» Услыхав подобное, задумался Великий бог: «Возьмусь [я], Богиня, за пахтание океана!» (1—38)

Описание пахтания [Молочного] океана

43.

Харихара, Нараяна, бог Шестиликий¹ — множество богов отправились пахтать океан. Пошли вместе с богами Брахмой, Вишну и Харой множество гандхарвов, асуров и других существ.

Гора Мандара² была мутовкой. А змей Васуки служил во время пахтания веревкой. Пахтали океан Брахма, Вишну и Хара. И возрадовался этот мир. Биджой Гупто говорит: Певец, будь прилежен! Оставь пояр, пой песню лачари! (1—10)

44.

лачари

При пахтании боги держали Васуки как веревку от мутовки. От пахтания океана вверх поднялись сливки, затем появилось цветущее [дерево] париджата¹. Держа в руке чашу из тыквы, поднялась [со дна] Махешвари², пела [она] нежную песнь. Поднялся Дхавантари, держа в руках разные орудия³, в страхе пред ним обращаются в бегство хвори. Поднялся к радости богов сам Месяц, залил светом богов. Обрадовались боги, когда увидели лик Лакшми, взял ее себе Нараяна. Затем, к удовольствию Держателя трезубца, появился слон Уччайшрава⁴, за ним появилось дерево париджата. Получив париджату с цветами, возликовал Индра и посадил дерево в своем мире. При пахтании океана превращалось молоко в творог, и стало много творога. С силой потянули боги [Васуки], и из океана поднялся драгоценный камень⁵, и в тот же миг появилась амрита. Возликовали боги душой, получив амриту, а Вишну стал супругом Лакшми. Биджой Гупто говорит: Нет у меня иного пути, будь же милостива, богиня Падмавати! (1—24)

45.

пояр

Возликовали душой боги, получив амриту. Но было дурное знамение. В городе появилась богиня Падмавати. Именно в тот час, когда Владыка тварей¹ пахтал океан. Сказала Падма: «Все боги пахтали океан. А мной пренебрегли, никто не позвал меня!» Мчалась по небу богиня в змеиной колеснице. В небе пребывала богиня в радостном расположении духа. Но увидела амриту, и гнев овладел богиней. Обернулась [она] От-яда-исцелительницей, украшенной змеями. Сидели боги кругом. Посередине богиня сразу приметилла амриту. Увидев всех богов, испустила [она] яд. За шумели боги, бросив пахтать. Пришли в изумление Брахма, Вишну и Нараяна. Подумав, сказал тогда Брахма: «Не пугайтесь, боги, при виде яда! Брахма, Вишну и Нараяна поделите яд и раздайте всем существам, что живут в трех мирах!» По слову Брахмы яд поделили между всеми существами и тварями на небесах, в мире смертных и патале. Но все же [яда] немного осталось, и негде было [его] схоронить. Это увидев, сильно задумался Владыка²: «Где схоронить [остаток] — ума не приложу! Куда яд ни поместишь — наступит конец света! Сам выпью яд!» — решил [он] тут же. Испил яду и упал замертво.

Зарыдали, прижав к стопам [Шивы], Карттикея и Повелитель ганов. А боги все, сколько их было, ужаснулись до глубины души. Трепетали и дрожали три мира. Отправился к Дурге святой подвижник Нарада. Сказал святой отшельник печальным голосом: «Что ж [ты], Богиня, дома сидишь и счастьем наслаждаешься! Ступай и взгляни, умер Шива, испив яду!» Услыхав рассказ из уст Нарады, Богиня вместе с Джаей и Виджаей поспешила [туда]. Оплакивая [мужа], рыдала [Чанди], катаясь по земле: «О господин, Украшенный-короной-с-месяцем³, куда [ты] ушел?» Рыдали Джая и Виджая, катаясь по земле: «Куда удалился, Трехглазый, нас покинув! Куда ушел, господин, осиротив [нас]?» Сказали боги: «Слушай внимательно, Богиня! Ежели позвать Падму, то Шива придет в сознание!» Молвил Карттикея: «Послушайте, боги! Я сам пойду за Падмой!» Со скоростью ветра летел герой на павлине⁴. Быстро достиг покоев Падмы. При виде Карттикеи удивилась Падма, почтительно предложила сесть. Спросила Падма: «Скажи, брат, [что случилось]?» Отвечал Карттикея: «Богиня, не до сидения! Испив яду, умер Повелитель трех-миров! Потому и прибыл [я] в твой град. Поспеши, дабы посмотреть на отца!» Слушая причитания Карттикеи, богиня заплакала, скорбно повторяя: «О батюшка!» Взяв [ее] за руку, поднялся Шестиликий, поспешил [туда, где] пахтали Молочный океан. Увидев Шиву, встревожилась Падмавати. Зарыдала, запричитала перед богами. Биджой Гунто говорит: Певец, повторяй имя Хари! Теперь читай [стихи] лачари, дай отдых пояру! (1—62)

46.

лачари

Глядя на [мертвого] Шиву, сильно скорбела Падмавати: «Кто виновен в несчастье? Что делать, куда идти, кого [теперь] назову отцом! Вставай, вставай же, батюшка! Породил [меня] в лotosовых зарослях — были довольны боги, [но] затеяла ссору мачеха! [Ты] привел сына святого отшельника, выдал замуж, [но] покинул меня отшельник, средоточие подвижничества! Подралась [я] с мачехой и окривела на левый глаз — о том судачат все люди! Несчастнее человека, чем я, в трех мирах не сыскать — душа изнемогает в скорби по тебе! Такая уж выпала мне доля — умер отец, почему подобное судил Нараяна!» Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. О боги, храните собравшихся! (1—16)

47.

пояр

Сказали боги: «Падма, выслушай [наше] слово! Оставь стелания и обратись умом к действию!» Молвил Вишну: «Выслушай мое слово! Воскресив Шиву, ты прославишься!» Тогда от-

вечала, хитря, богиня: «Мне не привести в сознание батюшку!» Все хорошо понимали, что на уме у Моноши. Молвили боги: «Падма, выслушай нас! Придется тебе сотворить над Шивой [обряд] предания огню!» Услыхав подобное, удивилась богиня. Сказала Падма: «Прекрасно придумаю, боги! [Но] пусть с отцом уйдет и мачеха Дурга!» Поняв хитрость Моноши, [боги] отправились к Бхагавати, Дурге, и восславили [ее]: «Уйди вместе с Шивой, не поступай иначе». И тогда польщенная Мать мира пришла [туда]. И рядом с Шивой возлегла на погребальный костер. Обрадовалась богиня Падма, увидев это. С огнем в руке подошла ликующая Падма. Минуя Шиву, огнем опатила Дургу. Не стерпела Дурга огненного жжения и бросилась в воду. Зло рассмеялась Падма, захлопав в ладоши. И боги громко засмеялись, глядя на это. Пристыженный Повелитель ганов⁴ взлетел в небо. Единосущий бог, Великий бог остался [лежать] на погребальном костре. После такого позора Махамайи поспешила Падма подойти к Шиве, дабы оживить его. Впала в созерцание Моноша и изгнала яд из Шивы. Лишь властью Падмы во всех телах сохраняется жизнь. Изгнала яд Моноша, поцеловав Шиву в лоб. Разбудила Шиву от змеиною сна. Умер Шива и вновь воскрес! Издавали дакини и йогини хвалебные возгласы. Придя в сознание, огляделся Шива окрест. Не видя Дурги, зашелся в плаче. Сказала Падмавати: «Отец, напрасно рыдаешь! Сгорев в огне, скончалась Гаури и унесла все твои невзгоды! Женю тебя на дочери одного из риши». Отвечал Великий бог: «Выслушай меня, Падма! Без Чанди нет жизни для меня!» Плач Шивы устыдил От-яда-исцелительницу. Поспешила [она] окропить Чанди водой. Благодаря заклинанию Падмы пришла в себя Богиня, Гаури. И раздались в том мире хвалебные возгласы. [Затем] все боги, молитвенно сложив ладони, поклонились Падме и разъехались по своим домам. (1—48)

Лесное житие Падмы

48.

Так Махамайя, Богиня испытала великий позор. В сильном гневе сказала [она], глядя на Шиву: «Ты курильщик гапшиша и безумен — [о том] все знают! Уходи вместе с дочерью отсюда в другое место!» Спросили Богиню боги: «Выслушай [нас] со вниманием! Почему Шива должен увести Падму в лес?» — «Много раз я умоляла [Шиву] увести Падму в лес. И сейчас бесчисленное множество раз склоняюсь в поклоне к вашим стопам!» Таков был жестокий ответ Богини. Увел Падму Великий владыка. Отправился с Падмавати на гору Ноукош. Поклонившись, оставил там Падму: «Слушай, слушай мое слово, Падма! Почему

так безжалостно покидаю тебя? Ежели [я] с тобой пойду в город Каши, то Чанди с двумя сыновьями оставит [мою] страну!» Стоило так молвить божеству Трехглазому, и зарыдала Падма, припав к [его] стопам: «Ты отец мне, а говоришь такие слова, в лесу бросаешь! Как я буду жить одна? Услыхав, боги засмеют! Ты отец, а обрекаешь меня на лесное житье!» Рыдая, Падма лишилась чувств. От плача Падмы зарыдал и бог Трехглазый. Так сидели оба под деревом. Сморенная сном, прилегла Падма. Понял Держатель трезубца, что Падма заснула. Пошел Держатель чакры¹ к [реке] Сараю совершить омовение. Омывшись, Шива стряхнул воду с джаты. И из края [его] легкого одеяния появилась дева. При виде девы изумился до глубины души Шива: «Чья [ты] дочь и зачем пришла [сюда]?» На вопрос Шивы отвечала дева: «Я родилась из твоего одеяния. Ведь ты Повелитель-трех-миров, суть земной жизни! Посоветуй, где мне жить». Выслушав речь девы, рассмеялся про себя Шива: «Куда мне податься с этой дочерью! И для одной дочери не нашлось места в моих владениях. Вот и еще одна дочь появилась у меня, о господи!» И сказал Шива: «Дочь, даю тебе имя Нета²! Ты останешься с Падмой, дабы прислуживать ей!» И тотчас подвел [деву] к Падме. Нете поручил Падму: «Я ухожу, оставляя Падму в лotosовых зарослях. Научи Падму различать благое и дурное». Сказав так, Шива поспешил удалиться. Быстро вернулся к себе домой. Обрадовалась Чанди, не увидев [с ним] Падмы. Молитвенно сложив ладони, поклонилась Шиве, стала расспрашивать [его]: «В каком лесу оставил жить Падму, скажи всю правду?!» Выслушав, Великий бог поведал все. Смесью правды и лжи потешил душу Богини. Слушая [его], ликовала про себя Богиня. [Тем временем] в лесу очнулась Падмавати. Не увидев Шивы, принялась повсюду искать [его]. Взывая «О батюшка», Падма расплакалась. Услыхав плач Падмы, сказала Нета: «Шива поручил тебя моим заботам!» Обрадовалась Падма, услышав подобное. Так с Нетой осталась Падма. Биджой Гупто говорит: О певец, повторяй [имя] Рамы! Хлопая в ладоши, склонись в поклоне перед Падмой. Шива. Держатель трезубца, покинул Падму в лесу. С Нетой осталась Победоносная, Брахмани. (1—66)

Сотворение пуджи в пастушьей хижине

49.

Долго раздумывала богиня: «В каком же обличе заставить поклоняться мне в мире смертных?» Держала совет От-яда-исцелительница с Нетой. Приняв облик вдовы¹, отправилась к хи-

жилам пастухов. Так с тыквенной чашей для подаяния в левой руке, с [пучком] куши в правой, в облике вдовы на землю спустилась Моноша. Собрались вместе пастухи. Пустили они своих коров пастись. В это время к ним и явилась Падмавати. Попросила молока у пастухов: «Я брахманская жена, послушайте [меня], пастухи! Подайте мне немного молока, коли желаете блага!» Биджой Гупто говорит: Было очень весело. Велено, певец, сказывать [стихом] лачари. (1—14)

50.

лачари

Припев:

О пастухи, подайте мне каплю молока!

«Одиннадцатый день¹, двенадцатый день — уже третий день соблюдаю пост! Я жена брахмана, [сама] брахманка и очень несчастна, подайте молока, спасите мне жизнь! О пастухи, вы послушайте меня, умру я от голода!» Сколько ни умоляла Падмавати, пастухи не вняли ей, лишь лукаво шутили. Сказал пастух: «Послушай, благородная госпожа, отчего скончался твой брахман? Много есть вдов [на свете], ты что ж, самая преданная? И красотой с тобой никому не сравниться? Какая вдова, так нарядившись, просит подаяние, да тебе просто хочется познакомиться с мужчиной! Ступай отсюда, вновь и вновь я повторяю, здесь тебе не поздоровится! Схватим за волосы и отхлещем кнутом, погубим тебя!» Когда Падмавати услышала речи пастухов, стало ей обидно: «Издеваетесь надо мной! Того, на кого я разгневаюсь, кто не обратится [в мою веру], тотчас же изничтожу!» Удалилась на небо разгневанная богиня и всех коров стубила. Глянули пастухи на поле и, не увидев ни одной коровы, встревожились. Все поле обыскали, нигде их не нашли. Собрались все вместе пастухи, зашумели, заплакали и чувств лишились. Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой, а народ весело слушает. (1—32)

51.

пояр

Украва коров, в душе сильно развеселилась От-яда-исцелительница. И тогда отдала [она] приказ Нидработи¹. По велению Моноши тотчас же отправилась на землю Нидработи и лишила сознания всех [пастушьих] сыновей. Всех сморила сном на земле. И в это время явилась им во сне красивая телом богиня в наряде из змей. Тихо сказала пастухам: «В облике вдовы приходила к вам сама Моноша. Не подали молока и насмеялись

[вы] над ней. Потому такая доля вам выпала. [Но] не тревожьтесь, получите коров назад! Дам я вам совет, примите [его] всей душой. Сосредоточившись, сотворите пуджу От-яда-исцелительнице!» Так повелела богиня [пастухам] во сне и удалилась на небесной колеснице. Очнулись все от сна. И тотчас же стали готовиться к поклонению богине. Дивный храм возвели. В нем поставили расписной горшочек и сотворили [поклонение], как положено, зажиганием светильника, воскурением благовоний, найведьей², поднесли в дар [Падме] цветы, дурву, благовония, сандал, принесли в жертву козла. Громко играли на музыкальных орудиях и пели люди. И в тот же миг появились коровы с телятами. Обрадовались все, получив назад коров и телят. Обрадованные безмерно, поднесли [богине] часть молока. И явилась им богиня, польщенная почитанием. [С тех пор] жили все в великом счастье, почитая и творя пуджу [ей]. (1—44)

Конец части, [повествующей] о поклонении в пастушьей хижине.

Битва с Кази

52.

Постоянно в том месте творили пуджу [Моноше]. Ни о чем, кроме поклонения Падме, не думали. Но однажды случилось несчастье. Было у Кази¹ два сына — Хасон и Хусон. Были оба очень порочны, ничего не боялись. Повсюду поносили дхарму, карму. Веды. Курили гашиш, и тогда им казалось, что возносятся они на небо. Ради этого были на все готовы. Увидят кого-нибудь с листьями тулси на голове² — тут же схватят за волосы и приволокут к себе. Пригнут голову к коленям и бьют кулаками — словно в бурю с неба падает тяжелый град. Избивают других, чужую боль не чувствуют. Раздают подзатыльники [без счета]. Оскорбляют брахманов, схватив за священный шнур на плече. Накидывают прохожим веревку на шею и связывают ею руки. Другом Кази был мулла по имени Токаи. Одевался [он] в шаровары, на голове носил черную шапочку. Однажды спешил мошеник к Кази. Всю дорогу бежал. И прибежал на берег большой реки. В пути застигли его буря и ливень. В лесу увидел хижину. Обрадованный мулла поспешил к ней, надеясь найти приют. Войдя в хижину, увидел ликующих пастухов. Восклидая: «Славься, славься», они весело пели песни. Громко били в [барабаны] дхак³, дхол⁴ и мридангу. Слышались звуки разукрашенных цимбал. Увидел [мулла] пятна козльной крови. Пользуясь покровительством Кази, был он высокомерен. Крича: «О Аллах, Аллах», вознамерился [он] разбить горшок [Моноши].

Пастухи же схватили его за руки и избили. «Держи, держи!» — кричали пастухи, преследуя его. Связав руки муллы веревкой, пастухи убежали оттуда, но несколько пастухов осталось. Сказал один: «Как посмел ты, негодий, войти в дом?» Другой, схватив [мулла] за бороду, ударил по шее. Кто-то в ключья разорвал [его] шаровары. Другой растоптал ногами его шапочку. Обмазали все тело [муллы] козлиной кровью. От боли вскричал мошеник: «Ой, ой! Не бейте меня, братья, а то я дух испущу!» Хоть и жалели его пастухи, но не простили. Накинули ему на шею веревку и связали ею руки. Жалобно говорил [мулла]: «Послушайте, отцы и братья! Во имя добродетели отцов отпустите! Обратитесь душой к своим делам! Ничего не скажу я Кази!» Сказал мулла: «Братья, послушайте! Два раза потрусь [я] о землю носом, только сохраните мне жизнь!» Отвечал предводитель пастухов: «Отпустим, коли носом потрешься о землю. Поклянись всемогущим Аллахом, положив руку на голову, что ничего не расскажешь Кази!» Воскликнул мулла: «Будьте все свидетелями! Считайте, [сколько раз] я буду тереться носом о землю!» Семь раз он поклялся именем Учителя⁵. Тысячу и тысячу раз поклонился народу. Подобное услышав, сжалились пастухи. Так заставили мулла поклясться, а потом и отпустили. Спасся мулла, отпущенный пастухами. Прибежал он к Кази. Сидел Кази во внешних покоях. [Здесь же] стояли его слуги, молитвенно сложив ладони. Перед Кази стоял медный кувшин, в руках [он держал] палку. Среди бумаг лежала священная книга Коран. В это самое время появился мулла и поведал Кази: «Индусы вошли в силу — куда податься! Для чего сидишь ты в собрании? Нынешней беды мне не вынести! Гляди, бороды нет, по лицу течет кровь! Выбиты зубы, избит я, изорвана одежда, шаровары порвали! Измазано мое тело козлиной кровью! Сколько надругательств оно вытерпело!» Слушая его, разгневался Кази, смотрел грозно. И сказал: «Вот как заговорили подлые индусы, вот как возомнили о себе! Нет среди этих негодяев мусульман! Нет в подлых индусах мудрости, не знают они обрезания! Нынче же сотворю [над ними] обрезание!» «Снаряжайтесь, снаряжайтесь [на войну]!» — [раздался] призыв. Собралось в поход множество отрядов из пеших воинов — и стар и млад. Выступил Шех Сайд, патап⁶-великан. Держа в руках соколов, выступили воины Кази. Выступили муллы с огромными усами на лицах. Бежали охотничьи собаки, готовые [любого] искушать. Сколько индусов, ежели выступят [в поход], осквернятся! Нынче касту свою погубят, наевшись мяса. Выступил Хусон Кази, обувшись в кожаные сапоги. Облачились в доспехи мусульмане — ткачи и ремесленники. Выступил Хасон Кази, обувшись в кожаные сапоги. Выступили в белых одеяниях сотни тысяч евнухов. Биджой Гупто говорит: Было очень весело. Велено, певец, сказывать [стихом] лачари! (1—94)

53.

лачари, дирго чхондо

Выступил в поход Хасон Кази, враг Моноши, дабы разбить [ее] горшочек. На земле семьи Хусона, владевшей ею в течение семи-восьми поколений, росло множество пальмир и тамариндов. Выступил [в поход] негодяй Хасон, нет в мире его бесславнее, выступил и султан Неро Кази. На голове [его] каракулевая шапочка, с ним множество верблюдов, подобных быкам. Выступило в поход столько родных Кази, что и не сосчитать! Окружили родные Кази [пастушью] хижину. Лицеизрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. Заступись за собравшихся, Падмавати! (1—12)

54.

нояр

Вошел Хасон Кази в хижину и отбросил [ногой] горшочек [Моноши]. Повелел воинам разрушить хижину. Сказал Хасон Кази: «О воины, братья! Схватите пастухов и приведите сюда!» Так был схвачен предводитель пастухов. Держали [его] за волосы и жестоко били. Поймали всех пастухов, что разбежались. Избивало их множество воинов. А хижины [их] разрушили и спалили. Все кричали: «Бей [их], бей!» Одной веревкой связали всех пастухов. И погнали к себе домой. По дороге увидели [пастухи] змеиные гнезда. Молитвенно сложив ладони, пастухи кланялись и говорили: «Это Моноша! Этой богине мы все поклоняемся!» Услышав подобное, Кази пришел в ярость. Тотчас же раздался жестокий клич: «Бей [змей], бей!» Разбрелись по лесу воины. Убивали змей в сильном гневе. А змеи стали жалить и повергли всех в бегство. Защищаясь, жалили в нос, в лицо. А боги индусов наблюдали. Обернув вокруг шеи край одеяния¹, зывали [воины]: «О Аллах, Аллах!» У всех воинов до одного помутился разум — ничего не видели. Одни прыгали в воду, другие пустились бежать. Кто-то повторял: «Испускаю дух, о всевышний!» Спустия некоторое время воины очнулись и тут же поспешили в свою страну. Немного прошли и увидели заросли кустарника. «Тулси, тулси!» — закричали пастухи. Заслышав слова о тулси, гневом воспылали [воины]. Расчищали дорогу, обрывая листья [тулси]. [И тут] все [воины] почувствовали боль от змеиных укусов. Еще сильнее стала боль из-за кустарника. Одни кричали: «Умираю, умираю!» Другие говорили: «Это, конечно, индусские привидения пришли [пастухам] на помощь!» Радовалась на небесах От-яда-исцелительница. Смешивали [воины] листья аронника с коровьим навозом и это снадобье прикладывали к своим телам. Вот в каком положении все оказались. Спешил Кази в свою страну. «Поселите брахманов в собачьих конурах при моих домах!» — такой приказ отдал [он] воинам. Сильно

обрадовались [воины], будто до неба достали рукой. Держали [они] пастухов связанными. «Накормите всех коровьим мясом², погубите [их] касту!» — так повелел в своем городе Кази. «Нета, Нета! — звала встревоженная Падма. — Впали в несчастье, мне поклоняясь, пастухи! Что делать мне, не стерпеть подобного горя!» И призвала [она] змей, больших и малых. Приползли змеи по велению Падмы. Сказала Падма: «Нета, будь внимательна! Впряги змей в колесницу!» Шестнадцать раз по десять миллионов змей впряглись в колесницу. На этой колеснице пустилась Падмавати в путь. Молвила Падма: «Слушайте, змей, приказ! Поспешите в город Кази и перекусайте всех!» Такой же приказ отдала удаву [шириной] в бигхот³. По приказу Падмы помчались змеи со скоростью ветра. Отправились в селение ткачей⁴. Быстро достигли селения ткачей. При виде змей обрадовался один ткач: «Благодаря этим тварям получу нынче удовольствие! Куда исчезла милость всевышнего к нам, беднякам? [Но] сегодня всевышний явил свою доброту». Биджой Гупто говорит: Певец, будь прилежен! Оставь пояр, пой песнь лачари! Сказал ткач [жене]: «Послушай, что скажу. Набери этих тварей. Я с удовольствием отведаю их. Половину [из них] съем жареными на горчичном масле. Самую же красивую [змею] положил [он на голову] под шапку. И почувствовал укус в небо, подобный удару грома. «Ох! — завопил ткач. — Где же [ты], любимая, взгляни [на меня]! Куда исчезла милость всевышнего к беднякам? Кто укусил [меня] — словно огонь жжет!» Бегал он с камнем в руке по дому. Кто же укусил ткача, словно огнем опалил? Рыдала супруга, обняв ткача. Рыдала, унав на землю: «Мне [жилось] с тобой, словно в прилив! Нынче стала вода мне по щиколотку! Надо завтра идти на ярмарку продавать ткани. На меня оставил все товары!» Так во весь голос рыдала супруга ткача. У стоп Моноши поет вайдья Биджой Гупто. С Негой держала совет Падмавати. Разгневанная, отправилась [она] в город Кази. Горе и погибель наслала на ткачей От-яда-исцелительница. Тотчас же змеи отправились в селение пахарей. В ярости вращались [их] глаза. Прямо в горло, пахарям наносили молниеносные укусы. Жалили змеи пахарей, жалили горожан. Искусав горожан, принялись жалить семью Кази. Биджой Гупто говорит: Певец, повторяй [имя] Рамы! Оставив пояр, сказывая [стихом] лачари. (1—100)

Через щели проникли змеи в дом Кази и жестоко ужалили биби¹. Младшая биби сумела убежать, средняя биби сумела спрятаться, старшую же биби змеи жестоко искусали. Священную книгу Коран, шипя, заплевали ядом, дух испустишь —

только бы не видеть этого! Срывая москитные сетки, с шипеньем [змеи] испускали яд — не оставалось у биби надежды на жизнь! Оплакивал Кази служанку по имени Дулал. «Открой же глаза, взгляни! Зубы [твой] подобны цветам хлопкового дерева, речь [исполнена] женской добродетели, и такую служанку ужалила змея! Служанку, которой [я] отдал сердце!» — рыдал Кази, всхлипывая. Лицезреть Падму, радостно рассказывает Биджой: Заступись за собравшихся, От-яда-исцелительница! (1—16)

56.

пояр

Плакала мать Хосена, взяв в руки мед: «В одну ночь умерли у меня семь сотен невесток!» Плакала мать Хосена, взяв в руки нож: «В одну ночь умерло у меня семь сотен дочерей!» Плакала мать Хосена, обхватив голову руками: «В одну ночь умерло у меня семь сотен сыновей!» Погибли все люди в селении Кази, погибли все люди в селении ткачей. Оттого горько рыдала мать Хосена. [Держа] в левой руке чашу для подаяния из сушеной тыквы, в правой руке — кушу, в облике вдовы спустилась на землю Моноша. На [ее] челе — светлый [сандаловый] знак; одеяние оранжевое. Лишь змеями украшены ее руки и ноги. Матери Кази сказала [богиня], ликуя в душе: «Дабы оказать тебе благодеяние, снизошла я на землю! О мать Кази, успокой свою душу! Огромное горе причинили мне Хасон и Хосен. В гневе за это я убила их. Сейчас я всех воскрешу! Но снабди селение пастухов всеми принадлежностями для сотворения пуджи [мне]. Тогда лишь сохраню твой город! Но ежели, [как раньше], поступят со мной твой сыновья, вновь всех уничтожу!» Так молвив, исчезла Падмавати. Быстро очнулась от сна мать Кази. Приготовила много всяких предметов для поклонения. Развесила в доме разные изображения [Моноши]. Предметы для пуджи радостно послала [пастухам]. Обретя поклонение, Падмавати наградила [ее]. Умерли пастухи и восстали живыми! Обернув вокруг шеи край одеяния, поклонился Кази, молитвенно сложив руки. Увидев это, удалилась на небеса Падмавати. Пришел в изумление Хасон Кази и задумался. Неизменно посылал [он] припасы для сотворения пуджи. Весело зажили Кази. (1—30)

Так кончается [часть] о войне с Кази.

Часть, [повествующая] о рубке рощи арековых пальм

57.

В граде Чомпок жил властелин Чандо. Была у него супруга — красавица Шонока. С младенческой поры поклонялась она стопам Падмы. Кроме стоп Падмы, ни о чем другом не помыш-

ляла. У себя поставила горшочек Моноши. Сосредоточившись, думала лишь о стопах Моноши. И милостью Моноши получила шестерых сыновей. Шестерых сыновей обрета, счастлива душой была Шонока. [Однажды] с сыновьями отправился [Чандо] в царскую столицу. Увидев [сыновей], царь спросил купца: «Чьей милостью обрел ты сыновей?» Молитвенно сложив ладони, отвечал [тот] царю: «Самозабвенно я творю пуджу богу Махешваре. И его милостью получил я шестерых сыновей! Кроме стоп Хары и Гаури, ни о чем другом не помышляю!» Как обычно, купец нагрузил свой корабль товаром и, радостный, поспешил к себе на родину. Быстро достиг [он] града Чомпок. Повелел поскорее привести Шоноку для благословения корабля. Сказал Дхона: «Госпожа, выслушай меня! Поспеши сотворить [обряд] благословения корабля!» Отвечала Шонока: «Дхона, чуть-чуть повремени! Я очень счастлива и хочу совершить пуджу Моноше». Услыхав такое, сильно разгневался Дхона. Быстро вернулся к купцу и все рассказал ему. Получив [такое] известие, Чандо схватился за палку из хетала¹. Бегом пустился в город. Палкой [длинной] в два локтя ударил по горшку. На мелкие кусочки разбился горшок в покоях [Шоноки]. Сильно испугалась Падма при виде этого. Прервав принятие пуджи, [она] обратилась в бегство. Очень опечалилась Шонока, глядя на [разбитый] горшок. Теперь, певец, сказывай печальным [стихом] лачари. (1—38)

58.

Припев:

О, что ты натворил, господин!

«Что погубит супруг [меня] — о том не ведала! Разбил [он] горшочек Моноши — от горя рыдаю!» — плакала госпожа Шонока, предаваясь печальным думам. «Презрев, разбил [ты] горшочек Моноши! Отнимет [она] шестерых сыновей, одарит лишь одним! Из-за твоей неприязни к Падме выпало мне страшное несчастье. Однажды, ведаю, ужалит Падма моих сыновей!» У стоп Моноши поет вайдя Биджой Гупто. Оскорбил Чандо Шоноку, опечаленная, удалилась к себе Падма. С Нетой держала совет Падмавати: «К какому средству прибегнуть мне, придя в град Чандо?» Отвечала Нета: «Падмавати, выслушай добрый совет! Разрушь дотла покои сыновей Чандо!» Обрадовалась Падма, услышав подобное. И принялась надевать на себя украшения из змей. Были [у нее] дом из змей, двери из змей и украшения из змей. Убрала всю себя [Моноша] змеями. Взяла богиня в руки бритву. Покои сыновей [Чандо] изрезала Богиня Моноша, придя [в город]. Покои сыновей [Чандо] изрезала Падма, ликуя в душе. Отрезала верхушки у арековых и кокосовых пальм. Срубила

анговые, хлебные, апельсиновые и банановые деревья. В южной стороне срубила Падма [деревья] джолпхои¹ и пайела². В восточной стороне срубила богиня срипхол и апельсиновые деревья³. В западной стороне срубила все, сколько было, [деревья] рампхол⁴. Все, что было, спалила дотла. Узнав [об этом] г лазутчика, сильно призадумалась госпожа. Биджой Гупто горит: Певец, будь прилежен! Оставив пояс, сказывай [песнь] ачари. (1—32)

59. *лачари, дирго чхондо*

Услышав весть из уст лазутчика, обеспокоился [Чандо] и поехал к великому подвижнику Шонку: «Владея ложами, паланинами, [ты] счастливо почиваешь, а Моноша [тем временем] рубила все арековые пальмы!» Услышав [это], великогомучий Понку взял в руки воду и отправился к покоям сыновей [Чандо]. Сел [на землю] Дхоннотори, стал повторять великое залинание и многие деревья оживил. Пребывала в великой радости на небе Падмавати, как вдруг увидела, [что] Дхоннотори приживил верхушки деревьев. Увидев подобное, очень удивилась Падма и призвала к себе дочь прачки: «О Нета, послушай мое слово, не стерпит душа в теле, что делать, немедля посоветуй! Толи не убью Шонку, не выжить мне!» [Певец], запомни слова Биджой Гупто. (1—16)

Похищение великого знания

60.

Припев:

Пляши весело, супруг Шоны!

Задумавшись, шла быстро Падма. Вместе с Нетой вернулась к себе домой. Однажды Падмавати исполнила все [задуманное]. Дабы обманом похитить [у купца] великое знание, обернулась танцовщицей. В облике танцовщицы отправилась Падма в город Чандо. Нежно пела и дивно плясала. Пела великая богиня песню, старательно [выводя] рагу. Пела песню, словно кукушка весной. Песней зачаровала душу Чандо. Не отрывая глаз смотрел Чандо на танцовщицу.

Припев:

Жизни лишила прекрасная смуглянка!

Пристально глядел Чандо на танцовщицу. Стрела Камы пронзила сердце властелина. Молвил Чандо: «Выслушай меня, танцовщица! Обняв [меня], спасешь [мою] жизнь!» Отвечала тан-

повщица: «Тогда слушай, господин! Как скажешь, так непременно поступлю. Но выслушай одну просьбу. После омовения соединишься со мной. [Но] знай, нет у меня полотенца, догадаешься, [как помочь], и повелевай мной!» Душа купца Чандо, зашатавшаяся в сетях Камы, горела огнем. Немедля отдал Чандо свое волшебное полотенце¹ [Падме]. Получив полотенце, обрадовалась Падма. И тотчас же бросилась Падмавати бежать. Увидев это, помчался Чандо за ней. Похитила [богиня] полотенце и кувшин Чандо. Бежала Падмавати, прижимая [их] к себе. С криком «Кривая, Кривая» мчался Чандо [за ней]. Дубинкой ударила Падма по лицу Чандо. Выбила зубы, лишь тогда Чандо повернул назад. [Сказал]: «Чудесно бежала Одноглазая, меня осыпая бранью!» Услыхав эти слова, громко рассмеялась Падма. И, взойдя на змеиную колесницу, удалилась к себе домой. С Нетой долго держала совет. Призвала к себе дочь прачки От-яда-исцелительница, восседая на троне, украшенном драгоценными камнями. Громко смеялась Падма, рассказывая Нете: «Похитила [я], к своей радости, великое звание!» (1—38)

Убийство знахаря Шонку

61.

Сказала Падма: «Нета, скажи немедля, как мне убить Шонку!» Отвечала Нета: «Падмавати, выслушай мое слово! Ступай в дом Шонку, обернувшись пастушкой». Послушавшись совета Неты, отправилась [в путь] От-яда-исцелительница. В дом Шонку поспешила. Кувшин с отравленным молоком поставила на голову. Шла [Моноша] на встречу с Шонку, неся на голове кувшин. Биджой Гупто говорит: Было очень весело. Велено, певец, сказывать [стихом] лачари. (1—10)

62

лачари

Приняв облик пастушки, отправилась От-яда-исцелительница, чтобы разорить дом Шонку. Надела [она] джутовое одеяние, дивным убранством украсила тело, взяла с собой много молока. Сверкало на ее шее жемчужное ожерелье, были сильно насурьмлены глаза. Тело умащено сандалом, чело разрисовано синдуром, во рту пощелкивали бетелевые орешки. Алым шелковым шнуром с кистями перевязала узел волос, красуясь, надела джутовое одеяние. Поставив на голову отравленное молоко и прикрыв его тканью, весело шла пастушка. Люди во все глаза глядели на золотой кувшин с серебряной цепочкой на [ее] голове.

Радостно выступала богиня походкой трясогузки, как подружка сопровождала [ее] Нета. Шли [они] по главной улице, по обеим сторонам которой шагал народ и кричал: «Слава, слава пастушьей жене!» Стоя с правой стороны, закрывая лицо покрывалом, говорила [Падма]: «Купите молоко!»—«Украшенная дорогими разнообразными украшениями, облаченная в джутовое одеяние, сколько же [ты] возьмешь за молоко?» (1—22)

63.

нояр

Припев:

О пастушка, отчего [ты] так надменна?

Когда принялась [Моноша] кричать у дома Дхоннотори, то отвечал Дхоннотори: «В молоке не нуждаемся!» Услыжав подобные слова, села богиня в колесницу. Вместе с молоком отправилась к [его] ученикам. «Покупайте молоко, покупайте молоко!»—призывала пастушка. Сказали ученики: «Давайте купим это молоко. Скажи, скажи, пастушка, сколько стоит [твое] молоко?»—«Берите, берите, пятнадцать каури стоит молоко!»—«Обязательно купим молока! Да и выпьем немедля все!» Испили молока шестнадцать учеников и испустили дух. Один из учеников побежал к знахарю¹ и обо всем рассказал. Быстро шел знахарь, спешил. Увидел, что ученики дух испустили. Произнес знахарь главное заклинание над грудью [каждого] ученика. И ожили ученики со словами [на устах]: «Слава, слава [тебе]!» Биджой Гупто говорит: Певец, будь прилежен! Теперь спой немного [стихами] лачари. (1—20)

64.

Переодевшись цветочницей, От-яда-исцелительница пошла убивать знахаря Шонку. Подошла к знахарю и, закрыв лицо краем одеяния, сказала, смеясь: «Возьми цветы!» Понюхал цветы Шонку, уловил запах яда и [понял], что то не цветы, а змеиный яд. Бросив цветы в воду, возвратился знахарь в свой дом, ушел знахарь к себе домой. (1—8)

65.

нояр

Сказала Падма: «О Нета, дочь прачки! Не сумела я убить знахаря Шонку!» Отвечала Нета: «Последуй, Падмавати, моему совету. Ступай в дом Комолы, обернувшись ее теткой». Выслушала речь Неты От-яда-исцелительница. Обрадованная, пошла

богиня, обернувшись теткой [Комолы]. На челе [ее] светлый [сапаловый] знак, одеяние оранжевое, на руках хрустальные браслеты, лицо светлое. В правой руке [она держала] чашу для подаяний из сушеной тыквы, в левой руке — кушу. [Так] в облике вдовы спустилась на землю Моноша. Взяла с собой чаши, полные агуру и сандала, взяла сложенные кипой одеяния из джуа. Придумав средство [извести Шонку], пустилась в путь. В облике тетки отправилась к Комоле. Так задумав, спешили вдвоем [Моноша и Нета]. Представ перед Комолой, первой сказала Нета: «Послушай, послушай, госпожа, что же [ты] расселась! Из дальней стороны пришла твоя тетя!» Услыхав это, обрадовалась госпожа и склонилась к стопам тетки в поклон, молитвенно сложив ладони. Сказала Падма: «Выслушай меня, мать! Всего несколько слов скажу тебе. Ты — жена знахаря, но ничего не ведаешь. Коли случится несчастье со знахарем, кто спасет [его] жизнь? Прознав об этом твоём горе, я и пришла. Ступай ты и спроси у знахаря, в чем его смерть. После все и обсудим хорошенько. Вот все тебе и рассказала». Запала в душу Комолы речь Моноши. Пошла [она] к знахарю. Пошла [она] к знахарю, рыдая. Пристально взглянул знахарь на Комолу: «Отчего нынче у тебя лицо печальное? Отчего ты плачешь, скажи?» — «Из далекой стороны пришла моя тетя. Открой мне, в чем смерть твоя! Непременно ответь, господин, на этот вопрос! Иначе быть тебе виновным в смерти жены!» Выслушав подобное, сказал свое слово знахарь: «То пришла не тетка твоя, а Кривая! Говорил же тебе, я не ведаю смерти! Разве может Кривая повредить мне! Повсюду ползают змеи. Но разве могут они повредить мне! Знают все, что могу я заставить задрожать три мира!» Все услышала Падма, обернувшись белой мухой. «Вот ежели бы сумела [Моноша] привести Такшаку Шивы! Кроме Такшаки, никто не может лишить меня жизни! Однажды я убил множество змей. И сварил их в одиночестве. Сварил, закрыв [горшок] плотно крышкой. Съев это варево, стал я бессмертным! Съел [почти все], лишь немного осталось. Остаток снадобья спрятал у себя на темени. Это снадобье никому не найти, как бы ему не хотелось вкусить [его]! Говорю тебе на случай моей смерти. На голове у меня спрятан мешочек с [веткой] храмового бандхули и ишермула¹. Снадобье от яда находится также на высокой горе. Этим снадобьем [я] могу воскресить мертвого человека!» Все растолковал знахарь Комоле. Подслушав, смеялась От-яда-исцелительница: «Нынче же ночью убью знахаря Дхоннотри!»

Припев:

О знахарь, оставь надежду на жизнь!

Украла у знахаря мешочек со снадобьем [Моноша]. И пришла повидаться с Шивой. Спросил Шива: «Зачем, Падма, при-

пла?» Тогда, молитвенно сложив руки, поклонилась Падма и указала: «Дай мне, батюшка, змея Такшаку, дабы смогла я убить знахаря!»—«Слушай, Падма, не могу отдать Такшаку! Не в твоих силах убить знахаря!» Услыхала это Падмавати и зильно рассердилась: «Нет матери у меня, и вот она отцовская доброта! Ты отец, а подобные слова мне сказал! Пойду пожалуюсь на знахаря Карттикее!» Так сказав, поспешила уйти богиня. «Постой, постой! — закричал Шива, схватив Падму за руки.— Знахарь Дхоннотори — лучший из моих почитателей. Почему [ты] хочешь убить знахаря? Мне не пережить несчастья со знахарем! Потому [я] молвил жестокое слово». Отвечала Падма: «Батюшка, выслушай меня! Постоянно [он] обзывает [меня] Кривой и низкорожденной! При живом Дхоннотори не видать мне поклонения». Услыхав это, Держатель трезубца отдал Такшаку. Обрадованной ушла Победоносная, Брахмани. [Сказала]: «Прими и отведай, змий Такшака, [моего] бетеля. Ради меня убей знахаря Дхоннотори!» Отведав бетеля Моноши, поспешил змий, дабы [скорее] ужалить знахаря. От головы до его ног прополз. Красота знахаря поразила Такшаку. Был знахарь намного красивее Камалы². «Как же ужалить этот лунный лик!» Биджой Гупто говорит: Певец, было очень забавно! [Теперь] поведай плач змия печальным лачари. (1—98)

66.

лачари, дирго чхондо

Плакал змий Такшака, обхватив голову руками: «Зачем [я] взялся за низкое дело! Вернуться домой — опозорюсь перед Падмой, но жалить мне горестно!» Обнажив клыки и вытянув голову, змий молниеносно ужалил [знахаря]. Взял в зубы [его] снадобье и пополз по главной дороге, где и повстречался с Падмавати. Солнце скрылось в облаках, когда [змий] вручил Падме снадобье. «По твоему приказу ужалил [я] знахаря. Ступай, госпожа, соверши омовение!» Так сказав, удалился змий в град Шивы, обрадовалась Моноша. Лицезрея Падмавати, радостно скazuje Биджой, к которому милостив Нараяна. (1—16).

67.

пояр

Припев:

Изгони из души надежду на жизнь!

Когда змий ужалил знахаря, охнул знахарь и закричал. Понял [он], что ужален змием. Но всю науку, что знал, забыл знахарь. Простирая руки, завопил он. Хотел взять с головы снадобье, но не обнаружил [его]. Пришел в отчаяние знахарь,

не найдя противоядия. Звал Комолу и жаловался. Биджой Гупто говорит: Певец, было очень забавно. [Теперь] поведай плач знахаря печальным лачари. (1—10)

68.

лачари

Припев:

Проснись, несчастная женщина!

«Прекрасная Комола, ты проснись скорей, нынче моя смерть пришла! Безмятежно спит та, чьего супруга ужалил Такшака — почему подобное судил Нараяна! Ты повернись [ко мне], полюбуюсь я на твой лик — в этом мире больше не увидеться [нам]! Та, что назвалась тетушкой, оказалась погубительницей [моей] жизни! Нынче жизнь моя кончается! То, что знал, сам открыл тебе — и вот плоды [того]!» Так причитая, плакал оджха, свою карму проклинал и бранил по-всякому Падму. Жар зменного яда обжег [ему] горло, от яда горело все тело. Воздавая хвалу Шиве, рыдал Дхоннотори: «Не ведаю почему ужален [я]!» Глядя, как корчился знахарь, была счастлива Падмавати. Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. Заступись за собравшихся, От-яда-исцелительница! (1—20)

69.

пояр

Припев:

О господь, жестокий и безжалостный, сколько тебе я перечил!

Когда упал знахарь Дхоннотори и дух испустил, зарыдала красавица Комола: «Куда ушел господин, супруг, если б я только знала! Как жить мне одинокой!» Кто-то побежал к [его] шестнадцати ученикам. Все [им] рассказал торопливо. Услыхав о [случившемся], ученики лишились дара слов. Побежали туда, где находилось противоядие [от змей]. Взяли снадобье на горе. Поспешили в дом Комолы. Увидев это, призадумалась От-яда-исцелительница. Призвала к себе Нету, дочь прачки. Сказала Нетя: «Падмавати, выслушай мой совет. Возьми ты с собой восемь змиев и зажги погребальный костер. На пути учеников зажги костер, приняв облик Комолы. А восемь змиев пусть восклицают: „О Хари, Хари!“ Так обманешь учеников! Ничего им будет сказать, когда придут к Комоле». Выслушала мать Такшаки и немедля разожгла там костер. Так разожгла костер Падма. Тем временем и ученики подошли. Не распознали они колдовства Моноши. Вмиг околдовала [их] богиня Моноша. Принесли они снадобье. [Сказала Падма]: «Чтобы мертвого, мертвеца вос-

крешали — где подобное [вы] слышали?! Ведь [он] умер еще накануне — да меня народ засмеет! Потому-то [я] предала [супруга] огню!» Услыхав подобное, опечалились ученики. Выбросили снадобье и побрели в город. [Повстречав их], сказала Комола: «Ну, давайте [ваше] снадобье! Обманом похитила Падма снадобье [у моего супруга]!» Отвечали ученики: «Дом знахаря окружен стеной, здесь змеям и головы не поднять!» [Тем временем] сказала Нета: «Падмавати, выслушай меня! Обернувшись теткой Комолы, явись [к ней]. Придя, скажи ей то, что задумала в душе. Только так сумеешь пустить [плот] со знахарем по воде¹». Услыхав подобное, обрадовалась богиня. Обернувшись теткой Комолы, она отправилась в путь. Придя к Комоле, сказала: «Чтобы человека в землю закапывали — этого никогда не слышала! Мой совет: спусти [плот с мужем] на воду. Коли жизнь еще теплится, оживет [он] снова! Ежели [ты] намерена и дальше ссориться с Падмой, то немедля отруби [у супруга] один палец!» Выслушав это, успокоилась Комола. Плот из банановой пальмы с Шонку спустила на воду. Отрезала палец у знахаря и зарыла его на севере. [Теперь] змеи в северной стороне и головы не поднимут! Плыл Шонку на плоту. Внимательно следила за ним Моноша. Сойдя на плот, села Моноша рядом с Шонку. Воскресила Шонку и спрятала у богини Ганги. Отдала Шонку Ганге. На змеиной колеснице вернулась богиня к себе домой. Сидела на троне, украшенном драгоценными камнями, богиня От-яда-исцелительница. Призвала [она] к себе Нету, дочь прачки. (1—62)

Убийство шести сыновей [Чандо]
и сотворение пуджи в хижине Джалу

70.

Сказала Падма: «Нета, скажи мне, как погубить сыновей Чандо?»—«В хлеву у [их] отца есть корова, дающая молоко. Пусть пропадет [у нее] молоко — так советую тебе. Отравленным молоком наполни кувшин. И с молоком ступай в град Чомпок». Выслушав подобное, поспешила богиня, взяв кувшин ядовитого молока. Поставив кувшин с молоком на голову, вскоре пришла [к дому] Чандо.

Припев:

О дитя, не плачь!

«Покупайте молоко, покупайте молоко!»— кричала пастушка. При виде молока заплакали шесть сыновей [Чандо]. Сказала Шопаи, увидев это: «Слушайте меня! Не знаете вы, по во всем

виноват ваш батюшка! С Моношей враждует ваш отец. Не ведаю, когда [она] причинит горе!» Слушая ее, плакали шесть мальчиков. И приказала Шонока пастушке принести молока. Купила молока, чтобы напоить шестерых братьев. [Затем] отправилась Шонока стряпать. Приготовив еду, позвала к трапезе. Сказала шестерым сыновьям: «Принесите ваши чаши». Сели шестеро братьев за трапезу. Поели шестеро братьев. И, радуясь, благодарная Шонока принесла [им] молока. Попив молока, потеряли сознание шесть мальчиков. Кто-то воскликнул «да, да», кто-то — «нет». Крича: «Сыночки, о сыночки», зарыдала Шонока. Оплакивала [она] сыновей, катаясь по земле. Теперь, певец, сказывай печальным лачари. (1—30)

71.

лачари¹

Горько рыдала Шонока: «Куда ушли, сыночки, стрелой пронзили [мое] сердце!» Рыдали шесть невесток, упали они на землю: «Куда ушел возлюбленный муж, оставив меня!» Горестно плакали, причитая: «Телу не снести такого несчастья!» Рыдали все родные, катаясь по земле: «Куда ушел повелитель, нас оставив!» Рыдали красавицы: «Более не увидать нам своих возлюбленных мужей!» Биджой Гупто говорит: Певец, отдайся душой делу! «Сидя у дверей, почему оплакиваете умерших?» — [спросил Чандо].

Припев:

Что за шум, слышу, о старшая госпожа?

Рыдала Шонока, упав на землю. Заплакал купец Чандо, причитая. Тогда сказал ученый муж Шомаи: «Не плачь, купец! Плот [с умершими] пусти плавать в море!» И [Чандо] спустил на воду плот с шестью сыновьями. Скорбел купец, думая о своем горе. Глядя на это, ликовала в душе Падмавати. Взойдя на плот, воскресила [она] шестерых сыновей [Чандо]. Воскресших юношей привела к Ганге. Оставила [их] у Ганги. Простилась с мачехой и, взойдя на змеиную колесницу, вернулась к себе домой. Горько плакала Шонока, когда спустили на воду плот с шестью сыновьями. Тут же удалилась Шонока в густой лес. Оставаясь в [том] непроходимом лесу, дню и ночью без усталости горевала Шонока в одиночестве. Прознав об этом, взошла богиня на змеиную колесницу и поспешила в хижину Джалу. Увидела, что спит мать Джалу, и явилась ей во сне. «Вставай, мать Джалу, сколько можно спать! У твоего изголовья Моноша — открой же глаза! Нет сил смотреть на нищету в твоём доме! [Тебя] милостью одарить пришла [я], От-яда-исцелительница. Передай, пусть Джалу и Малу забросят сеть. Тогда развею все твои напасти!» Так ей сказала тогда [Моноша]. Молвив так, тотчас же исчезла.

Припев:

О брат Канаи, иди к водам Ямуны²!

«Глядела на меня Падма, сидя у [моего] изголовья. Одарила меня богиня милостью и удалилась в град богов. Дала наказ для двух сыновей». Взяв рваную сеть, пошли два брата [к реке]. Взяли сеть тогда два брата и пошли [к реке]. А Падма, обернувшись золотым горшочком, опустилась в воду. Биджой Гупто горюит: Певец, повторяй [имя] Рамы! Теперь читай [стихи] лачари, дай отдых пояру! (1—48)

72.

лачари

Сказал Джалу: «О Малу, старший брат, нет везения [нам] нынче, нет удачи в ловле сетями. Семь раз забрасывали и вытаскивали сеть — и нет ни одной рыбы, давай вытащим сеть и вернемся домой». Взялись братья за сеть, изо всей силы потянули и вытащили горшок. При виде горшка оба удивились глубины души [и сказали]: «Не до горшка нам!» Заплакали Джалу и Малу и в беспамястстве, бросив сеть, пустились наутек¹. Сказал Джалу: «Скажу тебе, брат Малу, брось этот горшок в воду!» Услышав слова Джалу, [в отчаянии] стал бить себя по голове [Малу], в испуге сложил умоляюще ладони. Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. Заступись за собравшихся, От-яда-исцелительница! (1—16)

Припев:

О брат, брось, брось [в воду] ненавистный Чандо горшочек.

73.

Вытянув горшок из воды, ужаснулись братья. А Падма, находившаяся в горшочке, сказала Джалу и Малу: «Слушайте, Джалу и Малу, слушайте мое слово! Я дочь Шивы, не надо вам бояться [меня]! Возьмите горшок и поспешите сотворить [мне] пуджу. И ваше богатство сравняется с богатством Чандо! Ежели, презрев, выбросите [его], то немедля умрете, кровью своей захлебнувшись!» Услышав подобное, те испугались. Уронив сеть, задрожали оба брата в ужасе. [Но] обещание Падмы их сильно обрадовало. Велено, певец, рассказывать [стихом] лачари. (1—12)

74.

лачари

Поставив горшок на голову, шел Джалу по главной дороге, было безобразно его тело, а стало прекрасным. Зазвучала дивная музыка в доме Джалу, воздавали хвалу женщины. Плясали видь-

ядхари, пели песни гандхарвы, вокруг все было убрано драгоценными камнями. Обвеваемая опахалами, держа [в руке] всер из павлиньих перьев, сидела [там] счастливая мать Джалу. Взяла мать Джалу горшок и в своих покоях поставила, стала творить пуджу богине От-яда-исцелительнице. Покои матери Джалу превратились в чертоги богов — постоянно творила [она] пуджу богине...¹. Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. Будь милостива, богиня Падмавати! (1—12)

На этом кончается [сказание] о поклонении Джалу и Малу.

Часть, [повествующая] о милости [Моноши]

75.

Радостно было на душе у Падмы. И Падмавати явилась Шоноке во сне: «Проснись, проснись, Шонока, красавица! [Тебя] наградить пришла [я], От-яда-исцелительница. Гляжу на твою горе, и тело мое сжигает [сострадание]! Ступай в молельню Джалу, и [я] награжу [тебя] сыном!» Тут же исчезла Падмавати. Поспешила встать Шонаи, увидев подобный сон. Стало радостно у нее на душе. Собрала [она] все нужное для сотворения пуджи богине. Взяла с собой козлов, буйолов и овец и пустилась в путь. Взяла с собой все необходимое для воскурения благовоний, зажжения светильников и найведьи. Повела с собой ученого мужа Шомаи¹. Вместе с шестью невестками пошла Шонока. Было трудно идти пешком Шонаи: на ногах [тяжелые] нупуры. Знала [она], как далеко молельня семьи Джалу. Так пришла Шонока в дом Джалу. Увидев там Шонаи, Падма сама объявилась. Узрела Падму Шонаи и восславилась [ее] стопы. Все ей рассказала. Разнообразными дарами найведьи наполнила золотой поднос. Зажгла в курильницах благовоние из сандала. Принесла в жертву сотни козлов, буйолов и овец. Сотворила дивное поклонение новоявленной Лакшми. Увидев это, отвернулась Падмавати, [устыдившись]: «Зачем пришла [сюда], Шонаи, супруга Чандо?» Выслушав ее, сказала свое слово Шомаи: «Шестерых моих сыновей погубила! С малых лет ни о ком, кроме тебя, не помышляю! Хорошо ты меня вознаградила за это, От-яда-исцелительница!» От рыданий лишилась сознания Шонаи. «Служила тебе, а [ты] так дурно поступила со мной!» Услыхав подобное, обрадовалась в душе, богиня: «Проси любую награду, Шомаи — благословляю тебя сыном!» Слова Моноши радостью наполнили сердце Шомаи. Теперь, [певец], рассказывай стихом лачари! (1—36)

76.

лачари

В граде Чомпок Шоная просила о сыне, просила о милости [богиню], прикрыв [голову] краем одеяния^{1...2} «Отведала [я] пуджу, [тебя] одарила милостью, назови сына Локхиндором, но на седьмой день после рождения украду [его]!» Отвечала Шоная: «Послушай, мать, подобного благодеяния мне не надо, уволь меня от такой милости!»—«Отведала [я] пуджу, [тебя] одарила милостью, назови [сына] Локхиндором, в день обряда „первое кормление рисом“³ украду [его]!»—«Послушай. Моноша, подобного благодеяния мне не надо, уволь меня от такой милости!»—«Отведала [я] пуджу, [тебя] одарила милостью, назови сына Локхиндором, в час обряда чура⁴ украду [его]!» Отвечала Шоная: «О мать, подобного благодеяния мне не надо, уволь меня от такой милости!»—«Дала, дала [тебе] сына, назови Локхиндором, в свадебную ночь ужалю [его]!» Тогда сказала Нета: «Шоная, послушай, не к добру отказываться, просто не жени сына!» Обдумала все женщина и, решившись, приняла благодеяние [богини], прикрыв голову краем сари. Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. Прицела милость [Шоная], прикрыв голову краем одеяния. (1—24)

77.

пояр

Получив в награду сына, возликовала всей душой Шоная. Немедля отправилась к себе домой. (1—2)

До сих пор была часть, [повествующая] о милости [Моноши].

Похищение Анируддхи и Уши. Битва с Ямой

78.

Находилась богиня От-яда-исцелительница у себя в покоях. «Посоветуй мне, Нета, дочь прачки! Посоветуй, на какую хитрость пуститься, к какому средству прибегнуть! Где взять мне сына для Шоноки?» Отвечала Нета: «Падмавати, послушайся моего совета! Немедля ступай ты к Шиве. Возьми [у него] Анируддху и Ушу¹. Немедля, сейчас же иди!» Выслушала богиня От-яда-исцелительница речь Неты. Поскорее надела богиня на себя убранство из змей. (1—10)

79.

лачари

Припев:

Приветствуем, приветствуем [тебя], богиня!

Одевание из джута, стан [опоясывает] Такпака. На грудь, [как ожерелье], надела богиня змея Куруваку. Змеем Кали подвела, как сурьмой, глаза¹. Змей Панду стал ей короной, змей Шанку — браслетом из ракушек. Как канчали² надела богиня извивающегося Аруялу. Змии Гамбхур и Гонтир изображали знамя и стяг. Змея Синдурию возложила на пробор как синдур. Змея Кхаю надела богиня на ноги как нупуры. Снарядила змеиную колесницу и отправилась в путь От-яда-исцелительница. Повидаться с Шивой спешила богиня. (1—10)

80.

пояр

Сидел на троне Великий бог, Повелитель-трех-миров. Рядом сидели небесные боги. Анируддха пел песни, благородная Уша плясала. В тот час явилась в собрание Моноша. При виде [ее] все боги схватились за головы: «Не знаем какое, но случится нынче несчастье в собрании!» Явившись, встала Падма посреди собрания. Пел песни Анируддха в собрании [богов]. Нелюбовь отца ранила душу Моноши. И приняла она тогда посреди собрания свое обличье. Упал на Ушу ее ядовитый взгляд. Из-за ее ядовитого взгляда перестала Уша танцевать и петь. И в гневе Великий бог проклял ослушавшуюся [деву]: «Чья ты дочь, чья жена? Нищ и беден я, что могу поделаться! Зазнаешься передо мной, презираешь! Почему без позволения, дева, перестала плясать? Презираешь ты безумного! Вот мое проклятие: спускайся с неба на землю! Из человеческого лона получите вы [с Анируддой] рождение. Много горя вдвоем испытаете! Спасешь род отца и свекра — и снова ко мне возвратитесь оба!» Сказав так, Шива душой успокоился. Гнев свой усмирив, стал Шива расшаривать [дочь] о новостях: «Падма, не смущайся! Какое дело у тебя ко мне? Немедля и поскорее открой самое заветное! Нынче милостиво исполню [твое] самое сокровенное желание». Услышав речь отца, сердцем возликовала От-яда-исцелительница. Сложив молитвенно ладони, кланялась и говорила [богиня]. Молвила Падма: «О батюшка, ты сущность трех миров! Единожды охраня от обиды дочь! Чандо из человеческого рода, негодяй, держит над собой царский зонг. Сып человека, а называет себя божьим сыном. Сколькими ругательствами меня осыпает — и не вообразить! Стыдно мне говорить тебе. Денно и ночью, впад в высокомерие, он проклиняет меня. Бродит по лесам и чащобам и, как змею поймает, убивает. Не могу одолеть человеческого

сына из-за твоего покровительства. Чандо препятствует людям почитать меня. Левою ногою ударил горшочек — не побоялся! Палкой из хетала ударил в поясницу и согнул [меня]. Безмерно мудра Шонаи, его супруга. С малых лет творит пуджу моим стопам. Змеи погубили ее шестерых сыновей. Постоянно [она] упрекает меня. В доме Джалу пообещала ей сына. Помоги мне, Великий владыка, осчастливить ее! Моей милостью должен родиться в ее доме сын. Это поможет мне преодолеть вражду [Чандо]. Тридцати богов ты повелитель, Нараяна! Кто-то должен родиться из лона Шопоки! И ты, отец, не противься этому. Все боги покровительствуют Шопоке. Неужели мои усилия напрасны?! Отдай мне, батюшка, Анируддху и Ушу! Тогда исчезнут все мои горести! Пусть Анируддха родится из лона Шопоки. Ушу заставлю появиться на свет в граде Уджани. Когда станет [она] необыкновенной красавицей в расцвете юности, подстрою так, чтобы они обменялись благодарующим взглядом². Исполнив все задуманное мной, верну [их] тебе!» Над речью Падмы задумался Шива: «На что решиться ради блага Уши? [Хорошо], я отдам тебе Анируддху и Ушу. Без меня позаботься о них! Анируддха и Уша дороже мне жизни. Пусть в мире смертных никогда не знают они горя! Коли пренебрежешь моим словом и причинишь страдание Уше, ты мне не дочь, а я тебе не отец!» Все, что говорил Великий бог Падмавати, Уша услышала, и сердце ее пронзила боль. [Певец], оставив пояр, сказывай песнь [стихом] лачари. (1—78)

81.

лачари

Припев:

Рыдала Уша, дочь Баны!

«По вине [моего] прежнего рождения Моноша хитростью похитила меня, [никогда] больше не быть [мне] в граде Шивы! Распростерлась на земле, припадаю к стопам Шивы, ты, бог, сущность мира! Различая плоды дурных и благих поступков, не принуждай меня — ведь проклял невинную! Твоя дочь Падмавати из коварного змеиного племени нисходит на землю в любом желанном ей обличье. Бросила ядовитый взгляд — и сбилась [я] с ритма в танце, а за этот проступок ты проклял меня! Несчастливая я женщина, стал недосягаем бессмертный град, покнунуть [его] — великое горе! Жестокое проклятие наложено, душа [моя] сильно страдает — сколько же грехов совершила я за века! Анируддха, мой муж, внук бога Ваю¹, Камадева — мой свекор²! Зная о их гордости, и единожды не защитил, ты немилосерден и жесток, Шива!» Молвил Великий бог: «Уша, божественно предопределено твое греховное поведение! Долго [ты] плясала для

меня с любовью, и зачем только нынче пришла Падмавати! Не думай дурно о том, [что] отдал тебя Падме, спасет тебя Падма! Без обмана добейся в мире смертных задуманного Падмой и снова возвратишься! У стоп Шивы Биджой рассказывает. Восславил богов парица Уша и замолчала...³ Лицеэрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. Внимая [ему], веселятся боги. (1—31)

82.

пояр

Плакали все боги, окружив Ушу, рыдал бог Трехглазый, опустив низко голову. Плакали вместе с Бхавани Джая и Виджая. Преисполненный печали, рыдал великий подвижник Нарада. Рыдали Карртикея, Ганеша и Ашвиникумары. Кругом стонали боги. Рыдали Брахма, Урваши¹ и Читрарекха², не ведая, когда [снова] свидятся с Ушей. Стих плач богов. Но продолжал рыдать Анируддха перед Шивой. Суждения сына Камы отличались ученостью. Припадая к стопам Шивы, катался [он] по земле. Отринув стыд, отчаянно рыдал Анируддха. Теперь, [певец], рассказывай стихом лачари. (1—14)

83.

лачари

Отбросив смущение и страх, увещевал [он] Шиву: «Ты, бог, Создатель мира, ты, божество, Враг-трех-градов, стал и моим врагом, безвинного проклял! С малых лет уповал на тебя, а ты [меня] погубил, твоим стопам поклонялся — и я же великий грешник! За что проклял преданного человека, ведь дедом доводится мне Украшенный-цветочной-гирляндой¹? Поклоняющийся тебе демон Бана — отец Уши и мой свекор, ради него [ты] воевал. Но не пощадил его гордости, ты, Шива, милосерден и жесток!» Биджой Гупто говорит истину: У меня нет иного пути, будь же милостива, богиня Падмавати! (1—14)

84.

пояр

Когда Анируддха прервал свой плач, к стопам Падмы склонилась в поклоне Уша. Молвила Уша: «Послушай, богиня, дочь Шивы! Твое страшное колдовство невозможно постичь! Слыхала из людских уст, что нрав твой ужасен! Поклянись перед Шивой — ведь [он] Великий бог, Господь, Владыка-трех-миров. [Тогда] покину его и последую за тобой. Но когда будет угрожать мне опасность или попаду [я] в беду, ты, мать, должна прийти на помощь! Всегда, когда захочу, будь ко мне благосклонна! Лишь тогда [мы] оба пойдем с тобой!» Поступила богиня так, как просила Уша. Немедля дала клятву перед ликом Шивы. Всех богов, одного за другим, призвала в свидетели Уша. Триж-

ды повторила клятву Моноша. Обняв Анируддху и Ушу левой рукой, довольная Моноша взошла на змеиную колесницу. На троне, украшенном драгоценными самоцветами, восседала От-яда-исцелительница. Призвала [она] к себе Нету, дочь прачки, [и сказала]: «Сам Садашива¹ одарил меня своей милостью! Усердно охраняй жизни Анируддхи и Уши!» У кого есть разумение, поймет душевное состояние Падмы. Призвала Падма бесчисленное множество змей. Быстро прибыли змеи по велению Падмы. Сложив молитвенно ладони, предстали перед Падмой. Сказала Падмавати: «Слушайте внимательно, змеи. Приготовьте яму для погребального костра Уши». Были страшны змеи обличем. По велению Падмы приготовили яму для погребального костра. Яму для погребального костра приготовили змеи — в тринадцать с половиной гаджей² длиной и шириной, в девять гаджей глубиной. Разожгли костер из дров агуру и сандалового дерева. Лили все змеи в него топленое масло. Горел огонь без дыма. Стояла и смотрела на него Мать, От-яда-исцелительница. Глядела Моноша, как горел огонь. Подошли Анируддха и Уша к костровой яме. Уша, дочь Баны, была весьма отважна. Сама лила в огонь топленое масло кувшинами. Принесла в жертву всевозможные одеяния и украшения. Самозабвенно почтила божество Хуташану. Поклонившись сосредоточенно Индре, Чандре и Создателю дня³, обошла костер священным кругом и встала, молитвенно сложив ладони. Много раз кланялась и возносила славу [богам]. [Затем] взяла отменно острый нож порошинхо⁴. Стала Уши словно соляная кукла. Отрезанные [Ушей] куски тела плавилась в огне. Отрезала [она] себе груди⁵ — отринула стыд. Внутри ямы обошла костер священным кругом. Отрезала от себя куски плоти. Бросая [в костер] куски своей окровавленной плоти, сотворила пуджу погребальному огню. Так проделала [она] путь в две стражи, неотрывно глядя на языки пламени. И, приняв свой облик, Агни предстал перед Ушей. Остался доволен Ушей божество Хуташана: «Проси в награду, что душе угодно, любое исполню!» Слова Агни обрадовали Ушу. Молитвенно сложив ладони, поклонилась дева и молвила слово. Сказала Уша: «О Агни, ты главный среди богов! Тебе ведомы грехи и добродетели земной жизни. Ты — вездесущее знание, всем миром почитаем. Даже тайные грехи тебе ведомы. И все тебе известно обо мне. По велению Великого бога я иду в мир смертных. Коли ты, Повелитель, воистину хочешь [меня] облагодетельствовать, пусть твоей милостью [я] буду помнить прошлое свое рождение!» Речью Уши остался доволен Агни. Ублаготворенный, наградил [он] Ушу этим даром. Так Агни облагодетельствовал Ушу: «Родишься ты из человеческого лона. А [теперь] слушай, открою [тебе] потаенное! Моей милостью ты получишь прекрасный облик. Среди жен трех миров будешь самой добродетельной. Горя в огне, не почувствуешь боли! Мертвого сумеешь

воскресить, утраченное богатство — вернуть. Непременно Анируддха будет твоим супругом. Но в мире смертных не раскрывай его тайны! Соприкоснувшись со множеством горестей, не отчаивайся! Спася два рода, однажды вернетесь [на небеса]!» Стоило Хуташане одарить своей милостью [Ушу], и оба [супруга] взошли на костер. В столице Ямы Читрагута ведет запись [жизни каждого]. Сгорев в огне, оба [супруга] дух испустили. На страницах [книги Читрагупты] записано, сколько кому осталось жить. Когда кончился жизненный срок Анируддхи и Уши, приказал Яма послать [за ними] вестников⁶. Бессмертны [вестники], о трех головах, кабаюлики, большеглазы, одеты в кожаные набедренные повязки. Поспешили вестники на берег Джахлави. Окружили [костровую] яму. Железной дубинкой в непомерной ярости били [всех]. Проявив отменную силу, выпули жизнь из [супругов]. Взяв жизни Анируддхи и Уши, отправились к Яме. Покрасневшими в гнев глазами смотрела Падмавати: «Откуда явились и кто вы, негодяи? Брать грешников — право вашего Ямы. Но забирать праведников — откуда такая наглость у Ямы! Неужто ныне не сыскать ни одного грешника! Верпо, вы считаете меня ничтожнее Харишчандры⁷?! Какое же деяние надо совершить к удовольствию Ямы? В телах вечных грешников находят приют недуги!» Отвечали вестники: «Падмавати, не гневайся! Знай, всем в мире известна власть Ямы! И червь, и птицы, и иные [существа], пребывающие в сансаре, — все с нами следуют в столицу Ямы. Знай, в этом мире Яма — великий царь! Чью соль едим, тому и служим. Без причины, От-яда-исцелительница, возвращаешь глазами и так смотришь! Милостью Ямы никого мы не боимся! Чью соль едим, тому и служим. Гнева твоего не страшимся, ярость Ямы для нас погибель!» Такой ответ услышала Падма из уст вестников и приказала своим восьми змиям: «Схватите, схватите [вестников]! Схватите, схватите [вестников]!» — так кричала Падма и пылала яростью. От ярости покраснели и дрожали глаза. И тотчас же змеи кинулись жалить, будто сухое дерево топором рубили. Сжигаемые [змеиным] ядом все катались по земле. [А вестники Ямы] завязали в край одежды жизни Анируддхи и Уши. Так, выслушав речь Падмы, взяли [они] жизни обоих супругов и пустились в путь. Увидела это богиня От-яда-исцелительница. «Дхаму, Дхаму!» — поспешила призвать к себе змия. Сказала Падма: «Змий Дхаму, слушай [мое] слово! Немедля сделай что-нибудь с вестниками!» Вместе с четырьмя змиями — Агнимукхой, Шучимукхой, Шитимукхой и Пхони — пошел сам Дхаму. В мгновенные ока, словно молния сверкнула, умчались они. На дороге повстречался Дхаму с вестниками Ямы. Сказал Дхаму: «Послушайте меня, вестники Ямы! Сбежали [вы] с жизнями Анируддхи и Уши!» Подрался Дхаму с вестниками Ямы. Теперь, певец, сказывай веселым лачари. (1—134)

«Послушайте, вестники Ямы, освободите дочь Баны, ее мать — раба Моноши! Того, кто осенен милостью Падмы, не забирает царь Яма, как и тех, кто умирает в Бенаресе! Слабы умом и ничтожны вы, неведома [вам] истинная сущность Падмы, которую все боги страшатся. Человека, скончавшегося в Каши, не может взять Яма, этот человек уходит на Кайласу². Неужто царь Яма, ваш господин, ничего не соображает и кто наделил его подобным разумом! Подумайте и убедитесь — не было такого, чтобы поклоняющихся Падме забирал к себе Яма! Что бы ни писал Читрагупта и ни думал про себя, тщетна борьба с Падмой! Коли прослышат боги, что Яма взял поклонника Падмы, немедля накажут Яму»...³. Над гордыней и гневом Дхаму сердито смеялись вестники Ямы, непрерывно теребя усы и бороду. Сказат Дхаму: «Не спешите, сначала выдержите мой удар, посмотрю на ваше геройство! Ужаленному змием Дхаму не возвратиться домой, об этом позабыли [вы], возгордившись!» В ярости Дхаму все раздувался и раздувался, осыпал [вестников] бранью — словно огненные искры летели вверх. Левою рукою бил в цимбалы, и звуки музыки возносились к небу, надо лбом развернул [Дхаму] свой капюшон. Восемь змиев, [свергая] словно посланцы Солнца, вступили в бой с вестниками Ямы. Биджой Гупто рассказывает, очаровывая знатоков. Бились змии с вестниками Ямы. (1—32)

Отобрали змии жизни Анируддхи и Уши. Взяли змии жизни [супругов] и немедля удалились. Трудно идти вестникам [Ямы], пораженным ядом. Горько жаловались [они], бредя ко дворцу Ямы. Восседал сам Яма на троне посреди собрания. В этот час собрались там все его вестники. Восседал царь Яма вместе с четырнадцатью Ямами¹. В тот час собрались все вестники Ямы. Много там было золотых тронов. Перечислю [теперь] четырнадцать Ям, слушайте внимательно! [Это] Дхармадхарма, Нирттатка, Катаптата, Бибхасмата, Какандахута и Хутамукха, [а также] Бина, Дакша, Павана и его единоутробный брат, Читрагупта, Яма и Сувадана. Дхармадхарма восьмьюдесятью семью руками вел записи. Десятки миллионов людей давали показания, а небожители наблюдали. Дхармадхарма вел допрос без слов. В этот час неожиданно явились два вестника Ямы. Еще передвигались вестники, покрытые обильным потом. Задрав головы, приблизились к царю Яме: «По твоему приказу отправились за Анируддой. В пути жестоко избили [нас] змии Падмы, Восемь

змиев примчались как враги-погубители. Даже вестника Вишну, повстречав, обругали. Словно мы ничтожнее Харишчандры — так змея Моноша унижала нас. Не выжить [нам], отравленным ядом Моноши! Умрем от позора, [умрем], привязав на шею кувшин [с песком]²¹!» Припав к ногам Ямы, громко вопили вестники. Теперь, певец, сказывай стихом лачари. Рыдали вестники Ямы, припав к его столам: «Тому человеку, что почитает Моношу, не грозит беда!» Сложили [они] перед Ямой железные дубинки и кожаные арканы. Громко вопили вестники, катаясь по земле: «Тот, у кого нет власти, гибнет! Мы умираем от вражьих побоев, ты же посмеиваешься! Тебе, Сыну Солицы³, в твоих деяниях неведом страх! Откажись от низкого дела! Повсюду противятся твоему намерению. Змии Падмы избивают твоих вестников — это яснее ясного. А Читрагупта или пишет, или размышляет. Не различает дурное и доброе, а приказывает: „Идите, идите!“ Грамоты не знает, а только витийствует. У кого нет власти — у того писанина!» Рыдали вестники Ямы, взирая на Яму. По их телам текла кровь из ран от змеиных укусов. В ответ на слова вестников закричал Яма: «Как осмеливается Падма бить моих послов?» Молвив так, захохотал Яма. У стоп Моноши поет вайдья Биджой Гупто. Из уст вестников обо всем узнал Яма. Распалился Яма, словно Хутапана: «Кривая бродит по лесам, поедает лягушек! По какому праву избивает моих вестников?! Чандо из человеческого племени, а победить его не может! А нынче узнал, что Кривая побилла моих послов! Какое у нее право вмешиваться в мои дела? Всего только красавица, дочь Великого бога! Женщина, а так много берет на себя! Нынче же выйду на бой и убью [эту] женщину!» И издал царь Яма воинственный клич. Поднявшись с трона, крикнул: «Снаряжайтесь, снаряжайтесь [на битву]!» Вайдья Биджой Гупто дивно сочиняет. Оставив пояр, [певец], сказывай песнь лачари. (1—64)

87.

лачари

«Снаряжайтесь, снаряжайтесь [на битву]! — кричали посланцы [Ямы], взяв в руки железные дубинки. — Скорее доставьте [сюда] Анируддху и Ушу!» Кричал Яма: «Бейте, бейте!» Шествовали его вестники, шествовали десятки миллионов слонов и коней. Испуская воинственные кличи, шествовали четырнадцать Ям, их воинственный рев заполнил небо. Шествовали [вестники] Сварнамукха, Сучимукха, Панахара, Вивечака и его единокровный брат Агнимукха. Шествовал вестник Ваджраката с железным копьём на плече — оторопь берет при взгляде на него. Шествовал [на битву] вестник Нилоя: вот он здесь — и уж нет его, и брат его быстр, словно комета. Сказал Яма: «Тех, кто»

вознамерился уничтожить смерть, вы должны погубить! Спасаться бегством, потерпев поражение от смертного,— неужто в этом вся ваша доблесть?» Шествовал [на битву] бедняга Лод, чьи руки и тело распухли от слоновой болезни, хитростью [он] намеревался поймать Падму. Ехал [на битву] Чандамукхи в паланкине вместе с Ямой. Все [воины] разом кричали: «Держи, держи [врагов]!» Мчались со скоростью ветра краснокожие и чернокожие [вестники] с огромными черными клыками. Дивно со скоростью ветра мчались вестники Синду и Нисинду, с ними Джорджори. У хромого [вестника] по имени Лочахори, у Бимукхоти и Донтоморы на шеях висели железные цепи. Явились [туда] и два шурина Ямы — Джая и Мангала, устрашающие, огромные и черные, [а также] Чеора, Бхойра, Хаол, Канданиша, Чхора и Муладанти, сын Кхечори...¹. Вайдья Биджой скazujeет у стоп Моноши. Повторяя «ом»², шли [на битву] вестники Ямы. (1—36)

88.

лачари

Снарядился царь Яма, пошел на войну, вышел на бранное поле. Гремели музыкальные орудия. Снарядив буйволов¹ для езды, вестники Ямы сопровождали [своего повелителя]. В гневе сказал сын Солнца: «Множество бхутов снарядилось на битву и вышло на поле брани. Осмелев, бьют [они] всех моих вестников. Как бы Кривая, явившись [сюда], не захватила их! Привела с собой множество змей и похвалится предо мной, нет у нее понимания жизни и смерти! Всевышний отворачивается от того, кто со мной враждует, нынче не пощажу ни одного живого существа!» Выглядело устрашающе войско [Ямы], [вооруженное] дубинками, пиками, луками со стрелами и палицами. Заслышав гудение тетивы на луках, удивился Держатель чакры²: «На кого это пошел войной царь Яма?» Испустил Яма воинственный клич, и помчались вперед вестники, советники и стражники. Все войска, снарядившись, выступили вперед, дабы отпять Анируддху и Ушу. От клича Ямы заколебались три мира, забеспокоился Юдхистхира. Не понимали боги, по какому поводу снаряжено войско и что за герой появился в трех мирах. Оповестил Нарада: «Слушайте, то с Падмавати бьется Яма!» И сошли боги [на землю], дабы увидеть битву. Вайдья Биджой скazujeет у стоп Моноши. Переправился Яма через [реку] Вайтарани³. (1—28)

89.

пояр

Переправился Яма через воды Вайтарани. Четырнадцать Ям расположились под деревом джам¹. Держали совет все четырнадцать Ям. Призвали к себе пятерых главных вестников: «По-

спешите, пять вестников, [туда], где находится Падма. Дайте ей добрый совет. Анируддху и Ушу, своих рабов, тайком пусть отдаст нам. Коли явимся мы на поле брани и вступим в бой, ее жизни не пощадим!» По приказу Ямы быстро умчались посланцы. Смеясь и посмеиваясь, явились [они] к Падме. Были веселы Падмавати с Нетой. В тот час явилось [к ним] пятеро вестников: «Будут биться с тобой вестники Ямы! Для того Шамана послал [нас] к тебе! Женщина, а как много спеси в тебе! Почему, шакалица, воюешь со львом?» Красными от гнева глазами Падма посмотрела вокруг. Взвилась, будто огонь, в который плеснули топленого масла: «Убью вас, вестники [Ямы], за чем дело стало! Но прежде убью вашего Дхармараджу! Ступайте и передайте эти слова вашему Яме! Сумеет покончить с ним даже Нета, моя советчица!» Вайдья Биджой отменно мудр, сложил [он] дивную песнь [стихом] лачари. (1—26)

90.

лачари

«Ступайте и скажите своему Дхармарадже — пребывать в счастье не даст ему всевышний! И кто он такой, чтобы подобные надменные речи говорить мне! Этот негодяй лишь для людей Яма, а кто для него Яма? Называет меня женщиной, да не разумеет, что я для него Яма! Коли нынче вступлю в бой, я стану для него Ямой! Передайте это, вестники, передайте ему от моего имени! Снарядившись на битву, пусть приходит со всеми четырнадцатью Ямами! Их всего четырнадцать, моих же змей без числа! Ядом отравим — ни одного не оставим в живых!» Выслушали вестники подобную речь [Падмы] и вернулись к Яме: «Пока Моноша жива, тебе нечем гордиться!» Биджой Гупто сказывает: Не медлите, с душой, исполненной радости, идите на бой, не страшитесь Ямы! (1—14)

91.

пояр

Разгневавшись, сказала Падма: «Держите, держите [их]!» В ужасе пустились наутек вестники [Ямы]. Сказала Падмавати: «Нета, выслушай [мое] слово! Царь Яма собрался на битву. Дай совет мне, Нета, дочь прачки! Как мне одолеть властелина Яму?» Отвечала Нета: «Падмавати, знаю одно средство. Стоит тебе только помянуть — и множество змей предстанут [перед тобой]!» Не стала Падма поступать вопреки совету Неты. Средоточилась Падмавати. И по велению Падмы поползли змеи. Стоило помянуть — и предстали змеи пред Падмой. Явились змеи Айрадж, Монджори, змеи Шинхомукхо и огромный Борохи. При-

ползла племянница Падмы — змея Уроши, рот [у нее] в сотню йоджанов, язык [длинной] шестьдесят йоджанов. С горы Кали сползла Мохакали. Проглатывает [она] утром и вечером по сотне слонов. По велению Падмы ползли змеи, подняв свои головы. Услыхали об этом боги, и страх завладел их сердцами. Биджой Гупто говорит: Было очень весело! Теперь сказывай, певец, дивным лачари! (1—20)

92.

лачари

Кого из змей Падма ни призовет, немедленно тот собирается, приползли все змеи на битву с Шаманой. И малые и большие — все, сколько есть, пришли к Падме; так на битву сбиралась Победоносная, Брахмани. Первым явился Ананта, над головой его сияла тысяча змеиных капюшонов, от его рева сотрясалась земля. Закрыла все небо, затмив луну и солнце, тысяча его светлых капюшонов. С криком «Слава, слава» появился змий Такшака, что своим ядовитым пламенем сокрыл луну и солнце. Все деревья вокруг себя он сжег ядовитым огнем, их пепел взметнулся до неба. Змеи из паталы шли под предводительством Васуки, шумели змеи. Словно корни пальмиры их огромные клыки — [любого] ими сотрут в облако пыли. Явился змий Матсьякала, его лик словно спелый плод пальмиры, поклонился он Падме, молитвенно сложив ладони: «Коли ты велишь, я пойду и один одолею Яму, зачем столько змей пришло!» Мчались Ихла, Пихла, Нила, Копила, Шантона и Дхола — кто с хвостом, кто без него. Шли Ачола и Качола, змий Карката с братом Бикот, кричали [они]: «Бей, режь!» При виде воинства Падмы в ужас пришли боги, а богиня отправилась к Брахме. Задумала Падма погубить Яму. Биджой Гупто дивно сложил [песнь]. (1—28)

93.

пояр

Сказал Дхаму: «Слушай, богиня От-яда-исцелительница! Столько явилось змей — сосчитать не могу!» Первым пришло страшное воинство Ананты — тридцать два раза по десять миллионов змей, подобных Кале и Яме. Теснили друг друга змеи, раздувая над головами капюшоны. Лики, огромные, как небосвод, словно огнем пылают! Пришло такое множество змей Такшаки, что и не счесть: восемьдесят семь и тридцать раз по десять миллионов и еще восемьдесят две тысячи! У змей Такшаки по сравнению со всеми другими змеями самый сильный яд. Пришли три раза по десять миллионов и сорок тысяч змей Пан-

ду. Мчались со скоростью ветра змеи, никогда не иссякнет их яд! Огнеглазые змеи чрезмерно сильны. Оторопь берет при виде этого змеиного воинства Падмы — [их] семнадцать раз по десять миллионов и еще восемьдесят две тысячи! Каждый змей обладает мощностью тысячи слонов! Двадцать раз по десять миллионов змей привел Утпол. В голове его, словно солнце, сверкал драгоценный камень! Шестьдесят раз по десять миллионов змей привел змий Шоккху. Все змеи были разделены на отряды. Сложив молитвенно ладони, [змеи] кланялись Падме и умоляли: «Поручи нам сделать что-нибудь для тебя! Выполним твое самое сокровенное желание!» Отвечала Падмавати: «Глядите, сколько вестников Ямы! Сможете победить их — тогда [вы] сыновья мне!» Сказал Ананта: «Пусть только выйдет на бой военачальник Ямы! У кого хватит силы меня одолеть!» Слушая эти речи, ликовала душой Падма. Вмиг собралось на битву воинство удавов. Стали змеи кру́гом — нет [в него] пути извне. Не могу ни сосчитать, ни описать, сколько было удавов. Приползли, прослышав о битве, разъяренные удавы. Тридцать раз по десять миллионов и тринадцать раз по сто тысяч [удавов] оцепили [поле брани]. [Вышли] на бой двадцать семь тысяч юрких пещерных змей. [И явилось] двадцать два раза по десять миллионов змей, да еще две с половиной тысячи и три раза по сто тысяч. Был возведен [для Моноши] золотой чертог, четыре двери в нем. Огромные змеи стояли вокруг в карауле. Моноша и восемь змиев схоронились [там]. Стояло [в карауле] девять раз по десять миллионов змей, поделенных на отряды. У северных дверей стояли Кулирок и Карката. У восточных дверей стояли [змеи] Падма и Махападама. У западных дверей стояли Панду и Шошупол. Вышла вперед Падма с Анантой и Васуки. Пополнила Моноша змеиные запасы яда. Одни получили яда по полу с толой², другие получили по машу³. Сколько яду проглотили змеи — не счесть! Вышла От-яда-исцелительница на битву. Плотно, со всех сторон обступив [ее], шли великогомучие змеи. Будто шумели воды океана! Тесня друг друга, змеи поднимали свои головы. Казалось, то слон Айравата поднимает хобот. Десятки миллионов змей извергали ядовитый ливень. [Он] наполнил собой небеса, сокрыл поле брани. Беспредельно бегало по бранному полю множество вооруженных людей. Впустую дрались и пускали стрелы. И разгневанный Дхармараджа обратился [к Моноше]: «Наслала змей. Кривая, а сама сбежала! Коли есть [в тебе] мужество, выходи на единоборство со мной!» Над речью Ямы посмеялась богиня в душе. Надела на себя богиня убранство из змей. Змия Синдурью возложила на пробор как синдур. Царем змей⁴ как венком украсила голову. Змием Каджолия подвела, как сурьмой, глаза. Змия Корнопула надела как серьги. Змием Борария, как шарфом, обернула шею. Змия Понгораджа, как пашули, надела на ноги. Змеем Шонкхини, как браслет из ракушек, богиня наде-

ла на руки. Змеи Гамбхур и Гомбхир изображали знамя и стяг. Повсюду расползлись огромные змеи. Змеи Удойкал и Мохакал стали колесами колесницы [Моноши]. Взойдя на змеиную колесницу, богиня выехала навстречу вестникам [Ямы]. В ужасе вестники прекратили бой и обратились в бегство. Вопросил Яма: «Почему бежите? Окружите со всех сторон [змей] и бейте, сколько душе угодно!» Натянули тетивы своих луков героп-великаны. Обрушили на Падму ливень стрел. Легко богиня Моноша одолела их в бою. Грозным криком богиня Моноша обратила всех в прах. Громко насмеялась Моноша [над Ямой]: «Ныне мои змеи истребят весь твой род!» Отвечал Яма: «Твои уста, Кривая, не знают стыда! Лживую речь держишь передо мной! Купца Чандо из человеческого рода и того одолеть не можешь! А сегодня, прослышал я, моих вестников избил! За битвой между тобой и мной паблюдают боги! Вот выпущу стрелу острую, останется ли в тебе отвага?» И выпустил Яма в Падму стрелу Полумесяц⁵. На лету радостно разрубила Падмавати [ту] стрелу. Тогда выпустил Яма стрелу Чондропат. Окровавленным оружием Падмавати рассекла [ее]. Множество стрел выпустил Яма [напрасно], и в душе [его] зародился страх. Падма своим оружием уничтожила все стрелы [Ямы]. В гнев сказала ему Падма: «Остановись, перед твоими стрелами [я] стояла, теперь выдержи мои стрелы!» И стрелой Полумесяц поразила Падмавати цель. Той стрелой рассекло возницу на колеснице Ямы. Перехватило дыхание у Дхармараджи на бранном поле. Легко приладил [он] стрелу к луку. Той стрелой поражал своих врагов Пурандара⁶. Много воевал этой стрелой и Яма. У восточных дверей приладил громко свистящую стрелу [к луку]. Когда эта стрела летит, звучат разные музыкальные орудия. А наконечник стрелы рассыпает искры. Заворожены сю три мира до самозабвения. Держа в руке эту стрелу, Яма подпрыгивал. В сильной ярости крикнула Моноша: «Посрамлю твою женскую изворотливость! Отберу Анируддху и Ушчу!» Отвечал Яма: «Эй, Кривая, побереги свою смелость! Сохранишь отвагу, ежели устоишь перед моей стрелой!» И, безмерно гордый, выпустил стрелу. Прекратив бой, исполинские змеи пустились наутек. [Но] богиня Моноша обладала великой колдовской силой. Громким криком превратила [она] стрелу Ямы в прах. И боги увидели, как стрела превратилась в прах. Десятки миллионов змей обрушили ливни яда. Перехватило дыхание у царя Ямы на бранном поле. И стрелой Каладанда⁷ поразил [он] Падму. Заскрежетала зубами и потеряла сознание Победоносная, Брахмани. Сказала [тогда] Нета: «О Падмавати, Зла погубительница! Для того чтобы Яма не насмешничал, ты вспомни об Ананте и брось змеиный аркан». Напомнила Нета: «Прибегни к хитрому средству!» Метнула [Падма] змеиный аркан и полонила Яму. Когда Яма увидел змеиный аркан, ужас овладел им. Поспешно вы-

пустил Яма стрелу Гаруду. При виде Гаруды обратились в бегство все змеи. «Стойте, стойте!» — призывала их Падма. Усевшись [на поле],пил кровь и ел [змеиную] плоть [Гаруда]. Поминанием Гаруды даже воплощения Вишну⁸ можно взять в плен. Почтила [Моноша] Гаруду и уговорила его удалиться. Вернулась назад стрела Гаруда, исчезло колдовство. [Тогда] связала Падма по рукам и ногам царя Яму. У стоп Моноши поет вайдьа Биджой Гупто. (1—134)

94.

лачари

Припев:

Зачем явилась [ты] биться с Ямой?

«Лживо похваляешься, а себя самого не смог защитить! С каким лицом возвратишься в свой дом? Ты властелин над всеми грешниками, из века в век упиваешься грехами. Я же не грешный человек, а [ты] [вздумал] мериться со мной силами, да [я] убью тебя перед всеми! Прекрасно знает твой отец¹, что случилось во время пахтания Молочного океана — ты не спрашивал его [об этом]? Испив воды с моим ядом, испустил дух сам Нилакантха² — ты что, не слыхал? Жена всевышнего — моя мачеха, я пришла к ней и, повздорив, убила ее. Мольбы богов устыдили меня безмерно, и [я] сама воскресила Богиню. Ни к чему так шуметь, подними голову и смотри на меня!» Биджой Гупто радостно слагает [песнь]. (1—16)

95.

пояр

О том, что Яма уже три дня узник во дворце Падмы, поведал Нарада, придя к Брахме. Сказал Брахма: «Как опустел мир! Возьми с собой Санаку¹, [всех] семерых риши и ступай [к Падме]!» Нарада вместе с семью риши пустился в путь. Вместе с риши поспешил Нарада [к Падме]. При виде семерых риши обрадовался [Яма]. Моднес [им] воду для омовения ног и прочее, усадил. Рыдая у ног святого праведника, сказал Шамана: «Выслушай мою жалобу, средоточие подвижничества! Тот, кто в воскресенье дает обет [богу] Солнца, [умерев], отправляется на солнечной колеснице в чертоги Солнца. Тот, кто по одиннадцатым дням светлой и темной половины месяца, ест один раз в день, [умерев], отправляется на колеснице Вишну в его чертоги. Тот, кто в водах Ганги испускает дух, отправляется в мир Брахмы — так заведено. Я же хотел только взять людей, принадлежащих мне. А Мать, От-яда-исцелительница, связала меня змеиным арканом!» Отвечал Нарада: «Яма, не рыдай все время!

У тебя нет права на жизни Анируддхи и Уши. Сейчас пойду к Моноше и поговорю с ней. Вмиг освобожу тебя!» Вразумляя Моношу, говорил средоточие подвижничества: «Освободи, прошу, царя Яму!» Услыхав это, душой возликовала Моноша. Тотчас же отпустила царя Яму. Довольная, одарила Яму всевозможными украшениями. Молитвенно сложив ладони, поклонился Яма и удалился. Возвратился к себе домой и Нарада, освободивший Яму. За то в трех мирах был прославлен. Милостью Моноши Биджой Гупто пишет книгу. Битва с Ямой завершилась по-доброму. (1—32)

Так кончается [часть, повествующая] о похищении Анируддхи и Уши и битве с Ямой.

Путешествие купца Чандо в морской город на юге

96.

Взяв жизни Анируддхи и Уши, поспешила Падмавати в город Чомпок. Оставим [на время] От-яда-исцелительницу с жизнями. Послушайте о Шоноке из города Чомпок! Поставив на голову горшочек, Шонай возвратилась в город Чомпок. А купец, совершив омовение, поклонялся богам. Придя домой, красавица Шонока приготовила еду. Тут же купец сел за трапезу. Одно за другим подала [Шонай] пятьдесят блюд. Поев, купец сотворил [обряд] ачаману. Пожевал он камфару с бетелем и лег спать. Принарядившись, красавица Шонока, пошла к нему. Пришла [она] к купцу на свидание. При виде Шонай обрадовался купец безмерно. Держа [ее] за руку, усадил на ложе. Сказал Чондродхор: «Слушай внимательно, Шонай! Ты и я живем счастливо. Ты и я живем много лет вместе. Да будем [мы] вознаграждены, да будет [у нас] сын милостью Великого бога! Ты еще молода, Шонай, разве это возраст! Ты и я непременно спасемся, ежели будет сын». С жизнями Анируддхи и Уши поспешила Падмавати к Шоноке. Держа в руке жизнь [Анируддхи]. Падма тихо сказала: «Ступай, ты получишь рождение из лоно Шоноки!» Услыхав это, жизнь быстро полетела и проникла в лоно Шоноки. С жизнью Уши отправилась [богиня] в город Уджани. Проникла [та] в утробу Шумитры. Так Падмавати, как задумала с Нетой, жизни распределила и вернулась к себе домой. И вот уже красавица Шонока беременна, пятый месяц пошел. Весь народ в городе Шоноки радовался [тому]. Прошел первый месяц беременности у красавицы Шоноки, на втором месяце люди [обо всем] догадались. И пришли к Шоноке друзья и родные, исполненные благих пожеланий. Услыхав [о ее состоянии], все люди радовались и желали блага. Сотворила Шонока в шесть месяцев пуджу Шостхи. Совершая поклонение бо-

жеству, радовалась Шоная. Были счастливы все близкие. Умастили тело Шоноки благовониями и амлоки. Умастили жемчидины Шоноку растительным маслом. После омовения облачилась Шоная в джутовое сари¹. Много всяких украшений надела, шею [украсила] хашли. Прошло пять месяцев, как зачала Шонока, покинул [ее] ложе купец и вышел из дому. Привел [домой] купец ученого мужа Шомай. Стали поговаривать среди родных: «Тот, кто тратит богатство деда и отца, а сам не зарабатывает, дурной человек²!» И задумал купец отправиться в морской город: «Неприменно поплыву я в морской город на юге³!» Призвал к себе купец слугу Тору: «Снаряжай четырнадцать кораблей, Тора!» Нагрузить корабли товарами безмерно был рад Тора. На этот раз, певец, сказывай лачари. (1—90)

97.

лачари

Кипела работа, повсюду гремели музыкальные орудия — собирался купец [с товарами] в морской город в южной стороне. Взял много риса, крупного жемчуга, кораллов и других драгоценных камней. Торговцы одеждой принесли шаровары, москитные сетки, джутовые ткани. Спешил брахман, нес цветочную гирианду, оповещал [всех], что купец отправляется в путешествие. Погрузили на корабль горох и фасоль, погрузили превосходную редисуку. Радовался купец, снаряжая четырнадцать кораблей, взял шаловую древесину¹, очищенные бетелевые орешки. О том рассказал последовательно Биджой Гупто стихом лачари. Были снаряжены четырнадцать кораблей. (1—16)

98.

пояр

Все говорили: «Чандо отправляется в плавание». Была дома Шонока, когда услышала [об этом]. Принеся в жертву козлов и баранов, поклонилась [она] богам¹. Сотворила пуджу Индре и всем другим богам. Сказала Шонока [супругу]: «О возлюбленный муж, я твоя рабыня! Ежели покинешь меня, буду безмерно страдать!» Упав в ноги мужу, она рыдала в большой печали. Теперь певец, сказывай дивным лачари. (1—8)

99.

пояр

Убедилась [Шоная], что Чандо непременно отправится в морской город, и сотворила множество благодарующих обрядов. Сказала Шоная [такие] слова: «Послушай, возлюбленный муж!

Милостью Падмы я зачала сына. [Но если он появится без тебя], то ославят меня на старости лет. Что [я] скажу людям?» — «Никто никогда плохо не думал о тебе!» Все люди в мире знают, [что] ты самая добродетельная жена!» Сказав так, Чандо написал письмо, [подтверждающее ее] беременность. Отправилась тогда Шонаи готовить еду. Сел за трапезу властелин Чандо. Камфарой и бетелем очистил рот. В картике¹ сотворил пуджу Вишну. В пхальгуне² купец отправился в путешествие к морскому городу на юге. Поклонился Ямуне, Ганге и Бхагиратхи³. Поклонился восьми Хранителям небосклона, Лакшми, Сарасвати. Поклонился Брахме, Вишну, Уме⁴, Великому владыке. Поклонился восьми Хранителям небосклона, божеству Создателю дня. Богов, одного за другим, [а также] Создателя дня почтил. Играли, чаруя слух, разные музыкальные орудия. [Но] не поклонился купеческий сын Падмавати. Призадумалась Падмавати. Звучали разные музыкальные орудия, лилась благодарующая [мелодия] Малши⁵. И спросил купец у богов позволения на отплытие. Утвердившись душой, купец отправился в путешествие к морскому городу. До бортов были нагружены [его] четырнадцать кораблей. Подняв паруса, отплыли [корабли] от земли Чомпок. (1—28)

100.

лачари¹

[Припев]:

Не на веслах шли корабли, мчались под парусами.

Впереди всех плыл корабль, названный «Мангала»². На нем разместили сотни коз. Следом за ним плыл корабль с названием «Лунная гора». На нем размещалась целая ярмарка из Сриколы³. Следом за ним плыл корабль «Стопы Ганги»⁴. Там были посажены разнообразные цветы. Вслед за ним плыл корабль «Шкатулка с синдуром». Танцевали тамильские танцовщицы на этом корабле. На корабле — пристанище Дурги — рулевым был Бхогиратхи. Мчался [корабль] со скоростью ветра к южному морскому городу. Вслед за ним плыл корабль «Лебединоголовый»⁵. Был нагружен семьюстами конями корабль. Мчался дивно красивый корабль со скоростью ветра. К южному морскому городу по воде мчался корабль. Следом за ним плыл корабль с названием «Макара». Корабль — пристанище Чанди — плыл в морской город. Нагруженный разными священными предметами, корабль был прекрасен. Ими [купец] творил пуджу Великому богу. Следом плыл корабль «Цветок дурмана». Его красота озаряла десять сторон света. Подняты паруса над кораблем. Радостно плыл купец в южный морской город. Вслед за ним плыл корабль с названием «Светлотелый»⁶. При взгляде на гребцов

этого корабля оторопь брала! Следом за ним плыл корабль «Морская буря». Избороздил он воды всех морей. Вот [он] здесь — вот уже нет [его], никто и не увидел [корабля]! Смотрели люди на корабль и дивились. Много разных изображений богов было на нем. Много разных музыкальных орудий звучало, услаждая слух. Следом за ним плыл корабль «Спокойно идущий». Воду на [глубину] тридцати двух бео⁷ рассекал [он], касаясь [паталы]. Плыл корабль очень быстро, со скоростью ветра. Следом за ним плыл корабль с названием «Раковина». Бортами задевает берега Ганги, [носом] касается устья реки. Мчался корабль стремительно, со скоростью ветра. Загружен корабль разнообразными сокровищами. Следом за ним плыл корабль «Великий герой Гаруда». Мчался без весел — людям и не рассмотреть [его]. Возведены на этом корабле два дивных чертога. Сверкали прекрасные купола, украшенные драгоценными камнями. Следом плыл корабль с названием «Львиномордый». Радостно видеть на нем киноварь и шафран. Развевался над [его] дивной молельней шелковый стяг. Каждый вторник там творят пуджу Калике⁸. Следом плыл корабль «Лунный серп». На том корабле нагружено столько товаров, что и не счесть! На всех четырнадцати кораблях поставлено по пять мачт. Плыло четырнадцать кораблей. Последний плыл корабль с названием «Пчела». На этом корабле находился купец Чандо. Стремительно мчался корабль со скоростью ветра. Быстро миновали воды Ганги. Пели песни моряки на всех кораблях. Вмиг корабли проплыли мимо Гангури⁹. Миновав реку Дхобол, приплыли в Маникопур. Стбивая такт ладонями, распевали моряки песни. Миновали Черный омут, проплыли еще немного. Затем корабли прибыли в Биджайпур. Проплыли рекой богини Моноши¹⁰, дивны воды [этой] реки. Как в пруду, нет в ней ни отливов, ни приливов. Миновали [реки] с названиями Шветаганга¹¹ и Корнопхули¹². Миновали [реки] с названиями Нармада¹³ и Годавари¹⁴. Миновали [реки] с названиями Шветаганга и Манцакини¹⁵. Миновали реку Бхадру¹⁶, течение влекло на юг [корабли]. Глядели люди на корабли, и брала их оторопь. Прикрыв краем одежды лицо, посмеивались [они] над кораблями. Стремительно, со скоростью ветра мчались корабли. Быстро достигли корабли берегов реки Суры¹⁷. На берегу реки Суры есть священное место, безмерно благочестивое. Совершил там омовение Чандо, сотворил пуджу богам. Поднеся воду с цветами, поклонился богу Трехглазому. Разными дарами почтил бога Махешвару. Творил купец пуджу божеству с радостью в душе. В том месте купец и провел ночь. На исходе ночи, на заре, проснулся Чандо. Встало солнце на рассвете. Сказал Дхона: «Купец, выслушай меня! Поставь наблюдательную мачту на корабле». Поставили мачту на «Пчеле». Сказал кормчий с мачты: «Слушай, купец. Поведаю о четырех царствах, слушай внимательно. Рас-

скажу о восточном царстве, безмерно чванливом. [Там] женятся на своих тетках с материнской стороны, женятся даже на вдовых тетках¹⁸ с отцовской стороны. Над малыми и старыми они насмеваются. Губят жизнь брахманов и благочестивых людей. [Там] брахманы пахут плугом, надев на ноги [кожаные] башмаки. Отец провинится, а сына оскопляют!» Услыхав такое, воскликнул купец: «О боже! Нет у меня никакого желания [попасть] в восточное царство!» Сказал кормчий с мачты: «Слушай, купец! Слушай внимательно сказ о северном царстве. Люди той страны огненного цвета. Народ там ест только кушанья из перца». Услыхав такое, воскликнул купец: «Нет у меня никакого желания [попасть] в северное царство!» Сказал кормчий с мачты: «Слушай, купец! Слушай внимательно сказ о западном царстве. Есть там святое место, именуемое берегом Ганги. Все святые праведники совершают омовение в тех водах Ганги». Услыхав такое, воскликнул купец: «Нет у меня никакого желания [попасть] в западное царство!» Сказал кормчий с мачты: «Слушай, купец! Слушай внимательно сказ о южном царстве. [Там] дерутся за владение землей и в [один] кани¹⁹! Даже гончары там работают с золотом. Золотыми серпами жнут жнецы хлеб. Алмазы, драгоценные камни они просто, сушат на солнце». И воскликнул купец: «Послушай, брат рулевой! Как можно быстрее гребите, хочу увидеть [эту страну]!» Гремели на всех кораблях дама²⁰, трубили рога. Танцевали там тамильские танцовщицы. (1—114)

101.

лачари

Припев:

О Хари, Рама, единожды перегравь [через море]!

Слышались на каждом корабле ликующие клики, гремели [барабаны] дхак, дхол и кара — дивно выглядели четырнадцать кораблей. Разнообразные звуки издавали музыкальные орудия, посреди страшного моря плыли в морской город на юге [корабли]. В беспокойных водах моря четырнадцать кораблей не стояли на месте — плыли в столицу южного царства. Танцы, песни, [чарующие] слух, — плыли [корабли] к священному берегу Бишпосробы^{1...2}. Лицезреть Падмавати, радостно рассказывает Биджой, глядя, как плывут люди с большой реки. (1—12)

102.

пояр

В море Черный омут воды черного цвета. В нем текли шестнадцать водяных потоков — оттого приливы и отливы. Увидев, как высоко, словно горы, вздымается множество волн, люди на кораблях пришли в ужас. Подобны хрусталу брызги воды. Миновали Черный омут и попали в Соленые воды. Страшно глядеть на море Соленые воды. До края моря на горизонте [плыть]

целый месяц! Миновав Соленые воды, попали в море Остров Ямы. В [его] водах обитают пиявки, [огромные], как горы. Заслышав шум кораблей, пиявки вынырнули из воды. Ударялись четырнадцать кораблей об их спины. Увидев [пиявок], люди на кораблях пришли в ужас. Со страхом все оглядывались по сторонам. Взывали к матери и отцу, громко стенали: «Такой грохот слышим, словно наступил конец света!» Плыл на главном корабле кормчий Кхадуа. Крикнул Кхадуа всем людям: «На [ваших] кораблях много золы и извести! Смешайте [их] и бросьте в воду, и уберутся пиявки восвоеси!» Смешав золу с известью, бросили в воду, сдохли все пиявки и опустились на дно. И поплыли четырнадцать кораблей дальше, безмерно ликуя. По реке Раковин один за другим плыли корабли. Глубиной в гору море Раковин. Заслышав шум кораблей, всплыли раковины вверх. Ударялись четырнадцать кораблей о створки раковин. Сказал Дхона: «Выслушайте мои слова со вниманием. Разрубите оружием раковины! Другого средства я не могу придумать». Сколько ни били копиями и крюками, раковины не раскалывались. Учув человеческий дух, они радостно всплывали. Зарыдали люди на четырнадцати кораблях: «Такой рев слышим, словно наступило великое светопреставление!» И сказал кормчий Кхадуа: «Не рыдайте! Слушайте внимательно, что расскажу о раковинах! Бросьте в воду куски рыбы. Учув рыбный запах, уберутся раковины восвоеси». Учув рыбный запах, убрались раковины подальше. Вдруг увидели [моряки] на воде храм. И вмиг поняли, что то храм Моноши. Дивный храм возвел Кривая. Повсюду виднелись следы крови. Творя различные обряды, славил [богиню] рыбаки, обходя храм священным кругом. Сказал Чандо: «Какое же божество чтите воскурением благовоний, зажженными светильниками!¹ Хорошо награжу [вас], ежели поведаете мне правду». Услыхав о вознаграждении, обрадовались рыбаки. Сложив молитвенно ладони, отвечали Чандо: «Это храм Моноши, господин! Воскурением благовоний, зажженными светильниками [мы] творим пуджу стопам Моноши» Стоило купцу услышать подобный ответ из уст рыбаков, и глаза его покраснели, задержались в ярости. «Схватите, схватите [их]!» — кричал Чандо, разгневавшись. — Отхлестайте их по щекам так, чтобы щеки распухли!» Жалел [рыбаков] Дхона, [но сказал]: «Я сам накажу их, купец!» Получили деревенские парни такое наказание: пригнули [рыбакам] головы, били их кулаками. Под градом ударов исстрадались рыбаки. В страхе и в позоре припали к ногам Дхоны. Разгневанный Чандо кричал громким голосом: «Вяжите их руки к шеям, тащите рыбаков на корабли!» Сказал тогда ученый муж Шомаи²: «Послушай, купец! Без гнева выслушай меня!»

Припев:

Не бей больше, купец! Спаси на этот раз, о Падмавати!

«У тебя вражда с Моношей. [Но] рыбаки, о купец, об этом не ведают. Не поступай, купец, вопреки моим словам! Отпусти рыбаков, пусть идут к себе». Выслушал купец речь ученого мужа Ронгаи и [велел рыбакам]: «Покажите, где дом Кривой!» Один за другим плыли корабли. «Налегайте на весла, плывите к дому Моноши! Как по частям едят банан из [приношения] найведьи, так же помаленьку искрошу твою шею!» — [сказал купец] и, взяв палку из хетала, поспешил к дому [богини]. Разрушил он дом, разбил двери и покои в нем. Сломал ограду, сломал ложе Разрушил беседку на воде, ворота у дороги. Разбил [священный] горшок, а воду вылил. Запахал плугом всю землю. Разбил [Чандо] горшочек, наполненный [водой], — так совершил нечестивый поступок. Быстро уплыли оттуда корабли. Осталась в доме разгневанная Падмавати, поклялась: «Добьюсь я признания в купеческом роде! Не станет у купца для продажи и баклажана! Отомщу [ему]! Пойду и возьму в свои руки руль [на его корабле]. Обманом опустошу царскую сокровищницу. Скоро станет [он] творить пуджу богам. Попрошу [у него] воды с цветами. Не почитит [меня] богач, низвергну [его корабль] на морское дно!» Так задумала Падма, в душе встревоженная. Оставаясь на небесах, Падма держала руль [корабля]. Со скоростью ветра мчались корабли. В это время заметил печальник стражи корабля³ [Чандо]. «Приставайте к берегу!» — закричал. Кричал им: «Братья моряки! Я начальник царской стражи, хочу познакомиться с вами!» На речь начальника стражи отвечал гордо [купец]: «Я странствующий на кораблях купец и не принадлежу к царскому роду. Все слышали о царстве Чомпокногор. Там живет купец Чандо. Прошел год, как корабли плывут на чужбине. Нынче достигли вашей страны. Название самого главного корабля — „Пчела“. Приплыл этот корабль, пристанище Шивы⁴, в [ваш] морской город. Чтобы получить благосклонность Шивы, одной преданности мало! Дабы снискать его милость, принесите по роти⁵ золота!» Находилась там сотня тысяч царских стражников. Услышав речь купца, удивились. [Но] все принесли по одному роти золота. Отдали золото ради милости [Шивы] — вот какая преданность! Весело шутил купец: «Безмерное почтение снискал [я] — целый мон⁶ золота!» Сошлись купеческое войско и царское войско. Теперь, певец, сказывай сказание [стихом] лачари. (1—118)

103.

лачари

«Чьи корабли, брат, стоят во внешних водах!¹ Держите корабли на расстоянии, пока не получите известие! Слушайте все, держите корабли подальше! Клянусь царем, коли войдут в бухту корабли, один за одним все корабли уничтожу! Таков у нас, ку-

нец, обычай. Уничтожив [корабли], собью спесь! «Смеясь, отвечал купец: «Отчего такой страх?»—«Братья моряки, держите корабли подальше! Только по моему приказу можно пристать кораблям! Братья моряки, держите корабли подальше! Нельзя входить в бухту без разрешения!» (1—12)

104.

лачари

Сказал начальник стражи [такие] слова: «О купец, нет иного выхода, скорее предстваясь царю!» Получив веление начальника стражи, поспешил [Чандо], дабы предстать перед царем. (1—4)

105.

пояр

[Тем временем оповестили царя]: «Из дальних вод приплыл один купец!» Спросил царь: «Что за купец, из какой страны, какой семьи? Коли приплыли в [наш] морской город, пусть станут корабли в бухте!» Выслушав речь царя, поспешил туда [гонец]. «Чьи это корабли, скажи, брат, правду! По уму ты царь над всеми людьми. Ты, купец, конечно, подданный честного человека!» Выслушав эту речь, отвечал купец: «Послушай рассказ о Чомпокногоре!» Вайдья Биджой Гупто — раб Моноши. Коротко поведал [он] песнь о Моноше. (1—12)

На этом кончается часть, [повествующая] о путешествии в морской город.

Обмен товарами

106.

Расположился вне города купец Чандо. Вначале поговорил [с ним], торопясь, начальник стражи. С купцом поговорил начальник стражи. Беседовали [с начальником стражи] купец и брахман Шомаи¹. Сели они вместе, чтобы побеседовать. Положили себе в рот купец и Шомаи бетелевые орешки с бетелем. И [начальнику стражи] поднесли два пакетика бетеля и четыре бетелевых орешка. Взяв [их], сказал начальник стражи: «Что мне делать с ними? Не могу понять, что это, не знаю, как называется!» Спросил начальник стражи: «Какая нужда в них?» Услыхав речь начальника стражи, зашумели люди. Отвечал купец: «Слушай, все расскажу! Когда пожуюшь [их] после еды, хорошо очищается рот! Слушай внимательно, опишу их вкус. Вот это называется бетелевыми орешками, а это называется бетелем. Пожуюшь бетель с известью, и луноподобным станет лицо. Пожуюшь бетель, и лицо станет луноликим. Сам брахман Ронгаи жу-

бетель!» Так угостили начальнка стражи бетелем с известью. Сжевал бетель начальник стражи и душою возрадовался. Четырехбетелевых орешка и два пакетика бетеля завязал в край одеяния — приберег для царя. Сказал начальник стражи: «Пойду я повидаюсь с царем. [Скажу], мол, прибыл купец в [наш] морской город, пусть останется здесь. Нынче же вечером я повидуюсь с царем. Нынче же вечером, радостный, пойду к нему». Назвав [так], начальник стражи поспешил удалиться. Быстро пошел к царю. Кто-то сказал: «Обезумел начальник стражи. По дороге сюда чью-то козу съел²⁾» Другой сообщил: «Начальник стражи глазами ослеп! Ищет по всему своему телу пиявок и жуков [их]! Бредет, голову пригнув!» Сложив молитвенно ладони, начал начальник стражи свою речь: «Издалика приехал в [наш] город великий купец. Беседовал я с ним. Четыре вещи получил, и съел. Пока шел по дороге, забыл их название. Сжевал я эти четыре вещи. Оттого красным стал [мой] рот». И тут начальник вынул [оставшиеся] два предмета. Никто никогда не видел такого и не понял, [что это]. Сказал советник: «Ступай скорее, начальник стражи! Приведи купца сюда! Скорее покажи [нам] купца! Приехал купец в наш город, чтобы разбогатеть». Услышав это, тотчас же удалился начальник стражи. [Сказал он Чандо]: «По царскому велению тебе надлежит предстать перед [царем]». Выслушал начальника стражи купеческий сын. Приодевшись, отправился [к царю]. [Начальнику стражи] рассказал себе подробно. С начала до конца поведал [о себе]. И зашагал час же [ко двору]. Взял Чандо товары своей страны. С палкой из хетала на плече спешил купец. Камфары, бетеля и прочих товаров взял понемногу купец. Увидев купца, сказал приятник: «Вижу [у тебя] на плече царское украшение — палка хетала!» [Отвечал купец]: «Даже на время, пока буду беседовать с царем, не могу оставить хетал, хетал — великое сокровище!» Первым предстал перед царем брахман Ронгаи: «Расскажи о себе, слушай внимательно! Я отпрыск рода Пиплаи³⁾, царский жрец. Купец Чандо известен и прославлен в мире. Приплыл теческий сын. Приплыл в южный морской город на четырнадцати кораблях. Путешествовал купец Чандо под знаком созвездия Тула⁴⁾. Поминая имя Дурги, пришел [купец] к царю. Безмятежно веселый, пришел к царю с дарами. Теперь сказывай, песню, стихом лачари. (1—70)

107.

лачари

Пришев:

Идет купец к царю с дарами!

Облачившись в джутовое одеяние, пошел Чандо к царю с дарами, за один шаг делал тысячу шагов. Шел [с ним] брахман

Ронгаи, то и дело подпрыгивая, нес в руках сладкие кокосовые орехи. Неся высушенные стебли джута и множество других припасов, шли десятки миллионов пеших воинов. Вокруг царя стояли йогини, царь склонил голову...¹. [Молвил]: «Скажи, купец, как зовут тебя, где [твой] дом, Расскажи [о себе] правдиво, искренне!»—«Дом [мой] в городе Чомпок, зовут меня Чондродхор, приехал, дабы увидеть тебя!» Липезрея Падмавати, радостно ска- зывает Биджой, к которому благосклонна Падмавати. (1—16)

Часть, [повествующая] об обмене товарами

108.

пояр

Выставили множество съестных товаров. Глядя на все это, был доволен купец. Поднесли [царю] сладкие кокосовые орехи и апельсины. Поднесли сушеные финики красного цвета. С любопытством рассматривая [плоды], задумался царь. Вмиг в душе царя зародилось желание [получить их]. Понравились царю дешевые товары Чандо. Прежде всего спросил [он] о кокосовом орехе: «Не видел ничего подобного, [никогда не видел] предмета столь неправильной формы!»—«Могу продать несколько штук на рупию. Человека, обретшего подобный плод, ждет большая удача. В моей стране его называют кокосовым орехом». Сделал знак глазами [купец] стоявшему рядом Дхоне. С ножом в руках вышел Дхона вперед. Мудр господин, у которого умелый слуга! Немедля стал [Дхона] разделять кокосовый орех. Удалил волокно и черенок. Обтер его, [продолговатый орех] походил на клюв цапли. Увидев подобное, заколебался царь, стал оглядываться. «Не ешь, не ешь!»— поднялся крик со всех сторон. С огромным пылом отговаривали царя. Теперь, певец, сказывай дивным лачари. (1—18)

109.

лачари

Припев:

Не ешь, не ешь кокосового ореха!

«Страшные бенгальцы убьют тебя, для того и принесли ядовитый плод!» Тогда стал купец подробно рассказывать [о кокосовой пальме]: «Это большое высокое дерево, на самом [его] верху висят плоды. Сам теряюсь в догадках: туда нет пути даже ветру, как проникает [в плод] жидкость? Рассказывают много хитрого [о кокосовом орехе]. Вот что вам следует запомнить: когда [его] очистишь от волокон, он должен быть коричневым! По-

три свежие листья, взгляни на корни [растения] и непременно определишь, ядовиты ли его плоды!» Говорил купец правду: «Шесть месяцев созревает сердцевина [кокоса], коли сорвать его раньше, то будет он неспелым. Есть много способов, как определить ядовитый плод, чтобы не съесть его». Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. Лежали на земле кокосовые орехи. (1—16)

110.

пояр

Молвил царь: «Гонец, слушай [мое] слово! Пусть привратник Уша предстанет предо мной!» С царским приказом умчался гонец. Ласково передал привратнику Уше [царское веление]. Поспешил Уша к царю. Поклонился царский привратник. Сказал царь: «Выслушай мой приказ, Уша! Съешь этот плод у меня на глазах! Посмотрим, не задумал ли чего купец! [Не хочет ли] меня умертвить и царство захватить. Поступи Уша согласно моему приказу. Съешь этот плод — хорошо награжу!» Услыхав о награде, горестно рассмеялся [привратник]: «Если съем и дух испущу, кого награждать будешь?» Услыхав такой ответ, разгневался властелин. Чтобы тот не увильнул, протянул [ему] руку с плодом. Зарыдал Уша перед царем в великой скорби. Теперь рассказывай, певец, сказание [стихом] лачари. (1—18)

111.

лачари

Припев:

Рыдал Уша перед царем!

«С малых лет служу [тебе], не вору, не разбойничая, из-за какой же провинности подносишь яд? Государь всегда запрещал есть яд — так смерти избегали! Откуда-то явился купец и стал орудием моей гибели, что делать, как съесть [ядовитый плод]? У этих ворот мы [испокон веку] стоим, привозили товары множество купцов, но ядовитых плодов не приносил никто. Замыслил коварный купец получить царство, убив тебя, я же всегда был верен [тебе]. В чем [я] провинился перед тобой, купец, за что ненавидишь меня, зачем принес ядовитый плод? С малых лет служу [государю] — за то и жизни лишусь, при тебе жили мы [испокон веков]!» Жалостливой речью привратника была уязвлена душа царя: «От скорби смерти всем будет горе!»...¹. Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. Поглядывая на Дхону, посмеивался Чандо. (1—20)

112.

пояр

«Если ты, царь, лишаешь [меня] жизни, прошу тебя об одном-единственном! — говорил царю Уша, объятый скорбью. — С семьей в семь человек я жил при тебе. Поведая тебе, царь, о чем душа скорбит. В чье лицо будет смотреть мой сын Кхода? Где моя жена по имени Мушай, моя помощница? В смертный час не увиделся с ней! Раз суждено, я умру, но с думой о том, что слугу, подобного мне, тебе не сыскать!» Сказав так поднес Уша кокосовый орех ко рту. Никогда не пробовал [он] ничего подобного, лилась жидкость по носу и губам. Сладкое кокосовое молоко пришлось ему по вкусу, и, держа скорлупу обеими руками, [он] глотнул еще раз. Вновь наполнил рот [молоком]. Долго и радостно пил плут кокосовое молоко. Распробовав, пил его плут большими глотками. [Затем], зажмурив глаза, упал негодяй на землю. Повеселел Уша, отведав кокосового молока. Теперь певец, сказывай дивным лачари. (1—22)

113.

лачари

Рыдали мать и братья Уши, связал купца начальник стражи, задумался хитроумный Дхона. И вот придумал хитрость ловкий Дхона, знаком подозвал к себе воина и послал его в город. Принес воин огонь и обжег [Дхона] задницу Уши. Обжег задницу [Уши], сказав: «Да сгинет яд!» Мгновенно вскочил Уши и забегал. Сказал Дхона: «Ой, ой, мертвец бегаёт, оскорбили купца на чужбине!» Лицезрея Падмавати, весело сказывает Биджой. (1—12)

114.

пояр

Приказали советники и министры: «Уша, говори правду!» Размахивая руками, отвечал Уша: «Спешите! Как описать достоинства этого плода?» Говоря так, схватил он скорлупу [с кокосовым молоком], что валялась поодаль. Говорил Уша и глазами зыркал. Ту скорлупу спрятал он в край своего одеяния: «Пусть [мой] родные и сыновья отведают жидкости, что подобна амрите! Когда царь распробует, никому не даст!» Сказал привратник: «Преклони свой слух, господин! Не описать достоинств этого плода! Сколько бы купец ни попросил денег, столько денег и отдай! Пойду я и договорюсь с купцом. Не медли, царь, спеши!» Все, что говорил привратник, запало в душу царя. Вайдья Биджой Гупто — слуга Моноши. Поспешил Чандо принести еще кокосовых орехов. Быстро очистил один орех от волокон. Под звуки раковин положил перед царем. Внимательно рассматривал царь кокосовый орех, держа его в руках. Испил белого кокосового

молока, усладу жаждущей души. Призвал царь всех родных. Каждому дал попробовать прекрасной жидкости. Испив кокосового молока, все в забытии упали на землю: «Такой необыкновенной жидкости никогда не пили!» Сказал царь: «Слушай внимательно, почтеннейший! Нет человека удачливее тебя! Отведав кокосового ореха, [я] развеселился. Отныне, почтеннейший, ты друг мне!» Испив кокосового молока, громко веселился убоготоренный царь. Теперь, брат, сказывай дивным лачари. (1—32)

115.

лачари

Припев:

О друг, расскажи мне всю правду!

«Воистину [сей] плод — амрита! Кокосовый орех — великое сокровище, все, сколько есть у тебя, неси! Прилежно поклоняется Шиве добродетельный царь страны, соблюдающей дхарму, [потому] в ней произрастают кокосовые орехи. В моем же греховном царстве нет ничего подобного, в нем не сыскать ни одного съедобного [плода]. Не отговаривай меня, отправлюсь я в твоё царство, наемся до отвала кокосовых орехов! Приехал купец торговать, и [я] обрел верного друга — всевышний исполнил все мои [мечты]!» Сказал семейный жрец: «Не уезжай один, царь, возьми меня с собой, когда поедешь!» Услышав речь брахмана, советники и министры зашептали [царю]: «Возьми и меня с собой!» Над смешными речами приближенных смеялся царь. «Хоть [я] и царь, а отправлюсь на чужбину! Пока на кораблях не кончились кокосовые орехи, обменяю их на деньги». Сказал царь: «Послушай, друг. Отвечай честно, ведь нет предела моему богатству! Прикажи принести кокосовые орехи, взамен [за каждый] возьми раковину!» Говорил царь и смеялся. Выслушав его, [отвечал купец]: «Одну раковину за такой плод, как кокосовый орех, — да как пришло тебе подобное в голову! Это невыгодно мне — не буду тебя обманывать, говорю тебе честно! За один кокосовый орех дай три раза по десять миллионов ракушек — вот это будет справедливый обмен!» Отвечал царь: «И то правда, почтеннейший, неси [их] скорее!..¹». Лицеврея Падмавати, радостно сказывает Биджой, все весело слушают [его]. (1—36)

116.

пояр

Смешались царские воины и воины купца. К радости всех, принесли они кокосовые орехи. Сложили на земле такое множество [орехов], что при виде их возликовал душой царь. Приказал царь министрам: «Скорее несите раковины! И побольше

очистите орехов!» Нанесли раковин целую гору. Белая гора [раковин] пугала [своими размерами]. Благодаря подвижничеству царь владел огромными раковинами. Таких раковин, в десять раз больших [обычных], оказалось четырнадцать раз по сто тысяч. [Был у Чандо] корабль, избороздивший множество морей, шириною десять продольных ребер¹. На тот корабль и погрузили четырнадцать раз по сто тысяч раковин. Грузил раковины Дхона и радовался безмерно. И снова прибежал он к Чандо. Божьей милостью хорошо [они] разбогатели! Увидев сушеные бетелевые орешки, царь стал расспрашивать [о них]. Отвечал Чандо: «Выслушай, друг, со вниманием рассказ о них». Протягивая руки, говорил царь: «Хочу их — принеси! Как называется эта вещь, как [ее] едят?»— «Когда держишь во рту бетелевые орешки, становится намного прохладней вода. Расколешь зубами бетелевый орешек, и потечет в рот сок. А от жевания бетеля с известью краснеет рот!»— «Сколько добрых дел из века в век совершал ты, купец!» Сказал Дхона: «Царь, выслушай меня! Возьми зеркало и полюбуйся, как прекрасно стало [твое] лицо!» От жевания бетеля и бетелевых орешков царь совсем обеспамятел. То хохочет, то плачет, то хлопает в ладоши. Исполнил царь просьбу Чандо. За бетелевые орешки отдал алмазы и иные драгоценные камни. Любуясь драгоценными камнями, радовался царь². Нагрузили [ими] корабль «Пчелу». Этот корабль, пристанище Чандо, был под покровительством Дурги. Именно на этом корабле наполнили сокровищницу драгоценными камнями. Наполнял [ее] драгоценными камнями [Дхона] и безмерно радовался душой. И снова прибежал [он] к Чандо. Принес все, чем были нагружены корабли. При виде редиски царь совсем обезумел: «Как называется эта вещь и как ее едят?» Отвечал Чандо: «Слушай внимательно, господин! Раздобыть овощ, подобный редиске, большая удача. Этот плод бел, как хлопок. Рождается он в земле и называется редиской. Этот плод доступен лишь царям, а не обыкновенным людям. О царь, не описать достоинства этого плода! Едят редиску каждый день. Больше всего на земле любит ее вкушать царь богов! Огромное удовольствие доставляют кушанья, приготовленные из редиски. Особенно вкусна [редиска] без мяса». Призвал царь к себе внуха. Отправил редиску во дворец. У редиски столько достоинств, что и не описать! В обмен [за нее] отдал царь слоновьи бивни. При виде слоновой кости купец возликовал душой. Нагрузили [ею] корабль «Морская молния». Сидели два друга рядом и совет держали. Царь отдавал [приказы] начальнику стражи, купец отдавал [приказы] Дхоне. А те выкладывали товары один за другим. И оба хорошо понимали друг друга. Немалое богатство у царя Бикромкешора! За куркуму отдал золото. Золото получив, безмерно радовался купец. Сделал знак глазами Дхоне, стоящему перед ним. Красив был корабль, нагруженный сандалом. Взамен нагрузили его множеством золо-

та. Вернулся с корабля Дхона. Принес для царя горох. Сказал царь: «Друг, честно ответь мне! Как едят эту вещь и как называют?» Отвечал Чандо: «Горохом называют то, что видишь перед собой, господин! Достать горох — большая удача для людей! Множество у него достоинств, слушай же, господин! Огромное удовольствие доставляют блюда, приготовленные из него. Особенно вкусен горох без мяса. Из него готовят кхичори³ и едят [это кушанье] с топленным маслом. Когда ешь [горох] жареным, он хрустит на зубах». Очень хотелось царю отведать гороха. Отдал [за него] жемчуг и кораллы. Нагрузил царь жемчугом корабль «Раковину». И вновь слуга Дхона предстал перед Чандо. С божьей помощью большое богатство обретается! Увидев джутовую ткань, стал царь спрашивать [о ней]. При виде джутовой ткани безмерно обрадовался царь. Теперь, певец, сказывай сказание [стихом] лачари. (1—86)

117.

лачари

Припев:

Друг, ты и ученый муж, и купец!

«Не подумав, не отвечай! Джутовые ткани трудно достаются, какое же сокровище [отдашь] взамен? Есть в моей стране каста ткачей, все рассказать о них — потребуется много дней. Чем медленнее [они] работают, тем ткань лучше. Рви изо всех сил — не разорвешь! Все, что есть в твоей стране, сам отдашь за джутовую ткань. [Я] же хочу получить шелк, нигде, ни в одном царстве не найти джута! Это ткань для царей, не все люди носят [ее], большая удача достать эту ткань! Люди бережно хранят ее и носят каждый день — трудно в мире достать джутовую ткань!» Услышав вкрадчивые речи Чандо, рассмеялся царь и пожелал примерить джутовое одеяние. Одним куском обернул бедра, другим — замотал голову, в третий — весь завернулся. Обернув джутовой тканью бедра, призвал евнуха и отослал мешковину во внутренние покои. Сказал царице: «Неприменно носи одеяние из джута! Истину тебе говорю, подобной ткани нет больше!» — «Что из моих сокровищ [возьмешь] в обмен?» — [спросил купца]. Отвечал купец: «Мои слова не ложь, я все уже сказал!» Молил царь: «Послушай, друг, возьми тогда шелк; что понравится, то и забирай!»...¹. Лицезрея Падмавати, радостно сказывает Биджой, к которому милостив Нараяна. (1—32)

118.

пояр

Получив знак от Чандо, возликовал душой Дхона. Взял Дхона шелковые ткани и удалился. Сказал царь: «Слушай, друг, мое слово! Неси скорее сколько есть товаров! Сам [ты] благочестив

и душой предан дхарме. Обманывать не пристало ученому мужу!» Отвечал Чандо: «Послушай, друг, мое слово! Все люди пекутся лишь о своей выгоде!» И повелел Чандо: «Дхона, слушай мой приказ! Иди и принеси товары!» Выслушал Дхона приказ и не поступил вопреки ему. Взяв воинов, отправился к причалу. Горох мошур обменяли на киноварь. Сосуды из высушенных тыков обменяли на мускатный орех. Коз обменяли на прекрасных ланей, деревянные подносы — на бронзовые. Собак обменяли на густошерстных баранов. Топленое масло и мед обменяли на сладости. Те товары, что купец, ликуя в душе, просил, царь отдавал не задумываясь. Голубей обменяли на красивых цапель. Воробьев обменяли на птиц-павлинов. Сказал царь: «Выслушай мое слово, Дхона! Не осталось ли на кораблях моего друга еще какое-нибудь сокровище? Ежели остались на кораблях кокосовые орехи, принеси их мне. Слуга моего друга — мой слуга!» И вручил [царь] Тере сто тысяч [каури]. Отдали [царю] еще десять кокосовых орехов. Был счастлив царь, простился купец. Людям [Чандо] не терпелось возвратиться домой. На сей раз, певец, сказывай сказание [стихом] лачари. (1—32)

119.

лачари

«В это время, в месяце чойтро, южный ветер вызывает прилив в море. С его помощью, друг, поплыву на родину, потому ухажу на корабль». Услыхав слова купца, его друг поник головой: «И я поеду с тобой! Отведал я твоего кокосового ореха и готов позабыть свою любовь к семье, поселюсь в твоём царстве!» Отвечал купец Чандо: «Послушай, друг, я приеду снова в [твой] морской город. Есть множество удивительных вещей — обо всех и не рассказать! Привезу тебе тыквы, съедобные плоды дойи¹, амры², чалиты³, шрипхалы⁴. Привезу множество шариков⁵, цена одного шарика — рупия, привезу также цветы мандары⁶. Привезу корни шотхи⁷, что стоят сто тысяч рупий. Непременно снова приеду! Привезу много фиников, что стоят очень дорого, попробуешь их и хорошо вознаградишь меня. Не поступайся любовью к своей стране! Я снова приеду, а на прощание обними меня». Лицезрея Падмавати, радостно сказывает Биджой. На родину отправился купец. (1—24)

120.

пояр

Простился купец с другом. Спешил купец к причалу. Торопливо шел к причалу купец. Быстро взошел на корабль, стоящий у причала. Совершив омовение, поклонился купец богам. Поел купец [еды], приготовленной Ронгаи. Поели Тера и Дханаи, хра-

нителю сокровищницы. Поели кормчию Кхадуя и Дулаи. Взосел на корабль купец и отправился в плавание. Быстро плыли на родину корабли. К древкам привязали опахала. Дивно выглядели опахала, поставленные в ряд. «Гребите, гребите!» — громко кричал купец. То с одного, то с другого борта греб рулевой коротким широким веслом. «Гребите, гребите!» — покрикивали моряки и пели. Тех, кто плутовал и плохо греб, били палкой. «Гребите, гребите!» — покрикивали моряки. Шли корабли — и реки бурлили. Миновал месяц плавания, и [корабли] покинули морские воды. Остановился купец и сотворил пуджу богам. Поклонился Создателю дня и другим богам. Поклонился купец богам с радостной душой. Всех богов почтил истово. Не поклонился лишь богине От-яда-исцелительнице. Взойдя на колесницу, молвила тогда Падмавати: «Не поклонится Чандо мне — наплю [на него] беду. Не сотворит мне пуджу повелитель Чандо — не пуцую его в город Чомпок. Не захотел ты поклониться мне! Не пощажу никого, пусть весть [о тебе] не достигнет твоей страны!» Стоило Падме, восседающей на колеснице, молвить подобное, как Чандо схватился за палку из хетала. «Хорошо, Кривая, вещать. находясь на небе! Коли есть в тебе отвага, выйди [ко мне] и говори! Причини мне зло, коли двинуться с места сможешь! Почему, Кривая, ты не позаботилась о глазном снадобье для себя?» — так ответил [купец], и корабли поплыли еще быстрее. На колеснице восседала богиня Падмавати. (1—38)

Так кончается часть, [повествующая] об обмене товарами.

Потопление кораблей, беды Чандо и рождение Локхиндро

121.

«Нета, Нета! — звала непрестанно Падма. — Что мне придумать, отвечай! Смело говорил со мной Чандо! На родину плывут корабли, хоть тут дух испусти!» При виде горя Падмы опечалилась Нета: «Раз так задается Чандо, ступай к отцу и скажи: мол, осыпает [меня] бранью Чандо, вся душа изныла! Может, получишь согласие Шивы. И тогда, потопив сокровища и людей купца, причинишь ему горе!» Сказала Нета: «Садись, Падма, на колесницу! Поспешь к Шиве!» Головой коснулась Падма стоп Шивы. Сложив умоляюще ладони, долго рассказывала о своей беде: «Тщетна жизнь той, у кого нет матери! С малых лет Чандо враждует со мной. Без устали купец Чандо осыпает меня бранью. Не понять мне Чандо, совсем растерялась! Ты же доволен собой, возвышая его. Ежели сейчас погубить Чандо, останется [он] без потомства!» Молвив подобное, села Падмавати рядом [с отцом].

Оказался Шива в трудном положении. «Уходи отсюда! — [закричал он]. — С тобой воюет тот, с кем ты сама воюешь!» Услыхав подобное, пришла в сильную ярость Падмавати. Тогда задумался бог Повелитель тварей. «Вода и цветы, поднесенные мне другими учениками, так и остаются в реке, [подношения] же Чандо сохнут на моей джате¹! Не лишай его жизни, прислушайся к [моему] слову! Причины ему горе — потопаи его сокровища и людей! В сильном гневе [я] оскорбил тебя. Только оставшись живым, почувствует горе купец». Заручившись согласием Великого бога, удалилась Падмавати. Взойдя на змеиную колесницу, быстро умчалась [богиня]. Ликующе крикнула: «Эй, дочь прачки, Нета! Отец согласился, чтобы Чандо узнал горе! Как мне наслать беду на Чандо?» Отвечала Нета: «Немедля ступай к Ганге! Согласится Ганга-Бхагиратхи, тогда сумеешь наслать несчастье на Чандо...²». Быстро помчалась Моноша к Ганге-Бхагиратхи. Молитвенно сложив ладони, поклонилась Падмавати, [сказала]: «Отец разрешил причинить горе Чандо! Дай и ты мне свое согласие, мать! Давай потопим корабли Чандо, нашьлем [на него] беду!» Выслушав речь Падмавати, приздумалась Ганга, [сказала]: «Только что принес [купец] в жертву [мне] сотню коз! И подобные слова ты смеешь говорить мне! Потопить корабли Чандо не в твоих силах!» Выслушала эти жестокие слова мать восьми змеев. Разгневавшись, сказала она: «Напрасно задаешься, дочь подвижника! [От твоего] высокомерия не оставлю и следа, ведь [я] От-яда-исцелительница! Все реки отравлю! И в страхе за свою жизнь не коснутся воды живые существа!» Сказала Падма богине Ганге: «Пусть погибнут все живые существа по вине человека!» Молвив так, Падма взошла на колесницу. «Постой, постой! — торопливо закричала Ганга. — Не сердись!» Удерживала [она] Падмавати обеими руками. «Я согласна потопить его корабли! За все то горе, Падма, что накопилось у тебя в душе, сейчас ты отомстишь Чандо!» Довольная, ушла От-яда-исцелительница. Немедля кликнула тучи. Явившись, склонили тучи [свои] головы [перед богиней]: «Зачем позвала, мать Такшаки? Почему нас позвала, мать? Скорее поведай нам все!» Среди всех туч Паруя — самая влагообильная. В одном месте насылает дождь, в другом — засуху. Сказала туча Хария: «Брат Молния, ступай с тучами, и пусть [они] низвергнутся ливнем, я все уничтожу!» И снова туча Хария поклонилась [Падме], молитвенно сложив ладони: «Скажи, мать, какое твое желание исполнить нам?» — «Нашлите тьму на реки и речки, обрушьте ливнем! Вызовите бурю с градом, чтоб погиб купец. Превратите все реки в одно огромное море!» Прощаясь, низко поклонились тучи. Сказала Нета: «Слушай, Падма, внимательно! Пошли Дхаму за реками и речками!» Приказала Падмавати Дхаму: «Ступай и поскорее приведи реки и речки!» Быстрой поступью шел преданный Дхаму. Реки и речки доставил со скоростью ветра. «Повелела вам Победоносная, Брах-

мани: ступайте в воды Черного омута!» — сказав так, быстро удалился Дхаму и явился туда, где пребывала Падмавати. Повелела Падмавати: «Приготовь мне колесницу!» Выслушав это, удалился Дхаму. Снаряжая колесницу, приговаривал Дхаму: «Поспешим туда, где реки и речки!» По приказу Падмы была снаряжена колесница. Взойдя на колесницу, отправилась Падма [к Черному омуту]. Гремела громом туча Хария, сверкала Молния — содрогнулись три мира. Одни призывали матерей и отцов, другие — братьев. Говорил народ: «Нынче не выжить [нам]!» Просили люди: «Купец, почти От-яда-исцелительницу!» Услыхав эти речи, отвечал Чандо: «Разве страшна Кривая, когда сам Шива помогает!» Биджой Гупто говорит: Певец, было очень забавно! Теперь, певец, сказывай [стихом] лачари! (1—104)

122.

лачари

Припев:

Спаси же на этот раз, Бхагавати!

Гремел гром, крутило корабли, не могли устоять на месте четырнадцать кораблей. Враждебно гремел гром, дул сильный ветер, стало темно, как во вторую стражу [ночи]¹. Крепко держали [моряки] весла в руках, но страшны были тучи, от холода тела била дрожь. Трещали корабли, рвались якоря, бушевал ветер. Порвались паруса, разбило корму и нос у кораблей, сорвало крыши с кают. [Сказал купец]: «Не понимаю поведения Ганги, почему она топит корабли, скорее гребите к берегу!» Сказал Дхона: «Я знаю [почему]. Обозвал [ты] Падму Кривой, оттого столько несчастий!»...². Сказал брахман Ронгаи: «Прочтите пуджой Падму, тогда вы спасетесь! Почтите Падму цветами, чтобы достичь берега, иначе не спастись нам!» Услыхав это, огорчился купец: «Ну и наговорили глупцы, не ведают, что для меня благо! [Ронгаи], ты мой жрец, а не постиг мою душу, лишь ученый муж Шомаи понимает [меня]. Вернись домой, накажу тебя за гордыню, запрещаю и на порог являться! Послушай, Тера, как грубит и издевается надо мной Дхона!» Был Чандо настолько неразумен, что не слушал чужих советов и осыпал Падму бранью. Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. Так были принесены в жертву [Моноше] богатство и люди Чандо. (1—32)

123.

Припев:

Зывали несчастные: «О уносящий грехи!»

С ревом, подобным грохоту океана, примчалось, слившись воедино, множество рек и речек. Купец, впав в печаль, бил себя

в грудь: «Не сумел я сберечь богатство, людей и корабли! Столько раз самозабвенно поклонялся Ганге! Но из-за моей кармы Ганга не услышала [меня]. Единожды сохрани мне корабль „Пчелу“! Молю, выслушай меня, [Ганга], Великая мать!» Воскликнул Чандо: «Взгляни на лес [вдали], Дхона! Вижу, словно гора, возвышается [там] капюшон черной кобры!» Отвечал Дхона: «Не падай духом, купец! Теперь только Великий бог может спасти [нас]!» Прежде всех потонул корабль «Джаймангала». Погибла оставшаяся на нем сотня коз. За ним потонул корабль с названием «Лунная гора». На нем размещалась целая ярмарка из Сриколы. За ним потонул корабль «Шкатулка с синдуром». Танцевали тамильские танцовщицы на том корабле. За ним потонул корабль «Лебединоголовый». Этот корабль был нагружен семьями конями. За ним потонул корабль с названием «Макара». Пристанище Чанди, этот корабль плыл в морской город. За ним потонул корабль «Цветок дурмана», красота которого озаряла десять сторон света. За ним потонул корабль «Морская буря». Избороздил он воды четырех морей. За ним потонул корабль с названием «Светлотельный». При взгляде на его гребцов оторопь брала! За ним потонул корабль «Спокойно идущий». Воду [на глубину] тридцать два бео рассекал [он], касаясь палаты. За ним потонул корабль с названием «Раковина». Бортами задевал [он] оба берега Ганги, носом касался ее устья. За ним потонул корабль «Великий герой Гаруда». Мчался он без весел, на одних парусах. За ним потонул корабль «Львиномордый». Богато украшенный, этот корабль был загляденье! За ним потонул корабль с названием «Лунный серп». На нем было нагружено столько товаров, что и не счесть. Тринадцать кораблей опустилось на дно. Рыдал купец, был безутешен. На корабле «Пчела» оставался купец. Сама Бхагавати держала там руль. Стали думать Падмавати с Нетой, как [потопить корабль]. Быстро шла богиня и пришла к Шиве. Сидел Бхоланатха, Повелитель-трех-состояний¹, [на троне]. Предстала пред ним Падмавати, сложив умоляюще ладони: «Согласился ты потопить корабли Чандо. Тринадцать кораблей потоплено, осталась одна „Пчела“. Что мне делать, батюшка, посоветуй! Сама Чандика стоит у руля на том корабле!» Услыхав такое, разгневался Шива. В рог затрубил, призывая Парвати. Дивны звуки, издаваемые рогом Шивы! Оставив корабль, Чанди предстала перед Великим богом. В ярости Богиня бранила Шиву: «С твоего ведома такого поклонника губят!» Отвечал Шива: «Послушай мой ответ! Купец Чандо — лучший среди почитающих меня! Вода и цветы, поднесенные другими, так и остаются в реке. Вода и цветы, поднесенные Чандо, сохнут на моей джате! Разве я могу приказать убить Чандо? Я повелел лишь потопить его корабли». [Тем временем] кликнула Падма слона Айравату. Явилась Падма на берег Калинди². Пришел и Айравата и корабль потопил. Днем наслав тьму, громко трубил [слон]. Днем наслав тьму, «Пчелу» потопил. Один оказал-

ся купец в воде. Как только корабль «Пчела» опустился на дно, рассмеялась Падма, пребывающая на небесах. Потонула «Пчела», Чандо оказался в воде. Подобно семечкам кунжута,плыли воины Чандо. Сказала Нета: «Падмавати, слушай, что скажу! Потоплёны богатства Чандо, но как их найдешь потом? Когда вновь понадобятся богатства и люди Чандо, где [их] возьмешь, о Мать, Отяда-исцелительница? Схорони богатство и людей Чандо у Ганги. Поспешн отнести [их] туда! Там, где находятся шестеро сыновей Чандо, спрячь богатство и людей [купца]!» Сказала Падмавати Нете: «Слушай, [мое] веление! Сейчас же ступай и помоги Чандо достичь берега!» Написала письмо Нета и бросила в воду. Завязал купец письмо в конец набедренной повязки. Семь дней, семь ночей находился [он] в воде. Огромные рыбы поселились [у него] в бороде. Бросила Падмавати в воду [свой священный] горшок. Разбил его [Чандо] палкой из хетала. [Наконец] выбрался на берег купец Чандо. Без устали осыпал он бранью Моношу. Голым выбрался на берег. Тогда Падма, оторвав кусок [своего] одеяния, бросила [его купцу]. При виде ткани сильно разгневался Чандо. Ногами затоптал эту ткань. Тут нашел он остатки чужой еды. Поднял [их] Чандо и очень обрадовался. Сказал Чандо: «Сначала [я] сотворю пуджу Великому владыке. А затем сам наемся до отвала». Сказала Нета Падмавати: «Успокой свое сердце! Потеряет Чандо касту, отведав чужих объедков³⁾!» Услыхав такое, на колеснице помчалась Падмавати. Быстро похитила еду. Огорчился Чандо. Оставшись без еды, помянул Чандо Великого владыку. Затем нашел Чандо кожуру от банана. И ту похитила Моноша, обернувшись коровой. Богатство отняла, людей отняла, только жизнь оставила! Склонившись к канаве, попил Чандо воды. Биджой Гупто говорит: Певец, будь прилежен, оставь пояр, пой песнь лачари! (1—110)

124.

лачари¹

Припев:

Нет предела печали Чандо!

«С великим трудом нашел я кожуру от банана. Пришла корова-воровка и все украла. Ежели б я мог поймать эту корову-воровку! Ты, [Кривая], обернулась коровой-воровкой, стать бы мне тигром! В моей руке большая палка из хетала. Если б поймал корову-воровку, стер бы ее в порошок!» — так рыдал Чандо в великой скорби. Защити Биджой Гупто, о богиня Падмавати. (1—8).

125.

пояр

Медленно брел Чандо по главной дороге. Шел Чандо по дороге в город [и повстречал дровосека]. Спросил Чандо: «Куда держишь путь, брат дровосек? Дозволь мне пойти с тобой!» Ду-

мали Падмавати и Нета, что делать дальше. Бродил Чандо по лесу и собирал хворост. Держала Падма совет с Нетой. Вблизи Чандо спустилась Падма [на землю]. Бродил по лесу Чандо и собирал хворост. Набрел в лесу Чандо на хлебное дерево со спелыми плодами. Сорвав плод хлебного дерева, обрел Чандо в душе надежду. Но Моноша колдовством превратила [плод] в осиное гнездо. Поклонившись Шиве, Чандо вознамерился съесть плод хлебного дерева. [Но] осы впились ему в нос, рот и глаза. Сильно приуныл искусанный Чандо. От укусов нос и лицо Чандо распухли. Опечалился Чандо. С большим трудом собрал купец одну вязанку дров. Мечтал Чандо о ноже. Задумалась От-яда-исцелительница, пребывающая на небесах. Сказала Падма: «Змеи, исполните мой приказ! Заберитесь в дрова Чандо!» Выслушали змеи веление богини. Стали тонкими, как волосинки, и спрятались в дровах. Через какое-то время пришел в себя Чандо. Вошел он в город с вязанкой дров. Опираясь на палку из хетала, медленно брел Чандо. «Покупайте дрова, покупайте дрова!» — громко кричал он. Поманила его к себе рукой жена гончара. Была она хоть и простодушна, но сметлива. Купила дрова у Чандо за четыре пона¹. Воскликнул Чандо: «Господь облагодетельствовал меня! Одну вязанку дров продал [я] за четыре пона! На один пон я сотворю обряд очищения². На один пон я наемся креветок. На один пон я посмотрю на танцы танцовщиц. На один пон куплю подарок для Шоноки». Размечтавшись, повеселел душой Чандо. Смеялась Падма, сидя в змеиной колеснице. В дом гончара спустилась Падма с небес. В мгновение ока очутилась рядом с вязанкой дров. Превратила вязанку дров в клубок змей. При виде змей сильно испугалась жена гончара. Подумала, что обманом продали ей змей [вместо дров]. Громким криком позвала свекровь. Сказала невестка: «Госпожа, выслушай мою жалобу! Какого-то негодяй дровосек продал [мне] змей!» Услыхав такое, очень огорчилась старуха. Побежала старая к сыну. После рассказа матери бросился [тот] бежать [домой]. Прибежал туда, где лежали дрова. Сказала жена: «О возлюбленный супруг, выслушай [меня]! Продал негодяй змей, а взял четыре пона каури!» Услыхав такое, сильно разозлился гончар. Помчался он искать Чандо. А Чандо сидел у дороги и раскладывал каури. В этот миг прибежал туда гончар. Отнял четыре пона каури. Завернул в край шарфа на шею и унес к себе домой. Избивая чужака, разве [почувствуешь] чужую муку! Надавали Чандо подзатыльников и пощечин. Пригнув [ему] голову, дубасили кулаками. [Казалось Чандо], что [на него] обрушился тяжелый, как камни, град. Били его, таскали за волосы. Взмолился Чандо: «Перестаньте, почтеннейшие, бить меня!» Били [его] ногами, сколько хотелось. Катался по земле Чандо, корчился от боли. Удерживали его на месте за бороду. В это время появилась мать гончара. Сказала старая: «Зачем избиваете, подумайте, разве это хорошо?! Смертным боем бьете, ведь умрет оборванец!

Добрый совет даю, послушайте меня! Оставьте оборванца, пусть уходит отсюда!» Послушались [гончары], отпустили волосы Чандо. Получив свободу, в тот же миг убежал Чандо. Избито тело Чандо гончарами, вывалено в пыли. Шел по дороге Чандо и осыпал бранью Падму. От голода и побоев тело [его] ныло. Медленно брел [он], опираясь на палку из хетала. Жил в том селении староста по имени Джогаи. Его богатству, словно царскому, не было предела. Медленно добрел до него Чандо. Пропев ему славу, обратился с жалостливой речью: «Накорми, спаси жизнь горемыке! Не видел [я] человека счастливее тебя!» Выслушав Чандо, отвечал староста: «Сначала заработай, а потом еду получишь!» Так решил староста, все заранее обдумав. Дал Чандо в руки сери и послал полоть рис. Нравилось Чандо полоть рис. [Но] пребывавшая на небесах Падма наслала на него беду. Не распознал Чандо рис, принял его за сорняк. Словно обезумев, срезал Чандо рис. А ведь видел рис, когда в сумерки пришел на поле. Так срезал Чандо весь рис. Тем временем явился староста. Увидел, что срезан весь его рис. «Что же это такое!» — кричал староста и звал людей. Жалея погубленный рис, гневом пылал староста. «Бейте, бейте [его]!» — вопил староста. На крик сбегались крестьяне. Прибежали, схватили Чандо. Надавали подзатыльников, отхлестали по щегам. Одни надавали подзатыльников, другие били кулаками. Словно в бурю и ливень, обрушился сильный град. Глядя [на поле], горевал староста. Прогнал [он] Чандо и пошел домой. Злобно взглянул староста на Чандо и домой отправился. Положив на плечо палку из хетала, медленно брел купец. Вот какие бедствия свалились на Чандо! А теперь послушайте о Шоноке, [оставшейся] в городе Чомпок. Денно и ночью беспокоилась Шоонаи о купце. День ото дня рос [ее] живот, а тело слабело. Как-то завела Шоонаи разговор со [своей] кормилицей: «Хочется мне поесть зелени!» [Так] поведала кормилице о своем желании, обрадовала [ее]. Велено, певец, теперь сказывать [стихом] лачари! (1—118)

126.

лачари ¹

Припев:

Захотелось Шоонаи зелени!

Побежала служанка собирать зелень. Размахивая руками, носилась по городу. Надев джутовое сари, отправилась [служанка] собирать зелень по домам. Просила у всех зелени [для госпожи]. Шла, пританцовывая, руками размахивая. Прибегала [служанка], подбоченясь [говорила]: «Дайте зелень, стебли, листья! Желанную зелень ² будет есть госпожа! Принесите сладкого укропа и

тхенотхени³». Рвала она гиму⁴, гангораю⁵, [молодые] листочки джуга, [рвала] модхулоту⁶ и лакомилась ею. Отламывала плети у кабачков, отламывала плети у тыкв. Выбирая лучшее, рвала разную зелень, побеги дхолкомоли⁷. Набрала дхулуи, лотии⁸ и другой зелени. Нарвала стебли перца, петрушку и кишнец. Нарвав зелени, прибежала [служанка] домой. Радостно поет Биджой Гупто. (1—18)

127.

пояр

Чандо — приближенный царя, Шоиа — его супруга. Поэтому многие купцы принесли зелень, дабы накормить [ее] желанной едой. Совершив омовение, Шоиа приступила к стряпне. Приготовила пятьдесят блюд, постных и скромных. Разнообразную снедь получила в дар, потому горя не знала. Сначала воскурением благовоний и возжиганием светильников сотворила пуджу Агни. Радуюсь, стряпала госпожа. Потрескивал огонь среди тамариндовых дров. С патокой и кокосовым орехом приготовила [горох] муг¹ в молоке. Сделала шукуту² с зеленью, накрошив туда гороховых шариков³. Поджарила на горчичном масле плоды пальмиры и баклажаны. Пока стряпала Шоиа, у дверей [ее дома] трубили в рог. Добавив кокосового ореха, приготовила блюдо из джхинги⁴. Шипели [в масле] стебли и листья разных растений. Добавила к ним кокосового ореха, топленого масла и имбирного порошка. Чудесно выглядели баклажаны и укроп! Из них [Шоиа] сделала шукуту. Приготовив кушанья, Шоиа наполняла ими чаши. Приготовила дешевые косточки хлебного дерева. Сварила бобовую похлебку и натерла туда плоды хлебного дерева. Потушила тыкву в молоке. Готовила Шоиа одно блюдо за другим. Потушила перец с хинго⁵ и семенами белой горчицы. Так приготовила [Шоиа] овощные блюда. Решила приготовить рыбу с овощным соусом. Взяла огромную рыбу шуул⁶ с брюшком красного цвета. Часть поджарила в горчичном масле, из остального сварила похлебку. Отрубила головы у мелкой [рыбешки] ченго⁷. Приготовила ее с нежной завязью бананов. У огромных креветок удалила головы. Приготовила креветки вместе со сладким картофелем. Дивно выглядела огромная рыба дхаин⁸! Часть ее [Шоиа] поджарила, из остального сварила похлебку. Крупную рыбу кои⁹ разрубила на части. Приготовила ее с тыквой, сладким картофелем и редиской. Обжарив креветки, приготовила [их] со сладкими манговыми почками. С побегами бананов приготовила [рыбу] пиполияшоул¹⁰. Стряпала Шоиа [так быстро], что в [ее] ушах золотые серьги раскачивались. В горчичном масле потушила икру шуула. У мелких рыбок нали¹¹ оторвала головы, посыпала рыбок горчицей и изжарила. Стряпала, стряпала Шоиа, но все ей было мало. [Сколько] спелого тамаринда [ради сока] перевела

на жмых. Приготовив рыбные кушанья, поставила их вместе в одной стороне. Радостно принялась стряпать мясные блюда. На сильном огне потушила рис с овощами и жгучим перцем. Тут же из риса на топленом масле сделала плов. Из молока приготовила молочные сласти. Приготовила вкусные сласти из патоки и сахара. Дорогих друзей, родных — всех пригласила, всех угостила Шонаи. Рада была Шонаи отведать всех блюд. Как раз в это время начались [у нее] родовые схватки. Родовые схватки причиняли Шонаи сильные страдания. На сей раз, певец, сказывай сказание [стихом] лачари. (1—56)

128.

лачари

Припев:

Нынче не выдержи мучений!

«В утробе ужасная боль, не могу и головы поднять — спаси и на этот раз, От-яда-исцелительница! Тело бьется в судорогах, купца нет дома, не разродиться мне! Утробу жжет огнем, бедра разламываются — ну и вознаградила [меня]! От-яда-исцелительница!» Смотрела Падма на лик Шонаи, и сердце ее разрывалось [от сострадания]. Приняв желанный облик, спустилась [богиня] на землю. Вошла в покои Шоноки, посмотрела глазом, наполненным амритой, и страдание покинуло Шонаи. [Говорила Шонаи]: «Сознание покидает тело, не могу ног поднять — не вынести [мне] подобных мучений!»...¹. Лицезрея Падмавати, радостно сказывает Биджой. И на этот раз спаси, о Падмавати! (1—16)

129.

пояр

Металась Шона по покоям. Каталась по полу, [кричала]: «О Рама, о Лакшмана¹, внемлите!» Разламывало таз. И тут выпал на землю Локхиндор со сложенными ручками. «Сын, сын!» — раздались ликующие крики. Радовались все присутствующие жены. Золотым ножом перерезали пуповину. И, омыв [дитя] гангской водой, положили в объятия матери. Обнимала сына Шонаи, и счастье [ее] было безмерно. Теперь, певец, сказывай дивным лачари. (1—10)

130.

лачари

Под ликующие крики омыли [дитя] водой, смазали головку простоквашей и постным маслом. Любуясь личиком сына, была безмерно счастлива Шонока. Звучали разные музыкальные ору-

дия. Раздавались звуки теура¹, мриданги, радовались во всем царстве: родился сын у счастливого Чандо! Били [барабаны] дхак, дхол и кара², по всему царству разносилась [радостная] вест; слушающая, ликовал народ. Дивно, как в царстве богов, звучали трубы, [барабаны] дамвару, непрерывно гремели цимбалы. Пели песни певцы, плясали и пели танцовщицы...³. Лицезреть Падмавати, радостно рассказывает Биджой, к которому милостив Нараяна. (1—12)

131.

пояр

Первый, второй, третий, четвертый день отсчитали. На шестой день поклонялись Шостхи всю ночь¹ цалролет. На седьмой день, согласно шастрам², сотворили обряд исхода роженицы из родильных покоев³. Пришли в дом [Шоноки] самые уважаемые родные и женщины. День ото дня рос Локхай. От души наградила [Шоноку] Мать, От-яда-исцелительница. Первый, второй, третий, четвертый, вот и шестой месяц пролетел. Радовались все [предстоящему] обряду первого кормления рисом. Призвали брахмана Шомаи. Держал [он] совет с Шонокой. Сотворил [он] жертвоприношение нандимукха⁴ и иные [обряды]. Повторяя имя Локхиндора, вложил вареный рис [ему] в рот. Когда Локхиндору исполнилось пять лет, одновременно сотворили обряды вручения мела⁵ и прокалывания ушей⁶. Так жил герой Локхиндор. [Тем временем] в Уджани в купеческом доме родилась Беула. Счастливым жил Локхиндор. А Чандо после [многих] лишений добрался до дома приятеля. «Друг, о друг!» — громко позвал Чандо. Так встретился с другом. Обнялись друзья. Спросил староста: «Отчего [ты] в таком состоянии?» Рассказал другу [свою] историю [Чандо], сильно того огорчив. На сей раз, певец, рассказывай сказание лачари. (1—24)

132.

лачари

Припев:

Долго буду рассказывать другу историю [своих] бед!

«Далеко отсюда морской город на юге, город из золота и самоцветов, там драгоценные камни просто валяются. Алмазами и драгоценными камнями народ пренебрегает, но ценит джутовую ткань и куркуму. Получив много разных сокровищ, возвращаясь [я] домой и вот доплыл до Черного омута. Тут, так судил всевышний, тучи закрыли все небо, тьма сокрыла день. Налетела буря, не поплыли корабли дальше, все погибло — богатство, люди! Кривая сотворила насилие, на дне оказались четырнадцать кораблей, спасся я один, и то благодаря своему благочестию!» Отвечал ста-

роста: «Друг, не продолжай свою печальную историю, такой беды не перенести! Нынче на исходе ночи отправишься к себе на родину!» Радостно поет Биджой Гупто. (1—16)

133.

пояр

«Как поведать тебе, друг, о [моем] горе! Накорми, поддержи мою жизнь, потом все расскажу!» Услышав просьбу [Чандо], сердцем возликовал староста. Быстро ушел в дом. Обо всем рассказал жене. «Сам купец Чандо откушает в моем доме!» Узнав об этом, принялась стряпать хозяйка. Одно за другим приготовила пятьдесят блюд. Совершив омовение, [Чандо] надел [новое] одеяние. Разными обрядами почтил богов. Сосредоточившись, поклонился стопам Шивы и Дурги. [Затем] вошел в дом, чтобы поесть. Сел Чандо, хотел отведать яств. Увидела это Падмавати и задумалась: «Потеряет Чандо касту, ежели поест!» И тогда кликнула [она] пишачи. Сказала Падмавати: «Слушайте, пишачи! Дабы Чандо не отведал еды, украдите ее!» Выслушали пишачи подобные слова Падмы и поспешили туда, где шла трапеза. Сел Чандо за трапезу, ликуя в душе. Никто и не заметил, как пишачи похитили [все яства]. Так и не поел Чандо и еще сильнее закручинился. Теперь, певец, сказывай сказание [стихом] лачари. (1—24)

134.

лачари¹

Припев:

От дочерей нынче патерпелась позору!
 Это не родные, а неизвестно откуда-то
 взявшиеся ракшасы²!

«Сначала подала³ бронзовое блюдо с рисом, все заглотнули! Пожирали рис и носами сопели! Позвали [твоя] дочери своих братьев. Шепнула я им на ухо: тихо сидите и беседуйте. Поставила очищенный рис. А на блюде [оказалась] одна шелуха! Вместо вареного риса подала [тогда] моченый рис. Вылили [они] себе на руки кислую воду. А с ней и четырнадцать кати⁴ риса вылили! Ели и на меня поглядывали. Не получают риса — того и гляди меня сожрут! Взгляните на ~~этих~~ огромных жен братьев и на жену старшего брата, что тоже явилась! Риса не получают, того и гляди съедят Чандо и меня!» Биджой Гупто весело рассказывает. Сломав забор, сбежала кухарка. Какое-то время купец оставался в одиночестве. Оставив трапезу, купец поспешно встал. Водой из кувшина ополоснул рот. Очистил рот, пожевав бетеля с камфарой. Когда оба друга оказались вместе, спросил Чондродхор: «Друг, выслушай [мою] речь! Ты добродетелен, душой обращен к дхарме! Как мне возвратиться на родину?» Отвечал обрадованный ста-

роста: «Завтра на рассвете отправлю тебя домой!» Услыхав это, лег купец спать. Времени тогда было третья ночная стража⁵. Счастливым уснул купец. Сидела в змеиной колеснице Падма, горько задумалась. «Сейчас проучу Чандо!» — [решила] она и призвала к себе змиев. Сказала Падма: «Слушайте [мое] слово! Сбейте спесь с Чандо!» Схватили восемь змиев Чандо и избили. «Друг, о друг!» — громко кричал Чандо. Заслышав жалобы и печальные вопли Чандо, прибежал друг, обнял его. При виде старосты вмиг исчезли змии. Сказал Чандо: «Послушай, друг, мой рассказ! Несколько негодяев, воров напали на меня!» За беседой кончилась ночь. Встал с ложа купец, сотворил утренние обряды. Обратившись к другу, сказал купец: «Много дней [я] не имею вестей из дома. Поскорее, о друг, отправь меня на родину!» Услыхав это, приказал староста принести паланкин. Для охраны дал вооруженных воинов. Поспешил купец сесть в паланкин. Счастливым ехал на родину купец. При виде этого задумалась Падмавати. «Нета, Нета!» — непрестанно звала Падма. Сказала Падма: «Нета, выслушай меня! Ведь Шонока не знает о бедах Чандо!» Отвечала Нета: «Падмавати, послушайся моего совета! Приготовь заколдованный паланкин, и пусть змии отнесут его к Чандо!» Послушалась Неты богиня Падма. Быстро призвала к себе восемь змиев. Сказала Падма: «О змии, повелеваю вам, как следует проучите Чандо!» Выслушали восемь змиев приказ Падмы. Снарядили заколдованный паланкин и отправились в путь. Повстречавшись с купцом, сказали змии, околдовав его: «О купец, [теперь] в собственном паланкине продолжай путь!» Показалось купцу, что это его слуги и его паланкин. И отослал назад паланкин и слуг друга. Недалеко унесли [купца] восемь змиев, вывалили на землю и избили, как их душе было угодно. Пригнув [его] голову [к земле], били кулаками. Казалось [купцу], что в бурю и ливень обрушился [на него] страшный град. От змеиных побоев Чандо потерял сознание. Отняли [змии] палку из хетала и забросили в море. Через какое-то время очнулся купец. Но, заколдованный Падмой, он совсем не узнал своей страны. Не признал купец и людей своей страны. За подаянием отправился купец на ярмарку. Бродил купец по ярмарке в Сриколе. [Тем временем] Падмавати явилась во сне Шоноке. [Сказала]: «Слушай, слушай мое слово, Шонока! В водах Черного омута потерял купец богатство и людей. Потонули четырнадцать кораблей в водах Черного омута. Мне не поклонялся купец и за то понес наказание». Так сказала во сне Шоноке От-яда-исцелительница. «О господин, о господин [мой]!» — с этим возгласом проснулась Шонока. Встала с ложа хозяйка и тотчас же поведала о своем сне: «Потонули корабли и богатство в водах Черного омута. Не поклонялся [супруг] Падме и большую беду накликал!» Сказала кормилица: «Выслушай меня, мать! Все так и случилось. Сама убедишься — сон вещий! [Но придет время, и] счастливым вернется купец, с богатством и людьми!» На рас-

свете отправился Локхаи на берег Ганги. Выловил из воды красивую палку из хетала. Выловил и взял себе красивую палку. Быстро принес домой и отдал матери. Сказала Шонока: «Спрашиваю тебя, сын! Где взял эту палку, ответь мне?» Отвечал Локхиндор: «Совершая омовение, выловил ее в реке!» Услыхав эти слова из уст Локхаи, Шона без чувств упала на землю. Биджой Гупто говорит: Певец, большое горе случилось! Сказывай плач Шонаи пещальным лачари! (1—104)

135. ;

лачари¹

Припев:

На чужбине потеряла [я] супруга!

Безутешно рыдала госпожа Шонока, упав на землю: «Куда ушел возлюбленный муж, покинув меня? Говорила тогда: купец, не плыви в морской город! Не послушался меня — жизнь потерял! Неизменно, господин, ты творил пуджу Харе и Гаури. Почему же погиб владыка Чандо? Неизменно осыпал ты бранью Падму. Богатство и людей — все отдал морю! Неизменно, о господин, ты враждовал с Падмой. Потому-то и случилась такая беда! Если бы [ты] почитал стопы Падмы, то зачем было [ей] похищать сокровища, людей и жизнь? Неизменно ты поклонялся Десятирукой². Вот почему погублен царь Чомпока! Погас в душе вспыхнувший было огонь [надежды]. Отныне обездолена земная жизнь Шоноки! Сколько горя я пережила со смертью шести сыновей. Твоя смерть разорвет мне сердце!» От ее рыданий заплакал и герой Локхиндор. Его плач потряс души всех. Прижимая к себе палку из хетала, катался [Локхаи] по земле. У стоп Моноши поет вайдья Биджой Гупто. (1—22)

136.

пояр

Сказал ученый муж Шомаи: «Успокой свою душу! Надо в течение трех ночей творить [обряд] шраддхи, [читать] молитвы!» Слово семейного жреца укрепило душу Шоонаи. Послала [она] кормилицу Роти за снедью. Услыхала кормилица по имени Роти приказание и тут же отправилась за снедью на ярмарку в Сриколе. Покупала кормилица на ярмарке снедь. Одно за другим все припасы отослала [со слугами] домой. Напоследок зашла кормилица в рыбную лавку. Много рыбы купила и заволновалась: «Не знаю, на кого и взвалить тяжелую поклажу!» И в это время увидела идущего и плачущего Чандо. Спросила Роти: «Почему ты плачешь, нищий? Возьми поклажу и иди за мной, я дам тебе вареного риса». Когда Чандо услы-

хал о рисе, то прибавилось силы в его теле. Взял поклажу и пошел с Роти. Взял Чандо поклажу в надежде, что поест вареного риса. Оставили Чандо снаружи, а груз отнесли в дом. Сказала ему Роти: «Слушай меня, нищий! Как только сварится рис, сюда его вынесу». Тем временем день сменился ночью. Увидел Чандо цветник и повеселел. Крепко там заснул, положив руки под голову. В это время туда пришли соседи. Решили, что в цветнике спит вор. Громкий крик подняли, увидев вора. А когда и стражники увидели вора, то повалили его на землю и стали бить, сколько их душе хотелось. Пригнув [ему] голову [к земле], били его кулаками. Казалось [кушцу], что в бурю и ливень обрушился страшный град. Связали [Чандо] веревкой руки и ноги. В это время пришла туда кормилица Роти. Сказала Роти: «Этот нищий пришел со мной, принес покупки!» Услыхали это стражники, освободили от пут вора. Освободили от пут стражники [Чандо]. А кормилица Роти принесла ему вареного риса. Сказала Нета: «Падмавати, слушай внимательно! Потеряет Чандо касту, отведав риса Роти! Если сейчас же не возвратишь Чандо божественное зрение, то никто в мире смертных не станет творить тебе пуджу!» Выслушала Падма речь Неты. И, набрав воды в руки, поспешно сняла пелену с глаз [кушца]. Набрав воды в руки, Падма сняла пелену с глаз [Чандо]. Обрадовался Чандо, огляделся с удивлением. Сказал Чандо: «Сколько гордыни в тебе, Роти! Ведь отведав твоего риса, я потеряю касту. Я купец Чондродхор, царский начальник. Не признав меня, так оскорбила!» Услыхав подобное, оторопела Роти. Бросилась Роти бежать к Шоноке. Сказала Роти: «Госпожа, выслушай [меня] внимательно! Говорит мошенник, как Чандо, взгляни сама на него!» Услыхав это, тотчас же прибежала Шонаи [в сад]. Чандо же был так жалок, что та не признала [мужа]. Задумчиво оглядела его. «Чело» и острый, как грань алмаза, «зуб» Гаджэндры¹ — два знака увидела на теле и тут же узнала [Чандо]. Сильно удивилась [Шонока]. «Почему ты в таком состоянии?» — спросила она купца. Отвечал купец: «Любимая, ты так заносчива, что не сразу узнала собственного мужа! Расскажу о себе, слушай внимательно! Я сын купца Джиба, внук купца Нондо. Презрев твои уговоры, отправился в морской город на юге. Погубила Кривая, низкорожденная, богатство и людей! Потеряв богатство и людей, много невзгод [я] перенес. Великое счастье, что довелось увидеть мне твой луноподобный лик! Но не ведал [я], сколь мало в тебе благородства. Открою тебе одну тайну, слушай внимательно! У тебя на левом бедре есть черная родинка. [Теперь] все несомненно сказал!» Речь Чандо развеяла сомнения Шоноки. С возгласом «О супруг» распростерлась [она] на земле, припав к стопам Чандо. Зарыдала Шонаи, припадая к стопам Чандо. Издали женщины ликующие крики. Радовался

народ по всему царству. Сказала Шонаи: «Я твоя рабыня! Сколько горя ты натерпелся — подумать страшно! Погибло богатство и унесло с собой твои беды. Счастлива буду я тебе прислуживать! Погиб ученый муж Ронгаи, с ним погиб Дхона! Кто же вернулся, а кто умер?» Отвечал Чандо: «Любимая, [ты] задала хороший вопрос. Ничего не предугадаешь — все определяется кармой! Сокровища, люди и корабли ушли на морское дно. Спасся [я] лишь благодаря своему благочестию. Лишился [я] богатства и людей, претерпел большие муки. Наградив великим богатством, всевышний меня же и лишил [его]!» Оплакивали родные и близкие [купца утраченное] богатство. Упав на землю, рыдали, а народ смотрел. Одна лишь взволнованная Шонаи не плакала: «Раз жив остался, снова богатство наживешь!» Сказал Чандо: «Любимая, нынче пришла беда! Давай лучше помолчим!» Узнав печальную весть, громко рыдали родные моряков, что погибли. Слушая [их плач], сильно горевала Шонаи. Приготовив [все] для омовения, предстала [она] пред Чандо. Совершив омовение, купец сотворил жертвоприношение богам. Много ел в [тот] день купец. Возлежал на роскошном ложе. Бетелем с камфарой очистил рот. Милостью Моноши Биджой Гупто пишет книгу. Такова часть, [повествующая] о рождении [Локхиндора], певец. (1—108)

Так заканчивается часть, [повествующая] о потоплении кораблей, бедах [Чандо] и рождении Локхиндора.

Как сыграли свадьбу Локхиндора

137.

Поев, купец лег на ложе Шонаи. В это время пришел к нему Локхиндор. Увидел купец Чандо Локхиндора и сказал: «Почему вижу чужого мужчину в покоях? Напрасно я винил Кривую, низкороденную! Из-за твоего греха, [жена], потонули мои четырнадцать кораблей». В душевном смятении осыпал [купец] бранью Шонаи: «Вот и прекрасно, [оказывается] из-за твоего греха потонули корабли!» Много оскорбительных слов наговорил купец Шонаи. Вскочил [с ложа] и схватил Шонаи за волосы. Отвечала Шонаи: «Возлюбленный муж, выслушай [меня]! Это твой сын, рожденный из твоего семени. Когда отправился ты на юг, была я уже пять месяцев беременна! Ты сам написал и дал мне грамоту о беременности. Зачем же так терзаешь [свое] сердце, это твой сын! Успокойся, вот отведай бетеля из коробочки. Полюбуйся на сына в [сей] счастливый миг!» Речь Шонаи обрадовала купца. Обнял он Локхиндора и расцеловал. Множеством поцелуев покрыл [его] лицо, лоб. Повторяя: «Сын, о сын», Чандо заключил [Локхаи] в объятия. «Потерял [я] людей и богатство,

но обрел сына! Подрос [он], женю [его]!» — так говорил Чандо, ликуя душой. Тут появились приметы зари. Без устали пела кукушка на рассвете. Вышел купец из дома на рассвете. С друзьями и близкими сидел радостный. По правую руку [от купца] сел брахман Шомаи. Множество родных сидело вокруг. Сказал [им] купец: «Собрался [я] женить красавца Локхаи. Где [мне] сыскать деву, наделенную всеми добродетелями? Женю я сына при благоприятном сочетании светил!» Тут сказала Шомаи, обратившись к купцу: «Получила [я] Локхаи в награду, не женю [его]! В день свадьбы змеи ужалят Локхаи. Так предсказала Мать, Джагатгаури!» Услыхав это, пришел купец в великий гнев. «У кого достанет смелости убить моего сына! — сказал купец, обращаясь к Шоноке. — К такой хитрости прибегну, что не будут страшны змеи!» Так купец успокоил Шоноку и спросил: «Где же живет достойная дева, укажи, лучший из дваждырожденных!» Отвечал ученый муж Шомаи. Оповестил собравшихся: «Есть купец по имени Шахе¹, живет в Уджани. В его доме живет дочь несравненной красоты. Многие поколения [этого рода] поклоняются линге Шивы². Как сын, почитает [Шахе] Богиню, Десятирукую». — «Верно, верно! — закричали все родные. — Слышали от людей, что жизнь [его] благочестива!» Получив согласие собравшихся, сказал Чандо: «Сам поеду, и никто другой!» Благоприятное сочетание звезд наступило во вторую стражу [дня]³. Тогда отправился в путь купеческий сын. Подсчитал [астролог], что благоприятное для Локхаи сочетание звезд и светил наступит в одиннадцатый лунный день под знаком созвездия Пурвавасу⁴. Благоприятным же днем оказалась среда. Отправился в путь купеческий сын. Взял с собой советников и семейного жреца. Сватать деву отправился властелин Чандо. Шло много воинов, слонов и коней. Ехал купеческий сын на спине слона. Во владениях Шахе находился пруд с названием Муктошар. На его восточном берегу остановился властелин Чандо. Пока располагался [там] купец, спала Беула в своих покоях. С Нетой держала совет Падмавати. И, приняв желанный облик, пришла Падма к дверям [поков] Беулы. Сев в изголовье, явилась [ей] во сне От-яда-исцелительница и сказала. Молвила Падмавати: «Беула, слушай внимательно! Сейчас же ступай совершить омовение в Муктошаре! Истину говорю, я — богиня Падмавати! Локхиндор, сын Чандо, будет твоим мужем. Не поступай вопреки моему слову! Сейчас же отправляйся совершить омовение в Муктошаре! Коли сердцем не воспримешь мой приказ, то в этом году не выйдешь замуж. Родилась ты в доме Шахе, помня о прежнем [своем] рождении. В каждом рождении тебе суждено быть супругой Локхиндора!» Спустившись на землю, богиня привиделась во сне [Беуле]. Проснувшись, зарыдала Беула: «Только что приходила От-яда-исцелительница. Дала мне наказ и вернулась к себе домой. Не могу,

[о Падма], разгадать насланное тобой наваждение! Проснулась и ничего не понимаю, ведь я глупая женщина! Какой прок тебе обманывать меня!» От горестных дум расплакалась Беула. Рыдания Беулы растревожили всех [в доме]. «Что случилось, что случилось? — с этими словами сбежалось множество родных.— Кто тебя обидел? Откройся, скажи нам!» Долго и громко рыдала Беула. Услыхав [ее] плач, пришла встревоженная Шумитра. Сказала Шумитра: «Беула, не понимаю, отчего ты рыдаешь? Ты единственная дочь, радость для сердца [родителей]! Отчего плачешь, и сама не знаешь! Отрада сердца, ты чистое золото! Кто посмеет обидеть тебя? Сейчас же накажу [того], только скажи!» Отвечала Беула: «Послушай меня, матушка! Пойду я искупаться в Муктошаре. Когда омываешься принесенной водой, только пачкаешься. Вместе с подружками пойду я порезвиться в воде. Ежели получу твое позволение для этого доброго дела, пойду с сотней подружек к Муктошару!» Речь Беулы рассердила Шумитру, выпустила [она] Беулу из своих объятий и швырнула на зем.лю. «Задумала ты поглазеть на чужих мужчин. Вот причина твоих лживых рыданий! Не обманут меня твои женские уловки! Задумала пойти купаться, чтобы поглазеть на незнакомых мужчин» — все это наговорила госпожа [Беуле]. Разгневанной вернулась госпожа в свои покои. Узнав о случившемся, пришел [к дочери] купец Шахе. Услыхав плач Беулы, опечалился. «Беула, Беула!» — громко позвал. В волнении обнял дочь. Сказала Беула: «Отец, умоляю [тебя]! Нынче ночью я видела сон. Должна я вместе с подружками пойти к Муктошару. Потому я и рыдала». Отвечал Шахе: «Беула, выслушай мое слово! Сейчас же ступай и искупайся в Муктошаре! Сейчас же ступай, не медли!» Слова Шахе безмерно обрадовали Беулу. Сказал Шахе: «Дорога [туда] идет через джунгли. Искупайся поскорее и возвращайся домой!» Надела Беула разные украшения и вместе с подружками пошла к пруду Муктошар. Шла Беула купаться в Муктошаре и радовалась. Теперь, певец, сказывай дивным лачари (1—136)

138.

лачари¹

Припев:

Пошла купаться Беула!

Беула — дочь Шахе. Впереди и позади [нее] шло множество подружек. Отец обо всем позаботился и отпустил [дочь] купаться. Лицо [Беулы] словно полная луна, зубы сверкают. От смущения дева не хочет идти ни впереди, ни сзади. Прячется среди подружек, поет благодарующую песнь. На челе Беулы, обрамленном вьющимися волосами, сияет [сандаловый] знак, словно

полная луна посреди туч. Ее зубы — [два] ряда жемчуга, уста алые — словно от бетеля. Нос красотой посрамил цветок кунжута². [У нее] широкие бедра, глаза подведены сурьмой — будто вокруг лотосов выются пчелы. Исходит сияние красоты от тонкого стана и груди. [Пушок] словно бутон лотоса посреди озера. Поступью Гаджендры медленно выступала Беула. Биджой Гупто славит стопы Моноши. (1—16)

139.

пояр

Весело купалась Беула. На восточном берегу расположился купеческий сын. Любовались люди красотой Беулы и радовались. Не отрывая глаз глядели [на нее]. Кто поминал Хари, кто поминал Нараяну. «Велик тот человек, кому достанется подобная жена!» — так люди думали и завидовали. [Тут] явилась совершить омовение Мать, Джагатгаури. Увидела, что пришла Беула, и, [обернувшись] брахманской вдовой, радостно снизошла на берег. Подойдя к вдове, сказала Беула: «Ступай прочь отсюда, брахманская вдова, [здесь я] купаюсь!» Отвечала брахманская вдова: «Выслушай мое слово! У пруда Муктошар берег с четырех сторон. Купайся в свое удовольствие на другом берегу! Почему ты пришла именно на этот берег?» Эти слова брахманской вдовы сильно обидели [Беулу]. Теперь, певец, сказывай сказание [стихом] лачари. (1—18)

140.

лачари¹

Припев:

Ступай прочь с берега, брахманка!

Стала брахманская вдова начищать до блеска медный поднос, сосуд для святой воды, треножник для раковины². [Сказала она]: «Вчера я соблюдала пост одиннадцатого дня. [А сегодня] вечером, после омовения стану здесь творить пуджу!» Как только красавица услышала это, тут же подвязала одеяние и прыгнула в воду. Резвясь в пруду, запачкала Беула ноги илом. Грязная вода [с ее ног] попала на тело Моноши. Заметив это, пришла в ярость брахманская вдова. Набрала она в руки воды и прокляла Беулу: «Ежели [я], брахманская вдова, то пусть погубит в первую брачную ночь Беула своего супруга! Не кормить [ей] мужа рисом, не ставить на огонь горшок! Ты станешь юной вдовой в первую брачную ночь». Так громким голосом произнесла брахманская вдова проклятие. Биджой Гупто славит стопы Моноши. (1—16)

«Напрасно бранишься, брахманка. Не попала на тебя грязь с [моих] ног. Что мне твое проклятье! Ведь мне помогает дочь Великого бога! Называешься вдовой, а сама ловишь рыбу в водорослях, ешь рыбу — так соблюдаешь предписания вдовства! Отец мой [здесь] властелин, могу сказать ему, чтобы наказал [тебя], запретил есть рыбу. У меня много братьев, вот прикажу [им] обнять [тебя] — и в прах обратится [твое] вдовство. Торчат твои груди, сводишь с ума мужчин, повсюду бродишь ты в поисках мужчины. Это пруд моего отца, какое ты имеешь право на него, зачем попусти ругаешь меня? Весело резвилась [я] в воде, а ты изругала меня. Хорошенько проучу тебя. Коли [мои помыслы] чисты, защитит [меня] Падмавати — что мне твое проклятие! Слушай внимательно, я раба Моноши и прощаю тебя, вдову! Думаю, что из-за твоих грехов рано умер брахман, [твой муж]! Нет [на тебе] вдовьего одеяния, верно, ты не принадлежишь к преданным женам и бродишь в поисках мужчины. Вдовы, что творят вечерами святые обряды, сидят по домам, отчего же [ты] вдруг оказалась на большой дороге? У тех [вдов], что бродят по [чужим] домам, едят украдкой рыбу, каждый год выкидыши». Услыхав такое, вдова сильно разгневалась и пристально посмотрела на Беулу. Поэт Биджой Гупто рассказывает, очаровывая знатоков, слушают [его] люди и смеются. (1—32)

Сказала Беула: «Слушай, вдова, внимательно! За что ты прокляла меня? Давай вместе войдем в воду. Нырнем одновременно и [посмотрим], что достанем со дна». Нырнули [они] — только пузыри пошли. Беула — на востоке, Моноша — на западе. Вытянув руки, шла Беула под водой. Раковину и синдур нашла Беула в воде¹. Одновременно [с ней] вынырнула и вдова. Нашла [она] в воде высушенный на солнце рис и топленое масло². Увидев это, обрадовался народ. «Чудо, чудо!» — славили все Беулу. Стало мокрым тело Беулы от купания. Сбросив мокрые одежды, переоделась [дева] в чистое сари. Все женщины, что пришли с Беулой, перебрасываясь шутками, отправились в храм. К востоку от дома Шахе находился прекрасный город. Там был дивный храм Падмавати. В тот храм и пошла красавица Беула. С любовью поклонилась богине От-яда-исцелительнице. Радуясь, сотворила Беула жертвоприношение. Пришел [туда] купец [Чандо], держа в руках дохлую [рыбу] шоул. Сказал [он]: «Выслушай меня, добродетельная! Сумеешь оживить эту рыбу, значит, твое рождение на земле благословенно!» Выслушала

Беула речь Чандо и, читая заклинания, окропила водой шоулу. Вмиг ожила дохлая рыба. Обрадовался купец, увидев это, [подумал]: «Умеет [она] мертвых воскрешать; теперь коли потеряю [сына], вновь обрету!» И, взяв шоулу, [Чандо] отправился к ученому мужу Шомаи. «Посчастливилось [мне] встретить добродетельную деву. Непременно женю [на ней] прекрасного Локхаи». Отвечал ученый муж Шомаи: «Удачлив ты! Достоянна Локхаи такая жена, наделенная многими достоинствами! По красоте дева — истинная видьядхари. Нет предела ее достоинствам. Будет счастлив Локхаи, коли женится на ней». Совершив поклонение Моноше, вернулась в свои покои Беула. А купец отправился к дому Шахе. Сопровождали купца огромная свита и войско. Спешили [они] к дому Шахе. Остановился купец Чандо перед домом. Привратник оповестил [о нем] Шахе. Услышав, что прибыл Чандо, купец Шахе, взволнованный, поспешил выйти наружу. Расположились оба [купца] во внешних покоях. Вели беседу, подобающую царям. Вокруг сидели советники и министры обоих. Поговорили купцы о политике. Поговорили, как подобает, об управлении страной. Затем только сваты завели разговор о свадьбе. Говорили они Шахе: «Подумай над тем, ради чего мы здесь. Пришел сватать [твою дочь] властелин Чандо. Расскажем о его роде, а ты решай. Отец Чандо жив, [он] глава над купцами. Нет предела его богатству, он словно Кубера! Имя деда Чандо — Ниламбор. Из поколения в поколение правит [их род] в городе Чомпок. Чандо из рода Кашьяпы, он главный среди купчества». Отвечал советник Шахе, встав перед Чандо: «Много поколений купцов Шахе [живут] в городе Уджани. Полны [его] кладовые драгоценных камней. Сыновья у Шахе дивной красоты! Разнообразны достоинства его сыновей. По богатству, [количеству] слуг, родовитости и чести выше [он] других купцов! Нет другого такого благочестивого и ученого мужа, как Шахе!» Обращаясь к Шахе, молвил брахман Шомаи: «Поразмысли, купец, над делом, ради которого мы пришли! Есть у Чандо младший сын Локхиндор. Разнообразными достоинствами обладает он, хорошо начитан в шастрах. У тебя же в доме дочь — дивная красавица. Наделена [она] многими достоинствами, а красотой — видьядхари. Ежели придется тебе по душе предложение Чандо, сотвори над Локхиндором благие обряды». Отвечал Шахе: «Есть дочь [у меня]. Хочу выдать [ее] замуж. Найдется достойный жених — отдам за него!» Тут все закричали: «Локхиндор — достойный жених! Немедря, купец, составь гороскоп!» Выслушав это, согласился купец. Приказал Шахе: «Приведите астролога, пусть установит [день]». Громко закричал Чандо: «Эй, астролог Мукаи³!» С календарем в руках предстал [тот] перед Чандо. Сколько ни изучал календарь, не увидел ничего хорошего. Предсказал, что в день свадьбы случится несчастье из-за змеи. Узнав об этом, пришел в великий гнев

купец. По щекам отхлестал [астролога]. Биджой Гупто говорит: Певец, было очень забавно! Теперь, сказывая, певец, дивным лачари. (1—92)

143.

лачари¹

Припев:

О Мукаи, ты умрешь, когда вернемся на родину!

«В первый раз ты начертал гороскоп, и случилось нашествие змей. Во второй раз сделал точное предсказание, и потерял великое знание [Чандо]. В третий раз начертал гороскоп, и умер исцелитель Шонку. В четвертый раз начертал гороскоп, и погибли шесть моих сыновей. В пятый раз сделал предсказание, и в море потонули четырнадцать [моих] кораблей. В шестой раз начертал гороскоп, и случилось нашествие змей. И вот теперь твоё седьмое предсказание. Им навлек на себя гнев Ямы! Ты глуп, а смеешь являться в собрание ученых мужей! На этот раз убью тебя, как только вернемся на родину! Как мне ответить на твои лживые речи? Зарою тебя в Яму вместе со всем твоим родом!» Велеречив Биджой Гупто. Связали астролога Мукаи. (1—20)

144.

пояр

Так говорил купец в сильном гневе. Связали по рукам и ногам Мукундо. При виде этого призадумалась Падма. «Нета, Нета!» — громко закричала Падма. Сказала Падма: «Слушай, Нета, дочь прачки! Что будет со мной, ежели Локхиндор не женится? Астролог сказал, что все шесть месяцев не будет благоприятного сочетания светил. Ежели не женится Локхай, дело мое погибнет!» Выслушав, Нета отвечала Падме: «Пошли Нараду начертать гороскоп!» Выслушала Падма подобный совет Неты. Поспешила Падма к Нараде. Сказала Падма: «Нарада, брат, выслушай меня! Иди скорее туда, где находится Чандо. У Чандо есть сын, герой Локхиндор. Пусть он женится в городе Уджани! Астролог же предсказал, что шесть месяцев не будет благоприятного сочетания светил. Сотвори счастливое сочетание звезд — станешь мне братом!» По слову Падмы пустился в путь великий подвижник Нарада. Быстро пришел в город Уджани. С астрологическим календарем в руках, с сумой на плече, в одеянии астролога появился у дома Шахе. Увидев астролога, слуга пошел к Чандо и доложил: «Слушай, господин, пришел хороший астролог!» — «Веди, веди [сюда]!» — обрадовался купец. Тут же ввели астролога в собрание. «Я чужеземный астролог, дом [мой]

в царстве Гоур¹. Буду читать астрологический календарь, слушайте! Твердо в руках держу календарь. Прочту [его] перед благочестивым собранием. Среда — день нечетный, [находится] под знаком Ашвини². Сегодня двенадцатый лунный день, [солнце] в десятом градусе Ашвини. За ним наступит тринадцатый лунный день. Тогда солнце покинет двенадцатый градус этого зодиака. Пока оно в двенадцатом градусе, сочетание светил неблагоприятно. После двенадцатого градуса наступит счастливое сочетание светил. Девять планет³ будут благосклонны к тебе семь дней, но в следующем месяце!» Так хорошо вычислил по календарю астролог. По душе пришелся Чандо такой добрый астролог. Сказал Чандо: «Откроюсь тебе, астролог! Собираюсь женить я прекрасного Локхай. Поскорее хочу женить своего сына! Выбери день благоприятного сочетания светил [для этого обряда]!» Улыбнулся астролог, слушая речь Чандо. Уж если ожесточился всевышний, то погибло дело! Сказал астролог: «Ежели желаешь узнать благоприятное сочетание, назови мне знак зодиака и созвездие [жениха и] невесты!» Рядом с Чандо стоял его старый слуга. Поведал он астрологу о знаке зодиака и созвездии Локхай [и Беулы]: «[У жениха] знак зодиака — Овен, а зодиакальное созвездие — Ашвини! Я хорошо знаю, что у невесты [знак зодиака] — Дева, а [зодиакальное созвездие] — Хаста⁴. Кое-что знал и Нарада. Посмотрев на [эти] знаки зодиака, сверился со своим календарем и [сказал]: «На двадцать седьмой день месяца приходится главное сочетание светил. Затем наступит восход Шани⁵. До этого времени, как видите, есть только одно благоприятное сочетание светил. Когда наступит в месяце бойшах⁶ тринадцатый день, то он и будет самым благоприятным днем. Нужно подождать до завтра!» Услыхав, что есть благоприятное сочетание светил [для свадьбы сына], возликовал душой купец. Очень обрадовался, узнав о благоприятном сочетании светил. Негоже не воспользоваться счастливым сочетанием светил. И купец поспешил наградить [астролога] рубиновым ожерельем в две нитки. И перстнем остался доволен астролог. Простился астролог и тотчас же удалился. Отойдя недалеко, вспомнил святой подвижник [о Мукундо]. Повернул назад, пришел к Чандо. Обратился [он] с просьбой к Чандо: «Отдай Мукундо, тогда вернусь на родину!» Услыхав это, купец не стал противиться. Привел Мукундо к астрологу. С радостью отпустил [того] Мукундо. Подарил [тому] рубиновое кольцо. Простился святой подвижник и пошел к себе домой. У стоп Моноши поет вайдья Биджой Гупто. Вышел Чандо во внешние покои, [сказал]: «Давай прощаться, сват, собираюсь домой». Отвечал Шахе: «С тобой [нам] предстоит сотворить благие обряды. Откушай в моем доме, сват!» Выслушав речь Шахе, отвечал купец: «Приходилось мне [много] путешествовать в южный морской город. Из-за болезни ем [я теперь] только железный горох!» Сказал так и высыпал

[перед сватом] железный горох. Поспешно завязал [Шахе] железный горох в край дхоти. Быстро пошел к Шумитре. «Нынче откушает сват в моем доме! Сначала отведает он железного гороха. Нынче у нас будет есть купец Чандо. Свари как рис железный горох!» Выслушала это Шумитра и взяла горох. Призвала Шумитра к себе невесток и спросила: «Кто из вас сварит железный горох?» Отвечали невестки: «Выслушай [нас]! С малых лет мы замужем — тому ты свидетельница. Никогда не видели, чтобы ты варила железный горох! И [наши] матери не варили [такой] горох, а отцы не едали! Как приготовить [железный] горох, не ведаем». Речи невесток устыдили Шумитру. «Сама сварю горох — это дело трудное!» В сумерках госпожа поклонилась богам. Поминая Богиню, принялась стряпать. Горох, как рис, залила водой. Разожгла огонь дровами из сандала и алойного дерева. Стряпала Шумитра, а пламя гасло [в очаге]. Горох шипел, но не кипел. Белым опахалом [Шумитра] раздула огонь. Но и тогда не закипел железный горох. Добавив дров из алойного дерева, хозяйка усилила пламя. Но твердый горох не сварился. Не сварился железный горох — побледнела [Шумитра]. Бросила госпожа стряпню и разрыдалась. Поэт Биджой Гупто говорит: Слушайте люди! Пойте лачари плач Шумитры! (1—194)

145.

лачари¹

Рыдала Шумитра, госпожа, печалась душой: «Не разварился железный горох — бессмысленна [моя] жизнь! А ведь чтобы поддержать огонь, дрова из сандала и алойного дерева подбрасывала. [Но] и тогда не закипел железный горох! Совершу убийство женщины — перережу себе горло! Буду я опозорена в купеческой общине!» Говорила госпожа: «Что за дочь в моем доме! Привяжу кувшин на шею и утоплюсь в море!» Биджой Гупто говорит: Шумитра, не плачь! Беула сварит железный горох! (1—10)

146.

лачари¹

[Сказала Беула]: «Говорят, что [ты], матушка, принялась стряпать. Сожгла весь отцовский запас сандалового и алойного дерева! Из заморского города привез [купец] горох, хочет подвергнуть [меня] испытанию! Разве ты видела, чтобы кто-нибудь ел железный горох? В человеческом теле вырабатываются моча и испражнения. Какой это человек варит и ест железный горох? С молением обращусь к видьядхари, живущим в небесном граде. Сама знаешь, какое главное моление для женщины. С чистыми

помыслами приготовлю железный горох. Поддержу честь отца и свекра». Вайдья Биджой Гупто дивно сложил [песнь]. Утешив мать, отправилась [Беула] стряпать. (1—12)

147.

пояр

Взяла [Беула] необожженный горшок с крышкой. Поклонилась в сумерках стопам Падмы. Развела огонь двумя и половинкой листика сахарного тростника. И тогда закипел железный горох. Милостью Падмы сварила [его] Беула. Разварился горох, словно рис. Сварила [дева] горох и высыпала на блюдо. Смотрели все и радовались. Прослышав об этом, и купец [Чандо] возликовал душой. Явился купец. Когда сел купец за трапезу, рядом с явствами поставили железный горох. Завязал купец Чандо [железный горох] в край своего дхоти. Ел купец с радостной душой. Водой из кувшина прополоскал рот. Радуюсь, очистил рот купец. Простился и собрался к себе домой. Сказал Чандо: «Сват, не должно откладывать задуманное. Завтра женю прекрасного Локхаи». Простился с купцом торговец Чандо. Много совершил [он] деяний, достойных царя. Послал Шахе [с ним] множество украшений для Шоноки, щедро наградил свиту и войско [Чандо]. Радостно обнялись два свата. Простившись, купец отправился на родину. Так отправился на родину купец. Быстро прибыл в свой город. При виде Чандо поднялась со своего сиденья Шонаи. Купец стал расхваливать Беулу. Говорит Биджой Гупто: Было очень забавно, певец. Теперь, брат, скажывай сказание [стихом] лачари. (1—32)

148.

лачари¹

«О Шонаи, подойди поближе и слушай! Подробно опишу достоинства Беулы. Я увидел Беулу, когда пришла она за водой [к пруду]. Наша Беула — дивная красавица, [словно] повстречался [я] с небесной видьядхари! Отдал Беуле дохлую [рыбу] шоул. И Беула оживила ее. Воскрешать мертвых умеет Беула! Нырнув, может разные вещи достать [со дна]! При встрече сама убедишься в достоинствах Беулы. Как рис, сварила [она] железный горох!»* Узнав о добродетелях и умении невестки, обрадовалась Шонаи. (1—14)

Так кончается часть, [повествующая] о сватовстве.

Возведение железных покоев

149.

пояр

Одни смеялись, другие плясали, третьи распевали песни. Услыхав [об этом], опечалилась душой Моноша. С Нетой держала совет Падмавати: «Явлюсь, притворившись теткой Шоно-

ки!» Обернулась теткой Шоноки богиня и поспешила к ней. Молитвенно сложив ладони, поклонилась Шона тетке, усадила [ее]. Сидели [они] и вели беседу. Сказала Падмавати: «Признаюсь тебе, Шонаи, несчастна я, нет ни мужа, ни сыновей. Но когда-то, видно, совершила я добродетельный поступок. Потому-то ты, матушка, дочь [моей] сестры. Да умножится твое счастье! Однажды ты ослушалась моего совета. Прежде я уже навещала твой дом. Вот и появился Локхиндор в твоём доме. Твоё поведение смягчило моё сердце. Скорее призови Локхаи ко мне, погляжу [на него]!» Речь тетки устыдила Шонаи. Громко закричала [она]: «Локхаи, Локхаи!» По зову матери быстро пришел Локхиндор. Держась поодаль [от него], улыбалась тетка Шоноки. Сказала Шонаи: «Послушай, красавец Локхаи! Вот моя тетушка, тебе [она] как мать. Тетушка — преданная супруга, живет жизнью подвижницы. Благословение тетушки приносит во всем удачу». Речь матери запала в душу Локхаи. Обернув край одеяния вокруг шеи, склонился он к столам Моноши, молитвенно сложив ладони. Головой коснулся [ее] стоп. Богиня же под видом благословения прокляла его. Молвила богиня: «Вставай, вставай, герой Локхиндор! Станешь ты правителем Чомпока и владыкой [несметных] богатств! Да одарит тебя милостью Богиня, Махамайя! Да будешь ты отважен, как досточтимый Рама, а обликом — словно Мадана! Благосклонным взглядом пусть взирают на тебя отец и мать!» «Да ужалит тебя черная кобра в свадебную ночь!» — про себя произнесла Падмавати это проклятие. Слушала Шонока все, что говорила Падма. Чуткое материнское сердце предчувствует беду. Бия себя в грудь, воскликнула [она]: «Что же это творится, о господи!» Молвила Шонаи: «Что за низкий нрав у тебя, тетя! Говоришь вроде благое, а слышится противное. Только сейчас поняла, тетя, какое жестокое у тебя сердце! Кто подослал тебя, вручив бетелевые орешки? Уходи скорее из моего дома, тетя! Услышит об этом купец, сильно разгневется». Отвечала Падма: «Шонаи, что ты говоришь! [Я] очень стара, все волосы седые. Ушами не слышу, в глазах темно. Проклинаю Яму — не шлет мне смерть. Разве не устала [я] с дороги? Силы, разум — все исчезло, изошла [я] потом. Разве для того родилась я, чтобы бродить по дорогам? Зачем мне проклинать племянницу, дочь сестры?» Так повздорила Шонаи с Падмой. [О том] оповестила Чандо служанка по имени Бела. Получив [эту] весть, призадумался Чандо: «Зачем тетке Шонаи, коли и вправду это она, проклинать?» Выслушав [весть], бросился бежать Чандо со всех ног. Прибежал к Шоноке. Разъяренным явился Чандо: «Куда подевалась старуха?» Затрепетала душа Падмы, как листья на банановой пальме. Ревел Чандо и потрясал палкой из хетала. Бросилась богиня к Шоноке, ища [у нее] защиты. Сжимал [в ярости] кулаки Чандо, скрежетал зубами. Приняв собственный облик, Падма бросилась бежать.

Вскочив в змеиную колесницу, оседлала Падма ветер. Громко кричал купец: «Держи, держи [ее]!» Сказал Чандо: «Хорошо бежала Кривая! Какая наглость — говорить подобные речи!» Увидев все это, Шонаи припала к ногам Чандо. Упав, каталась по земле госпожа. Сказала Шонока: «Господин, выслушай меня со вниманием! Получила я Локхаи милостью [богини], не надо женить его! Страшное проклятие Падмы терзает душу. Нынче вспомнилось прошлое. В молельне Джалу [богиня] меня одарила. Одарила Моноша, а после сказала: „Ступай сейчас домой и укрепишь сердцем! В первую свадебную ночь похищу [я] Локхаи!“ Слово богини истинно, никогда не станет ложью! [Ты] подумай и сделай то, что подсказывает сердце!» Речь Шоноки лишь рассмешила Чандо: «Ты живешь в моем доме, а говоришь подобное! Вороны и цапли клюют Кривую, прозванную От-яда-исцелительницей. Ты вся дрожишь, любимая, в страхе перед ней. Я придумаю хитрую защиту! Так схитрю, что змеям не проползти! Возведу железный дом и в нем поселю Локхаи и Бу-лу». Речь Чандо успокоила душу Шонаи. Вышел купец из дома наружу. Хорошо знал Чандо, как делать чудеса. Позвал четырнадцать сотен кузнецов. Прибежали кузнецы — все с непокрытыми головами. В правой руке [держали] железный молот, в левой руке — весы. Одежда [их] из темной ткани, стан согбенный. Лицо и нос запачканы сажей от огня. Смотреть страшно на [их] усы и бороды! Поманил их рукой [Чандо], и кузнецы подошли поближе. Сказал купец: «Слушайте, братья кузнецы! Поведу я о деле, слушайте внимательно! В городе Уджани женю сына. Обманула меня Кривая, низкорожденная. Сегодня обманом проникла в мой дом и в гневе прокляла. В свадебную ночь ужалит змея Локхаи. Живите в [моем] доме, ешьте разные яства, ни о чем не заботьтесь! Сейчас, братья, объясню свою хитрость. И вам ведома любовь к женам и сыновьям и страх за [их] жизнь. Всем миром постройте железный дом. Дом из железа, а не из дерева и тростника. Рядом постройте железный дом с дверью наверху. С хорошим замком дверь, чтобы никто не проник. Чтоб ветер не проник да и муравей не заполз! Все вместе, кузнецы, беритесь поскорее за дело! За две стражи возведите дом. К востоку от [моего] жилья есть дивное место. Там постройте железный дом. Не хочу ни знать, ни слушать пустых разговоров! Иначе я нынче уподоблюсь черной кобре!» Сложил смиренно ладони Тароноти перед Чандо. Держал неторопливую речь перед Чандо: «Твои слова помогли преодолеть страх в [наших] душах. Всем миром построим железный дом. Сам ты ученый муж, купец и человек добродетельный. Всевышний надумит [тебя], как строить дом». Почтительно сказал кузнец купцу: «Сам сделай обмеры покоев для новобрачных». Отмерил [Чандо] своей рукой основание [дома]: в длину — девять гаджей, в ширину — шесть гаджей, в высоту — семь гаджей. Отме-

рил основание [дома] купец. Увидел, что остался доволен Тарапоти. Собрались тогда все кузнецы. Не спеша натаскали мешки с углем. Принесли молоты и лестницы. Приготовив кузницу, развели огонь. Когда зажегся огонь, поднялся шум. Кто-то кричал: «Держи, держи», другой кричал: «Поднимай». Дивно выглядело раскаленное в огне железо. Бегали [кузнецы], поднимали и клали [его] на наковальню. Шумно работали молотами. Звонко били по железу. От ударов молотов звон стоял. Зашипели змеи, заслышав удары молотов. Повсюду горел огонь, по телам [кузнецов] струился пот. Одни ковали основание [для дома], другие — столбы. Повсюду били молотами кузнецы. Одни ковали листы для крыши, другие ковали засовы. Из всех самым искусным был Тарапоти. Разметив основание, [он] установил столбы. По четырем сторонам основания возвел четыре стены. Вверх быстро отмерил семь гаджей. Всех кузнецов угостил бетелевыми орешками. Кто покрывал дом крышей, кто бил молотом. Все строили и шумели. К двойным дверям дома приделали засов. Затворили двери на замок. Ветру туда не проникнуть, муравью не пробраться. Кузнецы подгоняли друг друга в работе. [Возведя], начистили до блеска весь дом. Смотрел народ снаружи на дом. Другим работникам так быстро дом не построить! Красиво выглядел блестящий железный дом. Вместе с советниками и близкими пришел [туда] купец. Одарив, отпустил всех кузнецов, сколько их было. Простившись, отправились домой кузнецы. Увидев [железный дом], задумалась богиня Моноша. «Нет!» — громко кричала Падма. На зов предстала Нета перед Падмой. Сказала богиня: «Ты послушай, дочь прачки! Построен железный дом — что же будет со мной? В сверкающем железном доме нет никаких щелей! Как же ужалят Локхай мои змеи? Нынешней ночью не сумею ужалить Локхай! Победил меня в споре повелитель Чандо». Отвечала Нета: «Слушай, Падмавати, скажу правду! Поспеши туда, где [сейчас] кузнецы. У кого во рту колючка, тому и выплевывать [ее]!» Стоило так сказать дочери прачки, как поспешила Падма на встречу с кузнецами. Испугались кузнецы при виде Падмы: что за богиня появилась вдруг на змеиной колеснице? «Стойте, стойте!» — гневно приказала Падма. Четырнадцать сотен кузнецов подошли толпой. Сказала Падма: «Слушай меня, Тарапоти! Я мать восьми змиев, я богиня Падмавати! О моей вражде с Чандо все люди знают. Пришла к тебе, дабы об этом поведать. Много раз [он] вступал в спор со мной. Передо мной негодяй похвалялся сыном. Вы, кузнецы, знаете Чандо. Быстро за две стражи построили железный дом [для него]. Непронизаем железный дом, не имеет щелей! Как же мои змеи ужалят Локхай? Нынче узнала я о вашем поведении. Для моего дела не оставили ни щелочки! Ежели вы любите своих жен и сыновей и хотите жить, то возвращайтесь немедленно к купцу. Повинуйтесь моему велению, ступайте не раз-

мышляя! Для меня сделайте щель в одном месте! Сделайте эту щель невидимой, как волосок хлопкового дерева. Пусть Чандо сотню раз осмотрит [дом], но не приметит [ее]!» Так сказала богиня Падмавати. Поклонился [ей] Тарапоти, молитвенно сложив ладони, и ответил: «Все люди знают тебя, мать восьми змиев. Напрасно ты пришла ко мне. Возвращайся домой, кланяюсь [тебе]! С моей помощью не свершится твое дело. Работаю на того, кто оказал мне почет. Гнева других не боюсь, а вот от ярости Чандо погибну. Бьет немедля за любую провинность Чандо! Как я теперь смогу сделать щелочку в его доме? Почему не сказала все эти слова, когда я еще строил дом? Падаю в ноги, много раз возношу тебе хвалу. С моей помощью не свершится твое дело!» Услыхав подобное, разъярилась Падмавати. Биджой Гупто пишет книгу, кланяясь [Моноше]. (1—222)

150.

лачари

Припев:

Оставь надежду на жизнь! Отныне ты мне враг!

«Локхаи — человек, пожертвованный мне, зачем его защищаешь? Отныне тебе угрожает опасность. Ссорилась я с Анирудхой, Ушей, Хари и Ямой, а [невредимой] вернулась к себе домой. Повздорил со мной Яма — и потерпел поражение, покрыл себя позором сын Солнца. Как-то пришла я к мачехе, супруге отца, и поссорилась с ней. Громко рыдал Шива, Карртикея валялся [у меня] в ногах, тогда лишь [я] воскресила Гаури. Испил яду Трехглазый и сознание потерял — не сразу услышала я об этом. Опечаленные боги почтили меня, и тогда [я] вдохнула в него сознание. От моего укуса испустил дух знахарь Шонку Рай, шесть сыновей [Чандо] погубила. Никому не снести моего гнева, боги трепещут в страхе [передо мной], слушайте же, глухие кузнецы!» Лицезреть Падмавати, радостно рассказывает Биджой, к которому милостив Нараяна. (1—20)

151.

пояр

В великом гневе Падмавати говорила кузнецам. Дергались в ярости ее покрасневшие глаза. В небе на змеиной колеснице восседала От-яда-исцелительница. Оставив божественный облик, обернулась змеей. В небе раздула капюшон Падмавати в облике змеи. Из глаз [ее] капал смертоносный яд. Дрожала Падмавати в своей ядовитой мощи. Ужалила баньян — будто молния ударила. И все птицы, что слетелись на дерево, испепеленными упали к его подножью. А ведь долгое время это дерево [возвы-

шалось], словно Сумеру. В прах превратился великий баньян, испепеленный [змеиным] ядом. Мощь Моноши испугала кузнецов. Повалились на землю в беспамятстве кузнецы. Некоторые громко зывали, поминая отца и мать. Корчились кузнецы, упав на землю. Сказала Падмавати: «Слушайте, неразумные кузнецы! Смотрите, вновь я воскрешу это дерево!» Сказав так, Падма усмирила свой гнев. Сев у корней баньяна, произнесла главную мантру. Было ведомо разное колдовство мудрой богине. С помощью божественного знания вновь воскресила дерево. И птицы, что упали замертво под деревом, воскресли благодаря заклинанию Падмы и на небо улетели. При виде этого ужас обьял кузнецов. Молитвенно сложив ладони, Тарапоти сказал Падме: «Выслушай [меня], Джагатгаури! Погубишь ты Чандо — пусть, я не стану мешать! Но коли убьешь Чандо, не один человек погибнет: ведь ты изничтожишь [его] со всем родом! Успокойся и возвращайся домой, Мать, От-яда-исцелительница! Дабы исполнить твое поручение, иду [я] к Чандо. Лишь об одной награде молю у твоих алых стоп! В ненастную годину будь милостива ко мне!» Выслушав это, молвила Мать, От-яда-исцелительница: «При мне ничего не бойся!» Одарила Моноша милостью кузнеца Тарапоти: «В каждом [твоем] рождении Лакшми не оставит твой дом!» Так вознаградив [кузнеца], отправилась Падмавати на небо. А Тарапоти пошел к Чандо. Увидев Тарапоти, задумался Чандо: «Зачем кузнецы вернулись?» Сложив умоляюще ладони, сказал [Тарапоти]: «Выслушай, господин! Боюсь я сказать, по какому делу возвратился. Одаривая едой, одеждой, ты постоянно ублажал [нас]. И ежели обманем тебя в работе, то поступим дурно, согласно дхарме. Опозоренными [мы], кузнецы, вернемся домой. Уже в пути оповестили меня: оказался [среди нас] кузнец — глупый человек. Строили быстро, потому и не уследили. Использовал он, к несчастью, плохое железо. Пошло это железо на крышу дома. Страшны огромные, словно горы, клыки у змей! От [их] клыков рассыплется ржавое железо! Ежели позволишь мне, о властелин царства, то удалю я с крыши ржавое железо». В миг опасности разум даже ученого мужа слабеет! Поверил Чандо всему, что наговорил Тарапоти. «Скорее полезай на крышу! Перестрой железный дом, как тебе хочется». Влез на крышу Тарапоти. Смеялась Падмавати на небесах. Взобравшись на крышу, Тарапоти осмотрел четыре ее ската. Теперь сумеет погубить Падмавати род Чандо! Из всех кузнецов Тарапоти был самым хитрым. Везде сделал дом непроницаемым. Лишь у засова оставил щелочку. Измерив, убедился, что можно легко вползти и уползти через нее. Так в одном месте проложил путь для смерти Локхаи. Сколько ни глядели кузнецы, задрав головы, нигде не увидели и крохотной щелочки. С крыши на землю спустился кузнец. Поспешил Чандо поглядеть на дом. Оглядел дом и обрадовался

Чандо. Нигде не заметил даже крохотной щелочки. Глядел Чандо на железный дом и безмерно радовался. Одарив кузнецов бегемотом и цветами, простился с ними. Простившись, заспешили [домой] кузнецы. Восседавая на змеиной колеснице, смеялась в небе Падма. Вознаградила Падма кузнеца Тарапоти. Долго не будет знать он горя! Глядя на дом, радовался Чандо. Вырыл вокруг дома ров [глубиной] двадцать два гаджа. Поставил по четырем сторонам заклинателей змей, перед ними испытывают великий ужас змеи. Посадил огромных птиц, глядеть на них — оторопь берет! Повстречаются [они] со змеями, схватят их и съедят. Повсюду разложили горное снадобье. Боясь его, бежит, теряя голову, сам Такшака. Ни о чем не горевал правитель царства Чандо. Везде поставил ворон стражами. Вороны все время каркали и озабоченно кружили вокруг дома. Громко кричали огромные птицы — павлины. Повстречаются [они] со змеями, схватят и съедят. Так был построен железный дом. Вернувшись домой, Чандо совершил омовение. Говорит Биджой Гупто: Певец, будь прилежен! На сей раз, брат, сказывай песнь лачари. (1—104)

Так кончается часть, [повествующая] о возведении железных покоев.

Свадьба Локхиндро

152.

лачари

Совершив омовение у дивной молельни, сотворил купец вридришрадху¹. Прочитал славословие Раме и Хари, держа в руках дурву, рис и гангскую воду. Поднес баньяновые листья с красной краской на них и почтил шестнадцать Божественных матерей²: Гаури, Падму, Шачи, Медху, Савитри, Виджаю, Джаю, Девасену, Сваху, Свадху, Шанти, Пушти, Дхрити, Кшаму, Атмадевату и Куладевату — так сотворил вридришрадху. По окончании жертвоприношения Божественным матерям стал творить шраддху-нандимукху так, как предписывается [обрядом] шраддхи. Насыпал в чаши из банановой коры высушенный на солнце рис и поставил эти чаши в ряд. Разложил бетель, бетелевые орешки, незрелые бананы морттоман³, а также положил сладкие кокосовые орехи. Восемь чаш и восемь дхоти поднес в награду [жрецу]; немного подумав, одарил [купец] своих приближенных. Сотворил Чандо [обряд] нандимукху, счастливы предки [купца], умножится [его] богатство! Подношения из серебра и золота принес казначей, отныне будет жизнь [Локхай] счастлива! Лицезрея Падмавати, радостно сказывает Биджой, к которому милостив Нараяна. (1—24)

153.

пояр

Сотворил купец нандимукху-шраддху. Поклонился Шяве и Дурге с радостным сердцем. Был безмерно щедр повелитель царства Чандо. Призвав брахманов, одарил их разными дарами. Пришло [к нему] певцов-восхвалителей и брахманов множество. Всех обласкал купец. Раздал купец даже незванным людям по одному пону. Подал столько же йогам-чужеземцам. Сидел купец с советниками и родными и радовался. [Тем временем] Локхиндор совершал омовение в покоех матери. Совершал омовение Локхиндор, а люди радостными криками приветствовали [его]. Теперь, сказывай, певец, дивным лачари. (1—12)

154.

лачари¹

Нежно, дивно, завораживающе звучали музыкальные орудия. Совершал Локхиндор свадебное благодарующее омовение. Держа перед собой золотой горшочек и зажженный светильник, сама Шонока пришла к сыну. Громкими возгласами славили женщины [жениха]. Пели повсюду жены благословения. Радостно женщины славили [жениха]. На золотом сиденье сидел юноша. Держал [он] в руках горшочек с водой, дурву и рис. Радостно творил Локхиндор благодарующее омовение. Умастили тело Локхаи мазью из кунжутного масла, амлоки, гилы² и куркумы и радостно облили водой. Дивно звучали разные музыкальные орудия. Творили жены [обряд] омовения [над женихом]. Прачка умастила золой восемь телесных членов [Локхаи]. И снова гангской водой омыли [жениха]. Когда омывали Локхаи, намокли [его] волосы. Сбросив мокрые одежды, надел [он] чистое дхоти. Воскурили благовоения из алойного дерева, сандала, чун и мускуса и высушили волосы [Локхаи]. На дивном сиденье восседал веселый Локхаи. Перед лицом держал Локхаи зеркало, украшенное драгоценными камнями. Громко кричали [ему] здравицу, звучали благодарующие песни и музыка. Купеческий цирюльник побрил [жениха]. Говорит Биджой Гупто: Певец, будь прилежен! Оставь лачари, пой песнь [стихом] пояр. (1—28)

155.

пояр

Сидел Локхиндор побритый. Пошел за Чандо ученый муж Шоман. Явились советники и семейный жрец [в покои Шоноки]. Сели вокруг Локхиндора. Принесли много разных украшений. Облачили Локхиндора в одеяние жениха. И сказал Чандо:

«Братья, слушайте мое слово! Снарядим войско и отправимся в Уджани!» Речь Чандо вызвала одобрение всех. Пустился в путь [Локхай] в свадебном наряде, и радовался народ. Сказал Чандо: «Послушай, сын, красавец Локхай! Отправляйся со свитой в Уджани». В свадебном наряде поспешил Локхиндор в Уджани. Теперь, певец, сказывай [стихом] лачари. (1—14)

156.

лачари

Дивно звучала музыка, нарядился Локхиндор и отправился в Уджани в свадебном наряде. Мриданги играли благословения, радовались жители царства, красивые одеяния надели. Благословил брахман [жениха], возложил на [его] голову дурву и зерна риса — суждена купеческому сыну долгая жизнь! Спешил на свадьбу сын, безмерно радовался отец, дивно наряжен сын. На голове золотая шапочка, на пальцах золотые кольца, на шее ожерелье из драгоценных камней и жемчуга. Сверкают браслеты на ногах — золотые браслеты, вдеты золотые серьги в уши. Благоухает умащенное мускусом и шафраном тело, глаза подведены сурьмой. На шее висит тяжелая гирлянда из цветов париджаты, выглядит [жених] самим Маданой. Украшают шею [Локхай] ожерелье из колокольчиков в виде банановых цветков, гирлянда из цветов дурмана, в левой руке держит [он] зеркало за ручку. Украдкой завязала [ему] в дхоти [Шонока] амулет, на голову возложила венки из цветов, поднесенных Чанди. На чужбину уезжает сынок — печальна и задумчива мать, стоит рядом и любит [его] красотой. Все советы, что знает, нашептывает на ухо Локхай, зубами прикусила палец ему на левой ноге¹. Куском старой сети обмотала чресла Локхай, надела железное кольцо на левую руку. Ликут жены; радостно сказывает Биджой, возложив [себе] на голову стопы Падмы. (1—28)

157.

пояр

В доме пребывал герой Локхиндор. Дабы снарядить войско, вышел купец наружу. «Берите!» — говорил он и одаривал всех бетелевыми орешками. Океан великой мудрости, [Чандо], умно вел свои дела. За две данды собрал [он] войско. «Собирайтесь, собирайтесь!» — трубил рог. С оружием в руках явился чужеземец Хасон. Непрестанно били [барабаны] дхол, призывая [народ] снаряжаться. Собрались и брахманы, взяв с собой астрологические календари и священные книги. «Идите, идите!» — трубил рог. Взяв в руки лопаты, собрались люди хари¹. Впереди с зажженными факелами шли четыре сотни рыбаков с сетями на головах. Надели пешки воины из Телинганы алые

дхоти. Громко и непрестанно гревели разнообразные музыкальные орудия. Ножки маленьких детей были украшены браслетами в виде макара. Сидя на руках у своих отцов, отправились [они] посмотреть на свадьбу. Шествовали телинганцы, безмерно гордясь собой. Держали на руке ловчих соколов. На глаза [сокола] надвинул колпачок, на лапках — башмачки. Бежали сотнями охотничьи собаки. Шло войско Чандо, заполонив всю землю. Со свитком в руках явился [к купцу] предводитель войска Руни. Развернув свиток перед Чандо, сказал Руни: «Слушай внимательно! Ослепительно сверкают заморские гнедые кони, украшенные золотом и серебром. На [их] лбах — серебряные луны, на шеях — жемчужные ожерелья. Шествуют семьсот горных лошадей. Мчатся кони быстро, со скоростью ветра. Идут три сотни буйных слонов. Идут три сотни ослов с кисточками на кончиках хвостов. Идут воины-лучники с огромными усами. Шествуют буйволы с огромными животами, семь тысяч черных антилоп, девять тысяч верблюдов. Идут девять тысяч верблюдов, множество моряков. Идут три тысячи торговцев благовониями. Наслаждаются царской роскошью все торговцы благовониями. Одни едут на слонах, другие едут в паланкинах. Идут четырнадцать сотен благородных кулинов². Идут три сотни [певцов]-бхатов³, девять сотен брахманов. В красивых нарядах, поставив корзинки с цветами на голову, толпою шествовали девять сотен садовников. Идут тринадцать сотен павлинов, распустив над головой хвосты, подобные свадебным уборам. Идут двести знахарей и заклинателей змей». Среди собрания громко читал записи [Руни]: «Идут четыре военачальника во главе двадцатисемитысячного войска. Идут четырнадцать сотен кузнецов, тринадцать сотен ткачей. Идут двести плетельщиков циновки и девять сотен маслоделов. С узлами сияющего [чистотой] белья на головах толпой идут двести прачек. Идут одиннадцать сотен пастухов, тринадцать сотен пахарей, девять сотен золотых дел мастеров, тринадцать сотен строителей бамбуковых хижин. Идут четыре сотни рыбаков, чернотелых, с волосками, [растущими] на кончике носа, и тринадцать сотен людей [из касты] дом. Идут четыре сотни веселых гончаров. Идет вместе с купцами сотня цирюльников. Идут семь тысяч танцовщиц в разнообразных нарядах. Идут одиннадцать тысяч йогов, о чем следует сказать особо. Идут саньяси⁴, вишнуиты, танцовщицы, портные. Идут царские астрологи с сумами на плечах. Идут двести плотников, триста пильщиков. Идут триста ремесленников, одиннадцать сотен ткачей. Наслаждаются царской роскошью люди города Чомпок. Едет [их] две с половиной тысячи в золотых и серебряных паланкинах. Идет народ и шумит. Едет восемьдесят каханов⁵ [горожан] на золотых носилках. Нет предела богатству жителей города Чомпок. Едет семь каханов [горожан] в золотых паланкинах. Путь в город Уджани пересекает Гаяга. Едет семь каха-

нов жителей на золотых колесницах. Слышится неимоверный шум, кажется, то грянула буря. Идут девять сотен моряков, тринадцать сотен мужчин. По-разному звучат музыкальные орудия — слушать [их] великая радость! Идут двести [барабанов] дхак и около сотни мриданг. Ничего не слышат уши, кроме грохота музыкальных орудий. Идет войско Чандо и шумит. Идет воинов так много, как никогда! Коли одному считать — шесть месяцев потребуется! Как мне рассказать, сколько [людей] собрал Чандо? Девяносто два раза по сто тысяч и еще семьдесят тысяч [людей]! Повелел Чандо: «Не медли, военачальник! Ступай со всеми своими бумагами поглядеть на свадьбу!» Пошел и купец вместе с военачальником. Пришел [Чандо] домой, чтобы подготовиться к свадебному шествию. Сказал Чандо: «Слушай, сын, красавец Локхай! Отправляйся, сынок, в Уджани!» Собрался народ на свадьбу при счастливом сочетании светил. Поклонившись отцу и матери, семейному жрецу, отправился, безмерно радуясь, Локхай в Уджани. Теперь скажешь, певец, печальным лачари. (1—92)

158.

*лачари*¹

Прощаясь с матерью, [сказал Локхай]: «Слушай, матушка, простись [со мной], уезжаю я в город Уджани!» Отвечала мать: «Послушай, сынок, герой Локхиндор! Твоя поездка в Уджани пугает меня». Слова сына не принесли успокоения сердцу Шоноки. С возгласом «О сын!» упала [она] навзничь на землю. «Уезжаешь, сынок, в город Уджани — не верится мне, что вернешься назад. Не забыть мне угрозы Парвати². Ужалит тебя змея в свадебную ночь! Как же мне, несчастной, расстаться с тобой!» — рыдала в голос [Шонока], [металась], будто тигрица, потерявшая детеныша. Все увещевали [Локхай]: «Останься, останься, вернись домой! В свадебную ночь тебя ужалит кобра». Уговаривала йогини [Шонока], держа перед собой поднос: «Отправись сейчас в Уджани — добром это не кончится! В южной стороне ползают змеи. Во время свадебного шествия, извиваясь, заползут они в свиту. Страшусь, сынок, твоего путешествия в Уджани. Остается [мне] несчастной лишь смотреть на дорогу». На коне отправился Локхиндор в Уджани. У стоп Моноши рассказывает вайдья Биджой Гупто. (1—22)

159.

пояр

Ехал юный Локхиндор в свадебном наряде. Ликующими возгласами приветствовало [его] царство Чомпокногор. Бесподобен город с названием Биджаяногор. Имя его властителя — купец

Хори. По касте [он] торговец благовониями¹. Купцу [Чандо] приходился родственником — двоюродным братом по матери. Страна его далеко — быстро не доедешь. Потому братья не были знакомы. [Держали] зонтик из цветов над головой Локхиндора, одетого в свадебный наряд. Увидел его купец Хори, взволновался: «Мимо меня хотите проехать — это довольно странно! Все войска [я] встречаю бетелем и бетелевыми орешками». Сильно разгневался купец, охрип в споре. В рог затрубив, приказал [своему] войску собираться. «Снаряжайтесь, снаряжайтесь!» — звучал клич. По касте [Хори] торговец благовониями, нет предела [его] богатству. На коне появлялся повсюду купец Хори. Держа четырехгранный меч в правой руке, громко кричал [он]. Кричал купец Хори: «Слушай, брат-сват! Кроме бетеля и бетелевых орешков, у тебя нет ничего!» Гремел и рычал купец Хори, держа в руке четырехгранный меч. Дергались покрасневшие в гневе глаза. Отвечал Чандо: «Эй ты, никчемный человек, послушай! Глупый купец Хори — обыкновенный человек. Обыкновенный человек живет в [этом] городе. Неужели из-за него собрал я войско? Его поведение сильно рассердило меня. [Видно], ввело его в обман какое-то божество. Не страшится плут за свою жизнь, держит надменные речи. Ради достойного дела направляюсь я в Уджани. Лишь поэтому я ему не опасен. Стоит моему войску только захотеть, и оно предаст огню и превратит в пепел все его царство. Глупый купец Хори ничего не понимает. Выставил против меня кукольное войско». Ревел и гремел Чандо, все рассчитав. Громко кричал: «Слушай, купец Хори!» Сказал Чандо: «Слушай, глупый купец Хори! Ради тебя я не могу задерживать войско!» Безмерно обрадовался купец Хори. Теперь, брат, сказывай дивным лачари. (1—22)

160.

лачари

Припев:

Слушай, глупый купец Хори!
 Со своей ратью [я] сумею разбить твоё войско!
 Что ещё мне сделать с тобой?

«Бесподобен по своим достоинствам город, названный Чомпок, я, Чандо, — его правитель. Со своим войском, брат, иду в город Уджани — как ты можешь помешать мне? Локхиндора, моего сына, красотой и добродетелями [никому] не превзойти — как ты можешь помешать? От тебя отвернулся всевышний, лишил звания правителя — раз оказался ты на моем пути. И что за войско у тебя — просто городской люд собрался и пришел воевать. Помчится моя рать — [всех] затопчет, в ужасе обратятся все в бегство. Ты, презренный шакал и плут, вступаешь в бой

со львом, меня решил остановить, негодяй! Бесчисленное мое войско заполнит твой город, сегодня же сломаю тебе шею!» Отвечал правитель: «Господин, так не пристало [говорить]! Скажи, что следует делать? Я — ничтожен, ты — велик, вот сойдемся в бою, увидим, кто велик, а кто ничтожен. Гнев бесплоден, ступай домой — ничего не дадут распри». Так говорил купец Хори, весело рассмеялся Чандо. Радостно слагает [песнь] Биджой Гупто. (1—24)

161.

пояр

Сказал Чандо: «Взгляни, брат, вот бетель и бетелевые орешки. Расскажи собранию о бетелевых орешках! Коли сможешь поведать сказ о бетелевых орешках, поднесу [тебе] золотую шкатулку, наполненную бетелем и бетелевыми орешками. А уж коли не сумеешь поведать о бетелевых орешках, то сочту это за [твое] поражение и отрежу [тебе] оба уха». Так ученый купец легко догадался о тайном желании [Хори]. Повели оба купца беседу на равных. Биджой Гупто говорит: Певец, будь прилежен! Оставь пояр, сказывай песнь лачари! (1—10)

162.

лачари

[Стоя] перед Чандо со сложенными ладонями, повел [Хори] речь как подобает. Поведал собранию сказание о том, как появились бетелевые орешки¹: «[Случилось это] благодаря подвижничеству царя Бали² в подземном мире и благодаря царям Кришне и Юдхистхире. Поклонялись все стопам Кришны с любовью в душе. Молили об одной вещи, а обрели три — так произошло единение! Сын Деваки³ принес бетелевые орешки, порошок имбиря и куркумы. Одарил Кришна, посадил Юдхистхира, милостью Кришны стала плодоносить арековая пальма. Слушай, купец Чондродхор, не медли — вот и рассказано сказание о бетелевых орешках!»...⁴. Биджой Гупто сказывает у стоп Моноши, весело все внимают. (1—20)

163.

пояр

Радовались Чандо и купец Хори. Слушая [сказание], радовался весь народ. Выслушал [Чандо] из уст купца сказание о бетелевых орешках и поднес золотую шкатулку с бетелем и бетелевыми орешками. Дом Шахе находился [оттуда] в двух дандах пути. Миновав [пруд] Муктошар, достигли дома Шахе. Полагалось готовиться к свадьбе задолго до наступления суме-

рек, и было очень шумно на женской половине Шахе. Богачом и великим купцом был Шахе. Имел Шахе слонов и коней больше, чем Чандо. Обладал Шахе не меньшими, чем Чандо, сокровищами. Словно полчище муравьев, зашевелилось войско Шахе. Встретились оба войска, будто смешались воды двух океанов. Среди женщин выделялась умом Шумитра. Еще днем совершила [она] благодарующее омовение Беулы. Так же как было сотворено благое омовение Локхаи, совершила Шумитра благодарующее омовение Беулы. Когда мать Беулы увидела, что приехал жених, то разными украшениями украсила тело Беулы. Приехал на коне Локхиндор, сын Чандо. Прибыли купец Хори и другие пять сыновей Шахе. Уселись [они] в ряд по правую руку от Локхаи. Вели [они] умную беседу. Чандо, властелин страны, не робел перед богатством [Шахе]. Семь раз ниткой обернули стан [Беулы]. А тетки и сестры [невесты] впряглись в плуг¹. Головы всунули в старое ярмо. «Воистину Шумитра велико мудра!» — говорили все. [Той ниткой] связали верхушки двух банановых пальм. Очистили бананы от кожуры и сварили. Этим снадобьем коснулись тела [невесты], дабы сыскать для дочери Шумитры благодать — рождение сыновей. Спилили рога с головы коровы. Коровьим навозом, смешанным с глиной, обмазали место², где будет сидеть жених Беулы. Справа положили листья баньяна, слева — цветы кейи. Посадили с четырех сторон банановые пальмы³. Играли музыкальные орудия пяти родов. Радостным вступил в дом Локхаи. Купец Хори, сын Шахе, был знатоком обычаев. Помог [он] Локхиндору сойти с коня на землю. Впереди шествовал Чондродхор, за ним шел Локхаи, по левую руку [от него] — купец Хори, по правую — Шомаи. Шли, дрожа [от возбуждения], люди с Локхиндором. Быстро прошли люди [Чандо] в дома. Увидели это родные Шахе, взяли в руки кнуты. Закрыли двери во дворец. Поступью слона шел Локхаи, а купец Хори глядел на него. Семь раз, раз за разом, обмерили ниткой стан [жениха]. Невозможно отказать в просьбе купцу Хори! Теми нитками связали ноги жениху. Увидел [он] слева, как падают [впряженные] в плуг [жены]. На шеях [их] старое ярмо. Сердился Локхаи, а купец Хори смеялся. Держась за руку купца Хори, вошел Локхаи в дом. Покои Шумитры, назывались «Утренняя звезда». Там все было готово для свершения свадебных обрядов. Сидели по разным сторонам два ученых мужа по имени Гонгадхор и Шомаи, два семейных жреца. Лицом оборотясь на север, сидел купец Шахе. Лицом оборотясь на восток, сел сын Чандо. «Кланяюсь тебе, купец», — сказал купец [Шахе]. «О добродетельный!» — отвечал сын Чандо. «Будь благословен!» — сказал купец. «Да будет так!» — отвечал Локхаи, возрадовавшись в душе. Поднесли [жениху] воду для омовения ног и рук, для полоскания рта, плоды, бетель, одежды и разнообразные сокровища. Гонгадхор

читал молитвы, Шомаи толковал [их]. Поднесли [они] воду для омовения ног, полоскания рта и мадхупарку. Все, что положено по шастрам, прочли. Совершался обряд благословения жениха — ликовал душой Шахе. С двух сторон стояли рядами жены. Призвали знатных жен для обряда благословения жениха. В руках одних — рис, в руках других — горшочки [с гангской водой]. Вместе с женами приблизилась [Шумитра] к жениху. В прикосновениях к жениху в свадебный день нет греха! Так со смехом и шутками сотворили обряд благословения жениха Беулы. Приятно было смотреть, как Шумитра творила обряд благословения жениха. Теперь, [певец], сказывай песнь [стихом] лачари. (1—80)

164.

лачари
рага Монгол

Припев:

О жены, ступайте благословить Локхай!

Нежно звучали мриданги; облачившись в шелковые одежды, готовила Шумитра обряд встречи [жениха]. Сплошь украшенные драгоценностями, словно небесные видьядхари, медленно выступали жены: Комола, Бимола, Шоти, Пробха, Бханумоти, Тара и Роти, Рохини, Рукмини, Шарода, Борода, Бама, Чондрорекха, Шоттобхама — шествовали четырнадцать брахманских жен. Пришли жены сыновей [Шахе], прекрасные, как видьядхари: Боллобха, Нилаботи, Монорома. Пришли Джоша, Борода, Джаммуботи, Бхобани, Шибани, Роти, Чондрорекха и Бханумоти. Пришли также Анонда, Шононда, Медха, Мадхоби, Малоти, Радха, Торола, Шорола. Разве кому-нибудь ведомы имена всех жен, что пришли сотворить обряд благословения жениха?..¹ Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой Гупто, весело внимают [ему] собравшиеся. (1—20)

165.

пояр

Весело шумели жены. Подвела Шумитра сурьмой глаза Локхай. Лучше всех жен знала Шумитра [тайнство] благословения жениха. Семь раз измерила [она] ниткой тело [Локхай]. Поглядывали жены из-под шелковых покрывал. Поднесли [жениху] кокосовое молоко. Во время свадьбы сотворили [обряд] борон. Держа в руках чаши [с благовониями], жены помазали [благовониями] чело [жениха]. Творя [тайнство] благословения жениха, Шумитра испытывала смущение. Упал на землю зонтик, что держали над головой Локхай. Когда жены увидели прекрас-

ное, дивное лицо Локхаи, стрелы Камы пронзили их. Пришла [туда] жена по имени Радха. Дома у нее муж дурак. Пришла и жена по имени Рои. На всей голове у нее лишь два волоска. Пришла и жена по имени Шору. Прибирала [она] в хлеву, и корова сжевала [у нее] косу. Пришла и жена по имени Нила. На всей голове ни одного волоска, шея сморщена. Пришла и жена по имени Руи. Изрыты множеством оспин ее щеки. Пришла и жена по имени Рупай. [У нее] такие втянутые щеки, что [их] не видно на лице. Пришла и жена по имени Чуя. Когда [она] выходит из дому, то головой задевает притолоку. Еще одна пришла жена и сказала: «Напрасно я живу! Не выходит из дома муж, но и не умирает. Не ходит, да и не живет, и всегда зол. Ни у кого нет такого красивого тела, как у Локхаи. Увидела его — и дрожь охватила всю меня. По кускам принесу себя в жертву к стопам Локхаи. Нет дела [мне] до мужа, здесь побираться! Прося подаяние, пойду в страну Локхаи. Буду просить милостыню, но ради своего счастья. Постоянно буду любоваться лунным ликом Локхаи». Еще одна жена сказала: «Моя сокровенная мечта — стать шелковым одеянием Локхаи, дабы всегда касаться его. Будь [он] прохладной водицей, [им] бы чашу наполнила и всю выпила. Будь [он] спелым большим бананом, от кожуры очистила бы его и съела. Хочу глаза [свои] наполнить красотой Локхаи. Будь Локхаи мягким сахарным тростником, всего б его сжевала. Ежели б Локхаи сейчас взглянул на меня, принесла бы в жертву Дурге козу и самозабвенно помолилась бы [ей]!» Так шумели жены. Тут пришла одна старуха, околдованная Маданой. И другая старуха пришла, опираясь на клюку. У обеих были плешивыми головы. Сказала одна старуха [другой]: «Уж очень ты стара! На голове у тебя две волосинки!» — «Что тут за девушка называет меня старой? Я старуха, а у другой голова, что ли, обрита? Старость, когда ноги дрожат. Сока больше в спелом лимоне! Я без труда ем рис в мужнином доме. Могу еще сделать так, что Локхаи и не вспомнит имя Беулы. Пусть останется на несколько дней во владениях Уджани, сумею глазами завлечь [его] на лужок в банановой роще. А будете сплетничать, упи надеру! Что я молода, Локхаи знает в душе». Биджой Гупто славит стопы Моноши. Жены, пронзенные стрелами Камы, толпились [вокруг жениха]. (1—60)

166.

Припев:

Спорили друг с другом старухи.

«Что за проклятая греховная страна, из-за болезни седеют волосы [до времени], потому-то народ и обзывает старухой. От долгого жевания бетеля и из-за болезни выпали зубы, а народ,

того не зная, обзывает старухой. От страшного недуга день ото дня сохнет кровь — потому сморщилась кожа. Поколочу и по щекам отхлестаю того, кто обзовет меня старухой», — говорила так седоголовая старуха, пронзенная стрелой Камы и доведенная до отчаяния. Сказала старуха с горбом на шее: «Нет [у меня] желанья ссориться с вами! Но коли говорить правду, обняла бы [я] Локхай и горе свое позабыла бы. Нет смысла говорить о моем возрасте — безжалостен ко мне всевышний. Вот бы заполучить юного Локхай и насладиться любовью с ним, тогда бы стало ясно, кто стар, а кто молод». Шутили старухи, втирали черную краску в волосы, потом шли за водой отмывать свои тела, [запачканные краской]. Всю сажу с горшков извели старухи, пронзенные стрелами Камы. Лицезрея Падмавати, весело рассказывает Биджой; внимая ему, смеется народ. (1—24)

167.

пояр

Радовался народ в доме Шахе. Играло пять разных музыкальных орудий. Звучали бхеур¹, мриданга, бил [барабан] дхол. Достигали города богов звуки музыкальных орудий. Свадьба сына Чандо — особая радость! Прибыли на небесных колесницах боги, дабы увидеть свадьбу. Слава, слава Локхиндору, сыну Чандо, посмотреть на свадьбу которого явились боги! Поглядеть на свадьбу явились, радуясь, боги. Поет Биджой Гупто хвалу стопам Моноши. Быстро примчались на колесницах боги в Уджани. Теперь, певец, рассказывай сказание [стихом] лачари. (1—12)

168.

лачари

Дивно [звучали] разнообразные музыкальные орудия, поглядеть на свадьбу Локхиндора явились боги. Ехал Праджapati¹, а с ним все боги — ехали боги с радостными сердцами. С раковинной, диском и палицей в руках [ехал] Говинда на колеснице, [запряженной] Гарудой, слева [от него сидела] Лакшми, справа — Сарасвати. На быке ехал Шанкара с ожерельем из огромных костей на шее, полыхал огнем [его третий] глаз. Принарядились небесные девы и в устье Ганги сотворили обряд борон над богами, собравшимися вместе. Впереди всех, оседлав мышь, ехал Повелитель ганов, синдуром [раскрашено] безволосое тучное тело [его]. На лани ехал Павана², в колеснице, запряженной семью конями, мчался Создатель дня, сам как огонь. Оседлал Карттикея павлина, поступь [его] торжественна и прекрасна, на небесной колеснице ехал Повелитель богатств³. Плясали [ведуньи]-видьядхари, пели песни гандхарвы — собралось десять миллионов богов. На Айравате ехал Повелитель богов⁴. Весело

ехало множество богов на колесницах по небесному пути — буд-то завесой закрыло небо. Увидели [боги] Локхаи и глубоко задумались. Слава, слава сыну Чандо! Повелел царь богов — и в небе забили [барабаны] дундубхи, дождь цветов посыпался с неба. Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой, весело внимает ему народ. (1—28)

169.

Одни смеялись, другие пели, третьи [просто] радовались. Услыхала [о свадьбе] Моноша, обеспокоилась ее душа. «Нета! — позвала Мать, От-яда-исцелительница. — Приготовь колесницу, поеду поглядеть на свадьбу. С малых лет Беула — моя раба. Коли не увижу ее свадьбу, буду сильно горевать». Спешила Падма поглядеть свадьбу. На сей раз, брат, рассказывай сказание [стихом] лачари. (1—8)

170.

лачари

«Поспеши, Нета, [мы] едем в царство Уджани!..¹. Непрерывно играет музыка и волнует душу — женится красавец Локхаи. Послушай, дочь прачки, что скажу тебе, Беула необычная раба. С малых лет поклоняется мне, и, коли нынче не приду на ее свадьбу, изведется от горя [моя] душа. Тридцать раз по десять миллионов богов с радостными сердцами собрались и приехали, дабы увидеть свадьбу. Хочу, чтобы [ты] поскорее приготовила колесницу, еду поглядеть на свадьбу, [иначе] не смогу свое сердце успокоить». Отвечала Нета: «Зачем лукавишь, От-яда-исцелительница, подлю так притворяться. Разве я не знаю правду, не лги о любви к своей рабе! Свадьба сына Чандо — вот что сильно тебя заботит, потому-то и в Уджани собираешься. Раз ты едешь в Уджани, то догадываюсь, какое несчастье случится, из-за кого и по какому делу [туда] отправляешься. [Там] Брахма, Нараяна, Хара, Индра, Чандра, Создатель дня, Кубера, Варуна, Хуташана. Сложив умоляюще ладони, прошу тебя, прости единожды, пусть боги поглядят на [свадьбу] да повеселятся!» Речь Неты запала в душу Моноши, смеясь, молвила [она]: «Скажи, о каком деле толкуешь! Еду я в Уджани, дабы вместе с богами поглядеть на свадьбу. Зачем подняла шум?» Выслушав речь Падмы, засмеялась Нета: «Прекрасно, прекрасно, благочестива дева Моноша!» Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой, к которому милостив Нараяна...². «О Хари, Хари!» — повторяла Нета, уговаривая Моношу помочь Беуле. (1—36)

171.

пояр

Припев:

Мать, Моноша, дочь Шивы, невозможно тебя остановить!
Поспеши взойти на колесницу!

Сказала Нета: «Говорю тебе, Падмавати, нет змей, дабы снарядить колесницу!» Кому дано понять намерение Падмы! Призвала богиня множество змей. Повелела Падма: «Нета, будь внимательна! Из этих змей снаряди колесницу!» Такой приказ получила Нета от Падмы. Приготовила Нета колесницу для Падмы. Снарядила Нета дивную колесницу. На змеиной колеснице быстро мчалась Падмавати. На ней [надето] прекрасное сари, стан [опоясывает] Такшака. На груди ожерельем [лежал] змий Курувака. Как канчали надела извивающегося Ариялу. Змий Панду ей [заменил] корону, змий Шанку — браслет из ракушек. Змием Кали, как сурьмой, обвела глаза. Змий Гамбхур и Гомбхур изображали знамя и стяг. Сверкали огромные змии. Везли колесницу змии Удойкал и Мохакал. Спешила в Уджани поглядеть на свадьбу Падмавати. Теперь сказывай, певец, сказание [стихом] лачари. (1—20)

172.

лачари

Слава, слава прекрасной! Выступала дочь Шивы, все [ее] тело украшено змеями, одеяние из джута. [Сказала Падма Нете]: «Увидишь свадьбу Локхаи, почему же печалится твоя душа? Спешите же [змеи], вы увидите свадьбу Локхаи и Беулы!» Держа Нету за руку, взошла [Падма] на небесную колесницу. Десятки миллионов змей впряглись в [колесницу] и помчались по небесному пути. Со скоростью ветра мчалась колесница, так [Моноша] присоединилась к богам. Сказали боги: «Если Моноша явилась — быть несчастью!» Рассмеялась Чанди и сказала: «Не шутите, чтоб не было хуже! Поглядеть на свадьбу приехали все боги. Не сделай Беулу, [о Падма], юной вдовой!» Пребывала на небесном пути [Моноша], безмерно радуясь душой, отвечала на речь матери восхвалением, оставаясь там...¹. Виджой Гупто говорит: В это время милостью Моноши взошел в небе диск луны. (1—16)

173.

пояр

Время клонилось к сумеркам. Разнообразные музыкальные орудия славили [жениха и невесту]. Усадили Беулу на красивое сиденье. [На нем] родные вынесли [невесту] наружу. По-

спешили все выйти из дома. Неподвижно сидела Беула, обратясь лицом к небу. Радовался весь народ свадьбе Локхай и Беулы. Отведя покрывало, жених и невеста обменялись благодарующим взглядом. Непрестанно и громко гремели разные музыкальные орудия. При счастливом сочетании светил Локхай и Беула впервые увидели друг друга. Пристально глядел Локхай на Беулу. Словно возшла полная луна. Обрадовался Локхай, увидев лик Беулы. Словно расцвел лотос на рассвете. Смотрел народ на свадьбу Локхай и Беулы. На сей раз, [певец], сказывай сказание [стихом] лачари. (1—16)

174.

*лачари
рага Монгол*

Припев:

Хвала и слава, слава!

Локхай и Беула обменялись благодарующим взглядом. Пришло время свадьбы, нарядили Беулу, радостными кликами народ приветствовал [ее]. Возшел в небе месяц, дабы полюбоваться убранством Беулы, а [посрамленное] солнце село на западе. Радовался Шахе, не отрывая глаз глядела [на жениха] Беула, обменялись Локхай и Беула цветочными гирляндами¹. Смотрел народ и говорил: «Не уступит красотой и добродетелями Беула прекрасному сыну Чандо!» Знала Беула [весь] свадебный обряд. Семь раз старательно обошла вокруг жениха. Как научила мать, с любовью семь раз прилежно поклонилась стопам жениха. Взяла зеркало в руку, повязала красную нить на запястье [жениха], подвела сурьмой глаза [ему]. Смотрел народ и говорил: «Как чудесно», радовалась Беула, священной книгой о Чанди коснулась чела [Локхай]. [Свершилась] свадьба прекрасной Беулы, двумя пальцами дотронулась [она] до бобов и горчицы — сразу заплодоносили [они]. Смотрел народ и хвалил прекрасного сына Чандо, восхищался разными цветами...². Славил народ [новобрачных], счастливо глядел [на них] Чандо, радостно взирали боги. Лицезрея Падмавати, весело сказывает Биджой, к которому милостив Нараяна. (1—28)

175.

пояр

В несчастливый миг явились боги! От взгляда Падмы сломался зонт над головой Локхиндора. Видели люди, что не было ни бури, ни ветра. Почему же вдруг сломался зонт над головой [жениха]? Завопил народ в великом горе. Уж не беседовали

радостно Чандо и Шахе. Великое несчастье, [когда] во время свадьбы ломается зонт! Тяжело вздохнула оставшаяся в доме Шумитра. Рыдали боги на небе: «Не видели [мы] никогда, чтобы во время свадьбы ломался зонт». Тогда, усмехнувшись, сказала Богиня, Махамайя: «Обо всем этом спросите у Моноши!» Долго боги смеялись над словами Богини. Никто [из них] не остался, все разъехались по домам. Все люди знают змия по имени царь Ахи¹. Его капюшон [измеряется] двадцатью семью йоджанами. Хорошо знала Падма, как добиться своего. Беззвучно призвала Падмавати [Ахи]. Раздув капюшон, приблизился змий. Тогда сказала богиня Падмавати: «Отведай, змий, [моего] бетеля с бетелевыми орешками! Обманом возьми жизнь Локхаи!» Лишь получил [Ахи] такое веление, раскрыл [он] над головой Локхиндора свой змеиный зонт. Никогда не избежать предначертанного всевышним! Увидел Локхиндор змеиный зонт над [своей] головой. Был велик страх у сына Шоюки перед змеями. «Змея, змея!»— крикнул Локхаи и потерял сознание. Сказала Беула: «Господь, что ты сделал со мной? Почему [мой] повелитель унал на свое сиденье?»

Припев:

Не пугай [меня], не пугай, господин!

Обменяйся, душа, со мной цветочной гирляндой!

Разве кто в силах разгадать колдовство Моноши? Змеиным зонтом бросила Моноша тень на Локхаи. Никогда не избежать предначертанного! Увидел Локхаи змеиный зонт над [своей] головой. «Змея, змея!»— крикнул Локхаи громко. «Змея, змея!»— крикнул Локхаи и потерял сознание. [Закричала Беула]: «То не змея, господин, а тень от месяца! То не змея, господин, а тень от раковины! То не змея, господин, а тень от свадебного полога! То не змея, господин, а тень от цветов!» Увидел Локхиндор рядом с собой смертельно ядовитую змею и потерял сознание, не подавал признаков жизни. Положили Локхаи под свадебным навесом. Биджой Гупто говорит: Спаси, о Мать, От-яда-исцелительница! Потерял сознание Локхиндор, большое горе причинил всем. Сказывай, певец, плач Чандо печальным лачари. (1—68)

176.

лачари¹

Припев:

Потерял [я] сына на чужбине!

Обняв сына, рыдал купец Чандо: «Не вернусь [теперь] в город Чомпок! Самозабвенно поклонялся я Харе и Гаури. Не сквернословил, не разбойничал. Шестерых сыновей ужалили

змеи, но устоял [я] в горе. Смерть Локхаи разрывает мне сердце! Уже во второй раз угас огонь души. Отныне сократилась земная жизнь Шоноки. Узнав, что растекался смертельный яд по телу Локхаи, заплачет и умрет твоя мать. Заплачет и умрет Шопаи, разлучась с тобой. Расстанется с жизнью Шоаи, получив весть о тебе. Привез я такое сокровище и кому отдал? Кто же наслал на меня проклятие — горевать по сыну? Приехал сынок, надев свадебный наряд. Не возвратиться сыну в город Чомпок! Продену серьги в уши, возьму в руки бамбуковый посох². Буду бродить по земле из страны в страну, прося милостыню. Привел [я] в город богатых купцов из Чомпока. Нынче же от горя по сыну умру». Говорит Биджой Гупто: Певец, не сотвори беды! По вине твоих уст несчастен Чандо. Горюя по сыну, совсем растерялся Чандо. Задумалась Беула, какая еще грядет беда. Так и этак прикидывала Беула и решила. Поспешила Беула в город Моноши. Оплакивал народ Локхаи, потерявшего сознание. И никто не заметил, как ушла Беула. Страдая от горя, спешила Беула. Быстро дошла до города Моноши. Тот, кто обладает [магической] силой, ведает и божественное предопределение. О том, что к воротам пришла Беула, знала Моноша. И сказала Падма: «Слушайте мое слово, змеи! Дурно чувствую себя, разболелась [у меня] голова. Когда болит голова, плохо я себя чувствую. Приходится слишком много слушать разных разговоров. Ступайте к моим дверям и прилежно охраняйте [их]! Пока сплю, никого не пускайте во дворец!» Услышав речь Падмы, рассмеялись змеи. Изнутри змеи закрыли ворота на засов. И, хлопнув в ладоши, преспокойно уснули. Стояла Беула снаружи и громким голосом звала. Кричала Беула: «Кто из змей сторожит ворота? Я несчастная женщина, дочь Шахе! Среди людей нет такой, как я, рабы у Моноши! Откройте ворота, и [я] войду в город!» Никто не ответил Беуле. Сильно рассердилась Беула и ударила по воротам. Сказал [тогда] Дхаму: «Беула, неизменно ты прислуживаешь Моноше, но на сей раз огнеслась непочтительно к ее желанию. Сейчас же уходи, здесь нет никого! Много сомнений в [твоей] душе, потому запрещено открывать ворота. Только Нета осталась с богиней, больше никого нет! Нынче тебе не увидать Падму!» Отвечала Беула: «Передайте Падме! Отец поклоняется Шиве, я же его дочь. Не стану творить пуджу Моноше, что мне терять!» Призадумался Дхаму над словами Беулы: «Кто посмеет потревожить сон Падмы? С малых лет Беула исправно почитает [ее]. Прогнать Беулу — получится скверно. Я знаю, Моноша милостива к Беуле. Вернется домой Беула, потом это обернется бедой!» Сказал Дхаму: «Змеи, вы здесь побудьте! Пойду к Падме и расскажу обо всем!» Сидела От-яда-исцелительница на троне, украшенном драгоценными камнями. Поклонился змей-привратник Дхаму, молитвенно сложив ладони. Молвил Дхаму: «Слушай внима-

тельно, Падмавати! Сердится [Беула] у дверей. Свадебные украшения так и звенят на ней. Не повидается с тобой, разгневанной уйдет!» Все слова, что были сказаны [Беулой], точно передал Дхаму. «Зная обычай, поступи, как душа подсказет!» — так хитроумно напомнил Дхаму [Моноше] о сокровенном. Не отвечала Падмавати, гневно сказала Нета. Сказала Нета: «Падмавати, у тебя дурные помыслы! Ведь Беула, служившая тебе, в таком горе! Доверил Шива [тебе] Ушу, дабы преодолела [ты] вражду Чандо. Привела ее в мир смертных и так поступила с ней! Разгневанной уйдет домой Беула, призови же [ее]! Сохрани жизнь Локхаи, умершему под свадебным навесом! Единжды осчастливь Беулу и отпусти домой!» Речь Неты смягчила душу Падмы. Рукой поманив [привратника], сказала Падма: «Приведи Беулу». Слова Моноши обрадовали Дхаму. Быстро побежал к Беуле. Сказал Дхаму: «Разрешила Падма, ступай в город». Сказав так, распахнул Дхаму ворота. Быстро бежала [Беула] по городу Моноши. А Падма лежала, натянув покрывало на голову. Воскликнула Беула: «О Хари, Хари, о Гопал, Говинда! Ты дочь бога, а ведешь себя дурно. Неужели нет рядом с тобой доброго человека, который запретил бы [тебе] спать в сумерки?» Биджой Гупто говорит: Певец, было очень забавно. Плач Беулы поведай печальным лачари! (1—100)

177.

лачари

Припев:

Лихорадит от яда тело моего мужа!

«Смерть супруга — дело твоих рук, [это] хорошо знаю! Как задумала, так и сделала, и умер [мой] муж в Уджани. От боли голова раскалывается у моего господина, от яда лихорадит все тело! Множество богов и жрецов приехало [на свадьбу] — сейчас горюют все. С малых лет поклоняюсь твоим стопам, зачем же [ты] наслала беду? У твоих стоп, что сказать мне: единожды сотвори добро для Беулы! Под свадебным навесом умер супруг — громко рыдает [его] отец. Такое горе наслала, нет в тебе милосердия, жестокое у тебя сердце! Жила [я] в граде богов, прислуживала Шиве, зачем привела [меня] в мир смертных — вот и лицо твое побледнело! Ведь перед богами поклялась, что не причинишь мне горя. А сама обманом лишила жизни моего господина, как подумаю — сердце разрывается. О богиня От-яда-исцелительница, дочь Шивы, нет в тебе и крохи доброты! Сложив молитвенно ладони, шлю хвалу тебе, единожды смилуйся!» Сказывает Биджой Гупто у стоп Моноши. Смилуйся, Падмавати! Лишь с помощью Беулы освободишься от ненависти [Чандо], верни же ей мужа! (1—28)

Улыбнулась Нета Беуле [и сказала]: «Такая беда случилась, и ты не можешь не волноваться!» Сложив умоляюще руки, говорила Беула Падме: «Вот к каким уловкам ты прибегаешь, чтобы обмануть тебе поклоняющегося. Чем я провинилась перед тобой? Примерно наказала меня Мать, От-яда-исцелительница. Но нынче не поняла твое горькое предопределение. В час несчастья смилуйся и скорей убей [меня]! У ног твоих я умоляюще складываю ладони». Повернулось во сне тело Падмавати. [Продолжала Беула]: «Одарила [ты] меня своей милостью, а нынче не узнаешь. Явилась [ты] в город Чомпок, дабы ужалить Локхай. Дочь Великого бога, а свое обещание не сдержала! Зачем во время свадьбы устроила переполюх?» Проснувшись, села [на ложе] Падма. В поклоне распростерлась на земле Беула: «Столько говорила, а ты все не отвечаешь! Возложу на тебя вину за убийство жены¹¹» Гордо вела себя Беула перед Падмой. Разорвала Беула на себе канчали. Не отвечала Падма, и сердце Беулы терзало [горе]. Ножом порошинхо отрезала [она] обе свои груди. Положила их на поднос и поставила перед Падмой. Текла потоком кровь по телу [Беулы]. И тогда не произнесла ни звука Мать, От-яда-исцелительница. Сорвала с себя Беула гирлянду цветов кораллового дерева. Ножом порошинхо вознамерилась перерезать себе горло. Испугало Падмавати поведение Беулы, [потрясло] до глубины души. «Постой, постой!» — крикнула [она] и схватила Беулу за руку. Сказала Падма: «Беула, чем ты недовольна? От страха потерял сознание Локхай, неужто я виновата? Не любит народ, когда жених на свадьбе [сидит] с непокрытой головой. Вот и поспешила [я] раскрыть змеиный зонт над ним. Оживлю твоего мужа, не сомневайся. Сколько горя принес мне купец Чандо! Слушай с открытой душой, все тебе поведаю. Протирая руки, молила я [Чандо] о цветах и воде. Не подал ни цветов, ни воды, да еще обозвал Кривой!» С печалью в сердце рассказывала Падма о своем горе. Тихо сидела Беула, опустил голову. Прекрасно описала [богиня] Беуле свое несчастье. Вручила [она] Беуле сломанное опахало. Большой удачей для Беулы было получить сломанное опахало. Даже покойник, что месяц как умер, оживет, когда [его] обмахнут [этим] опахалом. Безмерно обрадовалась Беула, получив опахало. Наполнила [она] кувшин водой, которой были омыты стопы богини. Сказала Беула: «Послушай, От-яда-исцелительница! Ни о чем другом я не думала, лишь о том, что только твоей милостью оживет супруг. Отрезала обе груди, плоским стало тело. Увидит меня муж без груди, не похвалит». Сказала Беула: «О Падмавати, я твоя рабыня! Страхусь поведать тебе еще об одном. В беспамятстве, в великом гневе порва-

ла [я] канчали. Что скажет народ, когда увидит голую грудь? Во время свадьбы было одеяние, а сейчас нет! Увидит это красавец Локхай и не женится [на мне]». Выслушав речь Беулы, воскликнула Падма: «О Дхарма, Дхарма!» — и с радостью призвала божественного Вишвакарму. Тотчас же явился Вишвакарма ради Падмы. Предстал перед Падмой, молитвенно сложив ладони. Приказала Падма: «Слушай, что скажу, Вишвакарма! Сейчас же сделай для Беулы канчали!» Отвечал Вишвакарма: «Будет ткань — сделаю канчали». Услыхав это, развеселилась Мать, От-яда-исцелительница. Дала ему ткань ценою в сто тысяч [рупий]. Алмазом раскроил [он] ткань. Сшил иглой. Когда сшил канчали, то нарисовал [на нем] разных богов. Нарисовал Брахму, Хару и Нараяну. Нарисовал Индру и всех иных богов. Сшил канчали и решил: нарисовал на канчали великого героя Гаруду. Надела [его] обрадованная Беула. Смирненно поклонилась стопам Моноши. Сказала Падма: «Беула, [я] тебе уже говорила. Приду в город Чомпок и ужалою Локхай. А не поспешишь в отцовское царство, тогда [в Уджани] ужалою героя Локхиндора. Опустеет дом, опустеет золотой сосуд Локхай². Когда люди хотят, то разных милостей добиваются. Слушай, как скажу, так и будет! Не пристало божеству пререкаться с человеком!» Так сказала богиня Беуле. Снова заговорила Беула, сложив умоляюще ладони. Поклонилась Беула и стопам Неты. Быстро вернулась туда, где был ее муж. Говорила Беула весело, хоть была в душе напугана. Громко рыдал Чандо, обнимая сына. Сказала Беула: «Старые и малые, да будете [вы] почитаемы!» Встала в стороне Беула, дабы увидеть лик супруга. Не боялся Чандо осыпать бранью Моношу. Уста свекра изрекали проклятий столько, сколько могли. Тут стала Беула упрекать родных. Теперь, певец, сказывай сказание лачари. (1—98)

179.

лачари

«Никто не стыдится постоянно бранить Падму, а ведь Моноша не малое божество! Никто не думает о деле, только ходят и плачут; раз умер — надо воскресить покойника! Слышала [я] от отца, что ты, [свекор], владеешь великим знанием, тогда почему в таком состоянии [мой] муж?» Услыхав слова Беулы, закричал народ: «Лучше бы взглянула на своего супруга!» И все родные, сколько их было, отошли и встали поодаль. Увидев [это], обрадовалась Беула...¹. Отгородили [покойника] завесой, в одиночестве сидела Беула, держа в объятиях мужа. Лицезрея Падмавати, радостно сказывает Биджой, а народ кричит славу [богине]. (1—12)

Стояли в одной стороне гуру¹. Сломанным опахалом обмахнула [Беула] мужнино тело. Водой, которой были омыты стопы [Моноши], обмыла тело Локхаи. И сел Локхай под свадебным навесом. Держа палку из хетала, смотрел Чандо на Локхай [и думал]: «Беула — колдунья, как бы потом не погубила моего сына!» Сидел Локхиндор и смотрел. От радости запласал Чандо. Умер Локхай и вот опять жив! Славил [Беулу] дакни и йогини. (1—10)

Припев:

Слава, слава Хари!

Локхай и Беула обменялись цветочными гирляндами!

Взирали боги на лик Беулы, счастливы были боги, радостно смотрели боги. Веселился народ, повсюду плясали и пели, а женщины славил [новобрачных]. Перед священным горшочком, отодвинув покрывало, обменялись два человека благодарующим взглядом. В счастливый день, в счастливый миг увидели [они] друг друга; не отрывая глаз смотрели [на них] родные. Молитвенно сложив ладони, поклонились [друг другу жених и невеста], с неба глядели [на них] боги и осыпали дождем цветов. Отовсюду [слышались] хвалебные возгласы, радовался народ, ликовали в душе родные. Надели на шею [друг другу жених и невеста] гирлянды из цветов [жасмина] малати и апельсиновых цветов — так сотворили Локхай и Беула [обряд] обмена цветочными гирляндами. Счастлив купец; глядя на чудесную свадьбу, радовались люди Уджани. Отовсюду [неслись] хвалебные возгласы, завершилось брачное таинство. опустились на землю Локхай и Беула. «Садитесь, садитесь!» — кричали все. Опустились оба на землю: жених — лицом на запад, невеста — на восток. Благословляя невесту, читал молитвы жрец; не отрывая глаз смотрели родные. У священного горшка читал брахман [молитвы] из Вед, сидел Локхай на золотом сиденье. Вложив руку [Беулы] в руку [жениха], отдал Шахе дочь¹, при благоприятном сочетании звезд связали одежды [новобрачных]². Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. К сотворению [обряда] борон приступила Беула. (1—28)

182.

пояр

Припев:

Дивно совершила [обряд] борон змея Беула над Локхаи!
Дивно совершила обряд борон Беула над Локхаи!

Рисом, дурвой, гангской водой сотворила [Беула] обряд борон над Локхаи, священной книгой о Чанди коснулась [его] чела. Горохом и горчицей сотворила обряд борон над Локхаи, а также горшочком, полным [гангской воды], сотворила обряд борон. Радостно сотворила [Беула] обряд борон над Локхаи...¹. В окружении женщины сотворила змея Беула обряд борон над Локхаи. Дивно сотворила обряд борон змея Беула над Локхаи. (1—8)

183.

пояр

Благословила дева жениха. И повела [его] в свои покои отвeдать вареного риса. Сел Локхиндор за трапезу. Тут жена купца Хори поступила необычно. [Подала] сырую рисовую пасту и сухой порошок куркумы¹. Закрыв лицо покрывалом, засмеялась про себя Беула. Сказала Беула: «Ты, невестка, поступила недостойно!» Отвечала Тарока: «Ничего нет дурного в этом, Беула! Повсюду в день свадьбы соблюдается такой обычай!» Услыхав это, Локхаи ополоснул рот [после еды]. Тем временем Чандо говорил Шахе: «С великим старанием возвел я железный дом! Сегодня же поселю [там] Локхаи и Беулу!» Оповестил [об этом] купец Шумитру. Жалобно запричитала Шумитра².

Припев:

Куда же уезжает Беула, унося жизнь несчастной [матери]!

Славя [новобрачных], били в [барабаны] дхол. С превеликим шумом ехали по землям Уджани. Сидели Беула и Локхиндор в расписном паланкине. Восседал купец Чандо на спине слона. Радуюсь душой, вышла [им] навстречу Шонока. [Так] приехали Беула и Локхиндор в город Чомпок. Глядя на лица сына и невестки, радовалась Шоная. Вручая [им] драгоценности, говорила быстро. Привели Локхаи в железный дом. [Там] усадили Беулу и Локхиндора на ложе, украшенное драгоценными камнями. Со всех сторон осыпали дождем цветов. Домой ушел купец Чандо. (1—28)

Так кончается часть, [повествующая] о свадьбе.

Как был ужален Локхиндро змеей.
[Его] плавание и воскрешение

184.

Остались Беула и Локхиндор в железном доме. А Падмавати поспешила призвать к себе восемь змиев. Сказала Падмавати: «Слушайте самое главное! Ради меня ужальте сына Чандо! Коли не испустит дух Локхиндор в железном доме, не будет смерти [ему] еще сотню лет. На исходе ночи, с зарей, Локхаи вернется в отцовский дом. И снова купец Чандо начнет осыпать меня бранью!» Отвечали восемь змиев: «Клянемся, мать! Сделаем все, дабы твою печаль развеять. Через данду мы искусаем Локхиндора». Сказав так, змии молитвенно сложили ладони. Словно порывы ветра, взвились [они] в небо. Летели змии, будто птицы, изящные и легкие. Неожиданно прилетели змии и на дом опустились. Ведала разное колдовство Беула, дочь Шахе. Догадалась [она], что на доме сидят змии. Сказала Беула: «Братья, зачем сидите снаружи? Дверь открыта, входите в дом! Но коли при виде меня обратитесь в бегство, увы, замысел Падмы погубите! Не думайте, змии, что Беула человек ничтожный. Открыл мне гуру заклинание против змей. Стоит только про себя повторить это заклинание, как пропадет яд даже у огромных змей! Коли почувствую в вас родных, позабуду сердечную печаль. Поведаю вам о своем горе!» Приблизились змии к дверям и вползли [в дом]. Не смогли отказать просьбе Беулы. Была безмерно мудра Беула, дочь Шахе. Налила [она] змиям молока, положила бананы. Так молоком и бананами сотворила жертвоприношение змиям. Огляделся вокруг царь Такшака. Принялись змии молча пить молоко и есть бананы. Но не сумели отведать еды, только размазали [ее] по рту и носу. А Беула знала, что надо делать. Быстро принесла золотые щипцы. Отведав жертвенной еды, змии опустили головы. И тут [Беула] прихватила [их] головы золотыми щипцами. Прочитала Беула заклинание Калики. Не могли змии ни бежать, ни шевельнуться. Не была обделена умом Беула, дочь Шахе. Полонив змиев, закрыла [она] дверь на засов. Половила восемь змиев дочь Шахе. Села в изголовье Локхиндора и стала бодрствовать в одиночестве. Через какое-то время, с наступлением следующего дня, Локхаи почувствовал голод. И приказал Беуле приготовить еду. Биджой Гупто говорит: Певец, будь прилежен! Оставь пояр. пой песнь лачари. (1—50)

185.

лачари¹

«Принимайся стряпать, Беула! Не смогу выдержать мук голода, дух испущу! В доме твоего отца поел лишь остатки риса. Жены твоих братьев обманули меня». Отвечала Беула: «Выслу-

шай [мою] жалобу! Как стряпать в железном доме? Где и что я найду в железных покоях? В чей дом пойти отсюда? Как мне стряпать без дров и воды? Ниспослал на меня всевышний беду²!» Взяла [она] горшок с рисом и горшок с водой, которыми творила обряд борон. Оторвала [Беула] конец своего сари и развела огонь. Оградила [огонь] с трех сторон кокосовыми орехами. Насыпала в горшок риса, налила воды. Но разве избежать божественного предопределения! Спустя какое-то время захотелось Локхиндору обнять [жену]. Закричала Беула: «Нет, нет! Нельзя, господин³! Женщина в первую свадебную ночь должна быть почитаема. Ведь ты ученый муж! Почему же в свадебную ночь говоришь неположенное? Встанут отец и братья у дома и скажут, что отдали Беулу замуж нарушителю [обычаев]. Непривлекателен нераспустившийся бутон. Стремится пчела лишь к расцветшему лотосу. Двенадцать с половиной лет Беуле, нет еще и тринадцати. Умом дитя Беула, еще не ведает страсти. О господиц, ты хороший кормчий! Я же хранительница всего твоего богатства. Оставь [меня] нынче в покое, простив в душе! Послезавтра на ложе насладишься любовью!» Милостью Моноши слагает Биджой Гупто песнь. Было поведено о том, как пребывали Локхай и Беула в железных покоях. (1—32)

186.

пояр

Успокоилась Беула, находившаяся в [железном] доме. Проснувшийся было Локхай вдруг снова заснул. Восседала богиня От-яда-исцелительница на змеиной колеснице. Полонила дочь Шахе восемь змиев. Не смогли они ужалить Локхай в [первую] половину ночи. «Нета, Нета!»—звала громко Падма. Сказала Нета: «Падмавати, выслушай мою речь! Пошли Дхаму привести змею Кали». Стоило так сказать дочери прачки, и повелитель змей Дхаму отправился за Кали. Гордясь поручением, спешил Дхаму. Неожиданно оказался Дхаму на берегу Ямуны. До дверей змеи Кали дошел [он] быстро. Поклонился Дхаму, молитвенно сложив ладони. Сказал Дхаму: «Как [мне] поведать о случившейся великой беде! Жизнь Падмы исполнена муки, грозит [ей] смерть. Ежели в тебе есть доброта к ней, поспеши! Увидеть тебя—велико желание Падмы!» Когда привратник Дхаму сказал эти слова и Кали услышала печальные вести о Падме, то ее душу охватило страдание. Услыхав [печальную] весть о Падме, задумалась Кали. И тут же пустилась в путь Кали. Безмерно смела [она], да и клыки [у нее] пристрашные! Быстро прибыла Кали к Падме. Поклонилась Кали и восславила стопы [богини]. Смиренно предложила [ей] Падма присесть. [Сказала Кали:] «Все, что поведаль [мне] Дхаму, оказалось неправдой. Ответ непременно, зачем позвала?» Отвечала Падма-

вати: «Прошу, присядь. Поведаю тебе обо всех своих бедах. Вражда моя с Чандо безмерно нелепа. Несомненно, ты слышала об этом. Ты быстро явилась, узнав о моем горе. Ради меня ужаль сына Чандо!» Когда услышала Кали столь неожиданную речь Падмы, будто гром грянул над [ее] головой. Но трудно не выполнить просьбу Падмы. И поспешила Кали [в Чомпок], дабы ужалить Локхаи. Но дом [Локхаи] железный, железный замок на железной двери! Вернулась Кали назад к Падме. В сильном горе Кали сказала Падме. Плач змеи сказывай, [певец], печальным лачари. (1—42)

187.

лачари

Припев:

Не смогу я, о Падма, ужалить Локхаи!

«Бодрствуют [там] ряды воинов с разным оружием в руках, бодрствуют, дрожа от возбуждения, заклинатели змей. С палкой из хетала в руках ходит купец Чандо, да и сама Беула не спит. Жгут темной ночью горное снадобье, раздуливают [там] сотни и сотни павлинов и цапель. Увидела страшный железный дом, и душа моя содрогнулась от страха — как же проникнуть в него?» Отвечала Падма: «Слушай, на северо-западной стороне [дома] есть щель, проникнешь через нее, уменьшившись в размерах!» Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. Великоизменны помыслы Моноши! (1—12)

188.

пояр

Так сказала Падма, опечаленная. Догадавшись о желании Падмы, отправилась [с Кали] и Нета. Милостью Падмы ведала Нета разные хитрости. Принесла с собой Нета пыль с перекрестка трех дорог. Громко произнесла [она] заклинание Калики. И упали без сознания на землю все [стражники]. Разбросала Нета пыль с трех дорог вокруг [дома]. Сам Чандо заснул, держа палку из хетала на плече. Прочитала Нета великое заклинание в две с половиной буквы, и заснула Беула внутри дома. Держа Кали за руку, сказала Нета: «Больше нельзя медлить, ступай сейчас же!» Услыхав подобное, Кали уже не могла избежать [своей участи]. С воздуха змея упала на дом. По приказу [Моноши] стала [тонкой], как нить, и вошла в дом. Увидев красоту Локхаи, воскликнула змея: «Увы, увy! Какое же дурное дело затеяла Падма!» Опечаленная, заплакала змея. Громко, скорбя душой, рыдала Кали. Говорит Биджой Гупто: Певец, будь прилежен! Оставь пояр, пой песнь лачари. (1—22)

189.

лачари

Плакала змея: «Я очень несчастна — зачем взялась за такое поручение? Возвратилась бы домой, да боюсь Падмы, а ужалить [Локхай] очень горестно! Прости, Моноша, не поняла твоего желанья, нет и капельки сострадания в [твоей] душе! Его мать звала меня, кормила молоком и бананами¹ — как же [я] ужалю ее сына!»...². Лицезрея Падмавати, радостно рассказывает Биджой. Рыдала змея, глядя на Локхай. (1—12)

190.

пояр

«Пусть страшное проклятие падет на голову Чандо! Иметь такого сына и враждовать с Падмой!» Бродила по дому змея, поглядывая вокруг. Нога [спящего] Локхай задела змеиное тело. «Брахма, Вишну, о боги, будьте свидетелями! Из-за какой такой [моей] вины Локхай ударил меня палкой? Стерплю на этот раз во имя дхармы». И поползла змея слева направо. Упала рука [спящего] Локхай на змеиное тело. Призвав снова в свидетели Брахму и Вишну, [Кали] нанесла укусы, подобный молнии, в палец [Локхай]. Со стоном пробудился Локхай. И змеиный хвост отрубил. Завязал [его] в край сари Беулы. Плачем Локхай будил Беулу. В великом горе Локхай громко звал [ее]. Плач Локхай, [певец], рассказывай печальным лачари. (1—18)

191.

лачари

Припев:

* Вставай, бедняжка Беула!

«Знаешь о случившемся и не просыпаешься, встань, поговори со мной! Видно, не истекло вчера время проклятия, проник в дом вор и развязал свадебный узел наших одежд. Женился [я] по большой любви, но всевышний отвернулся [от меня], проснись и узнай о беде! Онемел мизинец, яд распространился по всему телу, не знаю, кто ужалил. Когда ночь сменится рассветом, ступай в отцовский дом, а всю печаль оставь моим отцу и матери! Ужасный яд жжет горло, совсем изнемогло тело! Жила в душе великая надежда, но разбил ее всевышний, только горе оставил тебе и мне. Чего хотела, то и получила, не суждено нам было вкусить счастья! Ступай в отцовский дом, живи

счастливо, печаль останется со мной!» Пылало тело [Локхаи] от страшного ядовитого укуса, потеряв сознание, упал [он] на Беулу. (1—20)

192.

лачари¹

Припев:

Как мне тебя разбудить!

Не слышала Беула плача Локхаи. Рыдал Локхаи, погрузившись в печальные думы: «Ради чего я вернулся в город Чомпок? На кого оставляю красавицу Беулу? Не исполнилось сокровенное мое желание! Ни с кем не простился в свой смертный час! Возвел отец железный дом. Внутри него заключил мою смерть. Не повидал [я] ни матери, ни отца, ни родных. Не знаю ни одного человека, оказавшегося в моем положении. В огне страшного яда сгорает моя жизнь. От слез умрет моя бедная мать. В железном доме угасает моя жизнь. Как выдержит моя мать разлуку со мной? Смертельный яд распространился по всему телу Локхаи. Жизнь уже угасает, но не увиделся [я] с Беулой. Вчера заснула и до сих пор не проснулась. Когда же очнется Беула, ждет ее великое несчастье». Упал Локхиндор головой на север. Яд скопился в темени, из носа не доносилось дыхание. На теле Беулы распростерся Локхаи. Но и тогда не проснулась дочь Шахе. Долго думала Падма и решила. Явилась [она] во сне Беуле. Биджой Гупто говорит: Певец, будь прилежен! Оставь лачари, сказывай песнь пояром. (1—26)

193.

пояр

«Послушай, послушай, Беула, как долго ты спишь! От змеиного укуса испустил дух Локхиндор, открой же глаза! В первый раз твой муж умер во время [тайнства] первого взгляда. Благодаря твоему поклонению я воскресила его. Явилась сюда змея Кали, дабы посмотреть на свадьбу. Сбежала, ужалив твоего мужа. Проснись и взгляни на своего повелителя! Потерял сознание Локхиндор, но не испустил совсем дух. К моему неудовольствию, сбежала Кали. Кали ужалила твоего мужа — разве я виновата?» Так, сойдя [на землю], богиня явилась во сне [Беуле]. В испуге вскочила Беула. Подбежала и увидела бездыханного супруга. Зубы [его] сжаты, как у мертвеца, губы покрыты пеной. Громко зарыдала Беула, обняв Локхаи. На сей раз, [певец], сказывай стихом лачари. Биджой Гупто говорит: Послушайте о главном! Благодаря Беуле снова воскреснет Локхиндор. (1—18)

194.

лачари¹

Припев:

Встань, о супруг, встань!

«Встань, о супруг, встань и взгляни! Несчастливая Беула зовет: встань, откликнись! Кто же из вас бодрствовал, заклинатели змей? В свадебных покоях испустил дух царь Чомпока! Не успели еще испачкаться [мои] браслеты из ракушек², не увяли цветы в венке! Стерла Беула сурьму [с глаз], сбросила шелковое покрывало. В свадебную ночь молил супруг о ласках. Смущаясь, отказала я!» Рыдала красавица Беула, подняла крик в свадебных покоях. В скорби по Локхаи обнимала Беула его подушку. «Проголодался ты тогда, захотел поесть. Не поел и опечалился душой. В сердце моем одно страдание! Была здесь, а ничего не сказала [тебе]. Страдающая душа грудь разрывает! Чье лицо лицезрея, я смогу излечиться от горя? Любуясь красотой мужа, в душе я предавалась мечтам. Но не исполнил мои заветные мечты всевышний, вверг в отчаяние». Милостью Моноши рассказывает поэт Биджой Гупто. Убийство Локхаи было возложено [Падмой] на змею Кали. (1—20)

195.

пояр

Услыхала Шонока, что испустил дух Локхаи в свадебных покоях. Запричитала: «О сынок мой», зарыдала, ударяя себя в грудь. Рыдала Шонока, катаясь по земле. На сей раз скажывай, певец, сказание лачари. (1—4)

196.

лачари¹

Прибежала Шонока, получив [печальную] весть. Крича: «О сынок», упала навзничь на землю. Причитала Шонока: «Обрела я земное сокровище. Но жестокий всевышний, дав, отнял [его]. Много покаяний, постясь, совершала я. Потому-то тебя, сынок, носила в утробе. Обретя тебя, сынок, о многом я мечтала. Мечты несчастной разбил всевышний». Рыдала Шонока, госпожа, ударяя себя в грудь. «Более не назовет меня лунолицый „матушкой“!» Прибежала Шонока, обняла Локхаи. Закапала ядовитая влага из груди Локхаи. «Умру я, сыночек, кто же предаст [меня] огню? Без тебя мне, бедной, не жить! Шестерых сыновей потеряла, но сердце я усмирила. Все горести рассеивались, когда любовалась твоим ликом. Кто же похитил сокровище моей жизни? Что делать бедной, оставшейся жить?»

Каталась по земле Шонаи, призывая: «Локхаи, Локхаи! И кому я, несчастная, пожертвовала такого сына!» Биджой Гупто говорит: Зачем рыдаешь, Шонаи? [Вскоре] узнаешь предопределение всевышнего! (1—22)

197.

ноярь

Услыхав [плач], прибежал купец Чандо. Рыдала в отчаянии Шонока: «Возлюбленный души, мой сыночек Локхиндор! Из-за тебя я расстанусь с жизнью!» Сказала Шонаи: «Беула, ты низкого рождения! Поела в свадебную ночь, и мужа не стало прошедшей ночью!» Била [Шонаи] себя в грудь, рвала волосы, каталась по земле. Сказал ученый муж Шомаи: «Зачем так убиваешься, Шонаи? Сколько ни рыдай, Локхиндора не воротить! Десять данд уже плачешь. Осудят родные — ведь в доме с прошлой ночи [лежит] покойник¹! Да что мне говорить, купец сам ученый! Подумав, скажи, как надлежит поступить». Услыхав речь Шомаи, [все] успокоились. Из дома вынесли Локхиндора. Настаивал Чандо на сожжении. Но спросил Беулу, каково ее мнение. Отвечала Беула: «Свекор, ты знаток дхармы! Большое горе — в свадебную ночь умер [мой] супруг! Ежели [я] нарушу обычай, то погибну! Не ведала, какую судьбу уготовил мне всевышний. В давние времена, так говорили старики, ужаленного змеей не сжигали в огне. Пусти вниз по реке [плот] с телом, согласишься со мной! И я отправлюсь вместе с супругом!» Сказал Чандо: «Не говори более! Огню предам Локхаи, превращу в прах! Ежели спущу на реку [плот с ним], то случится то, что предрекаю. Проплывешь с Локхаи лишь два речных поворота. Поплывешь среди берегов, где-нибудь пристанешь. Какой-нибудь бесстыдник бросит Локхиндора в воду, а тебя уведет. И тот станет твоим господином, в дом которого попадешь. А шакалы и стервятники съедят моего Локхиндора». Когда услышала такое Беула, от ужаса стали дыбом волосы [у нее] на теле. Схватила [она] за руку ученого мужа Шомаи, стала убеждать. Сказал Шомаи: «Не плачь, Чандо. Разумно рассуждает невестка Беула, меня убедила. Самая добродетельная [она] на земле, нет предела [ее] достоинствам. Может, повстречает заклинателя змей и тот оживит Локхаи. Мне правится, купец, это хорошо задумано. Спусти на воду [плот], пусть плывет Беула!» После слов ученого мужа захлопал в ладоши купец. Послал за девятью сотнями садовников. Быстро явились к Чандо садовники. Сказал [им] Чандо: «Садовники, свяжите банановый плот! Свяжите с душой, старательно! По окончании второй [дневной] стражи² отправлю [по реке] Локхиндора и Беулу». Речь Чандо испугала садовников. Но отправились сыны садовников вязать плот. Взяли в руки ножи с

очень острыми лезвиями. Отправились сыны садовников в банановую рощу. По всей роще срубили все до одной высокие банановые пальмы рам³. Оставили от них среднюю часть, верх и низ выбросили. И поспешили на берег Ганги. Горевали садовники, что им приходится строить плот. Сели они на берегу Ганги, обратившись лицом на восток. Ведомы садовникам все обряды при строительстве плота. Помянули они Вишвакарму, Мать, Дургу. И принялись сыновья садовников вязать плот. Встала перед ними Беула, пожаловалась: «Вы — садовники, люди добродетельные. Я несчастная Беула, выслушайте меня! Жесток ко мне всевышний, в [моих] начинаниях не помогает. Скончался в свадебную ночь [мой] супруг, и люди издеваются надо мной. Вместе с мертвым мужем поплыву меж берегов Ганги. Но нет у меня лодки, нет и помощников! А на плоту из банановых пальм и море переплыву!» О том, как жаловалась Беула, теперь, [певец], сказывай [стплом] лачари. (1—72)

198.

лачари

Припев:

О садовники, помогите Беуле!

«Возьмите с [моих] рук браслеты канкана¹, только свяжите плот из банановых пальм, и с мужем я поплыву по морю! Вы садовники, ваше богатство бесценно, у Беулы же нет ни каури! Укрепитесь духом в дхарме, свяжите банановый плот так, чтобы не случилось в воде беды!» Услышав речь Беулы, смущались садовники, и сказали садовники, сложив молитвенно ладони: «Будь спокойна, мать, свяжем банановый плот, поплывешь скоро по морю». Обнадежив Беуду, нарубили [они] тонкого бамбука и начали вязать плот. Повеселела Беула, обнадеженная садовниками; так в душе [ее] соседствовала печаль с радостью. [Сказала Беула]: «Нет смирения в моей душе, отправлюсь в град богов, дабы Нараяна что-то сделал». Исполненные честолюбия, [садовники] быстро задвигались, принялись за строительство крепкого плота. «Вмиг сделали плот — только носом шмыгнула!» — говорили садовники после. Узнав, что плот построен, безмерно обрадовалась Беула: непременно [она] отправится в град богов! Дом Биджоя Гунто, лучшего из поэтов, в селении Пхуллосри; весело слагает [он стихи] лачари. (1—24)

199.

пояр

Безмерно прекрасны волосы Локхай! Быстро перенесли его на берег реки. Дивно красив Локхай, купеческий сын! Роскошное одеяние и разнообразные украшения [на нем]. Завязали

в край [его] одеяния много разных драгоценностей. Слышались громкие рыдания вокруг. Повелел Чандо: «Возьмите и положите Локхан на плот!» Положили на плот Локхан головой на север. Рядом с ним встала дочь Шахе. Все обдумала и решила Беула. Поклонилась Беула в ноги свекрови. Сказала Беула: «Мать, ты родительница [моего] супруга. Горе мне, не пришлось прислуживать тебе! Поднесу тебе прощальный дар и уеду с мужем. Четыре приметы я подарю тебе. Взгляни, вот сваренный и высушенный рис. Взгляни, вот шипит поджаренный горох. А вот, взгляни, сушеная куркума. Следи за этими тремя предметами, что положила перед тобой. Ежели из вареного риса появятся ростки, знай, Беула достигла града богов. Ежели высушенная куркума даст побеги, знай, Беула, совершила ею задуманное. Ежели на жаренном горохе появятся листочки, знай, Беула воскресила своего возлюбленного супруга. В горшок, [никогда] не стоявший на огне, насыпала [я] рис. Долгое время берегла его от огня. Коли без огня этот рис станет воздушным, знай, Беула вернулась на родину». От речей Беулы упала Шонаи на землю. Простившись, Беула быстро удалилась. Поклонилась всем, молитвенно сложив ладони, и вступила на плот. «Слава, слава преданной верной супруге!» — все восхваляли [ее]. Без страха взошла на плот Беула. Обняла Беула ноги Локхан. Сказала Беула: «Коли я воистину преданная жена, то поплывет плот туда, где находится Падмавати». По велению Беулы мчался плот, как ветер. Теперь, [певец], сказывай стихом лачари. К стопам Падмы устремилась Беула всеми помыслами. Немного отплыла от города [дочь Шахе]. Сказала Беула: «Дхарма¹, зачем такие муки насылаешь? Кто еще из женщин претерпел столько горя? В свадебную ночь скончался муж, опозорена [я]! Не могу постичь, Падма, твой замысел. Молю я у стоп Моноши: ведь ничего не знают о несчастной ни отец, ни мать». Услыхав речь Беулы, призвала Падма Нету: «Лети скорее, Нета, обернувшись белой вороной!» По велению Падмы быстро помчалась Нета. В облике белой вороны села Нета на плот. А оставшаяся на небесах Падма сказала Беуле: «Все, что хочешь передать [родным], отдай вороне!» Слова Падмы очень обрадовали Беулу. Вынула Беула рубиновое ожерелье в две нити. Задумалась печально Беула: «Как написать мне о беде?» Огляделась вокруг озабоченно Беула. [Видит]: по морю плывет сухой лист кейи. Велико мудра была Беула, дочь Шахе! Из сурьмы с глаз сделала чернила. Много всякого разного написала ученая Беула. Сначала поклонилась стопам отца и матери. Передала поклоны стопам своих шестерых братьев. «Отвернулся всевышний — того не распознала. Не ведала, из-за какого проступка стал всевышний враждебен [ко мне]! Юной вдовой стала я в свадебную ночь! Никто из людей, крепко уснув, не проснулся. Ужалила змея супруга в железных покаях. И на

исходе ночи скончался супруг от змеиного укуса. Плыву я вместе с покойным мужем [на плоту]. Твердо решила достичь града Падмы. Воскрешу мертвого супруга и шестерых [его] старших братьев! Не смогу оживить — не вернусь! Брошусь в воду, покончу с жизнью!» В конце [письма] приписала [Беула] поклоны всем. Волосом с головы крепко перевязала [письмо]. Привязала к письму кольцо, что получила еще в отцовском доме в приданое, и положила перед вороной. Видела Нета горе Беулы, и душа [ее] разрывалась. Взяла [она] письмо Беулы в клюв. Слова Беулы разжалобили ворону. Словно вихрь, взвилась она в небо и полетела. Сжав плотно перья на крыльях, быстро летела ворона. В мгновенне ока прилетела и опустилась в Уджани. Отдали Беулу в дом врага змей — волновалась [за нее] Шумитра, поглядывала [вдаль]. Села ворона на забор и громко закаркала. Пристально глядела Шумитра на ворону. Глядя на ворону, помянула Гонала. «Внезапно прилетела ворона — не к добру это!» Прозывалась жена купца Хори Тарокой. Взяла [она] горсть риса и обратилась [к птице]: «Скажи всю правду, ворона!» Услыхав такое, еще больше закручинилась ворона. На сей раз сказывай, брат, лачари. (1—98)

200.

лачари

Припев:

О ворона, скажи мне истинную правду!

«Беула, что дороже [мне] жизни, уехала с мужем, не знаешь ли хорошо или плохо им? Ты пребываешь у врат дхармы, знаешь дурное и доброе, ложь и правда тебе ведомы. Я складываю [перед тобой] умоляюще ладони, накормлю рисом, сдобренным топленым маслом, скажи, благополучны ли Беула и Локхаи. Ежели в ^эчастье пребывает Локхаи — лети на восток, ежели [он] в беде — лети на юг!» Выслушала речь Шумитры ворона, задумалась и села в южной стороне. Выпустила из клюва письмо и взлетела в небо, оставила письмо Беулы на земле. [Сказала ворона]: «Лежит письмо на земле, погляди, погляди, говорю тебе, будет утешение [твоей] душе». Побегала невестка Тарока, быстро прочла письмо, нашла в нем кольцо Беулы. Письмо прочтала, рассказала, запричитала, зарыдала — заныло сердце Шумитры. Виджой Гупто говорит правду. «Нет у меня иного пути!» — рыдая, причитала госпожа. (1—20)

201.

лачари¹

Припев:

Возвращайся, возвращайся [домой], о Беула!

«Куда ты исчез, торговец, купец? Не нашли на всей земле для Беулы другого жениха! Откуда явился этот великий враг змей? И такому врагу отдали Беулу! Куда же запропастился [мой] сын, купец Хори? Привези Беулу, спаси мою жизнь!» Отвечал купец Хори: «Прошу, успокой свое сердце! Как бы далеко ни уехала Беула, все равно поеду за ней». В одной из излучин реки достиг ее великий торговец Хори. Сказал купец Хори: «Возвращайся домой, Беула! Но тебе рыдает и горюет матушка. Вместо браслетов из ракушек дам [тебе] золотые браслеты. Вместо синдура дам самый лучший красный порошок». Отвечала Беула: «Брат, ты говоришь недостойно! Без мужа жизнь женщины отвратительна! [Лучше] дай риса, дай дров, дай горшок! Твоя же жена будет [презрительно] называть Беуду малолетней вдовицей. Ступай, ступай [отсюда], брат, не говори больше! Передай отцу, матери мой поклон». Говорила Беула, рыдая, сердцем ожесточившись. Милостью Моноши скazuje Биджой Гупто. (1—20)

202.

пояр

Так сказала Беула, отвернувшись [от брата]. Быстро плыл плот божьей милостью. Милостью Моноши денно и ночью плыл плот. Ничего не ела Беула несколько дней. Мимо берегов плыла Беула, плыла по течению. Так провела в дороге Беула три дня. День за днем отмечала. Неожиданно наткнулась Беула на берег Годы¹. Мошеник с длинными волосами на голове был по кaste рыбака. Непрестанно покрикивая, ловил [он] с берега рыбу. Словно стволы пальмиры обе его ноги, [пораженные] слоновой болезнью. Все тело покрыто нарывами, похожими на колючки хлопкового дерева. Крепко держал [он] в руке огромное бамбуковое удилице с железным крючком [весом] в один мон на конопляной веревке. Увидев Беуду, Года сильно удивился. Велено, певец, [теперь] сказывать лачари. (1—16)

203.

лачари¹

Припев:

Потерял голову Года!

Потерял голову Года при виде красавицы на плоту. Обезумев от страсти, радостно заплясал Года. Сказал Года: «Давай, красавица, причаливай плот к берегу! Только благодаря своей

добродетели приплыла ты к берегу Годы. Попасть в дом Годы хочется тебе в душе. Закину удочку и поймаю огромного пангаша². Ежели ты, красавица, прикажешь, стану притеснять первую жену. Сама будешь есть рыбу, а ей отдавать рыбные кости. Ты не думай, что Года беден. Есть у него каури — четыре поны и четырнадцать бури³! На них куплю [для тебя] драгоценные камни и хрусталь. Драгоценными камнями и хрусталем украшу твои руки. Будешь натирать ноги Годы маслом — зазвонят они. На этом берегу Ганги все занимаются рыбной ловлей. Но никто не ловит таких огромных рыб, как я! Много достоинств у Годы и всего один недостаток. Пред уходом в море отказывается он от еды и воды⁴. Спит, джутовой мешковиной прикрыв голову и лежа на спине. Когда затрясет [его] в лихорадке, зовет жену, мать. С месяца чойтро до нынешней поры благоденствую. Но когда слоновая болезнь успливается, мухи одолевают. Ниткой стягиваю ноги. Рвется преграда, и гной выходит. Ежели скажешь, красавица, что [тебе] мало моей слоновой болезни, то у твоей напарницы, [первой жены], такая слоновая болезнь, какой не найдешь на всей ярмарке в Срихате! Я внук деда, больного слоновой болезнью, сын [отца], ставшего недвижимым от слоновой болезни. Его брат, [мой дядя], с ногами, словно трубы, передвигается, как огромный слон. Семь поколений нашего рода — океан слоновой болезни! Куда ни сунешься — везде [у нас] разговоры о слоновой болезни. Когда иду в дом гончара, с трудом уношу двадцать два мона глины [от него]. Обмазываю я глиной место для стряпни и стены хижины. Толщиной в мизинец делаю карниз над домом». Дабы схватить Беулу, прыгнул Года в воду. С мольбой обратилась Беула к стопам Моноши, сложив молитвенно ладони. И крючок от удочки вонзил в свою ногу [рыбак]. Одежда, [рааздувшись], понесла его по течению. Не мог встать Года, хоть и напрягал все жизненные силы. Биджой Гупто говорит: «Не медли, Беула! Плыви дальше, радуясь в душе, не бойся Годы!» (1—42)

Миновав излучину, приплыла Беула к другому повороту реки. Увидела [она] берег Дхона и Мона. Дхона и Мона, два брата, — сборщики налогов на [этом] причале. Все время они находились в водах Ганги. Отправился к себе домой поест Дхона. С лодкой остался на берегу Мона. Увидел Беулу, обрадовался Мона. Бросив лодку на берегу, помчался Мона [за братом]. Увидев Мону, разгневался Дхона на него: «Проголодавшись, ушел я поест, а теперь воры украдут лодку!» Отвечал

Мона: «Брат, не говори так! Не голоден [я] и пришел не есть. Наконец всевышний нами доволен. В какой другой дом явится воплощенное божество? Дивная красавица, дева плывет по воде. Царские украшения надеты на деве. Скорее беги, брат, успокой свое сердце! Вдвоем сядем в лодку, брат, и захватим деву. Столько украшений на теле девы, и за сто лет [нам] не проесть их! Молю у твоих ног, брат! Уступи мне деву, себе же возьми богатство». Речь Моны понравилась Дхоне. К лодке на берегу поспешили два брата. От носа до кормы хорошо снарядили свою лодку. Спросили Дхона и Мона: «Куда держишь путь, дева? Для чего с мертвецом плывешь по воде? Брось мертвеца в воду и иди к нам в дом! В нашем доме нет женщин, только два брата. Что заработаем, будем тебе отдавать». Не остановилась Беула у берега. сильно разгневалась на сборщиков налогов. Взяв в руки короткое весло, сделала два гребка. В гневе крикнул Дхона: «Куда же плывешь?» Глядя на Дхону, не отвечала Беула. Сказала Беула: «Ради чего так далеко [я] заплыла, коли не смогу добраться до града Моноши! Низко кланяюсь я стопам Моноши. В час несчастья, о Падма, яви милосердие!» Речь Беулы огорчила Падму. Задумчиво посмотрела Моноша на Дхону. Оставаясь на небе, насмалла Падма безумие [на братьев]. Поссорились братья посреди реки. Веслами стали тузить друг друга. Перевернулись и упали в воду. Звонко смеялась Падмавати на небесах. С криками братья дубасили друг друга кулаками. Наглотавшись воды, стали задыхаться братья. «Спаси! — кричали. — О дева, сохрани [нам] жизнь! Мы ведь не знали, что ты божество. Отныне ты стала нам матерью!» Сказала Беула: «Падма, что я натворила! Стараясь воскресить мужа, погубила [двух] мужчин. Единжды спаси [их], заклинаю подвижничеством твоей рабы!» Одарила Падмавати милостью Беулу за [ее] подвижничество. Милостью Падмы спаслись два брата. Выбрались на берег братья, поминая всевышнего. Дрожа, пошли домой. Милостью Падмы быстро плыл плот Беулы. Через какое-то время доплыл до берега игрок. Был [он] красивым мужчиной, совсем молодым. Стоял [игрок] в воде с кувшином на шее. Увидела его Беула и пожалела. Остановив плот, спросила [она]: «Почему, сынок, хочешь умереть?» Отвечал игрок: «Что за вопрос, мать! На земле нет никого несчастнее меня. По касте я садовник, купеческий сын. Когда [я] был ребенком, умер отец, оставил [мне] большое богатство. Потерял [я] все отцовское богатство, пренебрег им. А вчера проиграл [я] и жену! Эту игру, горемыка, не могу забыть! Нет ни еды, чтобы поесть, ни одежды — надеть! Потерял [я] хозяйку, что теперь будет? Поразмыслив, [я] понял, что уже при жизни стал мертвецом. В позоре умру, обернув шею концом дхоти!» Выслушала Беула, дочь Шахе, жалобу игрока. И отдала игроку рубиновое ожерелье в две нитки. Сказала

Беула: «Ты, сынок, сейчас ступай домой! Продашь рубиновое ожерелье, надолго хватит прокормиться. Я еду прежде всего для того, чтобы воскресить мужа! Вернусь и пять раз женю тебя!» Так молвив, поплыла Беула на плоту [дальше]. Взяв прах от ее ног, ушел мужчина-игрок. Милостью Беулы прошло отчаяние игрока. Да множится богатство всех милостью Моноши! Прошел месяц, у трупа отвалились разложившиеся руки и ноги. Вся плоть [Локхаи] разложилась за время плавания по реке. Отвалились руки, ноги, пупок и плечи. Отвалилась голова, обезглавилось тело. Из-за зловония люди не могли находиться рядом. Все тело Локхаи распалось на части. Не осталось ни крови, ни плоти, только гной тек. Но бедняжка Беула не выпускала [мужа] из объятий. Плыла Беула в одиночестве с мужем. Сидя на змеиной колеснице, задумалась От-яда-исцелительница. Сказала Падма: «Нета, ступай на берег Ганги! Обернувшись тигрицей, съешь плоть Локхаи. Не глотай лишь кости и кожу, оставь их! Иначе Беуле не добиться цели!» Обернувшись тигрицей, пришла Нета на берег реки. Сошла Беула на берег. Вокруг поднимались густые заросли шалового леса. Следов людей не было и на расстоянии трех дней пути. Устрашающе и громко взревела тигрица. Вращая глазами, смотрела на Локхаи. Учюяла тигрица трупный запах, и взволновалась ее душа. Подпрыгнула [она] и хотела было вцепиться в тело Локхаи. При виде тигрицы испугалась Беула. Молитвенно сложив ладони, обратилась Беула с речью к тигрице. Сказала Беула: «Тигрица, не понимаю твоего поведения. Пренебрегая другими, почему мертвеца хочешь отведать? Нет в нем ни крови, ни плоти, только гноем истекает. Неужели, съев труп, получишь удовольствие? Прекрасно мое тело, есть и кровь и плоть. Сначала съешь меня, а потом отведаетшь [моего] супруга». Услыхала Нета мольбу Беулы, и душу [ее] словно опалило огнем. Приняв свой облик, Нета предстала [перед дочерью Шахе]. Сказала Нета: «Беула, ты не тревожься! Я не тигрица, а Нета, по рождению прачка. Не смогла [я] послушаться веления Моноши. Потому пришла я съесть Локхаи. Твоя речь растрогала меня. И я открыла свое имя. Ты же так далеко уплыла с мертвым мужем. Через четыре дня достигнешь града Моноши. Вокруг города течет Ганга под названием Джоёнто. Сразу признаешь город по его дивным куполам. Этот труднодоступный город безмерно прекрасен и подобен Амаравати¹, граду богов. Город, украшенный драгоценными камнями, с четырех сторон охраняют змеи. Сам Шива с богами там постоянно бывает. Нет никакого смысла сохранять разложившуюся плоть. Удали плоть и схорони [кости] в одном месте! Дам еще один совет. Зачем мучиться и держать пленниками восьмерых змиев? За месяц голода не осталось в них сил. Отрежь у них хвосты и отпусти всех!» Так молвила Нета, приняла желанный ей об-

лик и удалилась. Столкнув плот в воду, продолжала Беула плыть по реке. Плыла по реке Беула, словно [пучок] травы куши. Миновав шаловый лес, плот пристал к берегу. Оставила плот на воде [дочь Шахе] и сошла на берег. Открыв корзину, сказала [она]: «Ступайте домой, змии!» Вся пылала гневом добродетельная Беула. Отрезав [хвосты] у восьмерых змиев, Беула оставила у себя хвосты. Хвосты отрезав, Беула отпустила восьмерых змиев. Плач Беулы сказывай, [певец], лачари. (1—148)

205.

лачари

Припев:

Как мне собрать плоть мужа?

«Ведь запрещал уезжать тогда свекор-купец! Зачем же забралась я так далеко? Усиливается зловоние, никто и приблизиться не может! Как же мне снять плоть с костей?» Потянула красавица Беула за мизинец Локхаи, пригоршнями снимала плоть с костей. Очистив кости Локхиндора, положила [их] в золотую шкатулку, припав головой к костям, расплакалась Беула...¹. У подножия цветущей чампаки схоронила Беула кости Локхиндора и отправилась в дом Неты. (1—12)

206.

пояр

Долго размышляла Беула и [наконец] душой успокоилась. Сложив молитвенно ладони, восславила [она] Падму. Сказала Беула: «Прости мою вину, Мать Падма! Прошу о благом, помоги!» Переправилась через море дочь Шахе. Вдали увидела град Моноши. Силою своего подвижничества быстро пересекла воды. Решила пойти к Нете. Так задумала Беула, стенала [она]: «Вижу, без Неты нет мне спасения!» Оставаясь поблизости, в укрытии, Беула следила [за Нетой]. Стоя в воде, Нета стирала белье. Стирала, конечно, белье богов. На берегу же сидел ее сын Дхонопоти. Долго раздумывала дева и отважилась. Нырнула в воду и пошла [по дну]. Нырнув в воду, Беула быстро достигла берега. Схватила Беула под водой ноги Неты. Задрожала Нета, душа ее затрепетала [от страха]. Вскрикнула Нета: «Крокодил, крокодил!» Крикнула Нета: «Скорее беги [сюда], Дхонопоти! Крокодил под водой схватил меня!» Быстро прибежал Дхонопоти на крик матери. Схватил Нету за руку и вытащил на берег. Из воды вытащил на берег. И увидел, что Беула держит за ноги дочь прачки. При виде девы возликовал сердцем Дхонопоти: «Нашел я в воде деву — женюсь [на ней]!»

Сказала Нета: «Как ты глуп, Дхонопоти! Это не водяная дева, а моя племянница». Слова матери устыдили Дхонопоти. Опустил голову, отошел в сторонку. Увидев лик Беулы, опечалилась Нета душой. Подняла с земли [дочь Шахе], отерла [ее] лунный лик. Сказала Нета: «Не думай о бедах! Есть я, чего еще тебе желать? Я оживлю твоего супруга, коли не воскресит [его] Моноша. Одно скажу, Беула, давай перехитрим Мать, От-яда-исцелительницу! Одной мне не хочется идти [к ней]. Я пойду впереди, ты же ступай позади [меня]». Молвив так, Нета быстро удалилась в свой дом. Беула осталась сидеть на берегу дочери прачки. Одну хитрость придумала Беула. С берега прачки перешла она на царский берег. Огляделась по сторонам Беула, сидя на царском берегу. Пришли за водой [туда] служанки Моноши. Целая сотня служанок, дивно прекрасных, пришла туда. Была главной над всеми служанка по имени Нилаботи. Всегда омывалась Падмавати ее водой. Поразмыслила Беула и решилась. Сосредоточившись, прочла мантру Кали. Силою заклятия прилип кувшин [Нилаботи] к земле. Никак не могла [она] поднять свой кувшин. Держась вдали, смеялась про себя Беула. Собрались все [служанки] с кувшинами уходить. А служанка [Нилаботи], закрыв лицо руками, разрыдалась. Спросила Беула: «Чего плачешь, мать? Открой мне всю правду!» Отвечала служанка: «Увы, боюсь слово молвить! Имя мое — Нилаботи, я служанка Моноши. Время уже позднее, печет солнце. Во вторую стражу Падма совершает омовение. Не пойму, что случилось сегодня из-за моей кармы — никак не могу поднять злосчастный кувшин!» Речь служанки рассмешила Беулу. Сразу же подняла [она] кувшин с водой. Ведала дочь Шахе много разного чародейства. Уронила [она] в кувшин рубиновый перстень. В страхе перед Падмой душа Нилаботи не знала покоя. Взяв прах от ног Беулы, удалилась Нилаботи. С водой отправилась [она] во дворец Моноши. Беула же спряталась в покоях Неты. Радостные, [служанки] принесли кувшины [с водой]. Стала совершать омовение богиня Падмавати. Любила Падма свою служанку Нилаботи. Ее водой омывалась Падма в конце. Вылила богиня От-яда-исцелительница ее воду на свое тело. Упал перед ней рубиновый перстень. Перстень увидела Падма, и подозрение закралось в ее душу. Сказала Падма: «Нилаботи, скажи мне всю правду! Чей перстень оказался в твоём кувшине? С кем ты встречалась на берегу? Будь искренна, скажи всю правду!» Речь Падмы испугала Нилаботи. Сложив умоляюще ладони, Нилаботи тихо отвечала: «Не гневайся, богиня, выслушай все! Вместе со служанками отправилась я за водой. Не знаю, что всевышний наслал на меня? Никак не могла поднять кувшин с водой. Бросив меня одну, ушли служанки домой. В испуге я разрыдалась. В это время увидела [я] красавицу. Она-то и подняла мой кувшин с водой.

Думаю, что дева жена того мертвеца. Видно, она бросила в кувшин рубиновый перстень!» Задумалась Падмавати над словами служанки: «Верно, Беула пришла в божественный град». Надежда Падма на себя убранство из драгоценных камней. Ко многим хитростям прибегла, пока не кончился день. Так в своем дворце пребывала Моноша. А дом дочери прачки стал пристанищем Беулы. Поселилась Беула в доме Неты. О своем горе поведала [ей] — вот и ночь подошла к концу. Оказалась под властью ее чар дочь прачки. Обняла она Беулу, хотела лечь спать. Сказала Беула: «Тетушка, скажи мне, почему мой муж умер подобным образом? Открой все, а я послушаю [твой] рассказ. Стану есть и пить, лишь когда воскресишь [моего] господина!» Громко закричала ворона на заре. Взяв божественное белье, Нета отправилась к водоему. Впереди выступала дочь прачки, сзади шла Беула. Войдя в воду, принялась [Нета] за стирку. Подошла к ней Беула и сказала: «Умоляю, согласись со мной! Нынче я постираю, а ты посиди на бережку». Пришлись по душе Нете слова Беулы. Отдав белье Беуле, вышла Нета на берег. Беула обладала большим умением, чем Нета. Взяв золу с известью, [дочь Шахе] старательно стирала белье. Стирала белье Беула и посматривала искоса. [Бельем], словно крылья цапли, стало белье у Беулы. А одеяния Падмы были ценю в сто тысяч рупий. Складывая белье, Беула положила в него много разных цветов. Часть их положила поверх [белья], часть — снизу. Как подношение Моноше положила [дева] сорванные цветы. Поэт Биджой Гупто рассказывает милостью Моноши. Поставив белье на голову Беулы, вернулась [с ней] Нета домой. Садилось солнце на западе — была третья стража дня. С бельем пришла Нета к Падме. Восседала богиня От-яда-исцелительница на троне, украшенном драгоценными камнями. Положив [перед Моношей] белье, Нета сложила молитвенно ладони. Глядя на белье, про себя подумала Падма: «Слышала [я], будто какой-то человек сорвал лотосы!» Молвила Падма: «Скажи, Нета, всю правду расскажи! Нынче к тебе в дом пришел человек?» Отвечала Нета: «Падмавати, что мне сказать? Издалека пришла моя племянница. У нее больше достоинств, чем у меня. Исполненная добродетели, она хорошо стирает белье». Все, что говорила Нета, задевало Падму за живое. В гневе Падма говорила все, что ей приходило на ум: «Много лжи ты нагородила! К женским уловкам прибегаешь в моем присутствии! Твои намерения оскорбительны для меня! Приютила у себя в доме моего врага — как же ты жива! Ступай подальше отсюда, Нета! Будь кто другой [на твоём месте], тотчас же строго наказала бы [его]!» Речь Падмы привела Нету в ярость. Гневно [она] отвечала: «Как много ты бранишься! И такое говоришь [мне], дочери своей рабы! Я прачка, но ты тоже хороша! С малых лет [Беула] самозабвенно творит пуджу

тебе. Не успела кончиться [ее] первая брачная ночь, а ты уже погубила ее супруга. На плоту из банановых пальм с мужем плыла Беула. Ради тебя пересекла море! До сих пор не перестает Беула надеяться на тебя. Почему ты запрещаешь мне приютить ее? А ведь Нета не шадила себя ради тебя! Почему же так высокомерно бранишь [меня]? Живи счастливо, Падма, ни о чем не беспокойся! Завтра, Падма, убедишься в отваге Неты! Помогаю я в беде двум людям, почему же должна терпеть оскорбления? Завтра воскрешу Локхаи и отправлю на родину!» Сказав так, поспешила Нета уйти. «Постой, постой!» — закричала [Моноша], схватив Нету за руку. Сказала [она]: «Ты прекрасно знаешь, Нета, какой беспощадной может быть Падма! Сильно прогневалась [я] и приказываю: отошли прочь Беулу! Переплыв море, Беула шла ко мне. И я [сама], как надлежит, воскрешу Локхаи. Быть в твоём доме — это значит быть и в моём доме. Как бы обо всем, Нета, не прознал батюшка!» Жестокая речь Падмы испугала Нету. Простившись, Нета вернулась домой. Сказала Нета: «Зачем ты, Беула, пришла сюда? Воскрешение [твоего] мужа во власти других. Сколько горя [ты] натерпелась, пересекая море! Но вижу, от Падмы не будет тебе помощи. Рядом с дворцом Падмы стоит дом Шивы. Постоянно живут там Шива с Гаури. Пойди попляши и попой перед Шивой. Услужишь Великому богу и в награду получишь мужа. Мой сын Дхонопоти — океан достоинств. Есть у него покои для танцев и четыре мриданги. Дам тебе одну из его мриданг. Ступай и попляши перед Шивой!» За беседой наступила вторая стража ночи. Тогда молвила Беула: «Ухожу я отсюда!» Старательно нарядилась Беула. На плечо положила мридангу Дхонопоти. Ночь [сменилась] рассветом, [дома] сидел веселый Шива. В тот час быстро дошла Беула [до его дворца]. Всей душой жаждал Повелитель насладиться песнями. Поведал Повелитель о своем страстном желании [послушать] песни. Поразмыслив немного, утвердилась Беула душой. И нежным голосом под звуки своей мриданги запела. Пела дивно, посрамив [пение] кукушки. Услышав [пение], возликовал душой Великий бог. Сказал Великий бог: «Послушай, Нанди, Махакала! Что за певичка поет песню — слушать ее огромное наслаждение. С тех пор как ушли Анпруддха и Уша, не слышал я подобного пения». По велению Шивы, как ветер, помчался Нанди. Привел Беулу к Великому богу. Справа [от Шивы] сидел Карттикея, слева — Мать, Чанди. Вокруг расположились боги. Увидев Беулу, Шива не смог припомнить, [кто она]: «Сначала пусть спляшет, потом вспомню!» Разгадав думы Шивы, обрадовалась Беула. И принялась танцевать и петь перед Шивой. словно кукушка, пела нежным голосом. Нежным голосом пела песню, ногами плясала. Руками била в барабан, а устами пела песни.

Разные пела песни — все приятные слуху. Молвил Великий владыка: «Слушай, Нанди, Махакала! Лучше божества поет песни человек! Родилась [она] в благословенный миг, хвала ее отцу! После стольких дней развеяла мою тоску по Уше. Танцует дева, как я, а поет, как Чанди. Искуснее Нанди играет на мриданге. Ради чего поет [она] песни, не понимаю, на что надеется? Дай [ей] сокровищ на десять миллионов [рупий] и посели рядом!» По слову Шивы быстро умчался Нанди. Принес сокровищ на десять миллионов [рупий], встал рядом. Глядела Беула искоса, быстро двигались [ее] руки [в танце]. Был очарован [ее] танцем Повелитель-трех-миров. Велел Шива: «Нанди, спроси у девы! Сокровища ей не нужны, что же хочет? Где живет дева, чья дочь? Какой касты, какое вознаграждение желает получить?» Довольный, молвил Владыка: «Перестань танцевать! Что твоей душе угодно, тем и награжу!» Услыхав слова Шивы, обрадовалась Беула. Перестав танцевать, встала перед Шивой. Перед Шивой говорила дева, сложив умоляюще ладони. Теперь, певец, сказывай печальным [стихом] лачари! (1—238)

207.

лачари

Отбросив стыд и страх, сложив умоляюще ладони, сказала Беула: «Ты, Шива, первопричина! Рождение, гибель, покой — все ведомо тебе, зная все, почему же спрашиваешь? Разве ты не знаешь, что в северном царстве живет Чандо, его дом в городе Чомпок. Хоть и купец, царской властью наслаждается, постоянно творит тебе пуджу, потому-то истреблен его род! Его младший сын, превзойденный по красоте и достоинствам, по имени Локхиндор — мой супруг. Сделав щель в железном доме, Падмавати принудила змею ужалить его в первую брачную ночь! Неожиданно — то было как удар грома — похитили моего супруга, причинила его смерть великое горе. Обняв мертвого мужа, плыла [я] по водам Ганги, и вот пришла сюда к тебе. Пересекла [я] море, шесть месяцев голодала, от горя иссохло [мое] тело. Ты — спасение для сирот, воскресил супруга, и все люди восславят [тебя]!» Поник головой всевышний, выслушав речь Беулы, молвил: «Прекрасно, прекрасно! Не чужая ты мне, встань поближе, продолжай свой рассказ. Ведь [ты] породнилась с Чандо и [мне теперь] как внучка¹⁾» Рассмеялась Мать, Чанди: «Твои уста не знают стыда, это же Уша, дочь Баны! Догадываюсь, чего ты хочешь, каковы твои чувства. Но как же [тебе] воскресить ее мужа? Тем ртом, в котором засела колючка, и выплевывать эту колючку. Призови Падмавати! Из-за твоего проклятия родилась [Уша] на земле, но в том виновата Моноша». Выслушав речь Чанди, поник головой Повелитель: «Все

случившееся есть божественное предопределение!» Лицеэрея Падмавати, радостно сказывает Биджой. Отправился Нанди привести Падму. (1—36)

208.

нояр

Припев:

О Шива, дивный, о благодаритель, благодаритель!

Довольная собой, сидела [на троне] богиня От-яда-исцелительница. Явился к ней привратник по имени Нанди. Удивилась Падма при виде Нанди. Надменно предложила сесть. Отвечал Нанди: «Не до посиделок. Повелитель прислал меня за тобой». Сказала Падма: «Послушай, Нанди, Махакала! Болит у меня голова, дурно себя чувствую. Не могу понять, что это нынче со мной. Не пойду никуда, ты [один] возвращайся». Слова Падмы очень огорчили Нанди. Сильно разгневанный, поспешил [он] к Шиве. Восседал Великий бог в окружении богов. Умоляюще сложив ладони, передал Нанди слова Падмы. Выслушав его, воскликнул Шива: «Что сделали со мной! Вот какая дочь Падма — позором покрыла [наш] род! Презрев богов, якшается с людьми. Погубила чужого мужа, а теперь притворяется, что голова болит». Думал, думал Шива и принял решение. Послал сына Карттикею привести Падму. Получив отцовский приказ, поспешил бог. На своем вахане — павлине — приехал к Падмавати. Сказал Карттик: «Богиня, [ты] стала слишком самостоятельной! Как посмела ослушаться веления батюшки? Слушай мое слово и не притворяйся! Взойди на зменную колесницу, богиня, и поспеши к отцу!» Трудно было противостоять настойчивости Карттика. Взойдя на колесницу, быстро помчалась Падмавати. Ничего не хотелось Шиве — только бы смотреть на танцы [Беулы]. Взяв прах от ног отца, Падма села на землю. Безмерно обрадовалась Беула при виде Падмы. Издали низко поклонилась [ей], молитвенно сложив ладони. Была велико мудра Беула, дочь Шахе. Долго [она] восхваляла Шиву. Сказала Беула: «Шива, ты божество обиженных! В трех мирах нет ничего равного твоему слову! Заступник сирот, ты главный среди богов! Накинув на голову край сари¹, умоляю, верни супруга!» Так Беула говорила Шиве. Теперь, [певец,] сказывай лачари. (1—40)

209.

лачари¹

«Ты, Шива, великий благодетель и безмерно добродетелен! Набросив край сари на голову, умоляю, верни мужа! Все боги говорят, ты самый главный [среди них]. О всевышний, исполни

мольбу несчастной! Где царство Чомпок, а где град богов! К тебе так издалека я шла. Мой возлюбленный муж — сын твоего раба. Сотвори, что надлежит, воскреси моего супруга!» (1—8)

210.

пояр

Хотелось [Шиве] вернуть Беуле мужа, [он] был сердит [на дочь]. В гневе сказал Великий бог: «Став независимой, ты сеешь вражду. Погубила мужа Беулы и молчишь! Молчать — много отваги не надо! Воскреси Локхан — так сохранишь честь!» — «О Хари, Хари! — воскликнула Падма, хлопнув в ладоши. — Какой только бранью не осыпаешь меня, батюшка! Повели, пусть [Беуле] обретут голову! Из-за [ее] кармы умер супруг. Да просто Беуле хочется потанцевать и попеть. Никакого убийства не было на земле людей. Коли [я] погубила Локхиндора, воскрешу его!» Над речью Падмы посмеялась Беула: «Разные способы колдовства тебе ведомы, лживая ракшаса!» Обо всем рассказала Беула в присутствии Падмы. Глядел на Беулу Шива и от страсти терял сознание. Молвил Великий бог. «Беула, нет другого пути! Оплодотвори свою юность — улади меня!» Сказала Беула: «Что еще готовит судьба несчастной? Куда ни пойду, [повсюду] преследует [меня] судьба!» Отринув стыд и страх, отвечала Беула Шиве. На сей раз, [певец], надлежит сказывать лачари. (1—24)

211.

лачари

Притворно сложив умоляюще ладони, сказала Беула: «О Великий, бог, в этом мире ты владыка! Созидание, сохранение Вселенной — все подвластно тебе, неужели ты похитишь чужую жену? Недавно умер муж, и я женщина нечистая¹, другой побрезгует даже коснуться меня! Перестань зарится на чужое, воскреси супруга и будешь ты прославлен в трех мирах! Что мне еще сказать, я жена, давшая обет верности супругу. Ты бог и сам все ведаешь! Локхиндор [мне] муж, и он мой путь, любой другой [мужчина для меня] отец!» Выслушал Держатель трезубца речь Беулы и устыдился, от стыда не в силах был ответить [ей]. Биджой Гупто говорит истину: Нет у меня другого пути, будь же милостива, богиня Падмавати! (1—16)

Так беседовал Великий бог с Беулой. В присутствии Падмы поведала Беула всю правду. Речи Шивы очень обрадовали Беулу. И бросила [она] перед собравшимися хвост змеи Кали. «О боги, будьте свидетелями! Это змея Кали ужалила моего супруга. Ужала мужа, а мною пренебрегла! Призовите змею Кали и всем покажите ее». Отвечала Падма: «Твой муж умер из-за своей кармы. Знаешь сама, змею Кали положено сидеть у врат Ямы. Захватили негодницу сверх меры. Ограбила, да еще норовит ухо отрезать! Поручили вороне кукушонка пестовать! Змея Кали погубила [твоего] супруга, какая тут моя вина? Слушайте, слушайте, боги, о наглости Беулы! Кали ужалила ее мужа, какая тут моя вина?» Сказала Беула: «О боги, знайте же! Змея Кали — ее племянница. Все говорят, что как к дочери относилась [к ней] Падма. Погубила моего мужа, а нынче вдруг стала праведницей!» Говорила Беула, распаяясь. Хвосты восьми змиев бросила перед собранием. Все увидели хвосты восьми змиев и пришли в изумление. Повелел Великий бог: «Падма, призови восьмерых змиев!» «Призови, призови!» — громко закричал. Душа Падмы трепетала, но уста молчали. Сказал Великий бог: «Падма, обо всем [я] догадался. Ничего хорошего не получится из словесной перепалки. Умер ли [сын Чандо] из-за [своей] кармы или же оттого, что твоя змея ужалила, — все равно. Воскреси Локхиндора, и пусть Беула вернется на родину!» Уговаривал Шива Падму, держа ее за руку. А все боги кричали ей славу. Почтительность богов поправила Падму. Почтительность Великого бога развеяла горе Падмы. И Падма сказала: «Батюшка, ты величайший среди богов! Но умершего, мертвеца оживить дело не простое. Труп спустя шесть месяцев¹ — это не умерший день или два назад! Не простое дело [оживить] покойника через шесть месяцев! Скажи как отец слова, которые помогли бы [мне] преодолеть страх перед трупом. Тогда воскрешу я Локхиндора. Твои речи обидели меня. Вели Беуле принести кости Локхаи!» Стояла поблизости Беула, слышала слова Падмы. Взяла Беула кости, [хранившиеся] у подножья чампаки, и принесла их. Пересчитала, положила перед Падмой. Получив кости, сказала Падма: «Что случилось со мной? Так и не сумела [я] перехитрить дочь купца Шахе». Думала, думала Падма и решила. Сидела Падмавати вместе со змеями. Кругом сидели радостные боги. Кости Локхаи положила Беула перед [богиней]. По правую сторону от Моноши села Беула, по левую сторону — Нета. Понимала Падма беду Беулы, и душа [ее] разрывалась. И о своей печали Падма поведала Беуле. Сказала Падма: «Горе Беулы сжигает [мою] душу!» На сей раз, певец, сказывай песнь лачари. (1—58)

Песнь о двенадцати месяцах

213.

Припев:

Слушай, слушай, о Беула!

«Слушай, Беула, дочь Шахе! Не могу снести оскорбления. Дивны дни и ночи в месяце бойшахх. В своем доме Шонока творила пуджу мне. Прослышав [об этом], обезумел от ярости Чандо. Палкой из хетала разбил священный горшок. Слушай, Беула, стыдно [об этом] рассказывать! Поклонялась перед священным горшком Шонока, Чандо же ударил [по нему] палкой. В месяце джойштхо¹ поют кукушки. В гневе вырубил [я] рощу арековых пальм Чандо. Негодяй знахарь Дхоннотори был великим колдуном. Громким возгласом возродил срубленные арековые пальмы. Негодяй знахарь был очень удачлив. Возродил [он] срубленные арековые пальмы — сама видела. В месяце ашарх² веселится весь мир. Повсюду поклоняются Моноше, [прославляя ее], поют песни певцы. Поют песни, поставив перед собой расписной горшок. Из-за какого моего прегрешения ударил [купец] левой ногой по горшку? Негодяй купец Чандо — царь Чомпока. Запретил негодяй в городе Чомпок поклоняться [Падме]. В месяце срабон пятый лунный день [посвящен] Моноше. Явилась я туда, где тайно поклонялась мне Шонока. Прознав это, разгневался Чандо, страха не ведает [его] душа. Ударил [меня] палкой из хетала, сделал кривобокой. Сильно страдала от боли я. Отправилась к [рыбакам] Джалу и Малу, вылечила поясницу. В месяце бладро³, о Беула, яд прибывает [в змеях]. Похитила [я], обернувшись танцовщицей, великое знание [у купца]. Слушай же, Беула, стыдно рассказывать! Умоляла [негодяя] о любви, а затем похитила великое знание. В месяце ашхин⁴ все творят пуджу Десятирукой⁵. Тайно Шонока творила мне пуджу. Прослышав об этом, закричал негодяй Чандо: «Дхона, Дхона!» Застань он меня в молельне — не быть [мне] живой! В месяце картинк высыхает и грязь и вода. Обернувшись пастушкой, пошла [я] в город, страдающий от засухи. Хотела, чтобы плут [Дхоннотори] выпил отравленное молоко. Обернулась теткой Комолы и придумала, как погубить его. В месяц огран⁶ землю покрывают молодые побеги риса. Отведав водички от замоченного риса, умерли шесть сыновей Чандо⁷. Погубила шестерых сыновей, но на глаза негодяя и слезинки не навернулось! Набрав товаров, отправился в плавание [купец] по водам Ганги. В месяце поуш⁸ Шонай не было дома. В молельне Джалу [я] наградила ее сыном. В молельне Малу творила пуджу мне

Шонаи. Наградив [ее] сыном, отослала домой. Убедись, Беула, в силе [моей] милости! Благодаря этой милости родился твой собственный муж. В месяце магх⁹, о Беула, дует северный ветер. В морской город отплыл Чандо, снарядив четырнадцать кораблей. Завладев кормилом, через море я переправила [их]. Хитростью опустошила сокровищницу царя. И тогда глупый Чандо ни о чем не догадался! Меня не почитал, но творил пуджу всем богам. В месяце пхальгун, о Беула, дует северный ветер. Возвращался на родину Чандо, нагрузив корабли [товарами]. Поднося разные цветы, Чандо сотворил пуджу богам. Страстно желая получить жертвенные приношения, пришла [я] к Чандо. Сложив просительно ладони, умоляла о цветах и воде. Презрев, он не поднес даров и обозвал Кривой. Слушай, Беула, стыдно [об этом] рассказывать! Умоляла [его] о цветах и воде, а желала дара любви. В месяце чойтро наслала бурю. В Черном омуте потопила четырнадцать кораблей Чандо. Заставила [купца] семь дней плыть в море. Добравшись до берега, [он] изругал меня, как душе было угодно! Боялась я, Беула, своего отца! Но очень хотела убить [Чандо], лишить его жизни. В месяце бойшах [состоялась] свадьба Локхиндора. Из железного дома похитила [его]. Повела тебе о своих бедах. Сейчас воскрешу Локхай!» (1—72)

214.

пояр

Чтобы оживить Локхиндора, села богиня Моноша [на землю]. Вокруг сидели обрадованные боги. Разложила [богиня] кости Локхай. Составила из них [скелет] мужчины. С Нетой пошептала Падмавати. Принесла та кувшин с водой из источника живой воды. Повсюду разложила Падма ветки с восемью цветами. Сидела Мать, От-яда-исцелительница, погрузившись в созерцание. Одни [боги] наблюдали издалека, другие — вблизи. Чтением мантры Падма очистила Локхай от яда. Сначала кровью окропила ветки с восемью цветами. [Потом] к впадинам приставила руки и ноги. Говорили боги: «Хорошо получается у Падмы! Дивная кожа появилась на теле Локхай!» Гордилась [Моноша] своим умением перед дочерью прачки. Вслух читала мантры, а боги внимали [ей]. Помянув всевышнего, Падма произнесла заклинание. И в теле Локхиндора появилась кровь. Появились плечу, ноги, руки, ногти, волосы. Образовался нос, цветку кунжута подобный. Возложив руки на грудь [Локхай], воскликнула Падма: «О Шива, Шива!» И в теле Локхай затеплилась жизнь. Биджой Гупто говорит: Певец, прошу, поведай о мантре [Падмы] дивным пояром. (1—16)

Мантра

215.

Припев:

Нет яда, нет, в теле Локхаи нет яда!

Сказала Падмавати: «У тебя нет имени, яд! Тебя создал Господь во время пахтанья [Молочного океана] ради амриты. Справа река с названием Дхобол, слева — мать Ганга. Изыди низом и верхом, нет больше яда! Был отравлен Молочный океан. Испив яда, испустил дух Великий бог. В Ганге спрятал тебя, [яд], Дханвантари. В мгновение ока изыди!» Услыхав зов, потек из тела страшный яд. По велению дочери прачки ядовитый пот выступил на лице [Локхаи]. Снова Падмавати погрузилась в созерцание. Отрешенная от мира, повторяла богиня свое заклинание: «В Молочном океане наступил большой прилив. Падмавати правит веслом, Нета держит садок. На другом берегу, смеясь, катается по земле женщина из касты дом!» По велению Моноши яд выступил потом на лице [Локхаи]. И снова погрузилась в созерцание Падмавати. «Слушай, слушай, о яд, ты исполнен добродетели! У дверей Шивы [рестет] гранатовое дерево, в трех местах искривленное. На нем каркает страшный ворон. Говорит ворон: „Смотри, ворониха, как забавно! Шива и его дочь идут вместе!“ Услыхала это ворониха и обрадовалась. Превратись в пепел, превратись в пепел, яд Калакута¹!» И вновь Падмавати погрузилась в созерцание. «Слушай, слушай, о яд, ты исполнен добродетели! — молвила Падма. — У тебя нет имени, яд! Заклятем Дхармы ты пребываешь во сне. Лишь милостью Моноши ты наносишь смертельный удар! Оседлав главную мантру, изыди!» Ушел Шива в заросли лотосов, заснула Богиня. Высох трехдневный ядовитый пот [на лице Локхаи]. Закапала кровь, закапал гной, закапала вода. «Излейся, излейся яд [рекою] Калинди, [как это было поведено] ранее в главном сказании²!» Живой водой из источника окатили тело [сына Чандо]. Словно пробудившись от сна, приветал Локхиндор. Сидел Локхаи, но глаза застилала пелена. Пригоршней воды Падма смыла пелену. Голым стоял Локхиндор в собрании. Заметив это, [в смущении] опустил голову Локхиндор. Не счесть во дворце богов одеяний и прочего. Обмачили [Локхаи] посреди собрания в роскошные одежды. Сандалом умастили тело. Возгласами «Слава, слава» огласили дворец богов. Был мертв Локхиндор, теперь снова жив! Восхваляя [Беулу] дакини и йогини. Ожил, ожил Локхиндор, великая красавица отвела змеино проклятие! Счастливо собрание богов — ожил Локхиндор, поют певцы благословения. Радостным сидел Локхаи в собрании богов. Распростерлась Беула ниц у ног Локхиндора. «Слава, слава! — кричали боги. — Смотрите, ведь это Уша, [оба] как Мадана и Рати!» Глядел вокруг Локхаи,

растроганный. При благоприятном сочетании звезд свиделись Локхай и Беула. Молвил Локхай: «Беула, не могу понять, что случилось? Куда [я] попал, где моя страна?» Говорит Биджой Гупто: Певец, повторяй [имя] Рамы! Теперь читай лачари, дай отдых пояру. (1—58)

216.

лачари

Припев:

О Беула, кажется мне, здесь какая-то хитрость!

«Уснул [я] в железном доме. А как попал в град богов, скажи, Беула, какая тому причина? У тебя шестеро братьев; не видно моей матери, боюсь, умерла мать от горя. Отец мой — Чондрохор, дом в городе Чомпок, красавица Шонока — моя мать. Сжалился над ней всевышний: обрела [она] меня, океан добродетелей. Горюя обо мне, не умерла ли она? Миг меня не видит — и нет уже счастья в ее душе, какой же бог ниспослал ей такое испытание! Гибель семи сыновей — сколько сердце может выдержать! Скончалась мать, не перенесла моей смерти. Отправили меня [на плоту] плыть по реке, как же могла остаться дома моя мать, великая страдальца? Много горя узнала до того, как зачала меня. [Давно] не называл ее матерью! Чтобы состоялась моя свадьба, отец с превеликим трудом возвел железный дом. Почему же всевышний обманул отца, океан добродетелей? Какое божество наслало на меня такие муки? Не выжить в горе и скорби отцу и матери! Давай поедем повидаться с отцом и матерью! Ежели умрет моя мать, кого стану называть матушкой, идем скорее, я возвращаюсь домой!...¹ Не видя меня, мать, обезумев, бросится в воды Ямуны. Слушай, Беула, [мое] слово: была мать очень несчастна, пока ты и я плыли по реке. Идем, идем скорее, когда увижу лица отца и матери, вернутся [к ним] жизненные силы!» (1—28)

217.

пояр

Выслушав жалобу супруга, молвила Беула: «О Рама, Рама! Вернись назад на родину, когда всех воскрешу!» Услыхав это, удивился Локхай. Воскликнул: «О Хари, Хари! Великая удача мне выпала — жена Беула!» Слова Беулы развеселили Локхай. Приладил [он] на плечо мридангу Беулы. Рукой бил по барабану, устами песни пел. Изящно и быстро кружилась в танце Беула. Сказала Падма: «О Беула, ради чего танцуешь и поешь? Скажи, не ломаясь, что еще хочешь!» Речь Падмы обрадовала Беулу до глубины души. Сложив молитвенно ладони, Беула сказала Моноше: «Остались дома шесть невесток. Все время смотрят

[они] на дорогу. Все [для них] погибло из-за ненависти свекра [к тебе]. Твоей милостью возвращусь домой с мужем. Зарыдают шесть невесток, видя мое счастье. Глядя на них, сердце мое разорвется. Оставив шестерых невесток дома, пришла [я] сюда одна. Воскреси шестерых деверей, и уйдем [мы] домой!» Услышав эту речь, звонко рассмеялась Падма. В мгновение ока очутились у Ганги. Спросила Ганга: «Скажи, зачем пришла сюда?» Подробно рассказала Падма о просьбе Беулы. В дивных одеждах сидели шестеро юношей. Очень удивились [они], увидев Падму. Молвила Ганга: «Слушайте, шесть юношей! Ступайте к себе на родину!» [И] шесть юношей ушли с Падмой. В мгновение ока очутились во дворце Великого бога. Смейся, сказала Мать, От-яда-исцелительница Беуле: «Взгляни, Беула, вот шестеро братьев твоего супруга!» Познакомились с Локхаи шесть его братьев. У стоп Моноши поет вайдя Биджой Гупто. Запели семь братьев вместе: «Кроме твоих стоп, [Моноша], нет иного пути! Да славится, славится плодотворная жизнь Шоноки! Благодаря ее добродетели воскресли шестеро сыновей Чандо!» Смейся, спросила Падма: «Почему, [Беула], продолжаешь плясать? Воскресила же [я] супруга и шесть деверей!» Взяв прах от ног [богини], снова заговорила Беула: «Безмерна [моя] радость — увидела богов. Пришла одна, уходим же восьмером! Но как мне переплыть море! Я хочу пересечь океан на кораблях свекра». На слова Беулы рассмеялась Мать, Джагатгаури: «Сейчас же подниму [со дна] четырнадцать кораблей Чандо». Стопам Падмы [низко поклонившись], простилась Беула. Вместе с мужем и деверями пошла на берег моря. Ликовали душой десятки миллионов богов. Дабы [все] увидеть, радостные, отправились [они] вместе с Падмой. Взойдя на колесницу, быстро мчалась Падмавати. Поклонившись [Ганге], сказала Падма: «Будь внимательна! Вместе с кораблями потонули люди и сокровища». Послала Падма змей за Хануманом¹. И за Айраватой послала множество змей. Получив весть, явился слон Айравата. Сказала Падма: «Хануман, поспеши! Немедля подними [со дна] четырнадцать кораблей Чандо!» Поднял Хануман корабли и вытащил их на берег Ганги. Своим длинным хоботом Айравата очистил [их] от грязи. Посреди моря возвышались корабли, как горы. Звонко смеялась Падмавати на змеиной колеснице. Все, что похитила От-яда-исцелительница, вернула мудрая дочь Шахе. Упав на землю, взяла [Беула] прах от стоп Моноши. Восславив стопы Падмы, взшла [она] на корабль. Молвила Падма: «Беула, не желаешь ли еще чего-нибудь? Ведь возвращаешься на родину вместе с сокровищами, людьми и супругом!» Отвечала Беула: «Прощу, Падма, успокойся душой! Будет творить тебе пуджу свекор приношением цветов в ладонях!» Так благодаря Беуле Моноша одарила своей милостью [Чандо]. Со счастливой душой [все] плыли в город Чомпок. Милостью богов быстро плыли корабли. Через шесть дней доплыли до берега игрока. Сказала Беула: «Воз-

любленный муж, выслушай мою просьбу! Во время путешествия я дала клятву наградить игрока». Слова Беулы тронули сердце Локхаи. Наградил он игрока богатством, дал пять жен. Оттуда корабли следовали дальше. Рассказала [Беула] страшную историю о Года: «Увидев меня, прыгнул [он] в воду. Уже много дней находится Года в воде, пойманный рыболовным крючком». Выслушал Локхаи рассказ Беулы и вытащил Году [из воды]. Отрезав [ему] волосы и нос, отпустил его. Оттуда плыл Локхаи с радостной душой. Быстро доплыли до города Уджани. Сказала Беула: «Возлюбленный муж, открою тебе! Коли получишь твое соизволение, поведу тебя к матери». Отвечал Локхаи: «Ступай, любимая, в город Уджани! Не задерживайся там, возвращайся поскорее!» Радостно простилась [Беула] с Локхаи. Вошла в город Уджани. Пребывала в горе Шумитра вместе с шестью невестками. Денно и ночью рыдала госпожа, восклицая: «О Беула, Беула!» Потоками, словно ливень в срабоне, текли слезы. В это время к матери вошла Беула. Вдруг увидела [Шумитра] деву, красотой и одеянием схожую с Беулой. С криком «Беула, Беула» упала госпожа на землю. Спросила Шумитра: «Мать, как тебя зовут? Ты похожа на мою Беулу! С мертвым мужем отправилась [она] в град богов. От тоски по Беуле сердце мое разрывается». Выслушав плач [матери], воскликнула Беула: «О Рама, Рама!» Открывшись [матери], припала к [ее] ногам. Рассказала подробно обо всем. [Поведала], как воскресила героя Локхиндора. Слушал народ и дивился. А горожанки восхваляли [дочь Шахе]. «Слава, слава!» — кричал весь народ. Заплясал купец Шахе, обняв Беулу. Молвила Беула: «Отец и мать, прошу вас, давайте прощаться, уезжаю к свекру и свекрови!» Отвечала Шумитра: «Что [ты] говоришь, Беула! В погасшей душе ты зажгла огонь!» Плакала опечаленная Беула, в душе [ее] не было покоя. Головой коснулась стоп отца и матери. Поклонилась ученым мужам и отправилась к супругу. Рыдала Шумитра, била себя в грудь. А все родные причитали: «Куда уходишь, Беула?» Биджой Гупто говорит: Певец, будь прилежен, оставь пояр, пой песнь лачари. (1—124)

218.

лачари

Припев:

Стань Беулой и ответь мне!

«Гляжу на твой лик, и сердце разрывается: исчезла Беула, унеся мою жизнь!» Охваченная горем, [Шумитра] заглядывала всем в лицо, восклицая: «Беула, о Беула», громко рыдала: «Обняв мертвого мужа, плыла ты по водам Ганги, покорила град богов. Исполнила Падмавати [все], воскресила твоего супруга, в трех мирах [ты] прославилась!» Срывала госпожа с себя одежды, рва-

ла на голове волосы, рыдала, катаясь по земле. Не видя Беулы, побежала на берег Ганги, била себя в грудь. Сказала Беула: «Послушай, матушка, успокойся и ступай домой, нельзя, чтобы народ видел такое!» Биджой Гупто говорит истину: Нет у меня иного пути, будь милостива, Победоносная, От-яда-исцелительница! (1—16)

219.

пояр

Милостью Моноши отплыли корабли. Народ, скорбя, разошелся по своим домам. Плывая по морю, пели песни моряки. Так и доплыли до города. Увидели город Чомпок и очень обрадовались. Оделась [Беула] девой из касты дом. Нарядилась дева так, как одеваются женщины из касты дом. Вошла Беула в город Чомпок. От людей получила весть [о ней] госпожа Шонока. Послала служанку привести женщину из касты дом. Пристально разглядывала Шонай лицо и глаза [девы]. Всем похожа она на Беулу! Вспомнила [Шонока] Локхиндора и разрыдалась. Теперь сказывай, [певец], стихом лачари. (1—14)

220.

лачари

Припев:

О Беула, у какого берега бросила [ты]
Локхиндора в воду?

...¹. «Бросила Локхиндора в воду, не вернула домой, где же лежит мой Локхай? Ведь [у тебя] и походка Беулы, и повадки Беулы, и такая же, как у Беулы, прическа! Откуда [ты] пришла Беула, сняв джутовое сари? Скажи, кто ты? Почему, бросив юного Локхай, пошла в семью человека из касты дом? Вижу на тебе знаки касты дом. Купеческая вдова не пользуется синдуром, не носит браслетов из ракушек, скажи же мне, кто ты!» Принесла [Шонай] листья аронника, подала вымоченный рис. Все слышал стоявший снаружи купец. С палкой из хетала на плече вбежал на женскую половину. И в страхе убежала женщина из касты дом. (1—16)

221.

пояр

Услышав на женской половине громкий плач, поспешил туда повелитель Чандо. Гневно спросил Чандо: «Где же домини?» Слово листо на банановой пальме, затрепетала душа Беулы. В страхе быстро сбежала домини. В мгновение ока пришла к Локхай. Сказал Локхай: «Беула, говори, как есть! Неужели и вправ-

ду ты видела моих батюшку и матушку?» Отвечала Беула: «Слушай, [мой] господин, все расскажу! Кожа да кости Шонаи, в чем только душа держится! В горе и скорби рыдает свекровь! Исчезла ее прежняя красота, совсем плоха. У свекра, сама видела, выросла длинная борода. Не снимает он с плеча палку из хетала». Тем временем Шонаи, горя, вместе с шестью невестками пошла взглянуть, [не появились ли] приметы, предсказанные [Беулой]. Увидела, пустил ростки вареный рис. У растертой куркумы распустились листочки, и горох пророс! Сказали шесть невесток: «Перестань горевать, матушка!» Увидела в покоях новобрачных госпожа, что пророс вареный рис, и подумала, что все хорошо с Локхаи. В то время явился туда брахман Мукаи¹. При виде Мукаи пришел в изумление Чандо. Упав [тому] в ноги, [купец] приветствовал [его]: «Ты же затонул в океане вместе с кораблями! Как ты вернулся [оттуда], скажи правду!» Отвечал ученый муж: «Слушай, купец! Четырнадцать кораблей вместе с людьми и сокровищами вернулись к тебе домой». Особо сообщил, что вернулись и семеро сыновей [Чандо]. Вернулись корабли с людьми и сокровищами на родину! И воскликнул Чандо: «Кривая, видно, знает страх твоя душа! Испугалась меня и возвратила людей, сокровища и корабли. Вернула четырнадцать кораблей и семерых сыновей». Молвил Мукаи: «Купец, не витийствуй много! Сотвори пуджу Падмавати, купеческий сын! Не почтишь ее — людей и сокровища снова отберет!» Отвечал Чандо: «Жрец, как [мне] снести такое! Будь другой человек [на твоём месте], вмиг лишил бы [его] жизни! Как я могу той рукой, что творю пуджу стопам Шивы, делать подношения Падме?» Увидев Мукаи, сильно обрадовался народ. И тогда на берег Ганги отправилась Шонаи. (1—42)

222.

лачари¹

Припев:

Раздались крики, возгласы «Слава» в городе Чомпок!

Словно руками Шонаи достала до неба. «Сынок, сынок!» — громко звала Шонаи. Сказала Беула: «Не огорчайся, госпожа! Видишь, на корабле стоит горшок Монопи! Ежели свекор поклонится богине От-яда-исцелительнице, то с людьми, сокровищами и [твоими] сыновьями вернемся в родной город. Ежели свекор поклонится Матери, От-яда-исцелительнице, то вместе с людьми и сокровищами пойдем домой. Ежели свекор не поклонится богине От-яда-исцелительнице, то вместе с людьми и сокровищами я уйду в град богов. Прошу, выслушай все внимательно! Воистину богов [я] упросила об этой милости!» Стоило Беуле сказать подобные слова, и горестно зарыдала госпожа: «Сынок, о сынок».

«Сынок, сынок! — громко рыдала госпожа. — Я протягиваю [к тебе] руки, приди ко мне в объятия! Ожидая тебя, я [непрестанно] смотрела на дорогу. Приди в [мой] объятия, дитя, назови меня матушкой! Все глаза проглядела, не отрывая их от дороги! Приди в мои объятия, сынок, хочу увидеть твой лунный лик! С тех пор как ты, сынок, покинул меня, никто не звал меня „матушкой“! О сын Локхиндор, выслушай меня! Назови матушкой и приди в мои объятия!» Не спускала глаз Шонаи с лица Локхиндора. Хотела Шонаи броситься в воду. Сказала Беула: «Госпожа, успокой свою душу! Ежели [Чандо] сотворит пуджу, Локхиндор будет твоим!» Говорит Биджой Гунто: Чандо, слушай внимательно! Поклонись, купец, стопам Падмы! (1—30)

223.

лачари

Возликовала Шонаи, [когда] увидела шестерых братьев Локхаи, искупалась госпожа в океане радости. По правую сторону от жены сидел Локхиндор, справа [от него] сидел ученый муж Ронгаи. Молвил Чандо: «Беула, послушай, как мне описать твой достоинства, в счастливый миг корабли пристали к берегу! Ежели не увижу [сыновей] — сердце разорвется, пусть скорее выйдут на берег, какая польза быть им на воде!» Вблизи увидела семерых [своих] сыновей Шонока и заплясала, забыла все душевные муки. Вглядывалась в лица [сыновей], покрывала их поцелуями, крепко обнимала [сыновей]. Все горожанки, сколько их было, заплясали вместе с Беулой — ушло горе из города Чомпок! Одни плясали, воздев руки к небу, другие обнимались — ведь прошли все печали и горести! По городу неслись победные возгласы, все были веселы, юные девы славилы [Беулу]. Радовался [народ] по-всякому; отправилась с сыновьями [Шонаи] домой. Биджой Гунто [слагает] дивные стихи лачари. (1—20)

224.

пояр

Всю ночь до рассвета сидели купеческие сыновья с родными. Сказал ученый муж Мукаи¹: «Послушай, купец! Благодаря Падме вернулось все твое состояние. Сотвори пуджу Падме, купеческий сын! Ведь вновь ты обрел семерых сыновей и четырнадцать кораблей с сокровищами». Сложив просительно ладони, умоляла Беула: «Почти, батюшка, разными [обрядами] стопы Падмы! Коли из-за своей гордыни не поклонись Падме, снова уйдешь вместе с людьми, сокровищами и мужем». Услышав подобное, крепко задумался купец. С министрами стал держать совет. Министры и родные долго его бранили: «Сотвори пуджу Падме!

С Падмой враждуя, сколько горя претерпел! Семь сыновей погибло, четырнадцать кораблей затонуло. Был ее врагом, ссорился [с ней]. Спасены семь сыновей — нет у тебя повода для вражды!» Выслушал [купец] подобные упреки и объявил перед собранием: «Левой рукой совершу приношение ей!» Такое услышав, побледнела Падма. Обратившись к Чандо, сказала Чанди [такие] слова: «Тебе говорю, слушай, купец! Единый образ я, другого ничего нет! Тот, кто Брахма, есть и Вишну, и Великий владыка, и Кубера, и Варуна, а также и Чандра, и Создатель дня! Взгляни, Падма и я — единый образ!» Сказав так, обернулась [Падмой] Бхагавати. Во все глаза смотрел купец на обеих [богинь]. Не было [между ними] никакого различия, были они одинаковы. Увидев такое, пришел в изумление Чандо. Упал на землю, ниц распростерся: «Почему, о Мать, так долго не рассказывала об этом? Не знал я, что Падма — воплощение божественного. Молю прощения у твоих ног! Сейчас же сотворю пуджу Падме. Падма есть Мать мира, Изначальная богиня. Не ведал я, что Падма — Мать мира». Сказал Чандо: «Слушай меня, семейный жрец! Расскажи подробно, как сотворить пуджу Падме». На речь Чандо [отвечал] дваждырожденный, сложив молитвенно ладони: «Поведаю тебе установления пуджи, слушай же, купец! Принеси в жертву козлов и буйволов, поднеси благовония и цветы — вот эти разные установления. Поставь золотой горшок [в доме]. Бодрствуя всю ночь, танцами, песнями, разной музыкой [почти Моношу]. [Поклонись богине] шестнадцатью способами², поднеси одежды, украшения». Выслушав речь дваждырожденного, обрадовался Чандо. Слышались кругом возгласы: «Слава, слава». Разослал купец во все стороны людей. Без конца несли все предметы [для пуджи]. Сделал купец золотое изображение [Падмы]. Перед ним поставил золотой горшок. Следуя обычаю, купец призвал двух жрецов. Обоих одарил одеждой и украшениями. Начали [они] пуджу словами благословения. Воскурили благовония, зажгли светильники, поднесли жертвенную еду — так разные обряды сотворили. Преисполненные преданности [богине], совершили предписанное жертвоприношение. Оставаясь на небесах, обратилась Падма [к Чандо]: «Сожги хеталовую палку в курильнице. Слушай, купец, сожжешь хетал, тогда спущусь отведать твоего приношения». Услыхав это, безмерно обрадовалась Шонаи. Разрубила палку из хетала и положила ее в курильницу для благовоний. Заплясала Мать, От-яда-исцелительница, вместе с восемью змиями. И явилась богиня Мать, Падма, принять поклонение [купца]. С радостной душой поклонился купец Чандо. Падмавати вместе со змиями восседала на колеснице. Повсюду были разложены вареный рис, простокваша — приношение найведьи. Не счесть, сколько принесли в жертву козлов и буйволов! Танцевали танцовщицы, пели песни певцы. В горшочке нашла приют Мать, Джагатгаури. Сказал Чандо: «Послушай, Мать,

Прародительница мира! Рот, что обзывал [тебя] низкорожденной и Кривой, набью пеплом! Слушай, Мать! Рот, что бранил тебя, набью известью и золой! Прости меня, Мать, От-яда-исцелительница! Сбрею бороду и усы и брошу к твоим ногам». Услышав подобное, возрадовалась душой Падмавати. Молвила богиня: «Проси, Чандо, я награжу тебя!» Ответал Чандо: «Какую еще милость просить у тебя? Вернула богатство и людей — нет предела [твоей доброте]! Об одной только милости молю у твоих ног. Пусть отправятся шестнадцать человек в небесный мир! Семь сыновей, семь невесток да нас [с женой] двое. Пусть мы отправимся в небесный мир поскорее!» — «Да будет так! — сказала Падма, вознаградив его. — Слушай, купец, скоро отправитесь!» О Падмавати, будь милостива к наёку! Да будет твоей милостью всё неленно и вечно. (1—68)

225.

Радостен был купец, творя пуджу. Беспредельно благодетельствовала [его] Падмавати. Как [неистово] враждовал [купец] с Моношей, так же сильно радовался исполнению своих желаний. Одарив милостью, Падмавати вернулась к себе. Корабли, сокровища, сыновей доставил купец домой. Сколько горя изведал [он], враждуя с Моношей, столько [нынче] счастья познал по милости Падмы. Враждуя с Падмой, много бед изведал [Чандо]. Столько же милостей [теперь] оказала [ему] Падмавати. Благодаря подвижничеству Беулы исполнились все желания. Принесла Падма избавления от страшных бед. Назад получил [Чандо] богатство, получил людей, получил корабли. Денно и ночью славит стопы Моноши. Если бы так [и прежде] творил пуджу купец, то счастливо сберег бы сыновей и богатство в доме. Ночь сменилась рассветом, взошло солнце. Встав с постели, вышел из покоев купеческий сын. Правителем царства был купеческий сын. Призвал [он] к себе всех родных, Локхипоти и множество купцов — все предстали перед Чандо. Увидев родных, обрадовался Чандо. Сложив молитвенно ладони, подробно обо всем рассказал купец: «Спасла моя невестка Беула сокровища, людей, четырнадцать кораблей и семерых сыновей. Хоть и человек Беула, а повидала богов! Только благодаря Беуле все свершилось!» Молвив так, купец повелел побыстрей приготовить угощение. Мгновенно наготовила [яств] Шонока. С ликующей душой совершил купец омовение и пуджу [Моноше]. «Нынче вместе с родными отдаю яств» — так сказал купец Чандо. Во все места разослал Чандо приглашения. «Угощайтесь!» — услышав это, все замолчали, опустив головы. А купец по имени Дхононджой, самый главный [среди них], сложив умоляюще ладони, обратился с речью к Чандо: «Сам ты все знаешь, выслушай же [нас], купец! Шесть

месяцев с мертвым плыла по морю [Беула]. Много разных опасностей подстерегало [ее] в морских водах. Осталась ли чиста Беула — того не ведаем! Без божьего суда над ней не станем есть [в твоём доме]. Только испытав [ее], решим, что делать. Сначала испытаем топленным маслом и золотом¹. Для второго испытания построим лаковый домик². Есть ещё одно испытание — то, которому Рама подверг Ситу³. Этими тремя испытаниями можно проверить чистоту [Беулы]». Услыхав подобное, сказала красавица Беула. Сложив молитвенно ладони, сказала родным: «Дабы устранить ненависть к Падме, явилась [я] в мир смертных. Устранив эту ненависть, отправляюсь на небо. Развеяла [я] вражду, устранила ненависть к Падме. Немедля уеду в град Великого бога! Не буду есть в городе Чомпок!» Сказала Шонока: «Зачем, невестка, говоришь такое? Ведь ты зажгла во мне огонек жизни. И [теперь] из-за тебя я [снова] лишусь жизни!» Пока [она] говорила, [с небес] спустилась колесница. Держа Локхай за руку, быстро умчалась Беула [на ней]. Так в град Шивы удалились Локхай и Беула. Помянули Чандо и Шонока стопы Падмы. И богиня послала [за ними] колесницу из царства Индры. Радостным взошел на колесницу Чандо. Отправились в небесный мир на колеснице Индры шесть сыновей, шесть невесток да их двое. Говорит Биджой Гупто: О богиня, дочь Шивы, в час смерти приюти меня у своих ног! Сделай счастливыми сыновей купца! В каждом рождении [я] прислуживаю твоим стопам! (1—70)

Так кончается книга «Сказание о Падме».

КОММЕНТАРИЙ

КОММЕНТАРИЙ

Песня сложена пояром.

¹ ...*держащую в руках раковину, чакру и дубинку*.— Перевод сделан с фрагмента текста, восстановленного Джоэтокумаром Дашгупто. Атрибуты богини Сарасвати, с которыми она традиционно изображается,— ви́на (щипковый музыкальный инструмент), перо, книга, лотос, четки и горшочек с амритой. Здесь же перечисляются атрибуты бога Вишну. См.: Х. Бхоттачарджо, т. 3, с. 25—28, и т. 2, с. 256—257.

Чакра, бенг. чокро (sakra)— боевое оружие, метательный диск.

² *Повелитель ганов* (gānapatī)— здесь эпитет Ганеши, бенг. Гонеш (Ganesa, букв. «владыка ганов»). *Ганеша*— бог мудрости, устранитель всякого рода препятствий, сын Шивы и Парвати. Ему поклонялись перед любым жизненным начинанием, хвалой ему открывались все средневековые литературные произведения. *Ганы*— низшие божества, прислужники Шивы, находящиеся под началом Ганеши.

³ *Восемь Хранителей небосклона или сторон света* (astalokapāla).—

В космогонии индуизма различается восемь, а иногда десять (если включаются зенит и надир) сторон света. Каждой стороне придано свое охранительное божество: востоку — Индра, западу — Варуна, югу — Яма, северу — Кубера, северо-востоку — Шива, юго-востоку — Агни, северо-западу — Ваю, бог ветра, юго-западу — Сурья, бог Солнца, зениту — Брахма и надиру — Ананта (Вишну).

⁴ *Кадру*, бенг. Кодру (Kadru)— одна из жен Кашьяпы, от которой пошел род змей на земле.

⁵ *Пурандара*, бенг. Пурондор (Purandara, букв. «сокрушитель [вражеских] городов») — одно из имен Индры, иногда Шивы. См. примеч. 21.2.

⁶ *Риши* (ṛṣi)— в индуистской мифологии святые мудрецы-праведники, провидцы, живущие среди богов. Здесь имеются в виду семь из них, которые считаются создателями ведийских гимнов, духовными сыновьями бога-творца и прародителями существ на земле.

⁷ *Веприца* (Varāhī)— здесь одна из ипостасей богини Чанди (отождествленной с супругой Шивы); в ней, согласно *Маркандея пуране* (гл. 88), во время войны с демонами Шумбхой и Нишумбхой воплотилась божественная энергия (шакти) Вишну в аватаре Вепря.

⁸ *Чамунда* (Cāmundā)— одно из имен Чанди, в *Маркандея пуране* толкуется как «сразившая [демонов] Чанду и Мунду».

⁹ *Богиня* (Devī)— часто употребляется в средневековом индуизме как имя супруги Шивы.

¹⁰ *Дваждырожденный* (dvija)— так обычно называли представителей трех высших сословий: жреческого (брахманы), воинского (кшатрии) и сословия вайшья, объединявшего торговцев, земледельцев и ремесленников; здесь имеются в виду брахманы.

¹¹ *Гуру* (guru, букв. «учитель») — институт гуру, духовных наставников, известен в Индии с древнейших времен; вступая в период религиоз-

ного ученичества, каждый индус, принадлежавший к трем высшим сословиям — кастам, избирал себе гуру, который должен был наставить его в вере.

¹² *Бхагиратхи*, бенг. Бхагиротхи (Bhāgīrathī, букв. «дочь Бхагиратхи») — одно из имен реки Ганги и ее богини, связанное с мифом о низведении небесной Ганги на землю. Бездетный царь Бхагиратха молитвами и строгим покаянием низвел Гангу на землю для того, чтобы она оживила шестьдесят тысяч сыновей царя Сагары, которые были сожжены гневным взглядом святого подвижника Капилы и чей прах покоился на дне океана (Махабхарата 3. 107; Рамаяна I. 42—44).

¹³ *Макара*, бенг. мокор (makara) — фантастическое морское животное, часто изображается с туловищем и хвостом рыбы, а головой крокодила, акулы, дельфина и даже лани. Макара считается ваханой (ездовым животным) богини Ганги.

¹⁴ *Лев* — вахана супруги Шивы в ипостаси Чанди.

¹⁵ *Серый гусь* (hāmsa) — вахана Брахмы.

¹⁶ *Молочная река* (Kṣīraṇadī) — здесь имеется в виду не река, а Молочный океан. По мифической географии пуран это одно из семи концентрических морей, омывающих материк Джамвадвипа, на котором находится Индия (Бхаратварша) (Агни пурана СХХI. 1).

¹⁷ *Гора Восхода* (Udaya-giri) — мифическая гора на востоке, где восходит солнце; *гора Запада* (Astā-cala) — гора на западе, где солнце заходит.

¹⁸ *...небеса, мир смертных и подземный мир* — для индуистской мифологии характерно трехчленное деление Вселенной: небо (svarga), земля (bhūmi), здесь «мир смертных», и подземный мир — патала (patala), — представляемый в виде водной стихии и состоящий из семи областей.

¹⁹ *Дхарма* — здесь скорее всего имя Шивы.

²⁰ *...с восьмью змиями...* — здесь имеются в виду восемь сыновей Моноши (см. песни 39 и 40). В *Махабхарате* и пуранах восемь царственных змей, обитателей паталы, — дети Кадру.

2

Песня сложена пояром.

¹ *Срабон* (śrāvana) — четвертый месяц бенгальского лунного календаря, июль — август.

² *...в третью стражу ночи* — стража (grahaṇa) — восьмая часть суток; третья стража ночи длится с 24 до 3 часов.

³ *Хори Датто* (Hari Datta) — судя по этому фрагменту, предшественник Биджоя Гупто. Поэма его не дошла до наших дней. Подробнее см.: О. Бондопаддхай, с. 85—90.

⁴ *Рага*, бенг. раг (rāga) — мелодическая модель, музыкальная схема, выражающая определенные психоэмоциональные состояния — основа для импровизации музыканта. Подробнее см.: В. Чайганья Дева. Индийская музыка. М., 1980, с. 29, 62—64.

⁵ *Божественный повелитель* (Gosāi) — здесь Шива. В данном фрагменте по традиции дается краткое содержание III.

⁶ *Пуджа* (pūjā) — регулярно совершаемое поклонение божеству, обычно перед его изображением или символом.

⁷ *Локхал* (Lakha + āi) — сокращение от имени Локхиндор, суф. -āi служит для выражения почтительности, любви.

⁸ *Беула* (Beulā) — восточноебенгальская форма от имени Бехула (Behulā), которое встречается в западнобенгальских МК о Моноше.

⁹ Омование в индуизме носит ритуальный характер; это неприменный очистительный акт перед отправлением ежедневных и других религиозных обрядов (подробнее см.: Kane, т. 2, с. 658—668).

Песня сложена пояром.

¹ *Страна Фотоябад, округ Бангорора* — располагалась на территории современного дистрикта Барисал (Восточная Бенгалия); *страна* (mulluk) — здесь следует понимать как «область», «провинция» (см. об этом: Ш. Муххопадхай, с. 135).

² *Наставник богов* — здесь Шива.

³ *Каши* (Kāśī) — древнее название Бенареса, города в среднем течении Ганги, одного из священных городов индусов. Бенарес в пуранах часто называют городом Шивы (Śivaruga), а самого Шиву — его владельцем (Шива пурана II. 1. 5. 17—18). Подробнее о Бенаресе как священном городе см.: Капе, т. 4, с. 618—642.

⁴ *Сараю*, бенг. Шороу (Saraṅ) — древнее название притока Ганги, современное название — Гогра.

⁵ *Йогини*, бенг. джогини (yoginī) — здесь демоницы, составляющие свиту богини Чанди; согласно *Калика пуране* (63.8), их шестьдесят четыре. Подробнее см.: Х. Бхоттачарджо, т. 3, с. 343—347.

⁶ *Дакини* (dākini) — здесь полубожественные существа женского рода, демоницы, составляющие свиту и рать супруги Шивы, иногда изображаются змееликими (Х. Бхоттачарджо, т. 3, с. 342).

⁷ *Держатель трезубца* (Śūlarāṇī) — одно из имен Шивы. Трезубец, боевое оружие Шивы, был сделан Вишвакармой из отрезков лучей бога Солнца — Сурьи (Брахмананда пурана 2.24.90).

⁸ *Трехглазый* (Trilocana) — эпитет Шивы. На середине лба Шивы находится третий глаз, испускающий разрушительное пламя.

⁹ *Повелитель Кашы* (Kāśinātha) — эпитет Шивы.

¹⁰ *...белое длинное опахало* — опахала делались из хвостов яков; здесь подвизали хвост яка к хвосту быка, чтобы сделать его более пышным.

¹¹ *Нупура*, бенг. нупур (nūpura) — вид особых ножных браслетов с колокольчиками, носятся на щиколотке.

4

¹ *Чампа* (cāmrā или samraka) — *Michelia champaka*, вечнозеленое красное дерево, цветет желтыми или светло-оранжевыми, реже белыми цветами, испускающими сильный пряный аромат.

² *Нагесвара*, бенг. нагешор (nagesvara) — большое вечнозеленое дерево *Ochrosarpus longifolius*, цветет мелкими розовыми или белыми с красными полосками цветами с дурманящим запахом, собранными в небольшие гроздья.

³ *Малати*, бенг. малоти (mālati) — общее название для трех видов растений: жасмина *Jasminum grandiflorum*, дерева *Bignonia suaveolens*, кустарника *Echites carhyophyllata*.

⁴ *Джути* (yuti) — *Jasminum auriculitum*; разновидность жасмина.

⁵ *Кеоя-кетакки* (keoyā-ketakī) — *Pandanus odoratissimus*, небольшое вечнозеленое дерево или кустарник с белыми, очень ароматными цветами.

⁶ *Бок* (baka) — небольшое дерево *Sesbania grandiflora*, священное дерево Шивы, цветет крупными белыми, розовыми и малиновыми цветами, своей формой напоминающими цветы душистого горошка.

⁷ *Тогор* (tagara) — *Ervatamia divaricata*, вечнозеленое дерево (кустарник), цветет обычно белыми, как бы сделанными из воска цветами, собранными в гроздья.

⁸ *Мадхоби* (mādhavi) — вечнозеленое вьющееся растение *Gaertnera racemosa*.

⁹ *Ашока*, бенг. опок (aśoka) — небольшое развесистое дерево *Saraca indica*, считающееся священным деревом бога Камы, цветет мелкими с

нежным запахом цветами, собранными в кисти; желтые или оранжевые цветы апоки дием, на солнце становятся пунцовыми.

¹⁰ *Опораджита* (aragajita) — вьющееся растение, цветущее белыми или голубыми цветами.

¹¹ *Бандули, бандхули* (bānduli, bāndhuli) — дерево Pentapetes phonicea, цветущее красными цветами.

¹² *Дробон* (drobana) — возможно, от drabantī — лечебное растение.

¹³ *Бокул* (bakula) — вечнозеленое дерево Mimosa elengi, в период дождей цветет белыми мелкими с сильным пряным ароматом цветами, собранными в небольшие гроздья.

¹⁴ *Дхаи* (dhāi ← dhātakī) — цветущий кустарник Woodwardia floribunda.

¹⁵ *Кугоджо* (kutaja) — Holarrhena antidysenterica, небольшое дерево или высокий кустарник, цветет белыми ароматными цветами, собранными в пучки на концах веток.

¹⁶ *Канчон* (kāncana, букв. «золотой») — дерево, цветущее желтыми цветами; иногда так называют дхаи (см. примеч. 4.14), нагесвару (см. примеч. 4.2) и другие деревья.

¹⁷ *Джаи, джати* (jāi, jāti) — разновидность жасмина с крупными цветами.

¹⁸ *Костури* (kasturi) — вид цветущей мускусной лианы.

¹⁹ *Шотоборго* (satavarga, satavarga) — вид цветущего растения.

²⁰ *Тулси*, бенг. тулши (tulsi) — Ocimum sanctum, вид душистой травы, считается священной, используется при отправлении религиозных церемоний.

²¹ *Лиана шьямо* (śyama latā) — Echites frutescens, вид лазающего растения.

²² *Шрипхала*, бенг. срипхол (śriphala), или *бел* (bel) — Aegle marmelos, небольшое дерево, растущее по всей Индии, цветет весной довольно большими зеленовато-белыми цветами с медовым запахом; почитается как дерево Шивы, его сажают вблизи храмов, посвященных ему.

²³ *Бхумичампа*, бенг. бхумичомпа (bhūmicampā) — название растения Koenigia rotunda и его цветов.

²⁴ *Гондхорадж* (gandharāja) — Gardenia florida, вечнозеленый кустарник, цветет крупными белыми цветами, очень ароматными.

²⁵ *Куша*, бенг. куш (kuśa) — Poa cynosuroides, вид травы с длинными заостренными листьями, почитаемой у индусов священной; используется при различных религиозных обрядах.

²⁶ *Гулачи* (gulāci) — небольшое дерево Plumeria rubra, цветет красивыми, очень пахучими цветами, собранными на конце веток в грозди.

²⁷ *Огоши* (ataśi) — дерево, цветущее желтыми цветами.

²⁸ *Элачи* (elāci, ilāci) — вечнозеленое дерево Melaleuca leucadendron, цветет мелкими белыми цветами, собранными вместе в грозди.

²⁹ *Кришночура* (kṛṣṇacūra) — кустарник Caesalpinia pulcherrima, цветущий

желтыми и оранжевыми цветами.

³⁰ *Голрадж* (golarāja) — что за растение, установить не удалось.

³¹ *Палаша*, бенг. палаш (palāśa) — Butea frondosa, небольшое дерево, цветет собранными в кисть оранжево-красными цветами, по форме напоминающими цветы горошка.

³² *Шероги* (serati) — что за растение, установить не удалось.

³³ *Дулал* (dulāl) — разновидность тулси (см. примеч. 4.20), произрастающей в лесу.

³⁴ *Шурджомукхи* (śūryamukhī) — Helianthus annuus, вид гелиотропа, цветет темно-желтыми цветами.

³⁵ *Шепхалика* (sephālikā) — Nyctanthea arbor-tristis, небольшое дерево или кустарник, цветет в сентябре или октябре мелкими белыми цветами, издающими медовый запах; лепестки цветов часто подносятся богам.

³⁶ *Вишнуподи* (viṣṇupādī, букв. «относящийся к стопам Вишну») —

какое это растение, выяснить не удалось.

³⁷ *Чондромони* (sandramani) — какое это растение, выяснить не удалось.

³⁸ *Нилоконтхо* (nīlakantha) — вид цветущего растения.

³⁹ *Шурджомони* (sūryamani, букв. «солнечный камень») — вид кустарника с цветами, похожими на цветы мальвы.

⁴⁰ *Джоэнто, Джоэнти* (jayanta, jayanti) — *Sesbania sesban*, небольшое цветущее дерево или кустарник.

⁴¹ *Чондромоллика* (sandramallikā) — кустарник, цветущий белыми цветами, разновидность хризантем.

⁴² *Джхикота* (jhikata) — возможно, от jhintika — цветущий кустарник.

⁴³ *Нондодула* (nāṇdadulala) — какое это растение, выяснить не удалось; возможно, разновидность дулала (см. примеч. 4 33).

⁴⁴ *Бхалли* (bhālvi) — возможно, имеется в виду дерево bhālā — *Semecarpus apocarpium*.

⁴⁵ *Кадамба*, бенг. кодоммо (kadamba) — *Anthocephalus indicus*, вид широко распространенного в Индии дерева, цветет в июне-августе, его нежно пахнущие мелкие оранжевые цветы собраны в золотые шары на концах веток.

⁴⁶ ..малайский весенний ветерок — имеется в виду ветер, дующий с Малайских гор (совр. Западные Гаты); в древней и средневековой индийской поэзии ассоциируется с приходом весны.

⁴⁷ *Бестелесый* (Ananga) — одно из имен Камы, связанное со следующей легендой: Кама по наущению богов нарушил самосозерцание Шивы и был им в гневе испепелен взглядом третьего глаза (Шива пурана II. 3. 6—19). Но здесь, судя по контексту, это имя употребляется не традиционно, а как имя Шивы. Рассказ о зачатии и рождении Моноши напоминает миф о рождении Карттикеи (Рамаяна I. 37).

⁴⁸ *Луна* (sandra) — здесь эвфемизм, часто употребляется в йогической литературе вместо слова «семя».

⁴⁹ *Повелитель нагов* (nāgarāja) — здесь эпитет Васуки.

⁵⁰ *Васумати*, бенг. Бошумоти (Vasumatī, букв. «земля») — в бенгальских средневековых памятниках богиня земли, обитающая в подземном мире.

5

¹ *Мать мира* (Jagater mā) — здесь имя Моноши.

² *Дундубхи* (dhumdhumi → dundubhi) — вид древнего барабана.

³ *Великий бог* (Mahādeva) — одно из имен Шивы.

⁴ *Видьядхари*, бенг. биддадхори (vidyādhari, букв. «обладательница [магических] знаний») — разряд полубожеств, наделенных сверхъестественными способностями и обитающих между небом и землей.

⁵ ...по обычаю *гандхарвов* — т. е. по взаимному влечению, без совершения брачной церемонии (Законы Ману, с. 56). *Гандхарвы*, бенг. гондхарбо (gandharva) — полубожественные существа, небесные музыканты.

6

¹ *Асуры*, бенг. ошур (asura, букв. «не бог») — в пуранической мифологии демоны, противники богов.

² Лакуна в одну строку.

¹ *Мукти* (mukti) — избавление от последующих за этой жизнью рождений. Для каждого индуса достижение мукти — высшая цель, заложения с божественным абсолютом.

¹ Шива в ипостаси аскета часто изображается облаченным в тигровую шкуру, которую он добыл, согласно одной из пуранических легенд, убив тигра, сотворенного магическими чарами божественных мудрецов — риши. Этот тигр по замыслу риши должен был убить Шиву, когда тот в облике прекрасного юного отшельника забрел в леса и очаровал жен риши.

² *Бхуты* (bhūta) — здесь злые духи, привидения, обитающие на деревьях рядом с местами для кремации, составляют свиту Шивы.

³ *Бык* — имеется в виду бык Нанди, возящий на себе Шиву.

⁴ *...сума... и сосуд из тыквы* — атрибуты Шивы в облике странствующего аскета; сума служит для сбора подаяний, а сосуд из тыквы — для хранения воды.

⁵ *Пусть Раху проглотит месяц...* — Демон Раху украдкой от богов выпил амриту (нектар бессмертия), полученную богами при пахтании Молочного океана. Луна и Солнце заметили это и сказали Вишну, который обезглавил Раху. Но амрита уже дошла до горла демона, и голова его стала бессмертной. Она с тех пор блуждает по небу и, когда ей удастся, заглатывает солнце или луну. Так происходят солнечные и лунные затмения (Мхб., с. 80—81). В пуранах Шива, как бог, олицетворяющий Вселенную, изображается с месяцем в короне или волосах. В индийской астрологии планета Раху — это голова демона, а планета Кету — тело демона.

⁶ Ожерелье из костей украшает Шиву в ипостаси Повелителя бхутов (Bhūtapati); см. также другое толкование этого имени в примеч. 12.1.

⁷ Украшения из змей являются атрибутами Шивы в его грозной ипостаси.

⁸ *Домини* (domini) — женщина из неприкасаемой касты дом; в средние века главным занятием этой касты было плетение и продажа циновок и корзин.

⁹ *Кхару* (khāru) — особый род браслетов, часто сделанных из раковин; носят их замужние женщины на запястьях и щиколотке.

¹ *...пять его ликов* — в пуранах и тантрах Шива часто описывается пятиликим, считается, что таким он изображается в ипостаси Повелителя пяти элементов мироздания (Bhūtapati) — земли, воздуха, воды, огня и эфира (Х. Бхоттачарджо, т. 2, с. 53, 79—81).

² *Джага*, бенг. джота (jatā) — волосы, скрученные на макушке в узел; прическа Шивы и аскетов.

³ *Дамару*, бенг. доммору (dambaru) — род небольшого барабана, формой напоминающего песочные часы; атрибут Шивы в ипостаси аскета.

⁴ *...тело было в пепле* — пепел с погребального костра покрывает тело Шивы в ипостаси аскета.

⁵ *...драгоценный камень* — имеется в виду месяц (см. примеч. 10.5).

⁶ *...священный шнур* — в тексте паогуна — священный шнур носился в древней и средневековой Индии представителями трех высших каст.

Шнур плелся из трех белых хлопковых нитей, каждая из которых была сплетена из трех еще более тонких волокон. Носился он на левом плече, а концы его завязывали узлом на правом боку (Кале, т. 2, с. 287—294).
¹ *Каури*, бенг. коури, кори (kauri, kari)— вид ракушек, Сургае монета; в Индии в средние века они служили основной мелкой денежной единицей (см. НВ, т. 2, с. 217).

13

¹ [*Увенчанный*]-*короной-с-драгоценным камнем* (Sūgāmanī) — постоянный эпитет Шивы, см. примеч. 10.5 и 12.5.

² *Владычица мира* (Jagater isvari)— одно из имен Чанди.

³ *Вечноблагодарный* (Sadāsīva)— одно из имен Шивы.

14

Песня сложена пояром.

15

¹ Песня сложена пояром.

16

¹ *Мать Картикки* — эпитет Чанди.

18

¹ *Задумался Шива...*— по законам индуизма представитель высших каст, отведавший еду, к которой прикасался человек из низшей или неприкасаемой касты, считался оскверненным, терял свою касту, становился отщепенцем.

² *Пятьдесят блюд* (pañcās bhañjan)— устойчивое сочетание в бенгальской средневековой литературе и фольклоре для обозначения роскошной и обильной еды. Ср., например: ЧМ, ч. II, с. 97.

³ *Супруга Бхавы* (Bhavani, букв. «супруга Вездесущего») — одно из имен Чанди. Бхава, бенг. Бхобо (Bhava) — одно из имен Шивы.

⁴ *Ачамана*, бенг. ачомон (ācamana) — очистительный обряд, обычай выпивать маленькими глотками воду из ладони перед принятием пищи и после. Подробнее о ритуале принятия пищи индусами см.: Кале, т. 2, с. 757—799.

19

¹ *Увенчанный луной* (sandra-sūgāmanī) — условный перевод, эпитет Шивы.

² *Бог-с-чакрой* (Deva-sakra)— здесь эпитет Шивы, но чакра (см. примеч. 1.1) в канонической литературе индуизма обычно атрибут Вишну.

20

Песня сложена пояром.

¹ *Джахнави*, бенг. Джахноби (Jāhnavī, букв. «дочь Джахну») — одно из имен богини Ганги. Воды Ганги при низведении их на землю (см. примеч. 1.12) помешали жертвоприношению царя-подвижника Джахну. И тот выпил воды Ганги, но затем смилостивился и выпустил их из своего чрева через ухо (Рамайана I. 44. 34—35).

Песня сложена лачари.

Данная песня, представляющая собой диалог Чанди и Ганги, выдержана в традициях бенгальского фольклора и МК, в которых эти богини изображаются ревнующими друг друга женами Шивы, соперницами. Оскорбления, которыми они обычно осыпают друг друга, травестируют их божественные функции. Так, в речи Чанди высокий миф о низведении Ганги на землю переводится в бытовой оскорбительный план. Ср. данную песню с ЧМ, ч. I, песня 129, с. 144.

¹ *Дхарма*, бенг. дхормо (dharma, букв. «закон») — здесь закон морали, нравственного поведения, обязанностей, который каждый индус должен соблюдать в соответствии со своим социальным статусом.

² *Враг-трех-городов* (Tripurāri) — одно из имен Шивы, связанное с мифом о том, как Шива уничтожил три города-крепости (из золота, серебра и железа), принадлежавшие трем братьям-демонам, притеснявшим богов в течение тысячи лет. По истечении тысячи лет эти города слились в один, и Шива спалил их вместе со всеми обитателями одной стрелой (Шива пурана II. 2.30. 2—8).

³ ...*Айравата домогался твоей любви* — эпизода с божественным и боевым слонем Индры Айраватой нет в канонизированной записи мифа о низведении Ганги на землю, которая приводится в *Рамаяне*, *Махабхарате* и пуранах. Но этот эпизод имеется в бенгальской *Рамаяне* XV в. Криттибаша (*Криттибаш*. Шоптокхандо Рамаян. Рамоновдо Чоттопадхай кортрик шомпадито, 8-е изд. Калькутта, 1946, с. 21) и поэме Мукундорама Чокроборти о Чанди (ЧМ, ч. II, с. 332). Когда Ганга сошла на землю, она заблудилась в Гималаях и оказалась запертой в пещере. Тогда Индра призвал к себе Айравату, чтобы тот, разрушив пещеру, проложил путь Ганге дальше на землю. Айравата согласился сделать это при условии, что Ганга обнимет его.

⁴ *Нарака*, бенг. норок (naraka) — одна из семи областей подземного мира — паталы. По патале протекает часть вод Ганги, название подземной Ганги — Бхогавати.

⁵ ...*можешь отвезать рыбы и мяса* — Чанди приносились в жертву животные; так, *Калика пурана* (55. 3—6) рекомендовала приносить ей в жертву козлов, кабанов, буйволов, оленей, крокодилов и т. д.

⁶ *Владыка трезубца* (Śūlapati) — эпитет Шивы (см. примеч. 3.7).

22

¹ *Мать Такшаки* — здесь эпитет Моноши.

² *Мать Одноклыкастого* — эпитет Чанди; *Одноклыкастый* (Ekdanta) — эпитет Ганешы. Один клык Ганеше отсек боевым топором герой Парашурама, когда Ганеша не пустил того в покои к спящему Шиве (Брахмавайварта пурана 3. 41—44).

³ *Шакти*, бенг. шокти (śakti, букв. «энергия, сила, мощь») — божественная созидательная энергия пребывающего в покое божественного абсолюта, в шиваитских пуранах и ушапуранах отождествляемого с Шивой. Персонафикацией шакти Шивы выступает его супруга. См. также примеч. 152.2.

⁴ *Мантра*, бенг. монтро (mantra) — магические словесные или буквенные формулы, заклинания.

¹ В оригинале лакуна в одну строку.

¹ В оригинале лакуна в одну строку.

¹ *Гуру* (guru)— наставник, учитель. Кто научил Моношу искусству воскрешать умерших от змеиного яда, в поэме не сказано.

¹ Песня сложена пояром.

² *Магеша*, бенг. Мохеш (Maheśa, букв. «великий бог») — одно из имен Шивы.

³ *Пишача*, бенг. пишач (piśāca)— разновидность злых духов, они часто составляют свиту Чанди.

⁴ Лакуна в одну строку.

⁵ *Держатель палицы* (Gadādhara)— одно из имен Вишну.

⁶ *Мриданга*, бенг. мридонго (mrdaṅga)— обтянутый кожей барабан, корпус которого расширяется к середине.

⁷ *Повелитель скота* (Paśupati)— здесь имя Шивы, отождествленного с обитавшим в горах ведийским божеством Рудрой, богом молний и бурь, богом скота и целебных снадобий.

Песня сложена пояром.

¹ В средние века индуистские правила предписывали выдавать замуж девочек до наступления у них регул, т. е. до двенадцати лет. Нарушение этого предписания отцом считалось тяжким грехом (см.: Walker B. Hindu World. An Encyclopedic Survey of Hinduism. Vol. 1. L., 1968, с. 230—232).

² *Сумеру*, бенг. Шумеру (Sumeru)— в индуистской мифологии золотая гора, центр Земли и Вселенной; там живут боги, святые подвижники и другие небожители.

³ *Поднесли ему воду для омовения рук, ног, усадили* — здесь церемония гостеприимства; издревле она состоит из шестнадцати элементов, из которых здесь упомянуты следующие три: приглашение сесть (āsana), подношение воды для омовения рук (arghya), ног (pāda). Подробно см.: Kane, т. 2, с. 749—756, 542—546.

⁴ *Васусагра, Вишвамित्रа* и т. д.— здесь перечислены имена риши (см. примеч. 1.6), но не все из этих имен встречаются в традиционной индуистской мифологии. Нет подвижника Васусагры (Vasūsāgra), есть Васука (Vasukra) (см.: X. Бхотгачарджо, т. 1, с. 250). Марича (Marīca)— должно быть Маричи (Marīci), возможно, здесь описка. Нет и таких ри-

ши, как Шатругхна (Śatruḅhna) и Сатьянанда (Satyānanda). Шатругхна — персонаж *Рамаяны*, сводный брат Рамы.

⁵ *...руки [его] достигали колен* — длинные руки в средневековой индийской поэзии — признак красоты.

⁶ *Пятистрелый* (Pañcabāṇa)— постоянный эпитет Камы.

⁷ *...снял мой позор* — здесь имеется в виду испепеление Камы разгневанной Шивой (см. примеч. 4.47).

⁸ *Бинна* (binṇā)— Andropogon miricatum, вид травы.

⁹ *...нет для нас пути на небо* — по индуистским представлениям, главное назначение брака — получение мужского потомства, которое призвано

выполнять шраддху (śrāddha) (обряд поминального жертвоприношения предкам)— один из важнейших ритуалов в жизни индуса. По индуистским верованиям, душа умершего становится бхутом (духом) и предстает перед судом Ямы. Если нет потомков, чтобы совершить шраддху, умерший навсегда останется в этом состоянии, не сможет попасть в рай Ямы или на небо, получить новое рождение согласно своей карме (подробнее см.: Капе, т. 4, с. 334—515).

В этом фрагменте дан пересказ (с некоторыми изменениями) легенды о предках Джараткару из первой книги *Махабхараты* (Мхб., с. 72). Трава бинна, например, здесь превратилась в кустарник с ветками.

29

¹ *Модху* (madhu)— другое название месяца чойтро (март — апрель), начало весны; в древней и средневековой индийской поэзии пора любви.

30

¹ *Адживаса*, бенг. одхибаш (adhivāsa)— система обрядов, предваряющих любое важное жизненное событие, здесь брачную церемонию. Совершается этот ритуал обычно накануне свадьбы в доме невесты и в доме жениха с целью испрашивания благодати и счастья в будущей брачной жизни. Совершение этого обряда неодинаково в разных областях Бенгалии (см.: Б. Гхош-Чоудхури, с. 50—52).

31

¹ *Бетель* (rān)— род ползучего полукустарника с овальными листьями, пряными и острыми на вкус. В листья бетеля, смазанные известью, заворачиваются семена арековой пальмы (бетелевый орех), молотая корица, кардамон и прочие специи (см.: Капе, т. 2, с. 734—735). При жевании бетель оказывает легкое наркотическое воздействие. Бетель играет значительную роль в индийских обычаях. Подношение бетеля — знак уважения, почтения и благословения. В древности существовал обычай: просьбу, поручение, приказ сопровождать подношением бетеля. Принятие бетеля означало согласие взять на себя какое-то поручение, подчинение приказу.

² *Синдур*, бенг. шиндур (sindūra)— красный порошок, которым замужние женщины окрашивают пробор.

32

¹ ...на золотом ~~на~~ завершии — в тексте *suvarṇa kalasa* (букв. «золотая ваза»)— особый архитектурный элемент храмов Северной Индии; как правило, орнаментированная лотособразная верхушка, оканчивающаяся литым наконечником (на нем развевался флаг) или шпикхарой — высокой башней со сложной отделкой.

² *Гхагхара*, бенг. гхагхор (ghāghara)— род музыкального струнного и ударного инструмента, цимбалы.

³ ...божественные мудрецы и мудрецы-брахманы — в индуистской мифологии святые мудрецы-риши (см. примеч. 1.6) по сословной принадлежности делятся на божественных мудрецов, т. е. мудрецов-богов (*devarṣi*), мудрецов-брахманов (*brahmarṣi* или *vīparṣi*) и царственных мудрецов (*rājārṣi*).

В данной песне фрагментарно дается описание предсвадебного обряда омовения и обряджения жениха, который сохранился до наших дней (см.: Б. Гхош-Чоудхури, с. 44—45). В тексте подчеркнуто, что этот обряд исполняется только женщинами, «что мужа и сыновья живы». Это по законам архаической симпатической магии должно предопределить жениху долгую жизнь и получение мужского потомства.

¹ Песня написана пояром.

² ...предметы для [обряда] *бброн* — рис, трава дурва (см. примеч. 37.3), свечильник, куркума и т. п. *Бброн* (*vaḡana*) — обряд почитания божества

или жениха; обычно он заключается в том, что почитающий берет в руки один из этих считающихся в индуизме священных предметов и им описывает в воздухе круг перед ликом божества или жениха. В некоторых местах Бенгалии этот обряд совершается несколько по-иному (см.: Б. Гхош-Чоудхури, с. 52 и 72).

³ *Амлоки* (*amlaki*) — небольшое дерево *Emblika officinalis*; его высушенные плоды используются как мыло.

⁴ ...восемь телесных членов — по традиции это две ноги, две руки, два колена, голова и грудь.

⁵ *Агуру*, бенг. огуру (*aguru*) — благовоние, получаемое из древесины дерева *Aquilaria gollacha*.

¹ *Хашли* (*hāslī*) — украшение для шеи в виде золотого или серебряного обруча в форме полумесяца.

² *Мол* (*mala*) — особые браслеты для ног.

³ *Пашоли*, пашули (*pāśali*, *pāśuli*) — сложное женское украшение для стоп, состоящее из колец для пальцев, соединенных цепочками на плюсне (Dasgupta, с. 56).

Песня сложена пояром.

¹ ...положила руку на колени жениха — здесь, вероятно, имеется в виду обряд благословения жениха отцом или опекуном невесты перед свадебной церемонией. Жениха сажают на разрисованную низкую скамеечку лицом на восток. Он сидит, согнувшись, касаясь большими пальцами рук земли, а опекун невесты, повернувшись лицом на север, читает специальные мантры, положив руку на колени жениха (см.: Б. Гхош-Чоудхури, с. 74—75).

² *Мадхупарка*, бенг. модхупорко (*madhuparka*) — ритуальная еда, подносимая божеству или гостю (элемент церемонии гостеприимства — см. примеч. 28.3). Состоит из одного меда, или меда, смешанного с простоквашей, или меда, смешанного с топленым маслом и простоквашей; гость принимает эту смесь в сложенные лодочкой ладони (Kane, т. 2, с. 542—546).

³ Обряд «первого взгляда», или «благодарящего взгляда» (*śubhadṛṣṭi*, *śhāyṇi*) — до определенного момента свадебной церемонии жених и невеста не должны видеть друг друга; лицо невесты скрыто под покрывалом, между ней и женихом или над ними держат кусок ткани. См.: Kane, т. 2, с. 533; Б. Гхош-Чоудхури, с. 76—77.

⁴ ...семь раз обошла священным кругом — один из обрядов в свадебной церемонии: невеста обходит сидящего жениха семь раз по кругу, все время оставаясь повернутой к нему своей правой (благой) стороной. Обряд

называется прадакшина, бенг. продоккхин (pradaksina), совершается он до ритуала «первого взгляда». См.: Б. Гхош-Чоудхури, с. 76.

⁵ ...осыпая [путь] цветами из сложенных ладоней — в тексте *puspāñjali* — ритуальный жест богопочитания.

⁶ Осыпая разными цветами — момент в обряде «первого взгляда», когда замужние женщины осыпают цветами, а также жареным рисом невесту и жениха, находящихся под покрывалом (Б. Гхош-Чоудхури, с. 76).

⁷ Свадебный навес (*śāyāmandara*) — дхармашастрами предписывалось некоторые обряды, связанные с жизненным циклом (свадьба и др.), отправлять вне дома, в особом строении или просто под временно возведенным навесом, пологом (Капе, т. 2, с. 522). В Бенгалии навес для свершения брачного ритуала возводился обычно на территории женской половины дома (Б. Гхош-Чоудхури, с. 75).

⁸ Обряд *арати*, бенг. *ароти* (*arati*) — элемент поклонения божеству: горящий светильник, заправленный топленным или кунжутным маслом, обносят вокруг изображения божества (см.: Капе, т. 2, с. 733).

36

¹ *Насладившись благословенной ночью* — в тексте *śubharātri*, так в Восточной Бенгалии называется первая ночь, которую новобрачные проводят на ложе вместе; в Западной Бенгалии она носит название *phulaśajūā* (букв. «[ложе], убранный цветами»). По свидетельству Б. Гхош-Чоудхури, это должна быть четвертая ночь после свершения брачной церемонии. В этот день замужние женщины совершают специальные обряды над новобрачными. Они наряжают их в новые одежды, наносят на их лбы сандаловой пастой точку, потом сажают их вместе за трапезу. Причем жених и невеста должны вкладывать еду друг другу в рот. После еды они обмениваются цветочными гирляндами. После этого замужние женщины провожают новобрачных в спальню, где стоит ложе, надушенное благоволиями и украшенное цветами. Подробнее см.: Б. Гхош-Чоудхури, с. 96—97.

37

Песня сложена пояром.

В песнях 37—38 пересказана легенда о Моноше и Джараткару, созданная на основе переосмысления известного мифа о Джараткару и его жене, сестре змея Васуки, записанного в первой книге *Махабхараты* (Мхб., с. 27—74, 125—131).

¹ ...*кунжут, тулси и кушу* — эти предметы нужны Джараткару для свершения утреннего обряда богопочитания.

² Поводом для ссоры Джараткару с женой в мифе, записанном в *Махабхарате*, было то, что жена разбудила его (Мхб., с. 130).

³ *Дурва*, бенг. *дурбба* (*dūrvā*) — *Cynodon dactylon*, вид травы темно-зеленого цвета, произрастающей в Индии; считается священной и используется при совершении различных религиозных отправлений и жертвоприношений.

38

¹ Песня сложена пояром.

¹ ...известен в мире под именем Астики — здесь имеется в виду следующий миф, записанный в первой книге *Махабхараты* (Мхб., с. 131—151). Царь Хастинапура Парикшит умер от укуса царя змей Такшаки. Его сын Джанамеджая мстя за гибель отца, начал змеиное жертвоприношение, дабы уничтожить всех змей. И только Астика сумел прекратить это жертвоприношение.

² *Восемь змиев* — в мифологии индуизма это Ананта (Шеша), Васуки, Падма, Махападама, Такшака, Кулира, Карката и Шанкха. Все змеи — дети святого мудреца Кашьяпы и его жены Кадру (Мхб., с. 75—76, 105—106). В бенгальских МК о Моноше они становятся ее детьми.

¹ *Дхобол* (Dhavala) — означает Белая.

² *Гомати* (Gomatī) — левый приток Ганги.

³ *Йоджана*, бенг. джоджон (yojana) — древнеиндийская мера длины, равная приблизительно 16 км.

⁴ *Камадхену*, бенг. Камодхену (Kāmadhenu) — в индуистской мифологии божественная корова, наделенная способностью исполнять любые желания.

⁵ *Данда*, бенг. дондо (danda) — отрезок времени, равный 24 минутам.

⁶ *Самадхи*, бенг. шомадхи (samādhi) — определенное психо-физиологическое состояние, которое достигается медитацией или йогическими упражнениями; это состояние транса, внутреннего торможения, когда человек не теряет сознание, но не воспринимает внешний мир. См.: Древнеиндийская философия. Начальный период. 2-е изд. М., 1972, с. 18—19, а также: Dasgupta S. Yoga as Philosophy and Religion L., 1929, с. 136—137, 147—149.

Песня сложена лачари.

¹ *Владыка мира* (Jagadīśa) — одно из имен Шивы.

Песня сложена пояром.

В песнях 43 и 44 миф о пахтании богами океана ради амриты, напитка бессмертия (живой воды), излагается довольно близко к традиционной версии, записанной в *Махабхарате*, *Рамаяне* и пуранах (см.: Мхб., с. 76—80).

¹ *Шестиликий* (Sagānana) — постоянный эпитет Карттикеи.

² *Мандара*, бенг. Мандар (Mandāra) — мифическая гора, согласно пуранической географии, расположена к востоку от Сумеру (см. примеч. 28.2) в Гималаях; по традиции ее часто отождествляют с горой Мандорой в области Бхагалпура.

¹ *Париджата* (pārijāta) — мифическое небесное дерево, полученное при пахтании океана и посаженное Индрой в своем саду, его вет среди сокровищ, перечисленных в *Махабхарате*.

² *Махешвари*, бенг. Мохешшори (Maheśvarī, букв. «великая владычица») — здесь имеется в виду богиня Сура (Варуни) — олицетворение хмельного напитка.

³ В *Махабхарате* и пуранах Дханвантари поднимается, держа сосуд с амритой.

⁴ *Слон Уччайшрава*, бенг. Уччайшроба (Ucchāishravā) — в канонической индуистской мифологии Уччайшрава — слон, а божественный белый конь, который иногда считается конем бога Солнца.

⁵ *...драгоценный камень* — в тексте *raṭna*, вероятно, имеется в виду Кауштабха, чудесный камень, полученный при пахтании и являющийся атрибутом Вишну.

45

Данный фрагмент текста по содержанию отличается от канонизированного мифа, записанного в пуранах и *Рамаяне* (I. 45), где змей Васуки, а не Моноша исторг страшный яд. Шива, выпив его, не умер, только шёл у него посинела.

¹ *Владыка тварей* (Paśupati) — одно из имен Шивы как владыки всего сущего, живого.

² *Владыка* — здесь Шива.

³ *Украшенный-коронай-с-месяцем* (Sandraśūgamāni) — постоянный эпитет Шивы. См. примеч. 10.5 и 12.5.

⁴ *Павлин* — животное (вахана), на котором ездит Карттикея.

47

¹ ...[обряд] *предания огню* — т. е. кремация.

² *...пусть с отцом уйдет и мачеха Дурга*. — Здесь Моноша требует, чтобы ее мачеха совершила обряд сати — саможжения вдовы вместе с умершим мужем (подробно о сати см.: Капе, т. 2, с. 624—636).

³ *Пристыженный Повелитель ганов*. — Чанди не исполнила долга добродетельной жены — обряда саможжения с телом умершего мужа, тем самым опозорила себя и своих родных.

48

Песня сложена пояром.

¹ *Держатель чакры* (Sakragāni) — здесь эпитет Шивы. См. примеч. 1.1 и 19.2.

² *Нега* (Netā) — здесь дана легенда о рождении главной советчицы и наперсницы Моноши. Эта легенда порождена народной этимологией ее имени: Netā от neta («тонкая ткань, муслин, шелк»).

49

Песня сложена пояром.

¹ *Приняв облик вдовы*. — по установлениям индуизма, вдова, не совершившая обряд сати (см. примеч. 47.2), становилась изгоем в обществе. Ей предписывалось одеваться в простое белое сари без каймы, не носить украшений, соблюдать все посты, кормиться подаянием.

50

¹ *Одиннадцатый день* ..— имеется в виду пост экадоши (ekādaśī), который предписывается совершать с одиннадцатого числа светлой и темной половины лунного месяца (подробно см.: Кане, т. 5, с. 94—121).

51

¹ *Нидработи* (Nidrāvati)— здесь богиня, персонификация сна.

² *Найведья*, бенг. пойбеддо (paivedya)— один из элементов поклонения божеству (пуджа), религиозная церемония подношения богам пищи, которая после окончания ритуала распределяется между ее участниками; обычно подношение состоит из топленого масла, простокваши, фруктов, сладостей, вообще любой еды, не запрещенной дхармаштрами (подробно см.: Кане, т. 2, с. 733—734).

52

Песня сложена пояром.

¹ *Кази* (араб.; букв. «судья, знаток мусульманского права») — здесь фамильное имя мусульманского правителя тех земель, где жили пастухи, поклонявшиеся Моноше; в песне 53 он — «султан Неро Кази».

² *с листьями тулси на голове*...— листья тулси (см. примеч. 4.20) для индусов священны и используются ими в религиозных церемониях, поэтому у мусульман Хасона и Хусона они вызывают гнев.

³ *Дхак* (dhāk)— вид большого барабана.

⁴ *Дхол* (dhol)— род двустороннего барабана; обычно он вешался на шнуре на шею, правой рукой играющий бил по одной стороне, а бамбуковой палочкой, которую держал в левой руке,— по другой.

⁵ *Учитель* — перевод условный, в тексте tushār (см.: Х. Бондопадхай, с. 1802); имеется в виду скорее всего пророк Мухаммед.

⁶ *Патан* — представитель афганского племени пуштунов.

54

¹ *Обернув вокруг шеи край одеяния* — жест покорности и раскаяния.

² *Накормите всех коровьим мясом*...— корова для индусов — священное животное, убийство коровы считается большим грехом (см.: Кане, т. 2, с. 772—775; Законы Ману, XI, 60). Существует легенда, что Брахма одновременно с брахманами-жрецами создал коров, чтобы получать топленое масло для свершения жертвоприношения «хома».

³ *Бизхот* (bighata)— мера длины, равная примерно 22 см.

⁴ *Ткачи* — в тексте jolā, сословие ткачей-мусульман.

55

¹ *Бибби* (bibi, перс.) — госпожа, супруга.

57

Песня сложена пояром.

¹ *Хетал* (hetāla ← hematāla, букв. «золотая пальма») — по мнению Шукумара Шена, это болотная финиковая пальма *Elate paludosa* (см.: Smith,

с. 82); существует также мнение, что это растение *Phoenix paludosa* (Х. Бондопадхай, с. 2363). В поэмах о Моноше хетал обладает магическим свойством и внушает ужас Моноше. В Восточной Бенгалии (район Срихат) растет кустарник хемтал, формой напоминающий змею. Факиры из него делают дубинки, которыми убивают змей. Интересно, что в *Бхавата пуране* (10.26.49) говорится, что «золотая пальма» — символ змея Шешы, повелителя нагов. На картинках-патах [pata], показом которых народные сказители сопровождают свой рассказ о Моноше, хеталовая палка представляет собой дубинку. Более подробно см.: Smith, с. 81—83.

58

Песня сложена пояром.

¹ *Джолпхуи*, или *джолпай* (jalaphai, jalarāi) — дерево *Elaeocarpus serratus*; его плоды очень кислые.

² *Пайела*, или *пийла* (pāyela, piyālā) — дерево *Buchanania latifolia*.

³ *Апельсиновые деревья* — в тексте kamala — *Citrus chrysocarpa*.

⁴ *Рампхол* (rāmaphala) — дерево *Annona reticulata*.

60

Песня сложена пояром.

¹ *Волшебное полотенце* — в тексте guner gāmachā. Это магический предмет. Полотенце или шарф в Индии — принадлежность знахарей, заговаривающих яд. Они им покрывают пострадавшего; считается, что полотенце вытягивает яд. См.: Smith, с. 84—85.

61

Песня сложена пояром.

63

¹ *Знахарь* — в тексте ojhā. *Оджха* — знахарь, который выгоняет злых духов, лечит укусы змей с помощью заклинаний и всяческих снадобьев, которые, как это выяснено учеными, не обладают лечебными свойствами. Моноша считается богиней-покровительницей современных бенгальских оджхов. Тем удивительнее, что в бенгальских поэмах о Моноше знахарь Шонку-Дхоннонтори — ее злейший враг. Подробно см.: Smith, с. 87—89.

64

Песня сложена ладари.

65

¹ *Ишермул* (isermūla) — растение *Indica aristolocia*, корень которого, считается, обезвреживает змеиный яд.

² *Камала*, бенг. Комола (Kamala) — одно из имен богини Лакшми.

69

¹ ...пустить [плот] со знахарем по воде — обычай пускать по течению реки плот с телом умершего или потерявшего сознание от укуса змей

существует в Индии давно. Об этом есть косвенное свидетельство у Бируни (973—1048). Он пишет: «У индийцев есть такой обычай: если яд от укуса змеи проникает в человека, но он не сможет найти заклинателя змей, то они привязывают укушенного змеей к вязанке тростника...» (Бируни А. Избранные произведения. Т. 2, 1965, с. 193) Бытует поверье, что в течение шести месяцев душа не покидает тело погибшего от змеиного яда и его может оживить знахарь—оджха. Поэтому труп отправляли в плавание на плоту в надежде, что повстречается знахарь и оживит ужаленного змеей. Этот обычай сохранился в отдаленных районах Бенгалии до наших дней. Подробно см. Smith, с. 116—117.

70

Песня сложена пояром.

71

¹ Песня сложена пояром.

² *О брат Канаи, иди к водам Ямуны!* — данный припев не связан с текстом поэмы; возможно, он является интерполяцией и взят из кришнаитской песни. Кришна (Kṛṣṇa → Kanai), как об этом рассказывается в мифах, именно на берегу реки Ямуны (древнее название Джамны) водил хороводы с пастушками.

72

¹ *пустились наутек* — Такая странная реакция, вероятно, связана с тем, что рыбаки знают о враждебном отношении Чандо (во владениях которого они живут) к Моноше, чьим символом является горшок. Такое толкование подтверждает припев к этой песне.

73

Песня сложена пояром.

74

¹ Лакуна в две строки.

75

Песня сложена пояром.

¹ *Шомаи* — в бенгальских сказаниях о Моноше семейный жрец (пурохита) Чандо, отправляющий обряды, связанные, как правило, с жизненным циклом.

76

¹ *...прикрыв [голову] краем одеяния* — здесь жест покорности.

² Лакуна в одну строку.

³ Обряд «первое кормление рисом» (anpargāṣana) — первое кормление ребенка приготовленной твердой пищей. Совершается, когда новорожденному исполняется пять-шесть месяцев и у ребенка режутся зубы. Отец ребенка готовит кушанье обычно из вареного риса, смешанного с маслом, медом и простоквашей, и под чтение священного текста из *Ригведы* кормит его (см.: Kane, т. 2, с. 256—258). О том, как совершается этот обряд в наши дни, см.: ББЛ, с. 273—274.

⁴ Обряд *чура* (cūrakarma) — обряд жизненного цикла у индусов, первая стрижка (бритье) волос на голове, которую предписывается совершать в возрасте одного-трех лет, при этом оставляется прядь волос на макушке ребенка. Подробно см.: Kane, т. 2, с. 260—267; НВ, т. 1, с. 598.

78

Песня сложена пояром.

¹ *Анируддха*, внук Кришны, и *Уша*, дочь царя демонов *Баня* — персонажи известной легенды, записанной в *Бхагавата пуране*, *Вишну пуране* и *Хариванше*. Во сне Уше приснился Анируддха, и она полюбила его. С помощью колдовства юноша был перемещен в покои Уши. Узнав об этом, царь Бана решил убить его. Кришна, дабы спасти внука, вместе с родными вступил в битву с Баной, которому помогали Шива и Карртикея, и одержал победу. Анируддха, женившись на Уше, вернулся с ней на родину — в Дварку, столицу Кришны (подробнее см.: Х. Бхоттачарджу, т. 2, с. 318—324). В III сюжете об Анируддхе и Уше (песни 78—96) никоим образом не перекликается с этой легендой. Использование имен этих героев пуранического сказания, вероятно, связано с тем, что их история была очень популярна в Бенгалии.

79

¹ *Змея Кали* подвела, как сурьмой, глаза — данный фрагмент частично построен на игре слов. Так, *Кали* (Kālī) — означает «черный», *Шанку* (Śaṅku) — «ракушка», *Аруял* (Ārūyāla от aruṇa) — «алый», *Синдурия* (Sinduriyā) — «синдуриный» (см. примеч. 31 2).

² *Канчали*, бенг. канчоли (kāñcalī) — род женской средневековой одежды; короткий лиф, прикрывающий только грудь. Иногда он доходил до талии, на спине завязывался ленточками; в средние века нарядное канчали украшали искусной вышивкой, до сих пор канчали носят в Бихаре (см.: Dasgupta, с. 288—289).

80

¹ *Нараяна* — здесь как имя Шивы.

² ...чтобы они обменялись благодарующим взглядом — имеется в виду момент в свадебной церемонии, когда жених и невеста впервые видят друг друга (см. примеч. 35.3).

81

¹ *Ваю*, бенг. Баю (Vāyu) — в мифологии индуизма бог ветра. Почему он приходится дедом Анируддхе — неясно.

Камабева — мой свекор — Анируддха в мифологии индуизма сын Прадьюмны, бенг. Проддунно (Pradyumna). Согласно легенде, записанной

в десятой книге *Бхагавата пураны*, Камадева, после того как разгневаный Шива испепелил его (см. примеч. 4.47), родился Прадьюмной.

³ Лакуна в одну строку.

82

¹ *Урваши*, бенг. Урбоши (Urvasī)— прекрасная небесная дева (апсара).
² *Читрарекха* (Citragekhā)— в пуранах Читралекха, ближайшая подружка Уши, колдунья, помогавшая ей соединиться с Анируддой. См. прим 78.1.

83

¹ *Украшенный-цветочной-гирляндой* (Vanamālī)— постоянный эпитет Кришны.

84

¹ *Садашива*, бенг. Шодашиб (Sadāśiva, букв. «всегда благосклонный») — одно из имен Шивы.

² *Гадж*, бенг. годж (gaja)— мера длины, два локтя, около 90 см.

³ *Создатель дня* (Divākara)— постоянный эпитет бога Солнца.

⁴ *Норошинго* (narasiṅha)— нож особой формы.

⁵ *Отрезала [она] себе груди...*— здесь нашел отражение обычай, бытовавший в древней и средневековой Индии. Некоторые средневековые санскритские тексты, для того чтобы отвести гнев божества и приобрести его благорасположение, рекомендовали кончать жизнь самоубийством, голодая или отрезая от себя куски тела. Подробно см.: Smith, с. 124—125.

⁶ Вестники Ямы в мифологии индуизма приводят души умерших на суд к Яме.

⁷ *Харишчандра*, бенг. Хоришчондро (Harīścandra)— царь из солнечной династии, славившийся своей праведностью и милосердием. Но однажды он оскорбил святого подвижника Вишвамитру, за что и был наказан. Он потерял семью, царство и все свои богатства и был продан в услужение к чапдалу (каста неприкасаемых). В течение года Харишчандра жил на месте, где сжигают трупы, воровал одежду у мертвецов, сам превратился в презираемого всеми неприкасаемого.

85

¹ ..не забирает царь Яма... тех, кто умирает в Бенаресе.— Смерть в Бенаресе (Каши), священном городе для индусов (см. примеч. 3.3), особенно в водах Ганги, считается очистительным актом и способствует обретению душой умершего рая или мукти (Капе, т. 4, с 215—216, 272—278).

² *Кайласа*, бенг. Койлаш (Kailāsa)— в индуистской мифологии серебряная гора, обитель Шивы; считается, что она находится в Гималаях.

³ Лакуна в тексте в одну строку.

86

¹ ..с четырнадцатью Ямами — имеется в виду четырнадцать воплощений Ямы; далее приводятся имена лишь двенадцати Ям.

² ...привязав на шею кувшин [с песком] — т. е. покончить жизнь утопившись. В средневековой Индии самоубийцы, чтобы скорее пойти ко дну, вешали на шею кувшины с водой или песком (Ward, с. 331).

³ *Сын Солнца* — постоянный эпитет Ямы.

87

¹ В тексте лакуна в одну строку.

² *Ом* (om, aum) — в индуизме и буддизме священное восклицание, которое произносится при совершении различных религиозных церемоний. Оно имеет мистическое значение, которое в разных текстах толкуется по-разному. Так, согласно упанишадам, созерцание знака «ом» заменяет изучение Вед, и оно является символом божественного абсолюта — брахмана (Чхандогья упанишад. Пер. с санскр., предисл. и коммент. А. Я. Сыркина. М., 1965, с. 145). Народным сознанием оно воспринималось как заклинание, мантра.

88

¹ *Буйвол* — животное, на котором ездит Яма.

² *Держатель чакры* — здесь скорее всего Вишну (см. примеч. 1.1).

³ *Вайтарани*, бенг. Бойторони (Vaitarani) — в индуистской мифологии название реки, которая окружает царство Ямы.

89

¹ *Джам* — это название объединяет несколько разновидностей вечнозеленых плодовых деревьев, одно из которых *Eugenia jambolana*.

93

¹ В голове... сверкал драгоценный камень. — В Индии существует поверье, что самые дорогие драгоценные камни образуются в змеиных головах.

² *Пол* (pala) — мера веса для драгоценных металлов, равная 4 толам (tolā); 1 тола равна ≈ 12 г.

³ *Маша* (māśā) — мера веса, около 1 г.

⁴ *Царь змей* — эпитет Васуки и Ананты. Ср. данный фрагмент с песней 79.

⁵ *Стрела Полумесяц* (Ardhasandra) — особый вид стрелы, с острием в виде полумесяца.

⁶ *Пурандара* — здесь Индра. См. примеч. 1.5

⁷ *Каладанда*, бенг. Калодондо (Kāladanda, букв. «палица смерти») — оружие Ямы, здесь же название смертоносной стрелы.

⁸ ...воплощения Вишну (в тексте Visnu aśā, букв. «часть Вишну») — имеются в виду земные воплощения Вишну (аватары). Их число в разных пуранах колеблется от 8 до 22 (Бхагавата пурана). Основных аватар десять. Подробно см.: Капе, т. 2, с. 720.

94

¹ *Отец Ямы* — бог Солнца (Сурья).

² *Нилакантха*, бенг. Нилоконтхо (Nilakantha, букв. «Синешей») — одно из имен Шивы. Это имя связано с мифом о пахтании океана (см. песню 45 и примеч. к ней).

¹ *Санака*, бенг. *Шонок* (Sanaka) — в мифологии индуизма один из четырех сыновей Брахмы, родившихся из его желания населить землю существами, один из семи риши (см. примеч. 1.6).

Песня сложена пояром.

¹ *..облачилась Шокаи в джуговое сари* — Здесь, вероятно, имеется в виду народный бенгальский обычай, не зафиксированный в дхармашастрах, — дарение женщине, ждущей ребенка, новой одежды.

² *..а сам не зарабатывает..* — В других вариантах сказания о Моноше дана не столь «бытовая» мотивировка путешествия Чандо. В поэме Бипродаша (возможно, конец XV в.) Моноша, приняв облик Шивы, является купцу во сне и приказывает ему отправиться в морское путешествие. В поэме Бишну Пала (первая половина XVIII в.) Чандо пускается в плавание, чтобы уничтожить город Моноши (см.: Smith, с. 90). У Джогддживона (XVII в.) купец уезжает потому, что не может обрести душевного покоя после убийства богиней шестерых его сыновей (*Джогддживон. Моношамонгол*. Калькутта, 1960, с. 120).

³ *..в морской город на юге* — в других поэмах о Моноше он часто идентифицируется как Цейлон (см.: Smith с. 192, примеч. 1 к гл. 6).

¹ *Шаловая древесина* — дерево шал (сал) — *Shorea Robusta*.

¹ *..поклитилась [она] богам* — имеются в виду обряды, которые совершались в средневековой Бенгалии перед выходом кораблей в море.

¹ *Картик* (kartika) — седьмой месяц бенгальского календаря, соответствует октябрю-ноябрю.

² *Пхальгун* (phālguna) — одиннадцатый месяц бенгальского календаря, соответствует февралю-марту.

³ *Бхагиратхи*, бенг. Бхагиротхи (Bhāgīrathī) — см. примеч. 1.12; так же называется один из рукавов Ганги в ее дельте.

⁴ *Ума* (Umā) — одно из имен, причем самое древнее, супруги Шивы.

⁵ *Малши* (mālsi ← mālaśrī) — название раги, музыкальной вариации, сделанной на основе определенной раги (см. примеч. 2.4).

¹ Песня сложена пояром.

² *«Мангала»*, бенг. «Монгола» (Maṅgalā, букв. «благодаряющая»). — В песне 123 этот корабль носит название «Джаямангала» (Jayamaṅgalā); Мангала и Джаямангала — имена супруги Шивы.

³ *Срикола* (Śrīklā) — название бенгальского селения, где в средние века проводились большие ярмарки.

⁴ ...плыл корабль «Стопы Ганги». — Корабля с таким названием нет в песне 123, где также перечислены четырнадцать кораблей Чандо. «Стопы Ганги» будет пятнадцатым кораблем. В других списках в этом месте иная строка: «Корабль [этот] — пристанище Ганги, пристанище Бхагиратхи» (см.: ПП, с. 241).

⁵ «Лебединоголовый». — Название корабля возможно, связано с тем, что на его носу была нарисована голова лебедя. См.: Mookherji R. K. Indian Shipping. Delhi, 1962, с. 158. Подобное можно предположить и относительно других кораблей купца Чандо.

⁶ «Светлогельный» (Gauṅāṅga) — корабль назван, вероятно, в честь Вишну, это его постоянный эпитет.

⁷ *Бео* (beo ← yuāma) — древнеиндийская мера длины, около 1,8 м.

⁸ *Калика* (Kālikā) — одно из имен супруги Шивы в грозной ипостаси.

⁹ *Гангури* (Gāṅguri) — возможно, имеется в виду деревня Гангурия в Западном Дарджилинге (район Боншихари). В этой деревне с незапамятных времен существует ежегодное поклонение Моноше в последний день срабона в среде неприкасаемых (каста хари). — Ray A. K. Пошчимбонгер пуджа-парбон о мела. Т. 1. Калькутта, 1969, с. 130.

¹⁰ ...рекой богини Моноши — здесь имеется в виду река Падма, юго-восточный рукав Ганги.

¹¹ *Шветаганга*, бенг. Шеторганга (Śvetagaṅgā) — название части реки Ганги после впадения в нее Ямуны (Джамны).

¹² *Корнопхули* (Karnaphuli) — река, протекающая в области Читтогонга (совр. Бангладеш).

¹³ *Нармада* (Narmadā) — река, протекающая на севере Декана

¹⁴ *Годавари*, бенг. Годабори (Godāvarī) — река, берущая начало в Западных Гатах и впадающая в Бенгальский залив, считается священной рекой (см.: Капе, т. 4, с. 707—711).

¹⁵ *Мандакина*, бенг. Мондакини (Mandākīnī) — в мифологии индуизма название той части Ганги, что течет в мире богов, на небе, а также название рукава Ганги, протекающего по долине Кедаранатха в Гималаях.

¹⁶ *Бадра*, бенг. Бходра (Bhadrā) — в мифологии индуизма один из четырех потоков небесной Ганги.

¹⁷ *Сура* (Surā) — возможно, имеется в виду река Ганга, которую называют часто «рекой богов» (Surānadi).

¹⁸ ...женятся... на вдовых тетках — предписания индуизма запрещали вдовам вступать в брак. Таким образом, «восточное царство» рисуется государством, в котором не соблюдаются установления индуизма.

¹⁹ *Кани* (kāni) — особая мера земли в Восточной Бенгалии, равная 5880 квадратных локтей (Х. Бондопадхай, с. 598), или 1/38 га.

²⁰ *Дам* (dāmā) — род военного барабана, по которому били двумя короткими палочками.

¹ ...к берегу Бишшосробы — в тексте Viśvaśravār ghāta, идентифицировать не удалось. Возможно, Бишшосроба — это местное название какой-то речки. В области Барисал (старое название — Бакаргандж) одна и та же река имеет на разных участках своего течения разные названия, что делает невозможным создание реальной картины речной системы этой области (Hunter W. W. A Statistical Account of Bengal. T. 5. Delhi 1973, с. 159, 161).

² Лакуна в одну строку.

102

¹ ...воскурением благовоний, зажженными светильниками — элементы почитания божества в индуизме. См. подробно: Кане, т. 4, с. 729—735, а также примеч. 224.2.

² *Шомаи* — здесь описка. В другом списке — Ронгаи см.: ПП, с. 250. Шомаи — жрец, оставшийся в Чомпоке с Шонокой.

³ ...заметил начальник стражи корабли — здесь имеется в виду, что флотилия купца достигла своего пункта назначения — «морского города на юге».

⁴ ...пристанище Шивы — имеется в виду, что на «Пчеле» имеется изображение Шивы, перед которым отправляют пуджу. Далее Чандо, помня рассказ своего моряка о богатстве «южной страны» (см. конец песни 100), требует золота якобы для подношения Шиве.

⁵ *Роти* (*ratti*) — мера веса для драгоценных металлов, равна весу восьми зерен риса, примерно 1/8 г.

⁶ *Мон*, или *ман* (*mon, man*) — мера веса, ≈ 40 кг.

103

¹ Данный фрагмент представляет собой диалог начальника стражи и купца Чандо.

106

Песня сложена пояром.

¹ *Шомаи* — вероятно, описка, в другом списке — Ронгаи (ПП, с. 254). См. также примеч. 102.2.

² ...чью-то козу съел — при жевании бетеля обильно выделяется слюна, окрашенная в красный цвет. Горожане думают, что это кровь.

³ *Пиплаи* (*Pīralāi*) — фамильное имя бенгальских брахманских родов из Западной Бенгалии.

⁴ *Тула* (*Tulā*) — созвездие Весов.

107

¹ Лакуна в две строки.

111

¹ Лакуна в две строки.

115

¹ Лакуна в две строки.

116

¹ ...продольных ребер — перевод условный; *bāka*, вероятно, от *bāika* — шпангоут (опруга), стрингер (продольное ребро) корабля, лодки.

² ...радовался царь — здесь, вероятно, описка. В другом списке — Чандо (см.: ПП, с. 269).

³ *Кхичори* (khiçari) — блюдо из риса и бобовых с добавлением разных пряностей.

117

¹ Лакуна в две строки.

119

¹ *Дойя* (daiyā), или *доху* (dahu) — дерево *Artocarpus Lakoocha*; его терпкие плоды едят сырыми и употребляют для приготовления острой приправы.

² *Амра* (āmṛā) — дерево *Spondias mangifera*. Его желтые с тонкой кожурой плоды размером с куриное яйцо отличаются кислым вкусом и большей частью маринуются.

³ *Чалига* (cālīṭā) — вечнозеленое тропическое дерево *Dillenia indica*; его крупные зеленые плоды по вкусу напоминают незрелые яблоки.

⁴ *Шрипхала* — см. примеч. 4.22. Плоды у шрипхалы довольно большие, сферической формы, с твердой оболочкой, их мякоть обладает вяжущим и слабительным свойствами. Их едят с молоком и сахаром.

⁵ *Шарики* — в тексте *barai* (*bari*), готовятся из гороховой, фасолевой или другой муки. Замешивается крутое тесто на воде, из которого лепятся шарики или лепешки, их высушивают на солнце, благодаря чему они могут долго храниться и служат полуфабрикатами для приготовления различных блюд.

⁶ *Мандара* (māndāra) — общее название для двух видов деревьев: коралловое дерево *Erythrina indica* и дерево шимул (*śumūla*) — *Salmalia malabarica*. Здесь скорее всего имеется в виду последнее. Огромные темно-красные мясистые цветы шимула употребляются в пищу.

¹ *Шотхи* (śaṭhi) — *Curcuma zeodaria*, разновидность куркумы, используется в индийской медицине.

121

Песня сложена пояром.

¹ ...[подношения] же Чандо сознут на моей джате — т. е. они принимают Шивой, доходят до него.

² Лакуна в одну строку.

122

¹ Вторая стража ночи длится с 9 часов вечера до 12 часов ночи.

² Лакуна в одну строку.

123

Песня сложена пояром.

¹ *Повелитель-трех-состояний* (*Tridaśer nātha*) — одно из имен Шивы; три состояния — рождение, жизнь и смерть.

² *Калинди* (*Kālinḍi*) — река, впадающая в Гангу.

³ ...отведав чужих объедков — членам высших каст предписывались особые правила принятия пищи, нарушение которых грозило ритуальным

227

осквернением и даже изгнанием из касты. Так, им надлежало есть пищу, приготовленную только членами их касты. Даже взгляд человека низшей касты, брошенный на еду, осквернял ее.

124

¹ Песня сложена пояром.

125

¹ *Пон* (pāṇa)— мера счета каури (см. примеч. 12.7) в средневековой Бенгалии, которая может равняться 64, 72, 80 и 96 каури.

² *Обряд очищения* (śuddhi) — обряд очищения (омовение, жертвоприношение и пр.) совершается в случае контакта индуса с нечистыми предметами. Подробно см.: Кане, т. 1, с. 267—269.

126

¹ Песня сложена пояром.

² *Желанная зелень*...— здесь имеется в виду народный бенгальский обычай, когда женщину, находящуюся в преддверии родов, кормят едой, которая в это время наиболее ей желанна.

³ *Тхенотхени* (thenatheni)— род съедобной зелени, идентифицировать не удалось.

⁴ *Гима* (gimā) — *Erythraea goxburghii*, вид острой на вкус зелени.

⁵ *Гангорал* (gāṅgaraiyā)— род съедобной зелени.

⁶ *Модхулога* (madhulatā, букв. «сладкая лиана») — вид солодки (лакричника).

⁷ *Дхолкомоли* (dholakamali)— вьющееся растение *Iromsea grandiflora*.

⁸ *Дхулуя* (dhuluyā), *лотия* (latīya) — съедобная зелень, идентифицировать не удалось.

127

¹ *Муг* (muga)— *Phaseolus radiatus*, вид фасоли, широко распространенный в Бенгалии.

² *Шукуга* (sukutā)— блюдо из тушеных овощей в остром соусе.

³ *Гороховые шарики* — делаются из гороховой муки. См. примеч. 119.5.

⁴ *Джжинга* (jhiṅgā)— *Luffa acutangula*, род огурца.

⁵ *Хинго*, или *хингу* (hiṅga, hiṅgu)— растение асафетида, сгущенный и высушенный сок которого употребляется как специя и лекарственное средство.

⁶ *Шоул* (śaola, śaula)— рыба *Ophiocephalus striatus*.

⁷ *Ченго* (cenga)— вид мелкой речной рыбы темного цвета. Любопытно, что эта рыба, так же как и лягушки, считались запрещенной едой для индуистов. (Smith, с. 185, примеч. 36). Вероятно, сказание о Моноше родилось не в индустской среде.

⁸ *Дхаин* (dhaina)— вид сома.

⁹ *Кои* (kaī)— вид мелкой рыбы.

¹⁰ *Пиполияшоул* (pīpoliyāśaula) — разновидность рыбы шоул (см. примеч. 127.6), отличающаяся большим размером.

¹¹ *...рыбок нали...*— в тексте *nāli matsya*; что это за рыба, узнать не удалось. *Nāli* означает «тростник», возможно, это какая-то рыба, обитающая в тростниковых зарослях.

¹ Лакуна в две строки.

¹ *Лакшмана*, бенг. Локкхон (Lakṣmaṇa)— в мифологии индуизма младший брат героя Рамы.

¹ *Теур*, или *теора* (teuga, teoga) — музыкальный инструмент.

² *Кара* (kāgā)— род барабана, который на шнуре вешался на плечо; по нему били левой ладонью и тростниковой палочкой, которую держали в правой руке.

³ Лакуна в две строки.

¹ *На шестой день поклонялись Шостхи всю ночь...*— Здесь имеется в виду народный обычай, когда один из членов семьи бодрствует всю ночь и молится Шостхи, обычно повторяя ее имя. Это делается с целью не допустить злых духов к поворожденному (Кане, т. 2, с. 237). О том, как этот обряд совершается в наши дни, см. ББЛ, с. 272.

² *Шастры*, бенг. шастро (śāstra)— древние и средневековые священные книги индуизма, включающие Веды, пураны и различные трактаты. Здесь имеются в виду дхармашастры.

³ *На седьмой день... сотворили обряд исхода роженицы из родильных покоев.*— В период родов и некоторое время после них женщина считается нечистой, поэтому ей отводят отдельное помещение. Выход роженицы из этого помещения сопровождался особым очистительным обрядом, но обычно это происходило после девятой ночи со дня родов, т. е. на десятый день. См.: Кане, т. 4, с. 274—276.

⁴ *Нандимукха*, бенг. нандимукхо (nāndimukha), или *нандишраддха*, бенг. нандисраддхо (nāndīśrāddha)— поминальное жертвоприношение в честь усопших предков. Нандимукха совершается в связи с рождением детей, свадьбой, переездом в новый дом и т. п. (подробнее см.: Кане, т. 2, с. 256—259).

⁵ *Вручение мела* (hāte khari)— обряд, сопровождающий начало обучения мальчика.

⁶ Прокалывание ушей для серег в древней и средневековой Индии сопровождалось специальным обрядом; отец прокалывал у мальчика сначала правое, затем левое ухо, у девочки сначала левое, затем правое ухо, при этом читалась особая мантра из *Ригведы* (см.: Кане, т. 2, с. 254—255).

¹ Песня написана преимущественно пояром.

² *Ракшаса*, бенг. раккхошо (rākṣasa)— в мифологии индуизма разновидность демонов-титанов, противников богов; здесь злые духи-людоеды, обитающие вблизи мест, где сжигают трупы.

³ Сначала подала...— судя по контексту, это монолог кухарки старосты.

⁴ *Кати*, или *катхи* (kāṭī, kāṭhī)— определенная емкость, мерка для верновых, в разных районах Бенгалии разная.

⁵ Третья ночная стража длится с 12 до 3 часов ночи.

135

¹ Песня сложена пояром.

² *Десятирукая* (Daśabhuja)— эпитет супруги Шивы.

136

¹ *Гаджендра*, бенг. Годжендро (Gajendra, букв. «Индра слонов») — одно из имен Айраваты.

137

Песня сложена пояром.

¹ *Шахе*, *Шаха* (Sāhe ← Sāha ← sādhu)— название бенгальской купеческой подкасты, а также фамильное имя купцов в Бенгалии и Бихаре.

² *Линга Шивы* (Śivaliṅga)— фаллос, обожествленный в индуизме символ творческого начала, энергии бога Шивы; скульптурные изображения линги стоят в храмах и местах поклонения Шиве.

³ Вторая стража дня длится с 9 до 12 часов дня.

⁴ *Пурваvasу*, бенг. Пурбобошу (Pūrvavasu ← Pūrvvāsāgha) — восемнадцатая или, по другим источникам, двадцатая лунная стоянка и зодиакальное созвездие в индийской астрономии.

138

¹ Песня сложена пояром.

² *Нос красотой посрамил цветок кунжута* — сравнение носа с цветком кунжута было постоянным еще в древнеиндийской литературе; изогнутый цветок кунжута напоминает орлиный нос.

140

¹ Песня сложена пояром.

² *Медный поднос, сосуд для святой воды, треножник для раковины* — здесь перечислены предметы, употребляемые во время богочитания: на подносе раскладывают жертвенную еду, водой совершают ритуальные возлияния, в раковину трубят.

142

¹ *Раковину и синдур нашла Беула в воде* — раковина, по мнению У. Л. Смита, здесь символ возрождения (Smith, с. 193, примеч. 13 к гл. 7); синдуром (см. примеч. 31.2) могут краситься лишь замужние женщины, но не вдовы. Извлекая эти предметы из воды, Беула как бы го-

ворит, что не собирается быть вдовой и что проклятие старой брахманки не имеет над ней силы.

² ...высушенный на солнце рис и топленое масло — это продукты, которые используются индусами для жертвоприношений и подношения богам. Здесь Моноша намекает на свой божественный статус.

³ Мукаи (Mukāi) — сокращение от имени Мукундо. В средние века брахманы-астрологи занимали в бенгальском брахманском сословии низшее положение. Бенгальская упанурана (т. е. малая пурана) *Брихаддхарма пурана* (вторая половина XIII в.) дает мифологическое объяснение этому. Астрологией стали заниматься потомки Ганаки, чьим отцом был брахман, а матерью — женщина из касты вайшьев (Назга, с. 436—444).

143

¹ Данный фрагмент написан размером, близким к пояру.

144

¹ *Гоур, Гаур* (Gaura) — древнее название Бенгалии, иногда так называется только центральная часть Бенгалии.

² *Ашвини*, бенг. Опшвини (Aśvinī) — первая лунная стоянка и зодиакальное созвездие в индийской астрономии.

³ *Десять планет* (pava graha) — в индийской астрологии это Луна, Соянце, Марс (Мангала), Меркурий (Будха), Юпитер (Брихаспати), Венера (Шукра), Сатурн (Шани) и мифические планеты Раху и Кету (см. примеч. 10.5).

⁴ *Хаста*, бенг. Хоста (Hastā) — тринадцатая лунная стоянка и зодиакальное созвездие в индийской астрономии.

⁵ *Шани*, бенг. Шони (Śani) — планета Сатурн.

⁶ *Бойшахх* (baiśākha) — первый месяц бенгальского календаря, соответствует апрелю — маю.

145

¹ Песня сложена пояром.

146

¹ Песня сложена пояром.

148

¹ Песня сложена пояром.

152

¹ *Бридхишраддха*, бенг. бридхисраддхо (vrdhishrāddha) — другое название для нандимукхи (см. примеч. 131.4 и Б. Гхош-Чоудхури, с. 57).

² *Божественные матери* (Mātrkā) — в мифологии индуизма выступают божественными женскими воплощениями энергии различных богов (шакти). Число их в разных санскритских источниках колеблется от семи-восьми до шестнадцати и более. Некоторые дхармамастры предписывают поклонение им перед свадебным ритуалом (см.: Kane, т. 2, с. 215—218). Подношение Божественным матерям, состоящее из одеяний, красной краски, травы дурвы, творага и т. п., разложенных на банановых или других листьях, совершалось перед сосудом с водой (Б. Гхош-Чоудхури, с. 55—57).

³ *Морттоман* (marttamāna) — *Musa paradisiaca*, сорт наиболее вкусных бананов.

154

¹ Песня сложена пояром.

² *Гила* (gilā ← ghāitaghila) — дерево, плоды которого бенгальские женщины используют для очищения тела, возможно, это разновидность *Artocarpus integra*.

156

¹ ...зубами прикусила палец и т. д. — здесь перечислены магические действия, долженствующие отвести дурной глаз и напасти.

157

¹ *Хари* (hāri) — название касты неприкасаемых, представители которой занимаются всякого рода грязной работой, например уборкой мусора.

² *Кулин* (kulīna, букв. «родовитый»). — К жуликам в Бенгалии относятся самые древние брахманские роды, по преданию ведущие свое происхождение от божественных мудрецов (деварииши).

³ *Бхата*, бенг. бхат (bhāta) — название профессиональной касты, объединяющей придворных певцов.

⁴ *Саньяси*, бенг. шоннаши (sannyāsī) — аскет, отшельник.

⁵ *Кахана*, бенг. кахон (kāhana) — число, равное 1280.

158

¹ Песня сложена пояром.

² *Парвати* — здесь как имя Моноши или описка. В другом списке — Падмавати (III, с. 371).

159

¹ *Торговец благовониями* (gandhavanika) — представитель одной из двух главных купеческих каст в Бенгалии, занимавшей в средние века после брахманов высокое общественное положение. Подробно см.: Smith, в 94—97.

162

¹ .. сказание о том, как появились бетелевые орешки. — Источник легенды о происхождении арековой пальмы найти не удалось. Скорее всего это народная восточнобенгальская легенда, где Кришна выступает культурным героем, давшим людям имбирь, бетелевые орешки и куркуму.

² *Бали*, бенг. Боли (Bali) — царь демонов-титанов (дайтьев), владыка паталы.

³ *Сын Деваки* — постоянный эпитет Кришны.

⁴ Лакуна в две строки.

163

¹ ..тетки и сестры [невесты] впряглись в плуг и т. д. — Здесь и далее описываются народные обряды, относящиеся к имитативной магии (термин Дж. Дж. Фрезера); их совершают над женихом и невестой женщины, чьи мужья и сыновья живы (присутствие вдов и бездетных женщин на предсвадебных и свадебной церемониях исключалось). Эти обряды были призваны сделать брак долговечным и многодетным (имелись в виду

сыновья). Поэтому в этих обрядах используются банановая пальма (символ плодородия), ее плоды и листья.

⁴ *Коровьим навозом, смешанным с глиной, обмазали место...*— В индуизме коровий навоз считается священным, обладающим очистительной силой и используется в ритуале.

⁵ *Посадили с четырех сторон банановые пальмы.*— Здесь имеется в виду особый предсвадебный обряд. Во дворе дома невесты (жениха) четырьмя банановыми ветками отгораживают место, в середине которого ставят камень. На него сажают невесту (жениха) и обливают водой (Б. Гхош-Чоудхури, с. 62). Цель обряда — испрашивание потомства.

164

¹ Лакуна в две строки.

166

Песня сложена лачари.

167

¹ *Бхеур* (bheura) — род флейты.

168

¹ *Праджапати*, бенг. Проджапати (Prajāpati, букв. «Повелитель существ») — здесь эпитет Брахмы.

² *Павана*, бенг. Побон (Pavana, букв. «ветер») — одно из имен Ваю; лань — животное, на котором он ездит.

³ *Повелитель богатств* (Dhanesvara) — постоянный эпитет Куберы.

⁴ *Повелитель богов* (Surapati) — эпитет Индры.

169

Песня сложена пояром.

170

¹ Лакуна в одну строку.

² Лакуна в две строки.

172

¹ Лакуна в две строки.

174

¹ *...обменялись Локхави и Була цветочными гирляндами* — обязательный элемент свадебной церемонии, следующий за ритуалом «благодарного взгляда» (см. примеч. 35.3; Б. Гхош-Чоудхури, с. 76—77).

² Лакуна в две строки.

175

¹ *Али* (Ahi, букв. «змея») — иногда так в мифологии индуизма называют демона Раху (см. примеч. 10.5), а в *Ригведе* — демона Вритру, убитого Индрой.

176

¹ Песня сложена пояром.

² *Продену серьги в уши, возьму бамбуковый посох.* — Серьги и бамбуковый посох — атрибуты членов аскетической, йогической секты натхов, которые обычно ведут странствующий образ жизни.

178

¹ *Возложу на тебя вину за убийство жены.* — Эта угроза Беулы связана с архаическим верованием, что дух человека, вынужденного покончить жизнь самоубийством, будет преследовать своего обидчика. См.: Smith, с. 124—125.

² *Опустеет дом... золотой сосуд Локхал* — здесь дом и сосуд — иносказание, принятое у йогов, для тела.

179

¹ Лакуна в две строки.

180

¹ *Гуру* — здесь брахманы-жрецы.

181

¹ Имеется в виду важный момент в брачном ритуале — каньядана, бенг. конпадап (kaṇyādāna, букв. «отдавание дочери»), когда отец невесты наказывает жениху быть верным своей супруге «в дхарме, артхе и каме» (Капе, т. 2, с. 533).

² *...связали одежды [новобрачных]* — это заключительный момент в брачной церемонии, который символизирует нерасторжимость брачных уз (Капе, т. 2, с. 537).

182

¹ Лакуна в две строки.

183

¹ [*Подала*] сырую рисовую пасту и сухой порошок куркумы — назначение ритуала установить не удалось.

² *Жалобно запричитала Шумитра.* — То, что новобрачные уезжают сразу после свадьбы в дом мужа, является нарушением обычая, по которому они должны провести первую ночь в доме невесты (Б. Гхош-Чоудхури, с. 89).

184

Песня сложена пояром.

185

¹ Песня сложена пояром.

² *Ниспослал на меня всевышний беду!* — возможно, здесь имеется в виду нарушение обычая. В Северной Индии, например, новобрачной в первые дни жизни в доме мужа, до совершения специального ритуала в благоприятный день, не позволяется готовить пищу (Crooke W. The Popular Religion and Folklore of Northern India. Vol. 1. New Delhi, 1978, с. 292).

³ *Нельзя, господин!* — новобрачным позволялось вступать в близкие отношения лишь на четвертую ночь после свадьбы (Б. Гхон-Чоудхури, с. 96).

189

¹ *...кормила молоком и бананами...* — имеются в виду обычные жертвенные подношения змеям.

² Лакуна в две строки.

192

· Песня сложена пояром.

194

¹ Песня сложена пояром.

² Браслеты из ракушек дозволялось носить только замужним женщинам.

196

¹ Песня сложена пояром.

197

¹ *...в доме с прошлой ночи [лежит] покойник* — по предписаниям индуизма не только покойника, но даже умирающего не разрешалось оставлять в доме (НВ, т. 1, с. 638).

² Вторая [дневная] стража длится с 9 до 12 часов дня.

³ *Рам (gāra)* — вид редких в Бенгалии банановых пальм, чьи плоды отличаются большим размером и сладостью.

198

⁵ *Канкана*, бенг. конкон (kaṅkana) — браслет, который носили между плечом и локтем, ближе к локтю.

199

¹ *Дхарма* — здесь Яма.

201

¹ Песня сложена пояром.

202

¹ *Года* (Godā) — означает «больной слоновой болезнью».

203

¹ Песня сложена пояром.

² *Пангаш* (pāṅgasa) — большая рыба без чешуи.

³ *Бури* (bugi) — денежная единица, равная 20 каури.

⁴ «...отказывается он от еды и воды — имеется в виду архаический обычай голодать накануне охоты или рыбной ловли, чтобы сделать их успешными.

204

¹ *Амаравати*, бенг. Омоработи (Amarāvati) — обитель бога Индры, сказочно богатый город, где дворцы из золота украшены самоцветами.

205

¹ Лакуна в две строки.

206

¹ *Махакала*, бенг. Мохакал (Mahākāla, букв. «великая смерть») — имя Шивы в грозной разрушительной ипостаси. Здесь же это второе имя его приближенного Нанди.

207

¹ *Ведь* [ты] породнилась с Чандо и [мне теперь] как внучка — перевод условный (см.: ПП, с. 484).

208

¹ *Накинув на голову край сари...* — жест горя и смирения.

209

¹ Песня сложена пояром.

210

¹ «...пусть [Беуме] обреют голову — бривание головы в Индии издревле было знаком позора (Капе, т. 3, с. 396).

¹ ...я женщина нечистая...— по установлениям индуизма родные покойника в течение определенного времени считаются нечистыми и неприкасаемыми (Капе, т. 4, с. 269—292).

¹ Труп, спустя шесть месяцев...— существует народное бенгальское поверье, что шесть месяцев — крайний срок, когда душа погибшего от змеиного яда сохраняется в теле (Smith, с. 116).

Песня сложена пояром. Она относится к известному с древности в индийской литературе фольклорному жанру — «барамаси» (bāramāsi, букв. «двенадцатимесячная песня»). Песни «барамаси», строясь по единой «календарной» схеме, передавали различное содержание. Это могло быть по месяцам описание полевых работ, религиозных праздников, страданий в разлуке с любимым и т. д. Более подробно см.: *Vaudeville Ch. Bārahmāsā. Les chansons des douze mois dans les littératures indo-aryennes. Pondichery, 1965; Zbavitel D. The Baromasi in Bengali Literature.— Arhiv Orientální. Praha. 1961, № 29.*

¹ Джойшгхо (jyaistha) — второй месяц бенгальского календаря, соответствует маю — июню.

² Ашарх (āśārha) — третий месяц бенгальского календаря, соответствует июню — июлю.

³ Бхадро (bhādra) — пятый месяц бенгальского календаря, соответствует августу — сентябрю.

⁴ Ашшин (āśvina) — шестой месяц бенгальского календаря, соответствует сентябрю — октябрю.

⁵ Десятирукая (Daśabhujā) — постоянный эпитет супруги Шивы, которая в своих грозных ипостасях, погубительницы демонов (Дурга, Чанди и т. п.), изображается с десятью руками, в которых она держит десять боевых оружий (Х. Бхоттачарджо, т. 3, с. 193—194). Ежегодно в месяце ашшин в Бенгалии отмечается самый большой и многодневный праздник в честь Дурги и разных ее ипостасей (Дургапуджа). Ежедневно устраиваются разные церемонии и делаются приношения перед глиняным или соломенным изображением богини. Особенно важными считались ритуалы, которые совершались на седьмой, девятый и десятый день новолуния. В последний (десятый) день праздника изображение богини бросалось в воду (Назга, с. 221—272).

⁶ Агран (agrāna) — восьмой месяц бенгальского календаря, соответствует ноябрю — декабрю.

⁷ Отседав водицы от замоченного риса, умерли шесть сыновей Чандо — в песне 70 рассказывается, что они умерли, выпив отравленного Моношей молока.

⁸ Поуш (pausa) — девятый месяц бенгальского календаря, соответствует декабрю — январю.

⁹ Магх (māgha) — десятый месяц бенгальского календаря, соответствует январю — февралю.

Песня сложена пояром.

¹ Калакута, бенг. калокут (kālākūta) — название яда, который исторг

змеи Васуки при пахтании богами Молочного океана и который был вынит Шивой. См. песни 41—43, где дан один из бенгальских вариантов этого древнего мифа и где Моноша становится главным действующим лицом.

² ...яд [рекою] Калинди, [как это было поведено] ранее в главном сказании — перевод условный. В другом списке вместо Калинди — Калакута (см.: III, с. 506); «главное сказание» — имеется в виду первая книга *Махабхараты*, где рассказано о пахтании богами Молочного океана ради амриты и о яде Калакуте.

216

¹ Лакуна в две строки.

217

¹ *Хануман*, бенг. Хонуман (Hanumāna) — персонаж *Рамаяны*, советник царя обезьян. В бенгальских МК он часто играет роль сказочного помощника.

220

¹ Лакуна в две строки.

221

¹ *Мукаи* — здесь явная описка. Раньше в поэме Мукаи упоминался как астролог, сделавший гороскоп перед свадьбой⁴ Беулы и Локхаи (см. песни 142—143). Жреца же, отправившегося с Чандо в морское путешествие и погибшего с флотилией, звали Ронгаи. В другом списке — Ронгаи (см. III, с. 529).

222

¹ Песня сложена пояром.

224

¹ *Мукаи* — здесь явная описка, в другом списке — Ронгаи (см.: III, с. 533).

² *Шестнадцать способов поклонения божеству* (soṣaṣa upasāga) — Церемония почитания божества состоит из тех же шестнадцати элементов, что и обряд гостеприимства, принятия гостя: приглашение, предложение сесть, подношение воды для омовения ног и рук, для полоскания рта, омовение, подношение цветов, воскурение благовоний и т. д. Подробно см.: Капе, т. 4, с. 729—735.

225

Песня сложена пояром.

¹ *Испытание топленным маслом и золотом* — разновидность древнеиндийского «божьего суда». В раскаленное масло бросали золото, испытуемый должен был вынуть его, не обжегшись (Dasgupta, с. 1).

² ...построим лаковый домик — «божий суд» с помощью лакового или воскового домика не зафиксирован в древних санскритских памятниках. Описание его мы находим в бенгальских МК (см.: ЧМ, ч. II, с. 186—187). Обвиняемого помещали в подобный домик и поджигали его (Dasgupta, с. 1—2).

³ ..испытание — то, которому Рама подверг Сигу. — Сята, чтобы доказать свою невинность и чистоту, вошла в пылающий костер и осталась невредимой.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

Агни, бенг. Огни (Agni, букв «огонь») — в ведийской и индуистской мифологии бог огня, домашнего очага, считается зачинателем обряда *хо-мы* — жертвоприношения огню, посредником между богами и людьми.

Айравата, бенг. Ойработ, Эйработ (Aigāvata, букв. «восставший из вод») — божественный слон-хранитель Востока, боевой слон Индры.

Ананта, бенг. Ононто (Ananta, букв. «бесконечный») — в индуистской мифологии одно из имен тысячеголового змея Шешы, поддерживающего землю, на нем спит бог Вишну в интервалах между творениями Вселенной; сын святого подвижника Кашьяпы и его жены Кадру, в III он сын Моноши и Джараткару.

Анируддха, бенг. Онируддхо (Aniruddha) — внук Кришны и супруг Уши.

Астика, бенг. Астик (Astika) — святой подвижник (муни), в III сын Джараткару и Моноши, спасший змея от полного уничтожения их царем Джанамеджаем.

Ашвиникумары, бенг. Ошшиникумар (Asvinikumāga, букв. «сыновья кобылы») — в ведийской и индуистской мифологии братья-близнецы, божественные врачеватели и спасители, помогающие в беде.

Бана, бенг. Бан (Bāna) — демон-исполин, отец Уши.

Брахма, бенг. Бромма (Brahmā) — бог-творец, член божественной триады в индуизме, олицетворяющей три функции божественного абсолюта: творение Вселенной — Брахма, сохранение ее — Вишну и ее разрушение — Шива.

Брахмани, бенг. Броммани (Brahmāṇi) — в бенгальских поэмах о Моноше одно из ее имен.

Бхагавати, бенг. Бхогоботи (Bhagavati, букв. «благодатная») — одно из имен супруги Шивы.

Бхоланатха (Bholānātha) — одно из имен бога Шивы.

Варуна, бенг. Борун (Varuṇa) — в мифологии индуизма бог вод, хранитель Запада.

Васуки, бенг. Башуки (Vāsuki) — в индуистской мифологии царь змей, сын Кашьяпы и Кадру, брат Ананты, в III он сын Моноши и Джараткару.

Виджая, бенг. Биджоя (Vijayā, букв. «победоносная») — имя одной из Божественных матерей, олицетворяющих в средневековом индуизме женскую энергию (шакти). Иногда Виджая считается одним из многочисленных воплощений богини Чанди. В бенгальских эпических поэмах она приближенная, советчица Чанди.

Вишвакарма, бенг. Вишшокорма (Viśvakarmā, букв. «создатель всего») — в индуистской мифологии божественный покровитель ремесел мастер, изготавливающий для богов оружие, украшения, возводящий для них города и дворцы.

Вишну, бенг. **Вишну** (Viṣṇu)— бог-хранитель Вселенной, второй член божественной триады (Брахма, Вишну и Шива). В средневековой вишнуитской литературе выступает высшей божественной силой, соединяющей в себе не только функцию сохранения Вселенной, но и функции сотворения и разрушения ее.

Ганга, бенг. **Гонга** (Gaṅgā)— богиня, персонификация священной для индусов реки Ганги (Ганг). Согласно *Рамаяне* Вальмики (1.35.14) и некоторым пуранам, она супруга Шивы.

Гаруда, бенг. **Горуд** (Garuda)— повелитель птиц, изображается существом с головой и крыльями орла, с туловищем и ногами человека, возит на себе Вишну; смертельный враг змей.

Гаури, бенг. **Гоури** (Gaurī, букв. «сияющая, светлая»)— одно из имен супруги Шивы в ипостаси Парвати.

Говинда, бенг. **Гобиндо** (Govinda, букв. «пастырь»)— одно из имен Кришны.

Гопал (Gopāla, букв. «пастух»)— одно из имен Кришны.

Джараткару, бенг. **Джороткару** (Jaratkāru)— святой подвижник, молчальник (муни), в III супруг Моноши.

Джая, бенг. **Джоя** (Jāyā, букв. «победительница»)— одна из Божественных матерей, олицетворяющих в средневековом индуизме женскую энергию (шакти), часто считается одним из воплощений богини Чанди. В бенгальских эпических поэмах приближенная, советчица Чанди.

Дурга (Durgā)— одна из ипостасей супруги Шивы. Существует два традиционных в индуизме толкования этого имени; «устранительница несчастий» и «убийца [демона] Дурги».

Дхарма, **Дхармараджа**, бенг. **Дхормо**, **Дхорморадж** (Dharma, Dharmarāja, букв. «закон», «повелитель закона»)— олицетворение нравственного закона, добродетельного поведения, в средневековом индуизме отождествляется с Ямой, в Бенгалии иногда с Шивой.

Индра, бенг. **Идро** (Indra)— бог-громовержец, повелитель молний, высокочтимый в ведической мифологии, в послеведическое время он уступил главенство Брахме, Вишну и Шиве, но остался номинальным повелителем богов и неба.

Кама, **Камадева**, бенг. **Кам**, **Камодеб** (Kāma, букв. «любовь, желание, страсть»; Kamadeva, букв. «бог любви»)— бог любви, изображается прекрасным юношей, вооруженным луком из сахарного тростника с тетивой из пчел и с пятью цветочными стрелами.

Карттикея, бенг. **Карттик** (Kārttikeya, букв. «сын Криттик», т. е. шести звезд из созвездия Плеяд)— предводитель воинства богов, бог войны.

Кашьяпа, бенг. **Кошпоп** (Kāśyapa)— святой подвижник, ведический поэт-мудрец, считается прародителем птиц и змей.

Кришна (Kṛṣṇa, букв. «темно-синий, черный»)— одно из главных воплощений на земле (аватара) Вишну, согласно *Бхагавата пуране* (1.328), Кришна не просто аватара, а тождествен самому Вишну.

Кубера, бенг. **Кубер** (Kubera)— бог богатства, божество-хранитель Севера.

Лакшми, бенг. **Локхи** (Lakṣmī)— богиня красоты, богатства и счастья, супруга Вишну. Изображается прекрасной женщиной, восседающей на лотосе и держащей лотос в руке.

Мадапа, бенг. **Модон** (Madana, букв. «опьяняющий»)— одно из имен Камы.

Махамайя, бенг. **Мохамайя** (Mahāmāyā, букв. «великая майя, наваждение»)— одно из имен супруги Шивы.

Махешвара, бенг. **Мохешпор** (Maheśvara, букв. «великий повелитель»)— одно из имен Шивы.

Нанди, бенг. Нонди (Nandī, букв. «счастливый, радостный») — слуга и приближенный Шивы, часто изображается в виде белого быка, который возит Шиву на себе. В III Виджоя Гупто бык и Нанди — два разных персонажа (см. песню 3).

Нарада, бенг. Народ (Nārada) — божественный мудрец, в пуранах и бенгальских МК играет роль вестника богов и посредника между ними.

Нараяна, бенг. Нарайон (Nārāyaṇa) — одно из имен Вишну, в бенгальских шиваитских текстах иногда имя Шивы.

Парвати, бенг. Парботи (Pārvatī, букв. «горная») — одно из имен супруги Шивы в ипостаси дочери гор Хималая.

Рама, бенг. Рам (Rāma) — седьмое воплощение на земле (аватара) Вишну, герой древнеиндийского эпоса *Рамаянь*.

Рати, бенг. Роти (Ratī, букв. «любовь, страсть») — супруга Камы.

Сарасвати, бенг. Шорашоти (Sarasvatī) — богиня речи и мудрости, покровительница словесности, искусства и наук. Согласно некоторым пуранам, она супруга Брахмы (Матсьяпурана 4.23—24), в *Махабхарате* она его дочь (12.122.25).

Такшак, бенг. Токкхок (Taksaka) — царь змей, живущий в подземном царстве — патале, сын Кашьяпы и Кадру. В III сын Моноши и Джаратарку.

Уша (Usā) — прекрасная дочь Баны, жена Аннруддхи.

Хара, бенг. Хор (Naga, букв. «уносящий, разрушающий») — одно из имен Шивы.

Хари, бенг. Хори (Hari) — одно из имен Вишну; в вишнуйской традиции толкуется двояко: «уносящий [грехи поклоняющихся]» или «унесший [сердца всех]».

Харихара, бенг. Хорихор (Harihara) — единый божественный образ Вишну (Хари) и Шивы (Хара), в иконографии изображается четырехруким божеством, одна половина которого Вишну, другая — Шивы.

Хуташана, бенг. Хуташон (Hutaśana, букв. «пожиратель жертв») — одно из имен Агни.

Чанди, бенг. Чонди (Candī, букв. «яростная, устрашающая») — грозная ипостась супруги Шивы.

Чандика, бенг. Чондика (Candīcā) — одно из имен супруги Шивы.

Чандра, бенг. Чондро (Candra, букв. «месяц») — одно из имен божества Луны.

Читрагупта, бенг. Читрогупто (Citragupta) — в мифологии индуизма приближенный бога Ямы, ведущий записи добрых и дурных поступков смертных.

Шамана, бенг. Шомон (Śamana, букв. «успокаивающий») — одно из имен Ямы.

Шанкара, бенг. Шонкор (Saṅkara, «благодарующий») — одно из имен Шивы.

Шачи, бенг. Шочи (Śacī) — супруга Индры.

Шива, бенг. Шиб (Śiva, букв. «дарующий благо») — бог — разрушитель Вселенной; в шиваитской литературе отождествляется с божественным абсолютom; исполняет и две другие функции (созидания и сохранения Вселенной).

Юдхистхира, бенг. Юдхиштхир (Yudhisthira) — один из главных героев *Махабхараты*, старший из Пандавов, царь, почитается воплощением закона и справедливости.

Яма, бенг. Джом (Yama) — бог смерти, судия умерших; он подводит итог добрых и дурных дел умершего и посылает его в определенную часть царства мертвых, он же определяет форму последующего рождения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ББЛ — Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма. Пер. с чешского. М., 1969.
- О. Бондопадхай — *Ошигкумар Бондопадхай*. Бангла шахиттер итибрито. Т. 2. Калькутта, 1966.
- Х. Бондопадхай — *Хоричорон Бондопадхай*. Бонгий шобдокош. Т. 1—2. Дели, 1966—1967.
- А. Бхотгачарджо — *Ашугош Бхотгачарджо*. Бангла монголкаббер итихаш. 3-е изд. Калькутта, 1970.
- Х. Бхотгачарджо — *Хоншионараян Бхотгачарджо*. Хиндудер дебдеби. Уддхоб о кромбикаш. 2-е изд. Т. 1—3. Калькутта, 1982—1986.
- Б. Гхош-Чоудхури — *Биджойбхушон Гхош-Чоудхури*. Ашам о бонгодеиер бибахо-поддхоти. 3-е изд. [Б. м.], 1937.
- Законы Ману — *Законы Ману*. Пер. С. Д. Эльмановича. Проверено и исправлено Г. Ф. Ильиным. М., 1960.
- Калика пурана — *Калика пуранам*. Шонскрито о бонганубад. Шомпадок: Панчанон Торкоротно. Калькутта, 1909.
- Мхб. — *Махабхарата*. Пер. с санскрита и коммент. В. И. Кальянова. Кн. 1. Л., 1950.
- Ш. Мукхопадхай — *Шукхмой Мукхопадхай*. Банглар итихашер душе бочхор: шадхин шултанер амол (1338—1538). Калькутта, 1962.
- III — *Биджой Гупто*. Подмауран. Джоентокумар Даншгупто кортрик шомпадито. Калькутта, 1962.
- ЧМ, ч. I — *Мукхундорам Чокроброти Кобиконкон*. Песнь о благодарении Чанди (Чондимонгол). Сказание об охотнике (Акхети упакхан). Пер. с бенгальского, вступ. ст. И. А. Товстых. М., 1980.
- ЧМ, ч. II — *Мукхундорам Чокроброти Кобиконкон*. Чондимонгол. Дхонопоти упакхан Биджонбихари Бхотгачарджо шомпадито. Калькутта, 1966.
- Ш. Шен — *Шукумар Шен*. Бангла шахитер итихаш. 5-е изд. Т. 1. Калькутта, 1970.
- Ш. Шен, предисловие — *Бипродаш Пинилаи*. Моноша биджой. Шукумар Шен шомпадито. Калькутта, 1953.
- Benthall — *Benthall A. P.* The Trees of Calcutta and it's Neighbourhood. Calcutta, 1946
- Clark — *Clark T. W.* Evolution of Hinduism in Medieval Bengali Literature: Śiva Candī, Manasā.— Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. — 1955, vol. XVII, pt. 3.
- Dasgupta — *Dasgupta T. Ch.* Aspects of Bengali Society from Old Bengali Literature. Calcutta, 1935.
- Dimock — *Dimock E. C., Jr.* Manasha — Goddess of Snakes. [Pt. 1]. Reprint. Chicago, 1961.
- Hazra — *Hazra R. Ch.* Studies in the Upapurānas. Vol. 2. Calcutta, 1963.
- HB — *History of Bengal*. Vol. 1—2. Patna, 1971—1973.
- Kane — *Kane P. V.* History of Dharmasāstra. Vol. 1—5. Poona, 1930—1958.
- Mahapatra — *Mahapatra R. K.* The Folk cults of Bengal. Calcutta, 1972.
- Smith — *Smith W. L.* The One-eyed Goddess. A Study of the Manasā maṅgal. Stockholm, 1982.
- Ward — *Ward W.* A View of the History, Literature and Religion of the Hindoos. Vol. 1. Madras, 1822.

УКАЗАТЕЛЬ

- аватара 204, 223, 240, 241
 Агни (Огонь) 92, 125, 204, 239, 241
 Хугагана 92, 93, 95, 158, 241
 Агнимукха, вестник Ямы 95
 Агнимукха, змей 93
 агуру 61, 81, 92, 214
 адживаса 60, 213
 Айравата 25, 41, 53, 99, 121, 157, 194, 211, 230, 239
 Гаджендра 131, 135, 230
 Айрадж 97
 Ала-уд-дин Хусейн-шах 19, 20, 40
 Аллах 72—74
 Александр Македонский 10
 Алиханова Ю. М. 35
 Амаравати 181, 236
 амлоки 61, 103, 148, 214
 амра 117, 227
 амрита 14, 25, 67, 114, 126, 192, 204, 209, 216, 217, 238
 Анапта 98—100, 223
 Аванта см. Вишну
 Анируддха 24, 88—97, 100, 102, 145, 185, 221, 239, 241
 Авонда 155
 апсара 222
 арати 62, 215
 арии, индоарии 10
 Арияла, Аруяла 89, 159, 221
 артха (материальное благополучие, процветание) 234
 асана (поза) 65
 Ассам 9
 Астика 11, 38, 63, 64, 216, 239
 асуры 44, 66, 208
 Атмадевата 147
 Атхарваведа 10
 Ахи 161, 234
 ачамана 50, 102, 210
 Ачола 98
 ашарх 190, 237
 Ашвалайна грихьясутра 10
 Ашвини 139, 231
 Ашвиникумары 38, 91, 239
 ашока 42, 206, 207
 ашшия 190, 237
- багда 17
 Бакаргандж см. Барисал
 Бали 153, 232
 Бама 155
 Бана 90—94, 186, 221, 239, 241
 Бангладеш см. Восточная Бенгалия
 Бангорора 40, 206
 бандули, бандхули 42, 81, 207
 Банкура Рай 18
 баромаси 31, 237
 Барисал, область и город 18, 34, 206, 225
 баури 17
 бел см. шрипхала
 Бенарес 40, 94, 206, 222
 Бенгалия 9, 12, 15, 19, 20, 25, 213—215, 220, 221, 224, 230—232, 235, 237, 240
 Бенгальский залив 24, 225
 бео 105, 121, 225
 Вестелесный см. Кама
 Беула 12, 23—26, 28—30, 39, 127, 133—137, 139—141, 143, 154—156, 158—201, 205, 230, 233, 234, 236, 238
 биби 75, 76, 218
 Бибхасвата 94
 бигхот 75, 218
 Биджайпур 105
 Биджаяногор 151
 Биджой Гупто 8, 9, 11, 12, 14, 16—21, 23—29, 31, 33, 34, 38—40, 42—50, 53—57, 59—63, 66—68, 70, 71, 73—80, 82, 83, 85, 86, 88, 91, 94—98, 101—103, 106, 111—114, 117, 120, 122, 125—128, 130, 132, 135, 136, 138—141, 145, 147—149, 151, 153, 155—160, 162, 163, 165, 166, 168—175, 177—179, 184, 187, 193—196, 198, 201, 205, 241
 Бикот 98
 Викромкешор 115
 Вимола 155
 Вимукхоти 96
 Вина 94

- бинна 59, 212, 213
 Випродаш 224
 Вируни 220
 Вихар 9, 15, 221, 230
 Бишну Пал 224
 бишнуподи 42, 207
 Бишохори см. От-яда-исцелитель-ница
 Бишшосроба 106, 225
 Богиня см. Чанди
 Божественные матери, Богиня-Мать 12, 147, 231, 239, 240
 Божественный повелитель см. Шива
 бойшахк 139, 190, 191, 231
 бок 42, 206
 бокул 42, 207
 Боллобха 155
 Бондопаддхай Ошпткумар 18, 21, 34
 Боншихари 225
 Борария 99
 Борода 155
 борон 61, 155, 157, 166, 167, 169, 214
 Борохи 97
 Бошумоти 54
 Брахма 34, 38, 56, 66, 67, 91, 101, 104, 158, 165, 171, 199, 204, 205, 218, 233, 239—241
 Праджapati 157, 233
Брахмавайварга пурана 11, 17
 брахман (божественный абсолют) 223
 брахман, брахманка 17, 61—63, 71, 74, 103, 106, 109, 110, 114, 120, 127, 133, 135, 136, 148—150, 166, 197, 204, 213, 218, 231, 232, 234
 Брахмани см. Моноша
Брихаддхарма пурана 11, 231
 Брихаспати (Юпитер) 231
 Броммо 34
 Будха (Меркурий) 231
 бури 179, 236
 Бхава см. Шива
 Бхавани см. Чанди
Бхагавата пурана 219, 221—223, 240
 Бхагавати см. Чанди
 Бхагалпур 216
 Бхагиратха 53, 205
 Бхагиратхи 38, 104, 119, 205, 224, 225
 Бхадра 105, 225
 бхадра 16, 190, 237
 бхакти 20
 бхалли 42, 208
 Бханумоти 155
 Бхаратварша 205
 бхата 150, 232
 бхеур 157, 233
 Бхобани 155
 Бхогавати 211
 Бхогиратхи 104
 Бхойра 96
 Бхолонатха см. Шива
 бхонита 17, 18, 20
 Бхотгачарджо Ашутш 12, 23
 бхумичампа 42, 207
 бхуты 45, 57, 65, 96, 209, 213
 Ваджракала 95
 вайдья 18, 40, 57, 63, 75, 77, 95, 97, 101, 109, 113, 139, 141, 151
 Вайтарани 96, 223
 вайшья 204, 231
 Вальмики 26, 240
 Варуна 158, 199, 204, 239
 Варуни см. Сура
 Васиштха 58
 Васуки 11, 43, 64, 67, 98, 99, 208, 215, 216, 223, 238, 239
 Васукра 212
 Васумаги 43, 208
 Васусагра 58, 212
 вахана 187, 205, 217
 Ваю 90, 204, 221, 233
 Павана 157, 233
 Веды 40, 72, 166, 229
 Великая мать см. Ганга
 Великий бог см. Шива
 Великий владыка см. Шива
 Веприца см. Чанди
 Вепрь см. Вишну
 Вечноблагосклонный см. Шива
 Вивечака 95
 Виджая, Божественная мать 147, 239
 Виджая, наперсница Чанди 52, 54, 68, 91
 видьядхари 25, 43, 47, 86, 87, 137, 140, 141, 155, 157, 208
 Вишвакарма 60, 61, 165, 175, 206, 239
 Вишвамित्रа 58, 212, 222
 Вишну 20, 66—68, 95, 101, 104, 171, 199, 204, 207, 212, 217, 223, 225, 239—241
 Ананта 204, 216, 239
 Вепрь 204
 Держатель палицы 57, 212
 Держатель чакры 96, 223
 Нараяна 66—68, 82, 83, 127, 135, 145, 158, 160, 165, 244
 Хари 20, 38, 40, 55, 68, 83, 106, 135, 145, 147, 158, 163, 166, 193, 241
 Вишну пурана 221
 Владыка мира см. Шива
 Владыка созидания см. Шива

Владыка тварей см. Шива
 Владыка-трех-миров см. Шива
 Владычица мира см. Чанди
 Восточная Бенгалия 8, 9, 15, 18, 20,
 215, 219, 225
 Враг-трех-городов см. Шива
 вридхипраддха см. надимукха
 Вритра 10, 234
 гадж 92, 143, 144, 147, 222
 Гаджендра см. Айравата
 Гамбхур 89, 100, 159
 Ганака 231
 Ганга, богиня 38, 52, 53, 84, 85, 104,
 119—122, 194, 205, 210, 211,
 222, 225, 240
 Великая мать 124
 Джахнави 52, 210
 Ганга, река 51, 52, 55, 104—106,
 120, 121, 130, 150, 157, 175,
 179, 181, 186, 190, 192, 194—
 197, 205, 206, 210, 211, 216,
 224, 225, 227, 243
 Джахнави 93
 гангорая 125, 228
 Гангури 105, 225
 Гангурия 225
 гандхарва 43, 60, 66, 87, 157, 208
 Ганеша 91, 204, 211
 Одноклыкостый 54, 211
 Повелитель ганов 38, 55, 60, 66,
 68, 69, 157, 204, 217
 ганы 38, 55, 60, 66, 68, 157, 204,
 217
 гарори 22
 Гаруда 38, 45, 64, 101, 105, 121,
 157, 165, 240
 Гаур см. Гоур
 Гаури см. Чанди
 Гаутама 58
 гила 148, 232
 гима 125, 228
 Гималаи 38, 211, 216, 222, 225
 Говинда см. Кришна
 Гогра 206
 Года 26, 178, 179, 195, 236
 Годавари 105, 225
 Гойла 18, 33
 голрадж 42, 207
 Гомати 64, 216
 Гомбхир, Гомбхур 100, 159
 Гонгодхор 154
 гондхорадж 42, 207
 Гонтир 89
 Гопал см. Кришна
 гора Восхода 38, 205
 гора Захода 38, 205
 Горгор 18, 40
 Гоур, Гаур 139, 231

Гоури 41
 гулачи 42, 207
 Гуревич А. Я. 27
 гуру 38, 57, 166, 168, 204, 205,
 212, 234
 гхагхара 60, 213
 Гхонтешпор 18, 40
 Гхош-Чоудхури Биджойбхушон 215
 Даймок Э. С. 9
 дайтья 232
 дакини 40, 57, 64, 166, 192, 206
 Дакша 94
 дама 106, 225
 дамару, дамвару 47, 57, 127, 209
 данда 65, 149, 153, 168, 174, 216
 Дашгупто Джоёнтокумар 34, 204
 Дашгупто Паримохон 20, 33, 34
 Девака 153, 232
 девариши 232
 Девасена 147
Девибхагавата пурана 11, 17
 Декан 225
 Держатель палицы см. Вишну
 Держатель трезубца см. Шива
 Держатель чакры см. Вишну
 Держатель чакры см. Шива
 Десятирукая см. Чанди
 Джагатгаури см. Моноша
 джаи, джати 42, 207
 Джалал-уд-дин Фоте-шах 20
 Джалу 20, 30, 39, 84—87, 90, 143,
 190
 джам 96, 223
 Джамвадипа 205
 Джаммуботи 155
 Джамна см. Ямуна
 Джанамеджая 11, 216, 239
 Джараткару 11, 21, 58—60, 62, 213,
 215, 239—241
 джата 47, 70, 119, 121, 209, 227
 Джахнави см. Ганга
 Джакху 53, 210
 Джая, Божественная мать 147, 240
 Джая, наперсница Чанди 52, 54,
 68, 91, 240
 Джая, шурия Ямы 96
 Джаямангала см. Чанди
 «Джаямангала» 121, 224
 Джиб 131
 Джогаи 124
 Джогддживон 224
 жоёнто, жоёнти 42, 208
 Жоёнто 181
 жойштво 190, 237
 жоолпхой, жоолпаи 78, 219
 Джорджори 96
 Джоша 155
 джути 42, 206

- джжикота 42, 208
 джжинга 125, 228
 джрго чхондо 33, 74, 78, 82
 дойя 117, 227
 дом, каста 17 41, 48, 150, 192, 209
 домини 46—51, 196, 209
 Донтомора 96
 дробон 42, 207
 Дулаи 118
 дулал 42, 207, 208
 Дулал 76
 дундубхи 43, 158, 208
 дурва 63, 72, 147—149, 166, 214, 215, 231
 Дурга, демон 240
 Дурга см. Чанди
 Дургануджа (праздник Дурги) 237
 дхаи 42, 207
 дхаин 125, 228
 дхак 72, 106, 127, 151, 218
 Дхаму 93, 94, 98, 119, 120, 162, 163, 169
 Дханай 117
 Дханвантари 22, 67, 192, 217
 дхарма 53, 56, 62, 72, 117, 128, 146, 171, 174, 175, 211, 234
 Дхарма см. Шива
 Дхарма, Дхармараджа см. Яма
 Дхармадхарма 94
 дхармашастры 215, 218, 224, 229, 231
 Дхобол 64, 65, 105, 192, 216
 дхол 72, 106, 127, 149, 157, 167, 218
 Дхола 98
 дхолкомоли 125, 228
 Дхона 77, 105, 107, 111—113, 115—117, 120, 121, 132, 190
 Дхона, сборщик налога 179, 180
 Дхоннотори см. Шонку
 Дхоноджой 200
 Дхонопоти, купец 23, 24
 Дхонопоти, сын Неты 182, 183, 185
 Дхормо 8, 27
 дхоти 140, 141, 147, 148, 150, 180
 Дхрити 147
 дхулуя 125, 228
- Единосуций бог см. Шива
- закливание Кали (Калики) 168, 183, 170
 Западная Бенгалия 15, 16, 226
 Западные Гаты 208, 225
 Западный Дарджилинг 225
 Зла погубительница см. Моноша
- Изначальная богиня см. Моноша
- Индийский полуостров, субконтинент 9, 24
 Индия 10, 12, 14, 16, 205, 207—210, 215, 219, 220, 222, 223, 236
 Индра 10, 38, 43, 67, 92, 158, 165, 201, 204, 211, 216, 223, 230, 233, 234, 236, 239—241
 Повелитель богов 157, 233
 Пурандара 38, 100, 204, 223
 Ихла 98
 ишермул 81, 219
- йог 148, 150, 234
 йогини 40, 57, 111, 151, 166, 192, 206
 йоджана 64, 98, 161, 216
- кадамба 42, 208
 Каджоли 99
 Кадру 13, 38, 204, 205, 216, 239, 241
 Кази, Неро Кази 72—76, 218
 Кайласа 94, 222
 Какандахута 94
 Кала см. Яма
 Каладанда 100, 223
 Калакута 197, 237
 Калантака 94
 Кали, гора 98
 Кали, змея 24, 89, 159, 169—173, 189, 221
 Калика см. Чанди
 Калика пурана 206, 211
 Калинди 121, 192, 227, 238
 кама (любовь) 234
 Кама, Камадева 40, 58, 59, 78—91, 156, 157, 206, 212, 221, 222, 240, 241
 Бестелесый 42, 208
 Мадана 25, 44, 52, 142, 149, 156, 192, 240
 Пятистрельный 58, 212
 Камаджену 65, 156, 216
 Камала см. Лакшми
 Камарупа 19
 Канаи см. Кришна
 Канданиша 96
 кани 106, 225
 канкана 175, 235
 канчали 89, 159, 164, 165, 221
 канчон 42, 207
 капьядана 234
 Капила 58, 205
 кара 106, 127, 229
 Карката 98, 99, 216
 карма 24, 27, 55, 72, 121, 132, 183, 188, 189, 213
 карттик 104, 190, 224

- Карттикея, Карттик 32, 49, 54, 55, 60, 68, 82, 91, 145, 157, 185, 187, 208, 210, 216, 217, 221, 243
 Шестиликий 66, 68, 216
 кати, катхи 128, 230
 каури 47, 48, 80, 123, 175, 179, 210, 228, 236
 Каустабха 217
 кахана 150, 232
 Качола 98
 Каши 40, 41, 43, 70, 94, 206, 222
 Кашьяпа 11, 13, 21, 38, 137, 204, 216, 239—241
 Кедарнатха 225
 кейя, кеоя-кетак 42, 154, 176, 206
 Кейпер Ф. Б. Я. 13
 Кету 209, 231
 Кларк Т. У. 23
 кои 125, 228
 Комола 155
 Комола, жена Шонку 80, 81, 83, 84, 190
 Копила 98
 Коран 73, 75
 Корнопхул 99
 Корнопхули 105, 225
 костури 42, 207
 Кривая см. Моноша
 Криттибаш 211
 Криттики 243
 Кришна 20, 21, 153, 220—222, 232, 239, 240
 Говинда 38, 40, 157, 163, 240
 Госал 163, 177, 240
 Канаи 86, 220
 Украшенный-цветочной-гирляндой 91, 222
 кришночура 42, 207
 Кубера 60, 61, 137, 158, 199, 204, 233, 240
 Повелитель богатств 157, 233
 Куладевата 147
 кулин 150, 232
 Кулира 216
 Кулирок 99
 Курувака 89, 159
 кутуджо 42, 207
 куша 42, 59, 62, 71, 81, 182, 207, 215
 Кхадуя 107, 118
 кхару 46, 61, 209
 Кхечори 96
 кхичори 116, 227
 Кхулна 18
 Кшама 147
 кшатрий 204
 Лакшмана 126, 229
 Лакшми 12, 15, 38, 67, 87, 104, 146, 157, 219, 240
 Камала 82, 219
 лачари 8, 28, 33, 42—46, 48, 49, 55—57, 59—61, 63, 65, 67, 68, 71, 73—75, 77—79, 82, 83, 85—91, 93—98, 101, 103, 104, 106, 108—117, 120, 122, 124, 126—128, 130, 134—136, 138, 140, 141, 145, 147—149, 151—153, 155, 157—161, 163, 165, 166, 168, 170—173, 175, 177, 178, 182, 186—189, 193, 195—198, 211, 216, 219, 233
 линга 133, 230
 Лихачев Д. С. 27
 Локхал, Локхиндор, Локхиндро, Локхипоти 13, 23—26, 28, 29, 39, 88, 118, 126, 127, 130, 132, 133, 137—139, 141—149, 151, 152, 154—176, 181, 182, 185, 186, 188, 189, 191—198, 200, 205, 233, 234, 238
 Лод 96
 Лорд А. Б. 32
 лотия 125, 228
 Лочахори 96
 магх 191, 237
 Мадана см. Кама
 мадхоби 42, 206
 Мадхоби 155
 мадхупарка 62, 155, 214
 майя 243
 макара 38, 150, 205
 «Макара» 104, 121
 Малайские горы 208
 малати 42, 166, 206
 Малоти 155
 Малу 85—87, 190
 Малпи 104, 224
 ман см. мон
 Манаса 11
 Манача 12
 Мангала, шури Ямы 96
 Мангала см. Чанди
 «Мангала» 104, 224
 Мангала (Марс) 231
 Мандакини 105, 225
 мандара 117, 216, 227
 Мандара 67, 216
 Маникопур 105
 маптра 10, 57, 63, 66, 146, 183, 191, 192, 211, 214
 Марица 58, 212
 Маричи 212
 Маркандея гурана 204
 Матсьякала 26, 98

- Мать мира см. Моноша
 Мать мира см. Чанди
 Мать Такшаки см. Моноша
Махабхарата 11, 205, 211, 213, 215—
 217, 238, 241
 Махакала см. Нанди
 Махамайя см. Чанди
 Махападма 99, 216
 Махеша см. Шива
 Махешвара см. Шива
 Махешвари см. Сура
 маша 99, 223
 Медха 147, 155
 модху 59, 213
 модхулота 125, 228
 мол 61, 214
 Молочный океан, Молочная река
 21, 38, 66, 68, 101, 192, 205, 238
 мон, ман 108, 178, 179, 226
 Мона 179, 180
 Монгол 155, 160
 монголцаббо (МК) 8, 9, 12, 15, 19,
 21—25, 27, 28, 30, 31, 205, 211,
 216, 238, 239, 241
 Монджори 97
 Монором 155
 Моноша 8, 9, 11—19, 21—28, 30,
 34, 38—40, 43—45, 49, 51, 54,
 56—58, 61—63, 66, 69, 71, 72,
 74—85, 87—90, 92, 94—97,
 99—102, 105, 107—109, 113,
 119, 122, 123, 130, 132, 135—
 137, 139, 141—143, 145, 146,
 151, 153, 156—159, 161—163,
 165, 166, 170, 171, 173, 176,
 178—186, 189—194, 196, 199,
 200, 205, 211, 212, 215—220,
 224, 225, 228, 231, 232, 237,
 238, 239—241
 Брахмани 14, 70, 82, 98, 100,
 119, 120, 239
 Джагатгаури 14, 38, 63, 133,
 135, 146, 194, 199
 Зла погубительница 100
 Изначальная богиня 199
 Кривая (Одноглазая) 13, 79, 81,
 82, 95, 96, 99, 100, 107, 108,
 118, 120, 127, 131, 132, 143,
 164, 191, 200
 Мать мира 14, 43, 54, 199, 208
 Мать Такшаки 54, 119, 211
 От-яда-исцелительница 13, 29, 38,
 43, 44, 58, 63, 66, 67, 69—72,
 74—76, 79—81, 83, 85, 86—89,
 92, 93, 99, 101, 102, 118—120,
 122, 123, 126, 127, 129, 133,
 136, 143—146, 158, 161—165,
 169, 181, 183, 184, 187, 191,
 194, 196, 197, 199, 200,
 220
 Падма, Падмавати 12—16, 18, 20,
 22, 24, 26, 30, 32, 34, 38, 39,
 43—45, 47, 48, 50—64, 66—
 72, 75—102, 104, 106—108,
 111—114, 116, 118—124, 126—
 131, 133, 134, 136, 138, 141—
 147, 149, 155, 157—161, 163—
 166, 168—173, 176, 177, 180—
 195, 197—201, 232
 Парвати 151, 232
 Победоносная 14, 70, 82, 98,
 100, 119, 196
 Прародительница мира 200
 Хранительница/Держательница
 яда 13
 мортман 147, 231
 Мохакал 100, 159
 Мохакали 98
 мошур (горох) 117
 мриданга 57, 72, 127, 149, 151, 157,
 185, 186, 193, 212
 муг 125, 228
 Мукаи, Мукувдо 137—139, 197, 198,
 231, 239
 мукти 44, 209, 222
 Муктошар 133—135, 153
 Мукундорам Чокроборги Рубиконков
 9, 18, 24, 25, 215
 Мукхонадхай Шукхомой 20
 Муладанти 96
 мулла 72, 73
 Мунда 204
 муни 242, 243
 Мухаммед 218
 Мушан 113
 вага 10, 11, 13, 43, 45, 63, 208,
 219
 нагесвара 42, 206, 207
 нагини 43
 нагпончоми 16
 наёк 18, 19, 43, 46—48, 50, 56, 200
 найведья 72, 87, 108, 218
 вали 125, 228
 Нанди 41, 57, 58, 60, 61, 185—187,
 209, 241
 Махакала 185—187, 236
 нандимукха, нандишраддха, врид-
 хишраддха 127, 147, 148, 229,
 231
 Нарада 40, 41, 43, 55, 58, 59, 68,
 91, 96, 101, 102, 138, 139, 241
 нарака 53, 211
 Нараяна см. Вишну
 Нараяна см. Шива
 Нармада 105, 225
 натх 234

- Неро Кази см. Кази
 Нета 22, 23, 70, 75, 77—81, 83, 84, 88, 92, 97, 100, 118, 119, 121—123, 129, 131, 133, 138, 141, 144, 158, 159, 162—165, 169, 170, 176, 177, 181—185, 191, 192, 217
 Нидработи 71, 218
 Нила 98
 Нилаботи, служанка Моноши 183
 Нилаботи, Нила, невестка Шахе 155, 156
 Нилакантка см. Шива
 Ниламбор 137
 нилоконтхо 42, 208
 Нилоя 95
 Нирттака 94
 Нисинду 96
 Нитья 23
 Нишумбха 204
 Нондо 131
 нондодулал 42, 208
 ворошинхо 92, 164, 222
 Ноукош 69
 нупура 41, 61, 87, 89, 206
- огран 190, 237
 оджа 83, 219, 220
 Одноглазая см. Кривая
 Одноклыкастый см. Ганеша
 ом 96, 223
 опораджито 42, 207
 Орисса 15
 От-яда-исцелительница см. Моноша
 отоши 42, 207
- Павана 94
 Павана см. Ваю
 Падма, река 225
 Падма, змей 99, 216
 Падма, Падмавати см. Моноша
 пайела, пияла 78, 219
 пала 9
 палаша 42, 207
 Панахара 95
 пангаш 179, 236
 Пандавы (сыновья Панду) 244
 Панду, змей 89, 98, 99, 159
 панчали 40
 Парашара 58
 Парашурама 211
 Парвати см. Моноша
 Парвати см. Чанди
 париджата 67, 149, 216
 Парикшит 216
 Паруя 119
 патала 10, 43, 44, 59, 67, 98, 105, 121, 205, 211, 232, 241
 патан 73, 218
- паты 219
 паполи, пашули 61, 99, 214
 Пицлаи 110, 226
 пополияшоул 125, 228
 Пихла 98
 пишача 57, 65, 128, 212
 Победоносная см. Моноша
 Повелитель богатств см. Кубера
 Повелитель богов см. Индра
 Повелитель богов см. Шива
 Повелитель бхутов см. Шива
 Повелитель ганов см. Ганеша
 Повелитель Каши см. Шива
 Повелитель мира см. Шива
 Повелитель скота см. Шива
 Повелитель тварей см. Шива
 Повелитель-трех-миров см. Шива
 Повелитель-трех-состояний см. Шива
 Подмаботи 34
 Подмапуран (ПП) 8, 14—17, 19, 21—25, 205, 221, 239—241
 пол 99, 223
 пон 29, 123, 148, 179, 228
 поуш 190, 237
 пояр 28, 32, 33, 39, 43—51, 53, 55, 56, 59—64, 66—68, 71, 74—76, 78, 80, 82, 83, 86, 88—91, 94—98, 101, 103, 106, 111, 113, 114, 116, 117, 122, 125—128, 130, 135, 136, 138, 141, 145, 148, 149, 151, 153, 155, 157, 159, 160, 164, 166, 167, 169—175, 178, 179, 182, 187—189, 191, 193, 196, 198, 204—206, 210, 212, 214—221, 224, 226—238
- прадакшина 215
 Праджанати см. Брахма
 Прадьюмна 221, 222
 Прародительница мира см. Моноша
 Пробха 155
 пуджа 17, 39, 70, 72, 76, 77, 84, 87, 88, 90, 92, 102, 104, 105, 107, 108, 118, 120, 122, 125, 130, 131, 135, 184, 186, 190, 191, 197—200, 205, 218, 226
- Пурандара см. Индра
 пураны 8, 21, 26, 205, 206, 209, 211, 216, 217, 222, 223, 229, 241
- Пурвавасу 133, 230
 пурохита 220
 Пушти 147
 пхальгун 104, 191, 224
 Пхони 93
 Пхуллосри 18, 40, 175
 Пэрри М. 32
 Пятистрельный см. Кама
 пага 8, 39, 78, 155, 160, 205

- рагини 224
 Радха 155, 156
 Рай Пуроби 35
 ракшаса 128, 188, 229
 рам 175, 235
 Рама 20, 21, 40, 54, 63, 66, 70, 75, 86, 106, 126, 142, 147, 193, 195, 201, 212, 229, 239, 241
 Рамаяна 26, 211, 212, 216, 217, 238, 240, 241
 рампхол 78, 219
 Ратхи 52, 58, 192, 241
 Раху 45, 209, 231, 234
 Ригведа 10, 221, 229, 234
 риши 31, 69, 101, 204, 209, 224
 Ришьяшринга 58
 Ровгав 108—111, 117, 120, 132, 198, 226, 238
 роти 108, 226
 Роти, Рои 155, 156
 Роти, кормилица Шоноки 130, 131
 Рохини 155
 Рохини, супруга бога Чандры 43
 Рудра 212
 Рукмини, Руи 31, 155, 156
 Руни 150
 Рукаи 156
 рукия 111, 117, 165, 184, 186

 Савитри 147
 Сагара 205
 Садашива см. Шива
 самадхи 65, 216
 Санака 101, 224
 сансара (мир перерождений, земная жизнь) 93
 саньяси 150, 232
 Сарасвати 13, 15, 38, 104, 157, 204, 241
 Сараю 30, 40, 41, 46—48, 58, 70, 206
 сари 88, 103, 136, 169, 171, 187, 196, 217, 224, 236
 сати 27, 217
 Сатьянанда 58, 212
 Свадха 147
 Сварнамукха 95
 сваха 10
 Сваха 147
 Северная Индия 213, 235
 Северный Бихар 19
 Северо-Западная Индия 10
 Сетубандха 24
 Синду 96
 синдур 22, 23, 60, 79, 89, 99, 136, 157, 178, 196, 213, 230
 Синдурия 89, 99, 121, 221
 Сита 201, 238
 Смит У. Л. 17, 21, 23, 33, 230

 Создатель дня см. Сурья
 срабон 16, 19, 190, 205, 225
 Средний Восток 16
 Срикола 104, 121, 129, 130, 225
 срипхол см. шрипхала
 Срихат, район и город 179, 219
 Сувадана 94
 Сумеру 25, 58, 146, 212, 216
 Супруга Бхавы см. Чанди
 Сура, богиня 217
 Варуни 217
 Махешвари 67, 217
 Сура, река 105, 225
 Сурья 204, 206, 223
 Создатель дня 92, 104, 118, 157, 158, 199, 222
 Солнце 101, 204
 Сучимукха 95
 Сын Солнца см. Яма

 Такшака 63, 81—83, 89, 98, 119, 147, 159, 168, 211, 216, 241
 тантры 209
 Тара 155
 Тарока 167, 177
 Таропоти 143—147
 Творец см. Шива
 Телингана 149
 Тера 117, 120
 теур, теора 127, 229
 Тингера 19
 тогор 42, 206
 Токаи 72
 тола 99, 223
 Тора 103
 Торола 155
 Трехглазый см. Шива
 триподи 33
 Тула 110, 226
 тулси 42, 62, 72, 74, 207, 215, 218
 тхенотхени 125, 228

 Увенчаный-короной-с-драгоценным-камнем см. Шива
 Увенчаный луной см. Шива
 Уджани 90, 102, 127, 133, 137, 138, 149—152, 156—159, 163, 165—167, 177, 195
 Удойкал 100, 159
 Украшенный-короной-с-месяцем см. Шива
 Украшенный-цветочной-гирляндой см. Кришна
 Ума см. Чанди
 упанишады 223
 упурауны 11, 211, 231
 Урваши 91, 222
 Уроши 98
 Утвол 99

- Уччайшрава 67, 217
 Уша, привратник 112, 113, 241
 Уша, супруга Аншруджи 14, 24, 88—97, 100, 102, 145, 163, 185, 186, 192, 221, 222, 239
 Фотоябад 20, 40, 206
 Фрэвер Дж. Дж. 232

 Хануман 194, 238
 Хаол 96
 Хара см. Шива
 хари 149, 225, 232
 Хари см. Вишну
 Харихара 66, 241
 Харишчандра 93, 95, 222
 Харья 119, 120
 Хасан, Хасон, Хасон Казн 39, 72—74, 76, 149, 218
 Хаста 139, 231
 Хастинапур 216
 хашли 61, 103, 214
 хемтал 219
 хетал 77, 90, 108, 110, 118, 122—124, 129, 142, 170, 190, 196, 197, 199, 218, 219
 Хималай 241
 хинго, хингу 125, 228
 хома 218
 Хори, купец 26, 152, 153
 Хори, сын Шахе 154, 167, 177, 178
 Хори Дотто 39, 205
 Хранители небосклона 38, 104, 204
 Хранительница/Держательница яда см. Моноша
 Хусейн, Хусейн-шах, султан Хусейн см. Ала-уд-дин Хусейн-шах
 Хусон, Хусон Казн, Хосен 39, 72—74, 76, 218
 Хуташана см. Агни

 Цейлон (Шинхол) 23, 24, 224

 чакра 38, 70, 204, 210, 217, 223
 чалита 117, 227
 чампа, чампак 42, 189, 189, 206
 Чамунда см. Чанди
 Чанда 204
 чандал 222
 Чанди 8, 13—15, 18, 21—25, 27, 40—42, 45—48, 50—57, 60, 64—66, 68—70, 104, 121, 149, 159, 160, 167, 185, 186, 199, 204, 210—212, 237, 239—241
 Богиня 38, 41, 42, 46, 47, 49—55, 57, 58, 64—66, 68—70, 101, 133, 140, 142, 161, 192, 204
 Бхавани, Супруга Бхавы 50, 64, 65, 91, 210

 Бхагавати 38, 49, 52, 55, 57, 69, 120, 124, 199, 239
 Веприца 38, 204
 Владычица мира 47, 210
 Гаури 47, 55, 60, 62, 69, 77, 130, 145, 147, 161, 185, 240
 Десятирукая 130, 133, 190, 230, 237
 Джаямангала 224
 Дурга 68, 69, 104, 110, 115, 128, 148, 156, 175, 217, 237, 240
 Калика 105, 168, 170, 225
 Мангала 224
 Мать мира 46, 52, 54
 Махамайя 38, 43, 49, 50, 52, 54, 57, 58, 66, 69, 142, 161, 240
 Парвати 41, 121, 204, 243, 244
 Ума 104, 224
 Чандика 39, 41, 45, 47, 48, 50—52, 54—57, 60, 121, 241
 Чамунда 38, 204
 Чандо, Чондродхор 13—15, 23, 24, 26, 28, 29, 31, 39, 76—79, 84—87, 89, 90, 95, 100, 102—105, 107—113, 115—124, 127—133, 136—154, 157, 158, 160, 161, 163—168, 170, 171, 174, 176, 186, 189—194, 196—201, 220, 224—227, 236—238
 Чандомукхи 96
 Чандра, божество 43, 92, 158, 199, 241
 Чарующий мир см. Шива
 ченго 125, 228
 Чеора 96
 Черный омут 24, 105, 106, 120, 127, 129, 191
 Читрагунта 93—95, 241
 Читралекха 222
 Читрарекха 91, 222
 Читтогонг 225
 Чойгонно (Чайтанья) 20
 чойтро 117, 179, 191, 213
 Чомпок, Чомпокнагор, страна и род 23, 76, 77, 84, 88, 102, 104, 108, 109, 111, 118, 124, 130, 137, 142, 150—152, 161, 162, 164, 167, 170, 172, 173, 186, 188, 190, 193, 194, 196, 198, 201, 226
 Чондиаш 21
 Чондимонгол 9, 18, 24
 чондромоллика 42, 208
 чондромони 42, 208
 Чондропат 100
 Чондрорекха 155
 Чоттограм 19
 Чхора 96
 чхура 88, 221

чуя (благовошие) 148
Чуя 156

Шака, летосчисление 19, 40
шакти 12, 54, 211, 231, 239, 240
шал 103, 181, 182, 224
Шамана см Яма
Шани (Сатурн) 139, 231
Шанкара см Шива
Шанку 89, 159, 221
Шанкха 216
Шапты 147
Шантона 98
Шарода 155
шастры 127, 137, 155, 229
Шатругхна 58, 212
Шахе, Шаха 26, 133, 134, 136—138, 140, 141, 153—155, 157, 160—162, 166—169, 176, 180—184, 187, 189, 190, 194, 195, 230
Шачи 38, 147, 241
Индрави 43
Шветаганга 105, 225
Шекх Саид 73
Шен Кхитимохон 11
Шен Шукумар 13, 14, 20, 23, 33, 35, 218
шенхалика 42, 207
шероти 42, 207
Шестиликий см Карттикея
Шеша 216, 219, 239
Шиб (Шива) 34
Шибани 155
Шива 8, 12—15, 20—22, 24, 30, 34, 39, 40—66, 68—70, 81—83, 86, 89—91, 108, 118—121, 123, 128, 133, 145, 148, 159, 162, 163, 181, 185—188, 189, 191, 192, 201, 204—212, 216, 217, 221—227, 230, 236—238, 239—241
Бог-с чакрой 51, 210
Божественный повелитель 39, 205
Бхава (Вездесущий) 50, 64, 65, 210
Бхоланатха 48, 60, 121, 242
Великий бог 43—45, 47—52, 55—60, 63—66, 69, 70, 89—92, 95, 104, 121 136, 164, 185, 187—189, 192, 194, 201, 208
Великий владыка 57, 61, 62, 69, 90, 104, 122, 186, 199
Вечноблагодосклонный (Садашива) 48, 92, 210, 222
Владыка мира 65, 66, 216
Владыка соиздания 42
Владыка (Повелитель) тварей 67, 119, 217
Владыка-трех-миров 91
Враг-трех-городов 53, 91, 211

Держатель трезубца, Держащий трезубец 41, 43—45, 50, 53, 59, 60, 64, 65, 67, 70, 188, 206

Держатель чакры 70, 217
Дхарма 38, 165, 205, 243
Единосуший бог 69
Махеша 57, 212
Махешвара 42, 44, 77, 105, 240
Нараяна 90, 175, 221, 241
Нилакантха 101, 223
Повелитель богов 60
Повелитель бхутов 209
Повелитель Каши 41, 206
Повелитель мира 55
Повелитель скота 57, 212
Повелитель тварей см Владыка тварей
Повелитель-трех-миров 68, 70, 89, 186
Повелитель-трех-состояний 121, 227
Садашива см. Вечноблагодосклонный
Творец 51
Трехглазый 41—43, 49, 66, 68, 70, 91, 105, 145, 206
Увенчанный-короной-с-драгоценным-камнем 47, 51, 210
Увенчанный луной 51, 210
Украшенный-короной-с-месяцем 68, 217
Хара 38, 41, 50, 51, 57, 66, 67, 77, 130, 158, 161, 165, 241
Чарующий мир 57
Шанкара 53, 55, 157, 241
шидж 16, 17
шикхара 213
Шилимукха 93
шимул 227
Шинхол см Цейлон
Шинхомукко 97
Шоккху 99
Шомаи 85, 87, 103, 107, 109, 120, 127, 133, 137, 148, 154, 155, 174, 220, 226
Шонку, Шонку Рай, Шонку-Дхоннотори 15, 22, 23, 39, 78—84, 138, 145, 190, 219
Шонкхини 99
Шонока, Шоная, Шона 12—15, 25, 26, 28—30, 39, 76—78, 84, 85, 87, 88, 90, 102—104, 123—127, 129—133, 141—143, 148, 149, 162, 167, 173, 174, 176, 190, 191, 193, 194, 196—201, 224, 226
Шононда 155

- Шорола, Шору 31, 155, 156
 Шостхи 13, 102, 127, 229
 Шогн 155
 шотоборго 42
 Шотгобхама 155
 шотхи 117, 227
 шоул 125, 136, 137, 228
 Шопунол 99
 шраддха 130, 147, 148, 213
 Шрикришнокиртон 21
 шрипхала, срипхол, бел 42, 78, 117,
 207, 227
 Шукра (Венера) 231
 шукута 125, 228
 Шумбха 204
 Шумитра 102, 134, 140, 154, 155,
 161, 167, 177, 195, 234
 шурджомони 42, 208
 шурджомукхи 42, 207
 Шучимукха 93
- Шучорита 54
 шьямо 42, 207
- экадоши 218
 элачи 42, 207
- Юдхитхира 96, 153, 241
- якша 44
 Яма 15, 25, 29, 40, 88, 92—102, 107,
 138, 142, 145, 189, 204, 213,
 222, 223, 236, 240, 241
 Дхарма, Дхармараджа 97, 99, 100,
 176, 236, 240
 Кала 25, 98
 Сын Солнца 95, 96, 145, 223
 Шамана 97, 98, 101, 241
 Ямуна Джамна 86, 104, 169, 193,
 220, 225

SUMMARY

The Tale about Padma (Padmā Purāna), a late-15th century poem by Bijay. Gupta, belongs with the maṅgalkavya (MK), the chief medieval Bengali literary genre. These are epic poems with religio-mythological plot; they are Bengali collections of myths about different gods, like Śiva and Dharma, or goddesses, like Candi and Manasā. In the Middle Ages, MK were often narrated at religious festivals.

This poem is dedicated to the goddess of snakes Manasā, whose cult and ritual are very ancient indeed. Evidence of this is found in the *Padmā Purāna*, which constitutes an amalgam of chronologically diverse layers. The myths constituting a cycle of songs about the goddess Manasā were created in different time (some harking back to very remote pre-Hindu epoch) and in different ethnic and social milieu.

The poem projects the more archaic religious views on adept-deity relations, rooted as they are in mythological conscience. The goddess depends on her adepts as much as they do on her. Manasā has to seek reverence from people like shepherds, fishermen, Muslims, merchant Cando, and prove her powers to them. Folklore motifs distinctly underlie plots of various *Padmā Purāna* episodes, as it does in all MK. The relations between goddesses Manasā and Candi are fashioned after the fairy tale paradigm of the malevolent stepmother and her stepdaughter.

The poetic language of the poem is very simple, with many fragments basically "autologous", a style intrinsically metaphorless. These are demonstrably song-catalogues listing now the plants in Candi's gorgeous flower garden, now the plentiful victuals cooked by Śonakā, now the names of women come to bless the groom.

The tropes the poet uses are downright stereotyped, as commonly found in Bengali medieval literature. This exposes the conventional reasoning of medieval Bengali writers who by and large followed the laws of the oral literature. The recurrence of various elements imparts a distinct rhythmic pattern to the poem. In early Bengali MK, repetition was a structural-compositional function deriving from oral narrative technique. "The poetics of the recurrent", as defined by Dmitry Likhachyov, reflects the ideas of life of medieval, essentially traditional agrarian society.

The poem's repetitions are intricately intermingled. They have to do with situation, meaning, sound, and syntax: they now go together and now are spaced far apart, and they are alternately short or long. Whole episodes and songs are repeated nearly word for word. Among the poet's favoured folkloric repetitions are varied parallelisms like the lexical anaphora, symploce and anadiplosis. Another peculiar repetition is that of successive songs or fragments offering two versions of the same episode and, more often than not, differing in their metre (lācāri and payār). This is instanced by the two variants of the lamentation by Lakhāi, fatally stung by a snake and trying to wake up his wife Behulā. Such repetitions derive to the typically folkloric "amboibāis" composition where an epic poem was recounted alternately by two story-tellers, each providing his own version of a theme.

The book offers a complete prose translation of the poem, as presented in: Bijay Gupta. *Padmāpurān*. Edited by Jayantakumar Dasgupta, University of Calcutta, 1962. There are also a commentary and a glossary of mythological names.

Научное издание

**ВИДЖОЙ ГУПТО
СКАЗАНИЕ О ПАДМЕ
(Подмапуран)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР*

Заведующий редакцией *С. С. Цельникер*
Редактор *Н. Г. Михайлова*
Младший редактор *Н. Е. Серегина*
Художник *И. Д. Бритвенко*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. Г. Гуцима*
Корректор *И. И. Чернышева*

ИБ № 16812

Сдано в набор 01.08.90. Подписано к печати 12.11.91. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. п. л. 16,0. Усл. кр.-отг. 16,13. Уч.-изд. л. 16,7. Тираж 10 000 экз. Изд. № 7019. Зак. № 350.
Цена 4 р. 50 к.

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск 77, ул. Станиславского, 25